Юлиус Белох

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Юлиус Белох

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В двух томах

Перевод с немецкого М.О.Гершензона

Третье издание под редакцией и со вступительной статьей Ю.И.Семенова

Том II

КОНЧАЯ АРИСТОТЕЛЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ АЗИИ

Москва
2009

УДК 94 (38)
ББК 63.3 (0) 32
Б 44

Scan By Vitautus

Печатается по изданию: *Белох Ю. История Греции: в 2 т. /Ю.Белох; пер. с нем. М.Гершензона. — Изд. 2-е. — М.; Изд. М. и С.Сабашниковых, 1905.*

Белох Ю.

Б 44 Греческая история: в 2 т. /Юлиус Белох; пер с нем. М.О.Гершензона; Гос. публ. ист. б-ка России. — 3-е изд. /под ред. и со вступ. ст. Ю.И.Семенова. — М., 2009.

ISBN 978-5-85209-213-7
Т.2: Кончая Аристотелем и завоеванием Азии. — 473 с.
ISBN 978-5-85209-215-1

Труд крупнейшего немецкого историка К.Ю.Белоха (1854—1929) „Греческая история“ и сейчас остается самой полной из существующих на русском языке общих историй Греции эпохи архаики и классики (VIII—IV вв. до н.э.). В большинстве общих курсов древнегреческой истории она чаще всего сводится к истории Афин и Спарты. В данной же работе дана история Древней Греции в целом.

Это чуть ли не единственный на русском языке общий курс греческой истории, из которого можно узнать о развитии событий в Милете, Византии, Мегарах, Коринфе, Сикионе, Сиракузах, Акраганте, Беотии, Фессалии, Фокиде, Арголиде, на Керкире, Эвбее, Самосе, Лесбосе и других полисах, областях и островах Греции. Из этого труда можно почерпнуть достаточно подробные сведения о деятельности не только Солона, Писистрата, Клисфена, Перикла, Леонида, Павсания, но и Фрасибула, Поликрата, Кипсела, Феагена, Гелона, Гиерона, обоих Дионисиев, Диона, Тимолеона и многих других выдающихся исторических лиц. К.Ю.Белох одним из первых занялся исследованием не только политической, но и социально-экономической истории Греции, что, однако, не только нисколько не помешало, но, наоборот, помогло ему дать превосходные очерки развития греческой духовной культуры (философии, науки, искусства, религии).

УДК 94 (38)
ББК 63.3 (0) 32

ISBN 978-5-85209-215-1 (т.2)
ISBN 978-5-85209-213-7

© Государственная публичная историческая библиотека России, 2009
© Семенов Ю.И., вступительная статья, редакция, 2009

ГЛАВА I

Реакция

Софистическое движение сильно поколебало в образованном обществе старую веру в богов. Но совершенно иные течения обнаруживались в широких кругах народной массы, куда не проникали учения софистов. Те стремления к религиозной реформе, которые в VI веке не выходили за пределы высших общественных классов, со времени Персидских войн начали все более и более распространяться среди простого народа. Эллинский мир наполнился нищенствующими жрецами и прорицателями орфической секты. Они грозили вечным проклятием всем, кто не верил их проповеди; всякому же, кто вступал в их секту, они обещали все, чего он мог пожелать: отпущение его собственных грехов и грехов его предков, блаженную жизнь в загробном мире и чудодейственные средства для отмщения своим врагам на земле. Все это было категорически сказано в произведениях Орфея и Мусея. В верующих не оказывалось недостатка; благочестивые люди ежемесячно спешили с женами и детьми к орфическим посвящениям. Умиравшим в этой вере клали в гроб таблички с какими-нибудь орфическими стихами, предназначенными снабдить душу наставлением относительно того, как она должна вести себя по прибытии в Гадес и успокоить ее насчет ее участи в загробном мире.

Еще большее количество богомольцев привлекали мистерии, столь тесно связанные с орфическим учением. V век был для Элевсина периодом наибольшего расцвета, чему, впрочем, немало способствовало политическое положение Афин. Из всех частей Эллады стекались верующие к священному празднеству; старый храм уже не мог вместить всей массы паломников, и пришлось воздвигнуть новое здание; оно было построено под руководством Иктина, творца Парфенона. По совету Дельфийского оракула Афинское народное собрание около середины V века постановило, чтобы ежегодно часть урожая Аттики и союзных государств приносилась в дар элевсинскому храму в благодарность за то,

что некогда Деметра научила людей земледелию; эта дань должна была состоять из $^1/_6$% урожая пшеницы и $^1/_{12}$% урожая ячменя. Ее несли и некоторые независимые от Афин государства, и даже тогда, когда Афинская держава уже лежала в развалинах; Афины и их колонии соблюдали этот обычай еще во времена Александра.

Почти столь же большого значения достигли в течение IV века мистерии, праздновавшиеся на острове Самофракия в святилище кабиров. Эти „великие боги", как их обыкновенно называли, считались спасителями во всех бедах и опасностях; особенно их защите поручали себя мореплаватели. Начало их культа относится к доэллинским временам; насколько мы знаем, Самофракия вообще никогда не была колонизирована греками (выше, т.I, с.87), да и позднее, когда остров уже давно эллинизировался, в религиозных обрядах местного населения сохранялись следы древнего языка. Точно так же мы находим культ кабиров на соседнем Лемносе, заселенном греками лишь в конце VI века, и в Троаде, заселение которой греками началось едва ли ранее VII века. Затем, около VI века, этот культ — вероятно, через посредство эолийских поселенцев — проник в Беотию, где в Анфедоне и близ Фив существовали храмы кабиров и где также праздновались в их честь мистерии. Поклонение кабирам распространилось и на островах Эгейского моря, и на его фракийском и малоазиатском берегах; но из всех этих мест только Самофракия приобрела национальное значение, да и то лишь со времени Пелопоннесской войны.

Уже около середины IV века наплыв верующих был здесь так велик, что пришлось перестроить старый храм, причем он был значительно расширен и, сообразно художественным требованиям времени, великолепно отделан. Посвящение в мистерии принимали такие люди, как спартанский наварх Анталкид и Филипп II Македонский; по преданию, последний во время одного из таких празднеств познакомился со своею будущею супругою, эпирской принцессой Олимпиадой. Но наибольшего блеска Самофракия достигла лишь после Александра.

В греческие колонии, расположенные по берегам вар-

варских стран, конечно, очень рано проникли чужие культы. Так, египетский Амон сделался главным божеством Кирены, тогда как среди малоазиатских греков распространился культ Кибелы. В V веке и торгово-промышленные города греческой метрополии начали заполняться пришельцами с Востока; здесь жило множество лидийских, фригийских, сирийских и египетских купцов, а огромные, все более возраставшие массы рабов состояли главным образом из уроженцев восточных стран или Фракии. Все эти варвары упорно держались своих родных культов; отдельные землячества соединялись в корпорации с целью отправлять богослужения в доме одного из членов. Своеобразность этих церемоний, таинственность, которою они большею частью были окружены, должны были производить глубокое впечатление на греческое население; благочестивым людям, религиозные потребности которых не находили удовлетворения в государственном культе, должно было казаться, что здесь им открывается путь к спасению. Таким образом, иноземные религии приобретали множество последователей, и, как всегда бывает в подобных случаях, большинство прозелитов составляли женщины.

Таким путем уже ко времени Персидских войн проникло и в европейскую Грецию поклонение фригийской „матери богов"; в Афинах ей был сооружен на рынке храм, для которого статую богини изготовил ученик Фидия, Агоракрит. Недолго спустя, приблизительно в первой половине IV века, „великой матери" был воздвигнут храм и в Олимпии. За нею следовал фригийский же Сабазий — бог, родственный Дионису, — культ которого был тесно связан с культом „матери богов"; затем фригийско-фракийские Корибанты и фракийские богини Котито и Бендис; последней около времени Пелопоннесской войны был воздвигнут в Пирее храм, при котором ежегодно устраивалось в честь ее великолепное празднество с факельными бегами. С Кипра был перенесен культ Адониса и Афродиты Пафосской. Поклонение Амону перешло из Кирены в лежащую напротив Лаконию, где ему были сооружены храмы в Спарте и ее порту — Гитее; уже Пиндар сочинил гимн в честь этого бога и поставил его ста-

тую в фиванском акрополе. С конца V века оракул Амона, находившийся в ливийском оазисе, приобрел в Элладе почти такое же значение, как древние национальные оракулы Додоны и Дельф. Наконец, около середины IV века в Грецию проник и культ Изиды; египетские купцы, жившие в Пирее, получили тогда позволение построить храм своей богине.

Бóльшая часть этих восточных культов уже в эпоху Пелопоннесской войны была широко распространена в Афинах. Ежеминутно по улицам с оглушительным шумом проходили процессии почитателей Сабазия и „великой матери“; во время празднества в честь Адониса по всему городу раздавались жалобные песни женщин, оплакивавших бога, который в расцвете молодости был похищен смертью. Особенно привлекали народ те священнодействия, которые были связаны с фригийско-фракийскими культами. Верующие собирались ночью при оглушительных звуках флейт, при грохоте барабанов и диких криках; здесь начиналась всеобщая бешеная пляска, доводившая экстаз участвующих до крайней степени. Затем вновь вступающие члены садились нагими на священное седалище; здесь их обтирали землею и отрубями и обмывали водой; при этом читались отрывки из священных книг, наполненные ни для кого непонятными фригийскими словами; в заключение вновь посвященный произносил священную формулу: „Я избежал греха, я обрел спасение“. Затем следовали представления, сюжет которых был заимствован из священных преданий, и при этом открыто изображались непристойные символы восточного суеверия. Так как в этих ночных таинствах принимали участие подонки общества, притом оба пола совместно, и так как здесь отсутствовал всякий государственный надзор, то они открывали полный простор самому разнузданному распутству.

Большинство образованных людей смотрело на подобные безобразия, конечно, с отвращением. Комедия неутомимо бичевала эти грубые суеверия, осмеивая их со сцены; Аристофан написал против них особую пьесу — „Горы“, — в конце которой „фригиец, флейтист Сабазий“ со стыдом и позором изгонялся из города. Платон в своих „Законах“ за-

прещает всякие чужие культы под страхом строгой кары; Дельфийский оракул, смотревший на конкуренцию новых божеств, конечно, с большим неудовольствием, неоднократно увещевал почитать богов по обычаю предков. От времени до времени, когда безобразия переходили всякие границы, в дело вмешивалась государственная власть. Так, в первой половине IV века в Афинах была предана казни жрица Нинос, однако не из-за религиозных причин, а за то, что она под покровом фригийских таинств занималась приготовлением ядов, колдовством и прорицаниями. Позднее Демосфен обвинил в том же преступлении лемносскую жрицу Феориду и добился ее осуждения на смерть. Особенно известен процесс гетеры Фрины; ее обвинили в том, что она ввела в Афинах поклонение фракийскому богу Изодету и при этом сделала свой дом убежищем самого грубого разврата; только с величайшим трудом удалось ее защитнику Гипериду, лучшему адвокату Афин, добиться ее оправдания. Но это лишь единичные случаи; большие торговые города не могли запретить многочисленным иностранцам, проживавшим в них, свободно отправлять свое богослужение, да и среди местных граждан новые культы пустили уже слишком глубокие корни, чтобы еще можно было ждать какой-либо пользы от полицейских мер. Поэтому правительство держалось нейтрально, и в конце концов, как мы видели, целый ряд таких культов был включен в государственную религию.

Эти восточные религии повлияли и на греческие тайные культы; культ „матери богов“ и родственных ей божеств проник в орфические мистерии и соединился в них с культом Диониса. Таким образом, здесь начало подготовляться то слияние божеств, которое имело неизмеримое влияние на позднейшее развитие античной религии. Но от безнравственности азиатского богослужения орфиков предохранило их аскетическое учение, предписывавшее половое воздержание или по крайней мере восхвалявшее его, как добродетель. Само собой разумеется, что и здесь, как во всех аскетических религиях, под маской благочестия очень часто скрывались совершенно иные чувства и помыслы.

Глубокое религиозное движение, охватившее низшие

слои общества, неизбежно должно было повлиять и на высшие классы. Правда, та грубо-чувственная эсхатология, которая проповедовалась в Элевсине, уже не могла удовлетворять образованных людей[1]. Более чистые воззрения предлагало пифагорейское учение. Из этого источника, вероятно, исходит представление, что душа благочестивого и праведного человека после смерти переселяется на небо и только тело остается на земле. В дошедшей до нас литературе это представление впервые встречается у сицилийца Эпихарма, на миросозерцании которого вообще очень сильно отразилось влияние пифагорейского учения. Около начала Пелопоннесской войны это верование распространилось и в Афинах. В надписи, начертанной по распоряжению правительства на гробнице граждан, павших при Потидее, сказано, что души этих героев перешли в Эфир; это, кажется, единственный общественный памятник той эпохи, содержащий указание на загробную жизнь. Еврипид также неоднократно выражал эту мысль. Иногда же его охватывали орфические представления:

Кто скажет нам, не смерть ли жизнь земная,
И смерти час — не жизни ли начало?

И на краю могилы, в одной из последних написанных им драм — в „Вакханках“, — престарелый поэт всецело отрекается от того мировоззрениия, которого до тех пор он был самым деятельным поборником. Вся пьеса представляет собою апофеоз того оргиастического служения Дионису, которое лежало в основе орфической религии и фракийско-фригийских мистерий. Она учит, что человеческая мудрость — ничто в сравнении с освященными временем преданиями. Жизнь коротка; безумно мудрствовать о вещах, которых ум смертного не в силах постигнуть. Надо усвоить простодушные верования народа. Да и трудно ли признать власть божества, которая открывается нам в явлениях природы и почитать которую предписано древним обычаем? Таким обра-

[1] Любопытно, как холодно относится к Элевсинским мистериям Платон.

зом, поэт отказывается здесь от всего, чему в течение его долгой жизни были посвящены его лучшие стремления. Не одна только старость ослабила его ум; в его словах отражается и дух времени. Знание, как оно преподавалось в школах софистов, уже не удовлетворяло потребностей общества; мир жаждал веры.

Это явление было в значительной степени обусловлено характером самой науки и ее представителей. Мышление смело подступило к высшим задачам бытия, но еще недоставало той эмпирической основы, которая дала бы возможность если не решить эти вопросы, то по крайней мере приблизиться к их решению. Все, что предлагала философия, было в сущности не что иное, как гипотезы, выведенные путем дедукции из общих положений. Поэтому критика без труда уничтожала эти системы одну за другою, пока наука не пришла к тому заключению, что истинное познание природы вообще невозможно (выше, т. I, с.482—483). Эту мысль выразил уже древний Ксенофан:

> И если б кто нам истину открыл, —
> То истина, иль нет, он знать не мог бы:
> Догадка все, что скажет человек.

Протагорова теория относительности, скептицизм Горгия — только дальнейшее развитие этой мысли. Правда, это отчаяние было при тогдашнем состоянии науки не совсем безосновательно; ошибка заключалась только в том, что на место смелого *ignoramus (не знаем)* ставили трусливое *ignorabimus (не узнаем)*. Этим наука подрыла свой собственный фундамент; противники, конечно, не замедлили извлечь выгоду из этого признания и вступили в борьбу с софистикой, пользуясь тем оружием, которое она сама выковала для них.

Этот поход против науки был предпринят афинянином Сократом. Он родился около 470 г.; будучи сыном ваятеля, он, по обычаю, изучил ремесло отца, но скоро оно перестало удовлетворять его. Уже в детстве ему казалось, что на него нисходит божественное вдохновение, что он слышит внутренний голос, предостерегающий его не совершать поступ-

ков, которые могли бы принести вред; и этот дух, это *δαιμόνιον,* как он называл его, сопровождал его на всем его жизненном пути. Иногда он внезапно погружался в глубокое раздумье и неподвижно стоял на одном месте, совершенно не замечая, что́ происходит вокруг него; говорят, что однажды он простоял таким образом в лагере при Потидее целый день и следовавшую за ним ночь. Поэтому он оставил свое ремесло и всецело отдался тому призванию, которое, как он думал, было предназначено ему свыше, — исправлению своих сограждан путем разъяснения им их нравственных обязанностей. Итак, он сделался тем, что в Греции называли тогда софистом. Платы за свое преподавание он не требовал, да и не мог требовать, так как он не вел, как другие, систематического курса и вообще не читал лекций, а ограничивался тем, что со всяким, кто желал или кто даже не желал этого, завязывал беседу на философские темы. Его небольшое состояние при его крайне ограниченных потребностях давало ему возможность посвящать этой задаче все свои силы.

Он был далек от всяких исследований в области естественных наук; мало того, он даже не был в состоянии оценить всю важность этих задач и потому разделял распространенный в народе взгляд, признававший нечестивым всякое занятие такими предметами, познание которых божество сделало недоступным для человеческого ума. Зато в софистических искусствах — диалектике и эристике — он достиг высокой степени совершенства; не было человека, который превосходил бы его в этой области, и почти всякий, кого он вовлекал в спор, безвозвратно запутывался в его сетях. Но эти искусства служили ему только средством для борьбы против теорий его противников и для защиты собственного учения; никогда Сократу не приходило в голову выступить в качестве учителя красноречия.

Дело в том, что и Сократ, как настоящий сын своего времени, был врагом всякой веры в авторитет; он придавал значение только тому, что́ могло быть доказано. При всей глубокой религиозности своей натуры он тем не менее считал необходимым доказывать существование бога и находил

эти доказательства в целесообразном устройстве природы, которое, по его мнению, могло быть создано только разумным творцом. Это — то же рассуждение, которое привело уже Анаксагора к его учению об уме. Затем Сократ ссылался на *consensus gentium (единомыслие народов),* на общую всем народам веру в существование божественного Провидения. Притом он полагал, что целесообразное устройство вселенной создано специально в интересах человека. По вопросу о выборе между монотеизмом и политеизмом Сократ, по-видимому, не предпринимал серьезных изысканий; да и вообще он по возможности примыкал к народным верованиям, соблюдал обряды и придавал большое значение изречениям оракула и всей мантике. Относительно сущности божества он держался, разумеется, тех просвещенных взглядов, которые господствовали в его время среди образованных людей и которые были выработаны великими поэтами, начиная с Симонида. Напротив, орфическим учениям и тайным культам он оставался совершенно чужд; поэтому он не принимал и учения о бессмертии души или рассматривал его только как гипотезу, так как относительно того, что́ происходит после смерти, человек, по его мнению, ничего не может знать с достоверностью.

Рядом с теологией Сократа занимала одна только этика; и здесь он также находил свои идеалы в прошлом. Он еще всецело стоит на той утилитарной почве, на которой стояли древние семь мудрецов. Добродетель для Сократа заключается в познании добра, добро же — то, что́ для нас полезно. Очевидно, что никто не станет преднамеренно причинять себе вред; следовательно, достаточно только выяснить людям их истинную выгоду,— и они будут поступать сообразно с этой выгодой, т.е. добродетельно. Итак, добродетель для Сократа — знание, порок — заблуждение.

Но каким образом можем мы узнать, что́ полезно для нас, и, следовательно, найти прочную норму для наших поступков? Ответить на этот вопрос Сократ считал своей важнейшей задачей. Скептицизм софистической школы подверг сомнению самую возможность знания; поэтому новую систему приходилось возводить от фундамента. Сократ полагал,

что достигает этого, исследуя сущность каждой из вещей (*τί ἑκαστον εἰη τῶν ὀντων*),а для этой цели считал достаточным дать точное определение каждому из понятий, существующих в языке. Разговоры, в которые Сократ вовлекал своих друзей и противников, большею частью касались вопросов этого рода. При этом он сначала делал вид, что совершенно незнаком с содержанием разбираемой задачи, и затем рядом искусно поставленных вопросов постепенно приводил своего собеседника к тому решению, которого желал. Способом доказательства служил обыкновенно грубый вид индукции, так что каждый частный случай подчинялся какому-нибудь общему определению, причем для подтверждения приводились аналогичные случаи, — все это, конечно, совершенно эмпирически.

Все эти исследования естественно привели Сократа к подтверждению унаследованной народной морали в ее основных чертах. Кое-где утилитарный принцип приводил его к чудачествам, кое-где он как будто поднимается выше требований народной морали, например в учении о том, что вообще дурно причинять зло другому, даже потерпев от него несправедливость; впрочем, мы не знаем, принадлежит ли это учение самому Сократу или вложено в его уста только Платоном. В общем, однако, нельзя сказать, чтобы эллины были обязаны Сократу каким-либо успехом в области этики. Мало того, нравственное учение Сократа с его плоским утилитаризмом следовало бы признать прямо безнравственным, если бы Сократ действительно остановился на нем. Однако Сократ был не только философом, но и прежде всего глубоко религиозным человеком; поэтому он требовал, чтобы человек жил добродетельно не только ввиду пользы, которую приносит ему добродетель, но и потому, что добродетельная жизнь угодна богам: благость божества обнаруживается именно в том, что оно требует от нас только таких поступков, которые полезны для нас самих. Таким образом, учение Сократа является первой по времени попыткой примирить знание и веру, и этим в значительной степени объясняется тайна его успеха.

Приблизительно с тридцатых годов V века вокруг Со-

крата начал собираться значительный кружок учеников. Он состоял из самых разнородных элементов; рядом с молодыми людьми из лучших афинских фамилий, как Алкивиад, как Критий и его двоюродные братья Платон и Главкон, как Гермоген, сын Гиппоника, богатейшего гражданина Афин, — мы находим здесь людей низкого происхождения, как, например, ремесленника Эсхина, или Антисфена, сына фракийской рабыни. Послушать Сократа приезжали и иностранцы, например, Кебес и Симмий из Фив, Эвклид из Мегары, Аристипп из Кирены. В эпоху Никиева мира Сократ был уже самым знаменитым философом Афин, так что Аристофан именно его выбрал в протагонисты той пьесы, где он в карикатурном виде представил на суд публики стремления „софистов".

Не было, конечно, недостатка и в более серьезных противниках. Сократа постигла та же участь, которую так часто терпят примирители. Все те, кто вообще враждебно относился к просвещению, смешивали его без разбора с софистами; с другой стороны, поборники просвещения видели в его учении только шаг назад. К этому присоединилось еще то обстоятельство, что Сократ, без всякого стеснения пользуясь своим диалектическим превосходством над другими, нажил себе тем много врагов. И несмотря на все это, он спокойно прожил в Афинах до семидесятилетнего возраста; этому благочестивому человеку, казалось, нечего было бояться обвинения в безбожии, какое навлекли на себя другие философы. Только восстановленная после падения Тридцати демократия осмелилась привлечь к суду престарелого мыслителя. Сократ был обвинен в том, что он отрицает государственных богов и вводит вместо них новые божества, что он своим учением только развращает юношество. Одним из обвинителей был Анит, в то время, наряду с Фрасибулом, самое влиятельное лицо в Афинах; человек безусловно честный, он, очевидно, был искренно убежден в опасности сократовского учения, содержание которого, при недостаточности его образования, было для него совершенно непонят-

но[1]. Присяжные, которые, конечно, еще гораздо менее были знакомы с учением Сократа, признали обвинение правильным и осудили Сократа; но замечательно, что, несмотря на влияние Анита, в пользу обвинительного приговора высказалось только очень незначительное большинство голосов. Таким образом, Сократ был осужден и казнен (весною 399 г.), пав жертвой того реакционного движения, развитию которого он сам так сильно способствовал.

Само собою разумеется, что результаты процесса оказались совершенно противоположными тем, каких ожидали его зачинщики. Правда, школа Сократа распалась; но образ учителя сохранился живым в душе каждого из его учеников; мало того, приняв смерть за свои убеждения, он представлялся им теперь в ореоле святого. Глубокое влияние сократовского учения было в значительной степени обусловлено тем впечатлением, которое произвела на современников мученическая смерть мудреца и светлое спокойствие, сохраненное им до последней минуты. Первою заботой его учеников было убедить общество, что в Афинах совершено юридическое убийство, жертвою которого пал лучший гражданин государства. С этой целью Платон написал защитительную речь Сократа, вероятно, очень близкую к той, которую последний действительно произнес на суде. Той же цели служили „Воспоминания о Сократе“ Ксенофонта, сборник разговоров Сократа с его учениками и друзьями. Они еще и теперь представляют лучший источник для ознакомления с учением Сократа. Сократовские диалоги писал и Эсхин; он

---

[1] Сократовская школа, которой мы обязаны всеми нашими сведениями о процессе, постаралась, конечно, выставить обвинителей в наиболее дурном свете и приписать им корыстные побуждения; однако ей не удалось доказать это сколько-нибудь убедительным образом. Во всяком случае политические мотивы, вопреки мнению некоторых историков, не играли в процессе никакой роли или только очень второстепенную, потому что, хотя Сократ отнюдь не был пылким приверженцем демократии и хотя Критий был его учеником, тем не менее он сам не принимал никакого участия в революции, а, напротив, имел даже мужество стать в оппозицию к олигархам. Притом, именно Анит очень строго соблюдал постановление об амнистии за совершенные во время революции политические проступки.

славился тем, что с замечательной верностью передавал дух учителя. В диалогах Платона Сократу также принадлежит главная роль; но здесь он выражает уже не свои собственные воззрения, а воззрения своего ученика, скрывающего свое лицо под маской учителя.

Эти и подобные им сочинения вскоре распространили сократовское учение далеко за пределы того тесного кружка, с которым Сократ соприкасался лично, — хотя он сам ограничивался исключительно устными беседами и не оставил после себя ни одной строки. Такое же значение имела преподавательская деятельность его учеников, которые теперь большею частью покинули Афины и начали сами основывать школы в разных частях эллинского мира. То, что́ преподавалось в этих школах, имело часто мало общего с сократовским учением, но все-таки в значительной степени зависело от него. Дальнейшее развитие философии в течение следующего полустолетия сосредоточивалось почти исключительно в этих школах, и, таким образом, ни один греческий мыслитель не оказал столь глубокого влияния на потомство, как Сократ.

Только один из учеников Сократа сумел далее развить в его духе и углубить его учение, — именно, афинянин Платон (427—347 гг.). Он происходил из знатной и богатой семьи, в юности занимался поэзией и всю свою жизнь оставался больше поэтом, чем мыслителем. В область философии он был введен последователем Гераклита Кратилом, но вскоре примкнул к Сократу, восторженным поклонником которого оставался до его смерти и память которого свято хранил всю жизнь. Для него, как и для его учителя, вера стояла выше знания; и он был убежден, что существование такого художественного произведения, как мир, заставляет предполагать и существование художника, создавшего его. Но в то время как Сократ ограничился этим и оставил без ответа, как неразрешимый для человека, вопрос о том, что́ ожидает нас после смерти, — Платон не удовлетворился смиренным отречением; если вначале он и в этом пункте следовал учению Сократа, то вскоре он принял орфическо-пифагорейское учение о бессмертии души вместе со всеми его выводами, как

предбытие, грехопадение, переселение душ, возмездие в загробной жизни и возможность окончательного освобождения. Он старался, конечно, найти доказательства для своей веры. Он говорил: только одушевленные тела одарены способностью к самостоятельному движению; следовательно, душа должна быть причиною движения тела, и потому сама она может быть представлена только движущеюся, т.е. живою; следовательно, она бессмертна. Далее, душа неделима и потому вечна. Наконец, исследование за пределами непосредственно доступного для наблюдения возможно только потому, что мы в состоянии припомнить представления, полученные нами в какой-то предшествовавшей жизни. Как слабы все эти доводы, ясно само собой; но именно их недостаточность показывает нам, что Платон не мог этим путем прийти к своему учению о бессмертии, — что его цель заключалась только в том, чтобы научно оправдать уже прочно установленное верование.

Благодаря этому этика Платона получила, конечно, иное содержание, чем этика Сократа. Правда, и Платон убежден в том, что только добродетель может приводить к блаженству и что необходимым условием для добродетельной жизни является знание того, что́ хорошо. Но в то время, как Сократ думал только о здешнем мире, для Платона истинное блаженство лежит лишь за пределами жизни. Наша задача здесь, на земле, заключается в освобождении души от тех страстей, которыми она обременена благодаря ее соединению с телом, в очищении ее от примесей чувственности и в подготовлении ее к освобождению из круговорота возрождений, дабы она некогда была признана достойной возвратиться на свою божественную родину.

Еще и в другом направлении Платон пошел дальше своего учителя. Сократ интересовался только этикой; о физическом мире, говорил он, все равно ничего нельзя узнать, да это знание и не дало бы нам ничего. Платон вполне разделяет это пренебрежение к физическому миру; но он не хотел успокоиться на простом неведении и стремился к познанию первоначальных причин существующего. Уже Гераклит учил, что в чувственно-познаваемом мире существует лишь

беспрерывная смена явлений, следовательно, бытия нет; отсюда Платон заключает, что истинное бытие следует искать в другом, сверхчувственном мире. В греческой философии уже давно было установлено, что только мышление может вести к истинному познанию; именно из этого положения исходил Сократ, когда старался достигнуть действительного знания посредством точного определения понятий. Прямым выводом из этого взгляда была мысль Платона, что в понятиях заключается самая сущность вещей. Отвлеченные понятия сгущаются у него в самостоятельные сущности, в „идеи" (*ἰδέαι, εἰδη*), как он их называл. Они вечны и неизменны, они лишены всяких чувственных свойств; но все, что существует в нашем земном мире, есть лишь отражение этих идей. Итак, существует столько идей, сколько мы имеем родовых понятий: идеи волос и грязи, стола и постели, большой и малой величины, сходства и различия, негодности и даже небытия. Эти идеи, как и соответствующие им предметы и понятия, не все имеют одинаковую ценность; наоборот, они составляют ряд последовательных ступеней, и на вершине этой лестницы стоит высшая идея — идея добра, сливающаяся для Платона с Божеством.

Исходя из этих положений, Платон объясняет существование физического мира тем, что божество, „творец мира — демиург" создает из материи копии идей. При этом материя противодействует стремлению божества создать совершенное творение, точно так же, как наше тело мешает нашей душе быть совершенной. Таким образом, материя является для Платона причиною всякого зла. Частными вопросами космогонии он занялся только в старости, отчасти под влиянием пифагорейского учения; на его собственную систему эти исследования не повлияли.

Таким образом, учение Платона представляет собою в сущности не что иное, как теологическую систему, для которой философия служит только опорой. Тем более характерен громадный успех, который оно имело у современников. Гимнасий в Академии за воротами Афин, где Платон спустя некоторое время после смерти Сократа открыл школу, вскоре сделался центром, куда стали стекаться любознательные

юноши из всех частей эллинского мира. Из Калхедона прибыл Ксенократ, из Гераклеи понтийской — Гераклид и Аминта, из Стагиры — Аристотель, из Фаселиды — Феодект, с далекого Кипра — Эвдем, из Сиракуз — Гермозор, из Опунта — Филипп, из Орея на Эвбее — Эвфрей; и это лишь наиболее блестящие имена среди огромного числа его учеников. В сравнении с этой массой учеников-иностранцев соотечественники Платона естественно отступали на второй план; из афинян, получивших образование в его школе, заслуживает упоминания собственно только Спевсипп, да и тот был сыном родной сестры Платона. При таком наплыве слушателей занятия уже не могли происходить в общественном гимнасии, и для школы понадобилось особое место. Для этой цели Платон около 360 г. приобрел сад вблизи Академии, сделавшийся с тех пор постоянным помещением школы. В то же время Платон развивал и очень обширную литературную деятельность; его ученик Гермодор вел бойкую торговлю сочинениями учителя.

Реакция в области духовной жизни, так ясно выразившаяся в учении Платона и еще более в успехе, выпавшем на долю этого учения, шла рука об руку с реакцией в области политики. И как сама наука своим бесплодным скептицизмом проложила путь своим противникам-теологам, так и демократия была в значительной степени сама виновна в том, что общественное мнение начало теперь отворачиваться от нее. Равноправие для всех — таково было магическое слово, посредством которого эллинская демократия в эпоху Персидских войн низвергла существовавшие политические формы, чтобы на их место поставить владычество большинства. Теперь, когда цель была достигнута, начали сознавать, что и здесь действительность имеет совершенно иной вид, чем теория. Низшие слои общества еще далеко не были подготовлены к пользованию теми обширными политическими правами, которые предоставлял им демократический строй. Что могли понимать в вопросах внешней политики или в сложных финансовых и административных вопросах те пролетарии, которые наполняли народные собрания и голоса которых имели решающий перевес? Масса неизбежно долж-

на была становиться слепым орудием в руках тех, кто умел приобрести ее доверие. Между тем самым верным и во всяком случае самым простым путем к этому было доставление народной массе материальных выгод на счет государства. Даже такой человек, как Перикл, был вынужден делать больше уступок этим обстоятельствам, чем следовало бы; чего же можно было ожидать от менее честных государственных людей? Таким образом, в течение немногих десятилетий развилась демагогия, которая угождала низменным инстинктам толпы, чтобы, опираясь на нее, эксплуатировать государство в свою собственную пользу.

Такое положение дел было уже достаточно дурно, но его еще можно было бы вынести. Власть Народного собрания до известной степени уравновешивалась влиянием магистратов, большинство которых набиралось, естественно, из зажиточных и образованных классов. Кроме того, проекты, подлежавшие голосованию в Народном собрании, должны были сначала пройти через Совет; и если Совет представлял собою не что иное, как коллегию делегатов Народного собрания, выбранных большею частью, как в Афинах, по жребию, то в такой коллегии все-таки легче было провести разумное предложение, — а решения Совета обыкновенно принимались народом уже без дальнейшего обсуждения. Далее, каждое незаконное постановление Народного собрания могло быть оспариваемо на суде, и тогда оно до решения не вступало в силу. Наконец, законодательная власть находилась, конечно, в руках народа, но пользование ею было стеснено таким большим количеством конституционных оговорок, что в этой области нелегко было принять какое-либо необдуманное решение. Правда, несмотря на все это, для злоупотреблений всякого рода оставалось открытым обширное поприще; но в области администрации большая часть опасностей, сопряженных с владычеством массы, была предотвращена, и если состоятельные классы в греческих демократиях могли на что-нибудь жаловаться, то главным образом на тяжесть налогов. В Афинах и это неудобство было устранено, так как почти все нужды государства покрывались доходами с заграничных владений и от дани союзни-

ков, пока Пелопоннесская война не заставила и афинскую демократию обратиться к прямому обложению граждан.

Но что́ было совершенно невыносимо — это состояние судопроизводства. Греческая демократия держалась того основного положения, что всякий гражданин, достигнувший определенного возраста (в Афинах, да, вероятно, и повсюду, — 30 лет), способен быть присяжным. Но когда на судейской скамье сидели бедняки, опасность подкупа была особенно велика, — не потому, что бедные были более доступны подкупу, чем богатые, а потому, что их, разумеется, можно было купить за гораздо меньшую сумму. Чтобы предупредить эту опасность, существовало только одно средство: составлять суды из сотен присяжных. Но такое большое число судей можно было систематически собирать только в том случае, если государство решалось вознаграждать их за потраченное время и труд (см. выше, т.I, с.372). Следствием такого порядка вещей, естественно, было то, что граждане беднейших классов стремились попасть в гелиею, потому что гораздо удобнее было получать плату за заседание в суде, чем зарабатывать свое пропитание в поте лица. Но по мере того, как суды наполнялись простонародьем, зажиточные люди все более уклонялись от участия в них; скудное вознаграждение не имело для них значения, а исход дела все-таки зависел от голосов пролетариев, составлявших большинство между присяжными. Притом, не особенно приятно было также просиживать по полдня среди смрадной толпы. Таким образом, народный суд постепенно сделался достоянием низших классов, и образовался тот пролетариат присяжных, который с такой несравненной живостью рисует нам комедия.

Теперь представим себе собрание из двухсот, пятисот, даже тысячи таких присяжных, призванное решать самые сложные вопросы политической, уголовной и гражданской юрисдикции. Самостоятельное, юридически обоснованное мнение можно было встретить у судей этого рода только в очень редких случаях; обыкновенно исход дела зависел от большей или меньшей ловкости обвинителя или защитника. Но и невежество судей не было еще наибольшим злом. Там,

где дело шло только о гражданском иске и где исход процесса лично для присяжных не имел значения, — т.е. в большинстве случаев, — можно было ожидать, что они решат дело по своему крайнему разумению и добросовестно. Но что́, если приходилось рассматривать процесс, затрагивавший самые основания общественной жизни государства, например, обвинение против какого-нибудь выдающегося государственного деятеля или полководца? Злоба дня, вероятно, всегда будет влиять на исход политических процессов, пока на судейской скамье сидят люди; во сколько же раз сильнее должно было сказываться это зло в судилище, состоявшем из нескольких сот человек, в этом уменьшенном подобии Народного собрания, волнуемом теми же страстями, что и последнее, где чувство ответственности притуплялось кажущеюся маловажностью единичного голоса? Длинный ряд несправедливых решений, красной нитью проходящий через всю историю афинского народного суда от Перикла до Фокиона, ясно показывает, чего можно было ожидать от подобного трибунала.

Но и не в этом еще заключалось главное зло. Хронические финансовые кризисы в большинстве греческих демократий, вызываемые в значительной степени именно тратами на пользу „обездоленного“ класса, приводили к необходимости покрывать дефицит государственной кассы посредством конфискаций; а поводом для последних должны были служить политические процессы. Со времени Пелопоннесской войны сделалось обычным явлением, что обвинитель предлагал присяжным осудить обвиняемого для того, чтобы из конфискованного имущества можно было уплатить жалованье судьям, так как других средств для этого не существует. „Всем известно, — говорил в 400 г. один афинский оратор, — что пока в кассе есть достаточно денег, совет не нарушает закона; когда же государство находится в денежной нужде, тогда совет не может не пользоваться доносами, не конфисковать имущества граждан и не давать хода предложениям самых негодных ораторов“.

Благодаря этим условиям широко развилась система ложных доносов, которая уже в последние десятилетия V ве-

ка приняла в Афинах ужасающие размеры. Государство не принимало серьезных мер против этого зла. Ловкие адвокаты делали своей профессией вымогательство денег у богатых людей под угрозою судебного обвинения; а так как при тогдашнем составе присяжных совершенно нельзя было предвидеть исход какого-либо процесса, то этот прием в большинстве случаев сопровождался желанным успехом. Тому, кто хотел предохранить себя от этой опасности, не оставалось иного средства, как самому нанять доносчика, который затем и выбивал оружие из рук своих коллег.

Но на этом демократическое движение не остановилось и не могло остановиться. Раз законом было признано политическое равноправие всех граждан, то не вытекало ли из этого положения с логической последовательностью, что граждане и имущественно должны быть равны между собою? Могущество этой идеи было так велико, что даже люди, нисколько не сочувствовавшие демократическому строю, не могли избегнуть ее влияния; мы встречаем ее во всех политических утопиях этого времени в форме требования разделить либо саму собственность, либо только доходы, приносимые собственностью. О том, как усердно обсуждался этот вопрос в Афинах в начале IV века, дают нам понятие „Женщины в народном собрании“ Аристофана, пьеса, в которой автор со сцены наглядно показывает зрителям последствия осуществления таких идей. Было сделано и несколько попыток применить эту теорию на практике. Так, в Леонтинах в 423 г. было решено вновь разделить всю земельную собственность между всеми гражданами, ввиду чего состоятельные классы отдались под покровительство сиракузян и с их помощью изгнали из страны чернь и ее вождей. То, что́ здесь не удалось, было — по крайней мере отчасти — осуществлено Дионисием в Сиракузах, после того как он захватил власть с помощью пролетариата; когда тирания пала, народ потребовал повторения этой меры, чему, однако, вначале воспрепятствовал Дион; но впоследствии, при Тимолеоне, она была приведена в исполнение. На Самосе в 412 г. землевладельцы были с помощью афинян убиты или изгнаны, и их дома и земли разделены между народом; однако восемь

лет спустя Лисандр восстановил прежних владельцев в их правах. Вообще почти каждый сколько-нибудь глубокий политический переворот сопровождался более или менее радикальным изменением имущественных отношений; и если к таким крайним мерам, как только что упомянутые, прибегали довольно редко, то над головами состоятельных людей все-таки постоянно висела, как дамоклов меч, возможность конфискации их имущества.

Таким образом, демократия, выставившая своим девизом общее равноправие, обратилась в господство одного класса, столь же тираническое, как олигархия VII века, с той лишь разницей, что тогда гнет исходил сверху, теперь — снизу. В сравнении с этим основным фактом все разногласия в среде самого состоятельного класса отступали на задний план, тем более что настоящего конфликта между интересами землевладения и интересами капитала здесь еще не могло существовать: греческие государства были для этого слишком малы, денежное хозяйство недостаточно развито, и землевладение являлось единственным обеспеченным помещением капитала. „Простительно, — пишет один современник Пелопоннесской войны, — если человек из народа привержен к демократии, потому что никого нельзя упрекнуть за то, что он заботится о собственной выгоде; но тот, кто не принадлежит к простому народу и все-таки предпочитает демократическое устройство олигархическому, тот хочет ловить рыбу в мутной воде и знает, что его проделки легче сойдут ему с рук в демократическом государстве, чем в олигархическом“. Таким образом, общественное мнение, бывшее, как всегда, выражением взглядов зажиточных и образованных классов, все более отворачивалось от демократии. Фукидид считает демократический строй явным безумием, о котором рассудительным людям не стоит тратить и двух слов. Сократ говорил, что глупо замещать государственные должности по жребию, в то время как никому не придет в голову назначить по жребию кормчего, архитектора или флейтиста. Платон вообще держался в стороне от общественной жизни, полагая, что при демократическом устройстве невозможна никакая полезная политическая деятельность.

Люди, стоявшие на этой точке зрения, естественно, обращали свои взоры к Спарте, едва ли не единственному государству Греции, которое сохранило свой старый политический строй в бурную эпоху, последовавшую за Персидскими войнами, и которое теперь казалось единственным надежным оплотом консервативных интересов. Поэтому среди образованной молодежи вошло в моду преклоняться перед спартанскою конституцией и вообще перед всем спартанским; и так как введение спартанских учреждений, к сожалению, представлялось еще делом отдаленного будущего, то пока довольствовались усвоением внешних особенностей спартанского быта. Афинские щеголи расхаживали по улицам в длинных волосах и с грязными руками, в коротких спартанских плащах и лаконской обуви; в виде спорта процветал у них, как у спартанцев, кулачный бой, и они не менее гордились своими рассеченными и распухшими ушами, чем немецкие студенты своими шрамами, полученными на дуэлях. Все это было, конечно, ребячеством, и притом безобидным; но оно являлось характерным симптомом перемены, происшедшей в общественном мнении, и это новое настроение не замедлило выразиться также в более серьезных стремлениях.

Дело в том, что государственный строй Спарты служил исходной точкой для первых попыток создать рационалистическим путем идеальную конституцию. Таков был проект основателя государствоведения в Греции, великого математика Гипподама из Милета, жившего во время Перикла. Следуя примеру Спарты, он требовал, чтобы население делилось по сословиям, и именно на три условные группы: воинов, крестьян и ремесленников. Правда, в противоположность Спарте, крестьяне и ремесленники также должны были пользоваться всеми правами гражданства, так что конституция Гипподама являлась компромиссом между спартанским строем и демократиею; но уже Аристотель справедливо заметил, что в организованном таким образом государстве первенствующее влияние должно фактически перейти к воинам. Идеальный строй, предложенный в это же время или немного позднее Протагором из Абдеры, также, по-видимому, был

основан на сословном принципе; но политическое учение Протагора нам в подробностях неизвестно.

На той же почве стоит и Платон; только его предложения еще гораздо более радикальны. И он требует разделения на сословия. Внизу стоит масса крестьян и ремесленников, лишенная всех политических прав; они существуют только для того, чтобы создавать материальную основу, необходимую для существования высших сословий; вне этой сферы государство почти совсем не считается с ними. Таким образом, они являются чем-то вроде илотов; правда, они называются „гражданами", но это не имеет значения. Над ними стоят „стражи", распадающиеся в свою очередь на два класса: собственно стражей, военное сословие, на обязанности которого лежит забота о безопасности государства, и правителей, которым предоставлено исключительное право на занятие государственных должностей, но которые обязаны посвящать бóльшую часть своего времени философским занятиям. Эти стражи должны всецело отдаваться служению государству; им запрещено заниматься земледелием или промышленностью и даже вообще иметь личную собственность; подобно спартанским гражданам, они должны обедать за общими столами. Далее, устанавливается общность жен, а воспитание детей, как и в Спарте, государство берет на себя. При этом воспитание обоих полов должно быть одинаково; женщины должны даже наравне с мужчинами нести военную службу.

Ясно, что государственное устройство, предлагаемое Платоном, есть в сущности идеализированная конституция Спарты. Принципы, лежащие в основе спартанских учреждений, развиты Платоном до их крайних последствий; единственное крупное нововведение состоит в том, что верховная власть предоставлена философски образованным людям. Сам Платон был твердо убежден в осуществимости своего политического идеала; да и мог ли он сомневаться в нем, имея перед глазами спартанское государство? Правда, он сознавал, что ни одно государство не примет добровольно такой конституции; тщетно надеялся он увидеть свой идеал осуществленным по властному слову какого-нибудь тирана, тщетно

ездил с этою целью в Сицилию, ко двору владыки Сиракуз. Мало того, ему суждено было увидеть, как Спарта — то государство, которое из всех существующих наиболее приближалось к его идеалу, — была свергнута со своей высоты битвою при Левктрах. Поэтому на старости Платон отказался от грез своей молодости и создал новый план государственного устройства, причем пожертвовал сословным принципом и по возможности приблизился к существующим условиям. Конечно, и этот план постигла участь, на которую обречены все выработанные в ученом кабинете конституции, т.е. он остался мертвою буквой. И тем не менее должно было настать время, когда политические грезы Платона были осуществлены на практике, хотя лишь отчасти и совершенно иным образом, чем он думал; это было то самое время, когда восторжествовали и религиозные идеи Платона. Правда, Эллада в эту эпоху уже давно лежала в развалинах.

Но масса образованных людей имела совершенно иные идеалы. Как хороши были времена отцов и дедов в сравнении с грустным настоящим! Не проще ли всего возвратиться к порядкам тех времен? Аристофан и вообще аттическая комедия без устали прославляли доброе старое время — время марафонских бойцов; Эвполис в одной из своих пьес вызывал из Гадеса великих государственных мужей прошлого и заставлял их сурово бичевать живущее поколение. Даже Перикл, который так много сделал для окончательного торжества радикальной демократии и который поэтому при жизни был предметом ожесточенных нападок, уже через несколько лет после своей смерти представлялся убежденным консерваторам в идеальном свете. Правда, люди этой эпохи имели очень смутные понятия относительно того, что представляла собою конституция доброго старого времени; ввиду этого каждый мог рисовать себе эту конституцию сообразно своему идеалу. И действительно, этим средством сплошь и рядом пользовались в интересах партийной борьбы. Характерным образчиком подобной реконструкции является изображение драконовского строя, которое, следуя, без сомнения, какому-нибудь сочинению из эпохи Пелопоннесской войны, дает Аристотель; оно в общем соответствует тем требовани-

ям, которые выставлялись зажиточными классами Афин во время политического переворота 411 г. и которые действительно на короткое время были осуществлены Фераменом после падения Четырехсот (см. ниже, глава II). Таким же образом спартанские консерваторы, в противовес революционным стремлениям, старались освятить существующий строй тем, что представляли его в его настоящем виде созданием Ликурга. Напротив, Солона, считавшегося основателем афинской демократии, изображали бессовестным демагогом, который будто бы воспользовался своим положением, чтобы обогатить себя и своих друзей путем земельной спекуляции. Демократы, разумеется, не оставались в долгу, и, таким образом, разгорелась ожесточенная литературная полемика. Естественным ее последствием было стремление решить спор путем изучения законодательных памятников. Первым, кто указал на необходимость подобных изысканий, был, повидимому, софист Эрасимах, и его мысль нашла исполнителей. Во время олигархического переворота 411 г. в Афинах было решено разыскать в архиве Клисфеновские законы, чтобы они могли послужить материалом для реформы государственного строя.

Таким образом, от политической полемики получило свое начало научное исследование истории учреждений, которое затем уже никогда не могло вполне освободиться от признаков этого своего происхождения. Отсюда, естественно, перешли к критике существующих политических форм. Такую критику для Афин и Спарты дал Критий, и еще до нас дошел трактат одного афинского олигарха времен Пелопоннесской войны, где автор доказывает, что государственный строй Афин, по существу совершенно негодный, превосходно приспособлен к выгоде неимущей толпы, что преобразование его невозможно и революция изнутри не имеет никаких шансов на успех. Этим автор кончает свое рассуждение; разумеется, он в Афинах не решился высказать, какими средствами можно было бы ниспровергнуть демократию.

При таком положении вещей зажиточным классам в данную минуту не оставалось ничего другого, как по возможности обороняться против злоупотреблений народовла-

стия. И вот состоятельные люди соединяются в „товарищества с целью влиять на выборы и защищать друг друга против произвола в судах“. Сами по себе эти союзы отнюдь не были направлены против существующего строя; это доказывается, между прочим, тем обстоятельством, что они существовали совершенно беспрепятственно, несмотря на болезненно чуткую подозрительность народа против всего, что хотя бы отдаленно напоминало олигархические стремления; однако подобная организация в случае надобности отлично могла быть приспособлена для революционных целей.

Таким образом, была подготовлена почва для переворота; ибо ни один политический строй не может быть прочен, если состоятельные и образованные классы не занимают в нем подобающего им положения. Между тем, как мы выше видели, греческий пролетариат этой эпохи стоял на очень низком уровне образованности; а для радикального преобразования имущественных отношений сила пролетариата оказалась недостаточною. Даже в Афинах, где со времен Клисфена систематически старались наделять беднейших граждан участками земли в заморских владениях, в эпоху Пелопоннесской войны едва половина граждан была в состоянии отправлять военную службу в тяжелом вооружении. Притом развитие крупной промышленности и торговли и беспрерывный рост плантационного хозяйства неизбежно должны были увеличивать имущественное неравенство, а вместе с тем и давать богатым все бóльший перевес над бедными.

Однако демократия имела еще твердую точку опоры в Аттическом государстве. Но это государство было внутри уже сильно расшатано, и только безусловное превосходство афинян на море держало в узде стремившиеся к обособлению части; оно должно было распасться при первой случайности, которая поколебала бы это превосходство. Катастрофа наступила, когда афинская демократия начала братоубийственную войну с сиракузской демократией.

ГЛАВА II

Падение демократии

В течение последних лет влияние Афин в Сицилии сильно пошатнулось. Едва был заключен мир в Геле (выше, т. I, с.434), как в Леонтинах начались волнения; вожди демоса требовали передела земельной собственности, вследствие чего состоятельные классы принуждены были обратиться за помощью к могущественному соседу, Сиракузам. При содействии последних демос был изгнан, а состоятельные люди переселились в Сиракузы, где получили права гражданства. Область Леонтин была включена в состав сиракузского государства.

Известие об уничтожении союзной общины не пробудило Афины от бездействия; они удовольствовались отправкой посольства, которое, разумеется, не имело успеха (422 г.). Это придало смелости противникам, и спустя несколько лет Селинунт произвел нашествие на соседнюю Сегесту (416 г.), которая также находилась в союзе с Афинами. Не будучи в состоянии собственными силами отразить нападение, Сегеста обратилась за помощью к Афинам.

Не могло быть никакого сомнения в том, что формально Афины обязаны были оказать просимую поддержку. Ясно было также, что если они и на этот раз останутся безучастными зрителями, то потеряют все свое политическое влияние на Западе. И все-таки многие были готовы принести эту жертву, в том убеждении, что опасность, грозящая Афинам в самой Греции, требует сосредоточения всех сил. Раньше, чем думать о новом походе против Сицилии, говорили они, нужно вернуть Халкидику. Выразителем этих взглядов в Народном собрании выступил сам Никий. Но на этот раз его собственная партия не поддержала его; Афины были связаны с Западом слишком важными торговыми интересами, чтобы состоятельные классы могли допустить падение афинского влияния в Сицилии. С другой стороны, крайняя демократия еще при Клеоне стремилась к покорению Сицилии и теперь отнюдь не была склонна изменять своим традициям.

Наконец, Алкивиад выступил со всей силою своего влияния на защиту этого предприятия, руководство которым должно было достаться ему же и которое, как он надеялся, должно было наконец открыть ему широкое поле деятельности, где он мог бы развернуть свои таланты. Итак, подавляющим большинством было решено прийти на помощь Сегесте и восстановить независимость Леонтин. Теперь и Никий уступил; мало того, он допустил, чтобы его избрали одним из начальников экспедиции; вместе с ним были избраны Алкивиад и Ламах, отличный офицер еще из школы Перикла. Раз уже нельзя было предотвратить войну с Сицилией, следовало по крайней мере позаботиться, чтобы Алкивиаду не была предоставлена в этом деле неограниченная власть.

С военной точки зрения, экспедиция, по-видимому, не могла внушать никаких опасений. Во время последней войны Афины отправили в Сицилию значительный флот, нисколько не ослабив этим перевеса своих морских сил над пелопоннесскими; тем легче могли они сделать это теперь, когда в Греции господствовал мир. И даже в том случае, если бы экспедиция не удалась, или если бы в Греции внезапно возникли новые осложнения, которые потребовали бы возвращения флота, — могущество Афин на море, казалось, вполне обеспечивало безопасность отступления.

Необходимые приготовления были поспешно сделаны, и флот стоял уже готовый к отплытию в Пирее, когда одно загадочное происшествие повергло город в сильнейшее волнение. Однажды утром почти все гермы, которыми были украшены улицы и площади Афин, оказались с разбитыми головами. Суеверная толпа увидела в этом неслыханном святотатстве дурное предзнаменование для сицилийской экспедиции; в то же время возникло подозрение о существовании заговора, направленного к ниспровержению господствующего строя. Неосновательность этого подозрения была совершенно очевидна: не говоря уже о том, что всякая попытка сокрушить главный оплот демократии при данных условиях была неминуемо обречена на неудачу, — какой заговорщик был бы настолько безрассуден, чтобы самому привлечь всеобщее внимание на свои козни? Во всяком случае одно было

ясно — что это святотатство было не просто шалостью компании пьяных кутил; для такого злодейского предприятия требовалось соглашение между многими соучастниками. Ввиду этого даны были неограниченные полномочия для расследования дела, назначена следственная комиссия и обещана награда тому, кто укажет виновных. Посыпались доносы, которые, правда, ничего не выяснили относительно оскорбления герм, но зато разоблачили целый ряд других преступлений против веры. Между прочим, Алкивиад был обвинен в том, что он представил в своем доме пародию на Элевсинские таинства. Алкивиад, конечно, тотчас потребовал суда над собою, так как преданность к нему войска, во главе которого он стоял, казалось, вполне обеспечивала ему блестящее оправдание. Но именно ввиду этого его враги старались затянуть дело; притом, эскадра была уже готова к отплытию, и ее невозможно было задерживать до тех пор, пока процесс будет окончен. Поэтому народ постановил, чтобы Алкивиад отправился в Сицилию и лишь по возвращении оправдал себя во взведенном на него обвинении. В сущности это было равносильно прекращению следствия; в самом деле, если Алкивиада считали виновным, то нельзя было оставлять в его руках командования войском, а с другой стороны, кто решился бы привлечь его к ответственности, если бы он вернулся из похода победителем?

Итак, около середины лета 415 г. флот вышел в море. Он состоял из шестидесяти афинских военных кораблей, сорока афинских триер для перевозки войска и тридцати четырех триер, снаряженных союзными государствами. Около четырех тыс. гоплитов и тысячи трехсот легковооруженных составляли десант. Для решения той трудной задачи, которая предстояла афинянам, эти силы были, конечно, недостаточны, но отличные качества флота отчасти возмещали его малочисленность. Притом, афиняне рассчитывали найти в Сицилии союзников.

Флот благополучно прибыл в Керкиру и затем, переплыв Эгейское море, достиг берегов Италии. Но здесь он встретил холодный прием; даже Регий, старый союзник Афин, отказался на этот раз поддержать их. В Сицилии так-

же были крайне озабочены афинскою экспедицией; ясно было, что целью столь обширных приготовлений было не что иное, как подчинение острова владычеству Афин. Поэтому вначале на сторону афинян стал только халкидский Наксос; родственная ему Катана последовала его примеру лишь тогда, когда афиняне проникли в город, взломав ворота; Мессена оставалась нейтральною, равно как и Камарина, которая во время последней войны стояла на стороне Афин.

Между тем в Афинах продолжалось следствие об оскорблении святыни. Многие из знатнейших граждан были заключены в тюрьму, некоторые казнены; город был охвачен лихорадочным возбуждением. Всюду чуяли заговорщиков; никто не был уверен, что по извету какого-нибудь бессовестного доносчика он не будет в ближайшую минуту арестован и казнен. В это время один из обвиненных, Андокид из Кидафенея, молодой человек из очень знатного дома, решил принести повинную: он признался, что сам вместе с несколькими друзьями изуродовал гермы. Верно ли это показание, — вопрос до сих пор нерешенный; но при данном положении вещей оно являлось спасительным выходом, и Совет и народ поспешили воспользоваться представившимся средством, чтобы выйти из невыносимого положения. Те из оговоренных Андокидом, кого удалось захватить, были казнены; за головы бежавших назначено было вознаграждение; остальные обвиненные были немедленно выпущены из тюрьмы. Доносчик был освобожден от наказания, но все-таки счел нужным покинуть отечество, куда вернулся лишь много лет спустя.

Итак, оскорбление герм было, по-видимому, отомщено; оставалось оскорбление мистерий. Между тем и по этому делу явились новые разоблачения; и опять в кощунстве обвиняли Алкивиада. Правда, вполне вероятно, что в основе этих обвинений лежала некоторая доля правды и что Алкивиад во время какой-нибудь попойки устроил у себя пародию на маскарад, который ставился в Элевсине для поучения верующих. Как бы то ни было, его враги поспешили воспользоваться этим поводом, чтобы свергнуть его с того высокого положения, которое он занимал; особенно усердство-

вал Андрокл из Питфа, один из вождей радикальной партии, бывший в это время членом Совета и пользовавшийся в нем большим влиянием. Дело в том, что крайняя народная партия не могла простить Алкивиаду его измены общему делу, которая два года назад повела к остракизму Гипербола и тем открыла Никию путь к власти. Умеренные также не имели основания особенно симпатизировать человеку, который во всех своих действиях преследовал только свои личные выгоды и всегда был готов вовлечь государство в какую-нибудь новую войну. Таким образом, против Алкивиада соединились люди, принадлежавшие к обеим партиям; обвинение внес сын Кимона Фессал. Постановлением Народного собрания Алкивиад призывался домой, чтобы немедленно дать ответ на суде.

Алкивиад мог бы не подчиниться этому требованию, опираясь на свою популярность в войске; удобным предлогом для этого могло бы послужить предшествовавшее постановление народа об отсрочке процесса до окончания войны. К тому же аттическое правительство было так мало уверено в успехе, что категорически приказало своим послам избегать открытого насилия. Но в решительную минуту у Алкивиада все-таки не хватило духа переступить границы законности; может быть, он рассчитывал на то, что его появления в Афинах будет достаточно, чтобы устранить всякую опасность. Однако, едва лишь он пустился в обратный путь, как положение вещей представилось ему в ином свете; поэтому он в Фуриях скрылся со своего корабля и отправился в добровольное изгнание. Этим он сам произнес приговор над собою, и состоявшийся теперь заочно процесс окончился, естественно, его осуждением. Алкивиад и обвиненные вместе с ним дядя его Аксиох из Скамбонид, двоюродный брат Алкивиад из Фега и земляк Адеймант были приговорены к смерти, память их предана проклятию, имущество конфисковано.

Теперь Никий и Ламах были единственными начальниками афинского флота. Они употребили конец лета на поездку в Сегесту, причем убедились, что с этой стороны нельзя рассчитывать на сколько-нибудь значительную поддерж-

ку. Наконец, позднею осенью они высадились у Сиракуз. На равнине, прилегающей к большой гавани, возле храма олимпийского Зевса, они дали битву всему сиракузскому ополчению, которое, несмотря на численный перевес, потерпело полное поражение. Впрочем, эта победа осталась бесплодною, так как, ввиду позднего времени года, Никий решил отложить начало осады до следующей весны. Войско вернулось в Наксос и Катану и расположилось там на зимние квартиры.

Таким образом, афиняне без пользы потеряли половину лета. В течение наступившей зимы они тщетно старались привлечь на свою сторону Мессену. Больше успеха имели они у сикелов, которые в Сиракузах видели своего естественного врага и поэтому охотно помогали афинянам, поскольку их не сдерживали сиракузские гарнизоны. По той же причине на сторону афинян перешли и некоторые тирренские города. Камарина, которую обе стороны старались привлечь к себе, выразила желание сохранить нейтралитет, но затем тайно послала вспомогательный отряд сиракузцам. Акрагант тоже оставался нейтральным; точно так же и Карфаген отклонил попытки афинян к сближению. Однако Афины добились по крайней мере того, что, кроме Селинунта и Гелы, ни один город Сицилии не вступил в открытый союз с Сиракузами.

Весною афиняне, наконец, открыли решительные военные действия против Сиракуз (414 г.). Хотя сиракузцы имели целую зиму, чтобы приготовиться к осаде, однако они и на этот раз были застигнуты врасплох. Афинянам удалось без сопротивления овладеть холмом Эпиполы, возвышающимся в западной части города и господствующим в стратегическом отношении над всею окрестностью; попытка сиракузцев отнять у них эту позицию была отбита с уроном. Теперь афинянам нужно было еще построить вал длиною около 5 км, от гавани Трогил на севере до большой гавани на юге, чтобы отрезать городу сообщение с внутреннею частью острова. Напрасно осажденные старались помешать ходу этих работ вылазками и возведением окопов. Во всех столкновениях одерживали верх афиняне; правда, в одном из этих

сражений пал стратег Ламах, энергии которого они главным образом были обязаны своими успехами. Но мужество осажденных было сломлено; афиняне провели свою осадную линию от холма в западной части города до большой гавани, в которую теперь пришел и флот, стоявший до тех пор к северу от Сиракуз, у Фапса. Хотя северная половина осадных сооружений еще не была готова, но окончание их было, по-видимому, лишь вопросом короткого времени, и в Сиракузах уже начали думать о капитуляции.

Но в последнюю минуту осажденный город был спасен. Еще зимою сиракузцы отправили послов в Коринф и Спарту, и им была обещана помощь; для самих пелопоннесцев было чрезвычайно важно предотвратить подчинение Сицилии Афинам. Начальником вспомогательного отряда был назначен человек, с которым никто в Спарте не мог сравниться по знанию Запада, — Гилипп, сын того Клеандрида, который, будучи осужден на изгнание в 444 г., поселился в Фуриях и скоро приобрел там большое влияние на общественные дела. Гилипп понимал, что нужна прежде всего скорая помощь; и так как снаряжение предназначенной для Сицилии эскадры производилось с обычною в Пелопоннесе медлительностью, то он отплыл пока только с 4 триерами, благополучно прошел Мессинский пролив, который Никий упустил из виду запереть, и высадился на северном берегу острова, в Гимере. Гимерийцы согласились предоставить в его распоряжение отряд из тысячи пехотинцев и ста всадников; из Селинунта, Гелы и от окрестных сикелов также пришли подкрепления, так что вскоре под начальством Гилиппа собралось около трех тыс. человек, с которыми он двинулся поперек острова к Сиракузам. Он поспел сюда как раз вовремя, так что ему удалось пройти в город через интервал в осадной линии афинян. Если и материальная поддержка, оказанная городу Гилиппом, была довольно велика, то еще гораздо важнее было нравственное влияние его прихода. Сознание, что они не покинуты своими пелопоннесскими соплеменниками, что во главе их стоит спартанец и что они могут рассчитывать на дальнейшие подкрепления, подняло дух сиракузцев. Гилипп немедленно начал наступление; в то время как он сам при

помощи ловкого маневра задержал главные силы афинян в их укреплениях, одному отряду его войска удалось стремительною атакою отбить холм Эпиполы. Теперь оставалось соединить эту важную позицию с городом посредством укрепленной линии. Последняя пересекла бы под прямым углом направление афинских окопов и сделала бы невозможным их окончание; поэтому Никий должен был во что бы то ни стало помешать возведению сиракузских укреплений. Он вывел свое войско из-за окопов и принял вызов противника. В первом сражении победу одержали афиняне, но они все-таки не были в состоянии помешать ходу неприятельских работ, и когда через некоторое время произошла вторая битва, Гилипп сумел лучше воспользоваться своим численным перевесом, и афиняне были отброшены за линию своих укреплений. Теперь сиракузцы могли совершенно спокойно кончать свою стену; опасность полного обложения города неприятелем была устранена.

Никию приходилось ограничиваться оборонительными действиями на суше. Чтобы обеспечить себе на всякий случай по крайней мере сообщение с открытым морем, он тотчас по прибытии Гилиппа укрепил мыс Племмирий, который, выдаваясь в море с юга напротив города, господствует над входом в большую гавань. Между тем положение афинского войска становилось с каждым днем более серьезным. Неприятель беспрестанно получал новые подкрепления. Еще осенью пришло 12 коринфских кораблей; следующею весною (413 г.) Гилипп привел новые вспомогательные отряды из сицилийских городов; пелопоннесцы и беотийцы прислали 1600 гоплитов. Теперь сиракузцы и их союзники решились помериться с неприятелем и на море; афинский флот находился в плачевном состоянии, корабли, которым приходилось постоянно быть в действии, большею частью пришли в негодность, экипажи поредели вследствие болезней и побегов. Тем не менее первое столкновение на море окончилось неблагоприятно для сиракузцев; но во время морской битвы Гилипп с сухопутным войском завладел укреплениями на Племмирии. Это в высшей степени затруднило афинянам вход в большую гавань. Вскоре сиракузцы возобновили

также морскую битву, и на этот раз с бóльшим успехом; афиняне потерпели поражение в своей родной стихии и были отброшены в свой лагерь. Теперь Никий был заперт со всех сторон и обречен на гибель, не явись тотчас подкрепление.

В то время как в Сицилии происходила описанная выше борьба между афинянами и пелопоннесцами, в Греции также вспыхнула открытая война между обеими державами. До сих пор противники хотя и вредили друг другу на стороне при каждом удобном случае, но воздерживались от прямого нашествия на неприятельскую территорию. Но когда летом 414 г. лакедемонская армия вступила в Арголиду и опустошила эту область на большом пространстве, афиняне не могли долее оставаться безучастными зрителями. Для того, чтобы отвлечь врага от союзного города, к берегу Лаконии пристала аттическая эскадра.

Если до сих пор спартанцы не решались вторжением в Аттику нарушить священный мир, то теперь они получили свободу действий. Весною 413 г. союзное пелопоннесское войско, под предводительством царя Агиса, опять перешло границу Аттики — в первый раз после 12-летнего промежутка. На этот раз спартанцы не ограничились, как бывало прежде, кратковременным вторжением. Они доказали, что уроки, данные им неприятелем, не пропали даром. Опустошив равнину вокруг Афин, Агис построил укрепленный лагерь на высотах Декелеи, приблизительно в 20 км от столицы и на таком же расстоянии от беотийской границы; это была необыкновенно удобная позиция, так как она обеспечивала спартанцам стратегическое господство над всею северною частью Аттики. Здесь остался сам Агис с сильным гарнизоном, который держал Афины в постоянном страхе и заставлял граждан беспрерывно отправлять изнурительную сторожевую службу на стенах. Об обработке земли теперь, конечно, не могло быть и речи; скотоводство пришло в упадок вследствие недостатка в корме, и рабы начали тысячами убегать из города к неприятелю.

Но несмотря на то, что неприятель стоял у самых ворот города, в Афинах не хотели и слышать о прекращении сици-

лийской экспедиции. Еще зимою Никию послали в помощь по его просьбе десять кораблей; теперь снарядили вторую экспедицию, по размерам почти не уступавшую той, которая два года назад была отправлена на запад. Начальником ее был назначен Демосфен, победитель при Сфактерии, наиболее прославленный из афинских полководцев этого времени; вместе с ним был послан Эвримедонт, который уже в предыдущей войне командовал войсками в Сицилии. В Италии афиняне на этот раз встретили лучший прием; Метапонт выставил две триеры и 300 копейщиков; Фурии, где революция незадолго перед тем поставила у кормила правления афинскую партию, — 700 гоплитов и тоже 300 легковооруженных. Около середины лета флот прибыл к Сиракузам — как раз вовремя, чтобы спасти Никия от верной гибели.

Демосфен и Эвримедонт привели с собою 73 триеры с пятью тыс. гоплитов и большим количеством легковооруженных. Это сразу изменило положение дел, афиняне снова стали более сильной стороною, и Демосфен на этом основании требовал немедленного перехода к энергичному наступлению. Все зависело от обладания Эпиполами, и так как открытые нападения на сиракузские укрепления не увенчались успехом, то решено было штурмовать их ночью. Сначала все шло отлично; при свете луны афиняне взобрались на гору, напали с тыла на неприятельские сооружения и обратили в бегство гарнизон. Но во время дальнейшего передвижения по направлению к городу афинское войско пришло в расстройство; неприятель, оправившись от первого испуга, снова выстроился в боевом порядке, и афиняне в свою очередь были отбиты. Среди суматохи ночной битвы все войско тотчас рассыпалось в беспорядочном бегстве; наконец, афиняне с большим уроном спустились с крутых высот в свой лагерь (начало августа 413 г.).

Теперь Демосфен справедливо считал дальнейшее продолжение осады бесполезным. Никий сначала противился этому; он боялся ответственности за неудачу экспедиции и все еще питал нелепую надежду с помощью своих связей в Сиракузах овладеть городом. Наконец, потеряв напрасно несколько недель, он также дал свое согласие. Вечером

27 августа флот был готов отплыть с войском, как вдруг наступило лунное затмение. Войска сочли это за дурное предзнаменование, и Никий, который сам был не менее суеверен, чем его моряки, и которому, кроме того, отсрочка была очень на руку, воспротивился отплытию и заявил, что остается до новолуния. Это замедление решило участь войска, так как сиракузцы поставили себе теперь целью отрезать осаждающим отступление и уничтожить их перед стенами своего города. Они снова предложили неприятелю морское сражение, от которого тот не мог отказаться, если не хотел быть отрезанным от моря. Но при малых размерах гавани афиняне не могли воспользоваться своею ловкостью в маневрировании; притом их корабли в прочности постройки далеко уступали пелопоннесским и сиракузским триерам. Таким образом, несмотря на численное превосходство афинян, день окончился их полным поражением; стратег Эвримедонт пал, 18 кораблей из находившихся на берегу были взяты в плен. Теперь гавань была в руках сиракузцев, и они поспешили закрыть вход в нее. Правда, афиняне сделали еще последнюю отчаянную попытку прорвать блокаду. Они спустили на воду все сколько-нибудь годные к плаванию суда своего флота, числом 110, и повели их против неприятеля, который имел в своем распоряжении только 76 триер. Но и теперь все их усилия были напрасны; потеряв 50 кораблей, афиняне принуждены были возвратиться в свой лагерь.

Армия была совершенно деморализована; о новой морской битве нечего было думать. Оставаться дольше в лагере тоже было невозможно, так как припасы приходили к концу; не оставалось ничего другого, как вернуться сухим путем. Весь багаж, всех больных и раненых пришлось бросить, флот сделался добычею неприятеля. Ближайшим дружественным городом была Катана; но прямой путь к ней был прегражден неприятельскими укреплениями на Эпиполах, и попытка афинян проложить себе дорогу вдоль Анапа вверх по направлению к Акрам была отбита сиракузцами. Таким образом, оставалась только побережная дорога, которая вела от Сиракуз в юго-западном направлении через Гелор в Кама-

рину. Афиняне все еще располагали армиею тысяч в 20—25, состоявшей, впрочем, большею частью из негодных для сухопутной войны моряков. При разумном руководстве такое войско все-таки, вероятно, могло бы быть спасено; но его-то именно недоставало армии, как недоставало ей и необходимой дисциплины. Вожди не позаботились даже о том, чтобы войско не разбилось на части. Никий, командовавший авангардом, шел вперед, не обращая внимания на Демосфена, который вел арьергард и вследствие постоянных нападений преследовавших его сиракузцев принужден был подвигаться медленнее. Поэтому между обеими частями афинской армии оказалось большое расстояние, и неприятель мог со всей своей силою ударить на Демосфена, который после мужественного сопротивления должен был сдаться. 6000 человек сложили оружие.

Теперь очередь дошла до Никия. Неотступно преследуемый неприятельскими всадниками и легковооруженными отрядами, он дошел до Ассинара, одной из мелких речек, стекающих с Герейских гор в Ионическое море. Здесь его войско пришло в полное расстройство, и после страшного кровопролития Никий с остатком своей армии сдался победителю (середина сентября). Так как не произошло формальной капитуляции, то большинство пленников досталось в добычу солдатам победившего войска. „Вся Сицилия наполнилась ими", говорит историк, описавший эту войну. Впрочем, немалая часть афинской армии спаслась в Катану.

Таким образом, сиракузцы одержали полную победу — победу, какой до тех пор ни разу не одерживали эллины над эллинским войском. Но они запятнали свой успех варварскою местью безоружному неприятелю. Оба полководца, Никий и Демосфен, были, вопреки греческому военному праву, казнены; тщетно Гилипп старался спасти их. Из остальных пленников те, которые попали в руки правительства, были заключены в каменоломни, в те обширные, глубоко врезывающиеся в скалы, *латомии,* которые теперь покрыты роскошною растительностью и являются для посетителя Сиракуз одним из самых привлекательных уголков, а в то время, еще совершенно голые, представляли вид безотрадной

пустыни. Здесь пленники провели более двух месяцев, подвергаясь всем неистовствам погоды и обреченные на самое скудное питание; затем они были проданы в рабство, за исключением собственно афинян и их союзников из Италии и Сицилии. Последние оставались в заточении еще до следующей весны; о дальнейшей участи несчастных, переживших эту страшную зиму, Фукидид не счел нужным упомянуть.

Известие об этой катастрофе, как громом, поразило всю Элладу; ореол непобедимости, окружавший афинский флот со дня Саламинской битвы, исчез. Пелопоннес вооружался, готовясь помериться силою с афинянами уже и на море; Сиракузы обещали помощь, множество городов, входивших в состав Афинской державы, собирались отложиться от нее. Никто в Греции не верил, чтобы Афины после стольких потерь оказались в состоянии выдержать хотя бы еще одну кампанию.

Но в Афинах и теперь не падали духом. Государство еще держалось; афинский флот все еще превосходил все остальные флоты в Греции как по численности, так и по качеству. Казна также еще далеко не была вполне исчерпана, — еще совершенно цел был запасный фонд в тысячу талантов, отложенный в самом начале войны на случай крайней необходимости. Другим счастливым обстоятельством было то, что сицилийская катастрофа произошла в конце лета и, следовательно, в этом году уже нечего было опасаться неприятельского нашествия. В распоряжении афинян была целая зима, чтобы приготовиться к предстоявшей решительной борьбе.

Те крайние демагоги, которые были виновниками сицилийской экспедиции, — Пейсандр, Андрокл, Демострат и их товарищи — потеряли теперь, конечно, всякое влияние. Мало того, общество начало приходить к убеждению, что неограниченная демократия, какую установили Эфиальт и Перикл, вообще не в состоянии вывести государство из предстоявшего ему кризиса; оно сознало необходимость укрепить правительственную власть в противовес изменчивому большинству Народного собрания. Результатом этого пере-

ворота в общественном мнении была реформа государственного устройства. Высшим правительственным учреждением была сделана Коллегия десяти пробулов, которые были избраны Народным собранием из среды пожилых испытанных людей и на которых возложена была бóльшая часть обязанностей, лежавших со времен Клисфена на Совете. Высшее управление финансами также было отнято у Совета и передано новому учреждению, Коллегии пористов. Во внутреннем управлении решено было соблюдать крайнюю бережливость; однако главной язвы бюджета, жалованья гражданам за исполнение политических и судебных обязанностей, еще не решились коснуться.

Одновременно с этой реформою предпринято было преобразование податной системы. Подати союзников уже в 424 г. были увеличены до такой меры, что о дальнейшем повышении их нельзя было думать, особенно в данный момент, когда держава колебалась в своих основах. Поэтому решено было совершенно уничтожить их и заменить пятипроцентною пошлиной со всех товаров, ввозимых и вывозимых из гаваней союзного государства. От этой меры ожидали прежде всего увеличения государственных доходов; другое преимущество новой системы заключалось в том, что она устраняла насильственное взыскание недоимок, которое более всего другого возбуждало ненависть союзников против афинского владычества. Так как взимание пошлин всюду отдавалось на откуп подрядчикам, то реформу удалось провести без большого труда; единственное отличие нового порядка от старого состояло в том, что сбор отдавался теперь на откуп от лица государства. Это был, конечно, важный шаг со стороны Афин по пути к объединению государства; но при данном положении дел были бы уместны еще гораздо более решительные меры. Во всяком случае эта система оказалась удобною, потому что, когда во время Коринфской войны Афины принялись восстановлять распавшуюся державу, они вернулись не к системе податей, а к системе портовых пошлин.

Между тем Афинское государство начало распадаться. Важнейшие острова — Эвбея, Лесбос и Хиос — тайно от-

правили послов к Агису в Декелею или прямо в Спарту и заявили о своей готовности отпасть, как только у их берегов покажется пелопоннесский флот. В Спарте решено было прежде всего протянуть руку Хиосу, присоединение которого, ввиду значительности его флота и богатства финансовых средств, представлялось особенно важным. В Коринфе снаряжена была эскадра в двадцать одну триеру, предназначенная для отправки к Хиосу, но коринфяне наотрез отказались выйти в море до окончания предстоявших Истмийских празднеств. Благодаря этому в Афинах узнали о замыслах врагов, и когда пелопоннесцы, наконец, отплыли, они были встречены не менее сильным афинским флотом и принуждены искать убежища в Пирее, уединенной гавани на границе между Коринфом и Эпидавром. Здесь они подверглись блокаде со стороны афинян.

Тем временем из Лаконии отправилась прямо к Хиосу эскадра в пять кораблей под начальством спартанца Халкидея. Его появления в гавани было достаточно, чтобы город перешел на сторону пелопоннесцев (около середины лета 412 г.); Эрифры, Клазомены, Теос тотчас последовали примеру могущественного соседа. Экипаж пелопоннесских кораблей остался на Хиосе в качестве гарнизона: сам Халкидей с 25 хиосскими кораблями отплыл дальше, к Милету, и склонил его также к отложению, между тем как другая хиосская эскадра, поддерживаемая сухопутным войском, заставила примкнуть к восстанию соседние с Теосом города Эры и Лебедос. Затем 13 хиосских кораблей отправились к Лесбосу, где оба главных города, Метимна и Митилена, тотчас же перешли на их сторону; то же самое сделали и Кима, и Фокея на противолежащем Лесбосу материке.

Наконец, к союзу против Афин примкнула теперь и Персия. Отношения между обеими державами никогда не были хороши, а в последние годы еще значительно ухудшились. Дело в том, что малоазиатские сатрапы воспользовались войною Афин с Пелопоннесом для расширения пределов своего господства в Ионии; еще в 430 г. Колофон был взят персами, а во время Сицилийской войны к ним перешел, по-видимому, Эфес. Персия вступила в переговоры и со

Спартою, однако безуспешно. С другой стороны, афинское правительство оказало поддержку восстанию сатрапа Писсуфна против персидского царя, а затем, после подавления мятежа, взяло под свою защиту сына Писсуфна, Аморга, который бежал в Ясос вблизи Милета. Теперь сицилийская катастрофа, казалось, давала Персии возможность осуществить ее старые притязания на греческие прибрежные города в Малой Азии. Немедленно, еще зимою 413/412 г., Фарнабаз, сатрап Фригии при Геллеспонте, и Тиссаферн, новый сардский сатрап, завязали переговоры со Спартою и, как только Милет перешел к пелопоннесцам, Тиссаферн именем царя заключил с ними союз. Пелопоннесцы признали право царя на все области, принадлежавшие раньше ему самому и его предкам; царь со своей стороны обязался платить жалованье действовавшему в азиатских водах пелопоннесскому флоту впредь до окончания войны с Афинами. Таким образом, пелопоннесцы сразу избавились от всяких финансовых забот — правда, ценою выдачи азиатских греков варварам. Но об этом пелопоннесцы мало беспокоились; напротив, они заключали договор с заднею мыслью отнять у персов их добычу, как только покончат с Афинами. Однако, и Спарте пришлось убедиться, что, вызвав духов, их не всегда бывает легко прогнать обратно. Пример, поданный Спартою, нашел среди ее врагов немало подражателей; таким образом, Милетский договор оказался первым звеном в той роковой цепи событий, которая в течение немногих десятилетий должна была сделать царя Персии верховным судьею во всех греческих делах.

Между тем афиняне усердно готовились к предстоявшей войне, понимая, что она будет борьбою на жизнь и смерть. Получив известие об отложении Хиоса, они решили тронуть ту тысячу талантов, которая раньше была отложена как последний запас на случай крайней нужды. Эскадра из восьми триер, тотчас отплывшая в Самос под командою Стромбихида, была, конечно, слишком слаба сравнительно с превосходными морскими силами Хиоса, чтобы удержать другие города от отложения. Но скоро стали приходить подкрепления за подкреплениями: сначала 12 кораблей под на-

чальством Фрасикла, затем 16 под командою Диомедонта и наконец 10 под командою Леонта; теперь Лесбос и Клазомены были снова покорены, Милет обложен блокадою, на Хиос были высажены войска, граждане его разбиты в нескольких сражениях и богатый остров сильно опустошен. Между тем запертым в Пирее пелопоннесским кораблям удалось прорвать афинскую блокаду и найти убежище в Кенхреях, коринфской гавани у Саронического залива. Сюда прибыл к флоту лакедемонский адмирал Астиох и тотчас с четырьмя кораблями отплыл в Хиос.

К концу лета в Ионию отправился еще один афинский флот: 48 триер под командою Фриниха, Ономакла и Скиронида, с десантом в 3500 гоплитов, из которых 1500 были аргосцы. Войско высадилось близ Милета; граждане и их пелопоннесские и персидские союзники были разбиты в открытом сражении перед городом, и афиняне уже готовились начать осаду, когда пришло известие о приближении сильного неприятельского флота. Он состоял из 55 триер, в числе которых были 22, присланные Сиракузами и Селинунтом на помощь их пелопоннесским союзникам. Афиняне не рискнули вступить в морское сражение с таким флотом в виду Милета, потому что в случае поражения их сухопутное войско неминуемо погибло бы; поэтому они посадили войско на корабли и возвратились в Самос. Аргосцы, понесшие в битве при Милете очень тяжелые потери, отправились домой; по-видимому, Аргос вскоре затем заключил мир со Спартой; по крайней мере мы не имеем никаких известий о его дальнейшем участии в войне. Пелопоннесцы соединились с теми 25 хиосскими кораблями, которых афинская блокада до сих пор держала в Милетской гавани. Неожиданным нападением они взяли Ясос, столицу Аморга, а его самого захватили в плен и выдали Тиссаферну, которому они отдали также и город. Пелопоннесские наемники Аморга перешли на службу к своим землякам и были отправлены в Хиос под начальством спартанца Педарита. Лакедемонский адмирал Астиох отправился в Милет и принял начальство над главным пелопоннесским флотом.

Между тем афиняне перевели в Самос стоявшую у Хио-

са эскадру, чтобы сравняться в силах с 80 пелопоннесскими кораблями, собравшимися у Милета. Осенью они получили новое подкрепление в 35 триер, и это дало им возможность возобновить нападение на Хиос. Главные силы, именно 74 корабля, остались у Самоса, а 30 кораблей с десантом отправились в Хиос, где они заняли сильную позицию около храма Аполлона Дельфиния, к северу от города. Теперь Хиос был заперт и с моря, и с суши; скоро в городе начал обнаруживаться голод, рабы массами перебегали к осаждающим, в среде граждан снова подняла голову аттическая партия, и только при помощи беспощадной строгости Педарит мог поддерживать порядок. Наконец, потеряв надежду получить помощь от соединенного пелопоннесского флота, он попытался спасти город вылазкой, но потерпел полное поражение и сам пал в битве.

Между тем Книд также отложился и перешел на сторону Тиссаферна и пелопоннесцев; попытка афинян взять открытый город штурмом не имела успеха. В середине зимы из Пелопоннеса отправилось в Азию новое подкрепление — эскадра в 27 кораблей, но из страха перед более сильным афинским флотом она не решилась идти прямо к Милету и в конце концов попала в Кавн на южном берегу Карии. Чтобы воспрепятствовать соединению этой эскадры с главными силами пелопоннесцев, афиняне послали из Самоса в родосские воды 20 триер под начальством Хармина; но у небольшого острова Симы они неожиданно подверглись нападению соединенного пелопоннесского флота под командой Астиоха и потерпели поражение, потеряв 6 кораблей. Затем лакедемонский адмирал призвал к себе стоявшую в Кавне эскадру и с 94 триерами направился к Родосу, который тотчас передался ему; экипаж флота остался на этом богатом острове до наступления весны.

Таким образом, афиняне теперь, в начале 411 г., владели в Ионии и Карии только островами, Лесбосом, Самосом и Косом, и прибрежными городами Галикарнасом и Нотием. Правда, на Геллеспонте, во Фракии и на Кикладских островах их господство еще не было поколеблено; но никто не мог сомневаться в том, что и здесь начнутся отпадения, как

только покажется пелопоннесский флот. Да и вообще было невероятно, чтобы Афины могли выдержать продолжительную борьбу с коалицией между пелопоннесцами, Сиракузами и Персией; уже одно истощение финансовых средств должно было привести к крушению государства. Действительно, казна почти иссякла, а доходы значительно уменьшились вследствие занятия неприятелем Декелеи и отпадения Ионии; между тем морская война требовала все бóльших расходов.

Под влиянием этих обстоятельств в Афинах усилилось олигархическое движение; казалось, пришло время окончить то, что было начато после сицилийской катастрофы. Большая часть умственной и родовой аристократии Афин соединилась с целью произвести переворот. Во главе движения стал Антифон из Рамна, один из первых ораторов и первый адвокат своего времени, человек, который никогда не скрывал своего олигархического образа мыслей и именно по этой причине держался до сих пор по возможности в стороне от общественной жизни. Его сотрудниками был целый ряд философски и риторически образованных людей, как Архептолем из Агрилы, сын знаменитого архитектора и политика Гипподама Милетского, которому в награду за заслуги было даровано право афинского гражданства, софист Андрон, трагик Меланфий, и в особенности Ферамен из Стеирии, отец которого, Гагнон, когда-то был близким другом Перикла, а теперь, находясь в преклонном возрасте, занимал должность пробула и, таким образом, стоял у кормила власти. Далее, к этой же партии принадлежало множество других лиц из лучших фамилий города, как Мелесий из Алопеки, — сын того Фукидида, который поколение назад боролся с Периклом за первенство в государстве, — бывшие стратеги, как Аристарх, Аристократ, Лесподий, практические политики, как Пейсандр, старый демократ и приверженец Клеона, превратившийся теперь в олигарха. Кроме того, можно было рассчитывать на поддержку правительства, потому что пробулы в Афинах, как и большинство флотских офицеров на Самосе, сочувствовали плану государственного переворота.

Алкивиад также был готов оказать поддержку движе-

нию. Со дня изгнания им нераздельно владела одна мысль — о возвращении в отечество, и он хорошо понимал, что осуществление ее будет возможно лишь тогда, когда тяжелые поражения смирят гордость Афин. Поэтому он не задумался употребить все свое влияние в Спарте, чтобы побудить ее к войне с Афинами, и когда война наконец вспыхнула, — всеми силами содействовать ионийскому восстанию. Затем он в Милете тесно сблизился с Тиссаферном и этим навлек на себя подозрение лакедемонян, так как дружественные отношения, существовавшие между Спартою и сатрапами, как раз в это время стали заметно охладевать: Тиссаферн отлично понимал, что пелопоннесцам нужны только персидские деньги, но что они вовсе не намерены выдавать царю азиатских греков. При таких условиях Алкивиад не мог долее оставаться в Милете; он отправился ко двору сатрапа и приложил здесь все старания, чтобы усилить разрыв между союзниками. Действительно, Тиссаферн стал платить жалованье пелопоннесскому флоту неаккуратно и лишь в уменьшенном размере.

Теперь Алкивиад завязал переговоры с афинскими офицерами на Самосе. Он обещал устроить союз между Афинами и царем, но ставил условием своего посредничества свержение той демократии, которая четыре года назад заставила его уйти в изгнание. С этим предложением отправился из Самоса в Афины Пейсандр, находившийся при флоте в должности триерарха. Там требование Алкивиада сначала вызвало, конечно, бурю негодования, но в конце концов одержало верх сознание, что для Афин не может быть спасения, пока им приходится бороться с союзом пелопоннесцев и персидского царя. Поэтому народ решил отправить посольство к Тиссаферну для переговоров в смысле сделанного Алкивиадом предложения.

Однако оказалось, что Алкивиад обещал больше, чем был в состоянии исполнить; Тиссаферн вовсе не был склонен доводить дело до открытого разрыва с пелопоннесцами, которые владели всем побережьем его сатрапии и против флота которых он был совершенно бессилен. Он поставил афинским послам требования, на которые они не могли со-

гласиться, и затем немедленно заключил новый договор с пелопоннесцами, приняв все их условия. Этот договор признал „земли царя, лежащие в Азии", подвластными персам, но обошел молчанием вопрос, относятся ли к этим землям и прибрежные греческие города; Тиссаферн обязался взамен продолжать уплату жалованья находившемуся теперь в азиатских водах пелопоннесскому флоту, пока царь сам не пошлет флот в Эгейское море; мир с Афинами мог быть заключен только с согласия обеих договаривающихся сторон.

Таким образом, Афины менее, чем когда-либо, могли теперь рассчитывать на соглашение с Персией; но дело было уже настолько подготовлено, что олигархи могли надеяться осуществить свои планы и без этого соглашения. Действительно, в Афинах все шло как нельзя лучше. Еще во время переговоров были убиты Андрокл и другие вожаки радикальной демократии; чернь была совершенно терроризована, и, когда послы вернулись от Тиссаферна, почва была уже вполне подготовлена для политического переворота. Военная помощь, которую обеспечила себе олигархическая партия, отозвав часть гоплитов с Кикладских островов и из Эгины, оказалась излишнею. Благодаря содействию правительства все совершилось в законной форме; постановлением Народного собрания демократическое устройство было отменено и политические права признаны лишь за пятью тыс. наиболее достаточных граждан. Избираемый по жребию Совет пятисот, потерявший значительную часть своей компетенции еще два года назад, при учреждении Коллегии пробулов, теперь был совершенно устранен; членам уплатили жалованье до конца года и попросту попросили их разойтись по домам (14 фаргелиона, май 411 г.). Место распущенного совета занял новый совет из четырехсот членов, которые на первый раз были избраны вождями движения, а в будущем должны были избираться из числа пяти тыс. Этот совет, получивший неограниченные полномочия, избрал из своей среды стратегов и остальных должностных лиц, и на его усмотрение было предоставлено, созвать ли и когда созвать собрание пяти тыс. Кроме того, принято было за правило, что впредь никто не должен получать вознаграждения

за отправление государственных должностей; при стесненном финансовом положении государства это была очень благодетельная мера.

Между тем на Самосе также началось движение. Предшествовавшим летом здесь произошло восстание демоса против землевладельцев, из которых 200 были убиты, а 400 подверглись изгнанию; остальные землевладельцы, которых народ пощадил, были лишены всех политических прав. Вследствие этого Афины вернули самосцам автономию, которую отняли у них после восстания 440 г. Теперь состоятельный класс на Самосе решил воспользоваться благоприятной минутой, чтобы вернуть себе господствующее положение на острове; с этой целью он вошел в соглашение с офицерами афинского флота, принадлежавшими к олигархической партии. И здесь, как в Афинах, заговорщики начали с того, что посредством убийства избавились от самого решительного своего противника — демагога Гипербола, который, шесть лет назад изгнанный из Афин остракизмом, жил на Самосе в ожидании своего возвращения (выше, т.I, с.444). Но громадное большинство солдат афинского флота состояло из приверженцев демократии и потому отказало офицерам в повиновении. Благодаря этому олигархическое восстание было легко подавлено; стратеги и часть младших офицеров флота были отрешены от должности, и избраны новые стратеги; в числе последних были состоявшие до тех пор в должности триерархов Фрасибул и Фрасилл, которые стали во главе демократического движения. Вся армия и все граждане Самоса торжественной клятвою обязались оставаться верными демократии.

Спрашивалось, как быть дальше. Положение самосских демократов между пелопоннесским флотом, с одной стороны, и афинскими олигархами, с другой, было невыносимо. Спасения можно было ждать только от одного человека — от Алкивиада. Поэтому его призвали в Самос и избрали в стратеги, что́ при выдающихся способностях Алкивиада было равносильно назначению его главнокомандующим флотом. Хотя союз с Тиссаферном, на который рассчитывали афиняне, и теперь не осуществился, однако сатрап снова

стал менее усердно помогать пелопоннесцам и — что́ было важнее — отправил назад финикийский флот в 147 триер, который уже дошел до Аспенда в Памфилии и появление которого в Эгейском море, вероятно, неминуемо повлекло бы за собою гибель Афин.

Теперь афинское правительство решило войти в соглашение с флотом, и Алкивиад не отверг протянутой руки. Благодаря его влиянию экипаж отказался от намерения идти на Пирей, что́ повело бы к потере всех афинских владений в Ионии и на Геллеспонте. Он даже изъявил готовность признать олигархию 5000, но с тем условием, чтобы был восстановлен Совет пятисот избираемых по жребию и устранено правительство четырехсот.

Это предложение возымело свое действие в Афинах. Умеренные члены правительственной коллегии были готовы принять условия Алкивиада; Антифон же и его ультраолигархические друзья зашли так далеко, что для них уже не было возврата. Но они понимали, как шатко их положение, и обратились к последнему средству, которое еще могло спасти их, — к соглашению со Спартою во что бы то ни стало. Мирные переговоры были начаты еще тотчас после водворения олигархии, но они потерпели неудачу вследствие тяжести условий, которые сочла возможным поставить Спарта, пользуясь благоприятным политическим положением: теперь Антифон готов был на все согласиться и даже пожертвовать независимостью государства, лишь бы сохранить олигархию. Конечно, не было никакой надежды добиться согласия на эти условия со стороны граждан или по крайней мере большинства членов Совета; поэтому нужно было принять меры, чтобы в случае надобности осуществить этот план наперекор воле народа. С этою целью правительство приступило к укреплению косы Этионеи, которая господствует над входом в Пирей и обладание которой давало олигархам возможность во всякое время впустить в гавань пелопоннесский флот и, таким образом, без сопротивления предать Афины во власть неприятеля.

Но этим олигархия только ускорила свое собственное падение. Укрепление Этионеи возбудило всеобщее подозре-

ние, и один из наиболее влиятельных членов правительства, стратег Ферамен, стал во главе оппозиции. Фриних, один из крайних олигархов, был убит на рынке, и убийца не был разыскан. Когда вслед затем у Эгины появился пелопоннесский флот, среди гоплитов в Пирее вспыхнул открытый мятеж. Разрушив этионейское укрепление, гоплиты двинулись к городу. Однако ни одна из сторон не решилась довести дело до крайности; заключен был договор, в силу которого правительство обязывалось составить, наконец, список пяти тыс. граждан, облекавшихся отныне политическими правами. Собрание этих пяти тыс. должно было из своей среды избрать новый совет, дабы государство вернулось к законным порядкам.

Все эти события, конечно, сильно тормозили военные операции, и противники не замедлили извлечь из этого свои выгоды. Еще зимою, во время приготовлений к олигархическому перевороту, подвластный Афинам город Ороп, на северной границе Аттики, вследствие измены перешел в руки беотийцев. С наступлением весны (411 г.) спартанец Деркилид с небольшим отрядом двинулся сухим путем из Милета к Геллеспонту, где Абидос и Лампсак тотчас передались ему. Правда, последний город был скоро снова покорен афинянами, которые, получив известие об этих событиях, пришли с Хиоса с 24 кораблями. Но ради этого пришлось снять блокаду Хиоса; только Дельфиний был по-прежнему занят афинянами. Когда затем летом в Геллеспонте появилась пелопоннесская эскадра из десяти триер, от Афин отложилась и Византия, имевшая важное значение, и ее примеру тотчас последовали соседние города Калхедон, Селимбрия, Перинф и Кизик.

Таким образом, афиняне потеряли и бóльшую часть геллеспонтской провинции: в их руках оставались теперь здесь почти только фракийский Херсонес, населенный афинскими клерухами (выше, т.I, с.397), и Лампсак на азиатском берегу. Во фракийской провинции также подготовлялись отпадения. Важнейшим союзным городом в этой части государства был Фасос, который до повышения податей в 424 г. платил Афинам ежегодно 30 талантов, а теперь, вероятно, — более чем вдвое против этой суммы. Здесь афинские олигархи весною

свергли демократическое правление и поставили у кормила власти своих единомышленников; а новое правительство принялось за восстановление городских укреплений, разрушенных полстолетия назад Кимоном, и вступило в переговоры с пелопоннесцами.

Поздним летом, приблизительно в начале сентября, в эвбейских водах появился пелопоннесский флот, состоявший из сорока двух кораблей, под командою спартанца Агесандрида; это был тот самый флот, который только что угрожал Эгине и Пирею (см. выше, с.51). В Афинах поспешно вооружили все наличные корабли и отправили эту эскадру навстречу неприятелю, чтобы защитить остров; всего набралось, вместе со стоявшими уже у Эвбеи судами, 36 триер. У Эретрии произошло сражение, в котором Агесандрид без большого труда одержал победу над плохо вооруженной и снабженной неопытным экипажем неприятельской эскадрою; 22 триеры попали в его руки. Теперь против афинского господства восстала Эретрия, а вскоре затем и остальные города острова, за исключением, разумеется, афинской клерухии Орея. Важнейшее из внешних владений Афин было потеряно для них.

Известие об этих событиях произвело в Афинах панику более сильную, чем та, которая два года назад была вызвана вестью о сицилийской катастрофе. С минуты на минуту ждали появления неприятельского флота перед Пиреем, что́ при внутреннем раздоре, господствовавшем в городе, могло бы иметь роковые последствия. Во власти победителей было, по меньшей мере, отрезать Афины от сообщения с морем и этим заставить стоявший у Самоса флот прийти в Грецию на выручку города. Однако пелопоннесцы не отважились на такой энергичный шаг, и на этот раз беда миновала.

Теперь, под впечатлением поражения, олигархия в Афинах без сопротивления пала, и Ферамен взял в свои руки управление государством. Совет четырехсот был распущен, решение всех государственных дел возложено на собрание „пяти тысяч“; сюда должны были войти все те, кто в состоянии был на собственные средства служить в гоплитах, следовательно, граждане трех высших солоновских классов. Из

среды этих „пяти тысяч“ был выбран новый совет, опять в составе четырехсот членов, затем стратеги и остальные должностные лица. Принцип, согласно которому никто не должен был получать вознаграждения за отправление государственных должностей, остался в силе. Для выработки новой конституции была назначена комиссия из ста членов. Чтобы открыть путь к примирению с флотом, отменен был указ об изгнании Алкивиада.

Из вожаков павшей олигархии большинство заблаговременно бежало в Декелею; теперь они были заочно приговорены к смерти, а имущество их конфисковано. Только Антифон и Архептолем были схвачены и казнены, несмотря на мастерскую речь, которую произнес Антифон перед судом в свою защиту. В общем же перемена правления совершилась без всякого кровопролития. Главная заслуга во всем этом деле принадлежала Ферамену; без его энергичного противодействия изменническим замыслам его товарищей Афины уже тогда сделались бы добычею спартанцев, да и новая конституция была в своих главных частях создана им. К нему и перешло теперь управление государством. Его прежние друзья, крайние олигархи, разумеется, никогда не могли простить ему, что он в решительный момент отрекся от них и интересами партии пожертвовал интересам Афин. Они называли его с этих пор „котурном“: подобно тому как котурн приходится на обе ноги, так и Ферамен сумел служить обеим партиям, олигархам и демократам. Между тем это обвинение было вполне несправедливо, ибо то, что создал Ферамен после падения Четырехсот, было отнюдь не демократия, а господство среднего класса. Поэтому крайние демократы преследовали Ферамена не меньшею ненавистью, чем крайние олигархи. К сожалению, ему слишком скоро пришлось убедиться в том, что афинское среднее сословие не было достаточно сильно, чтобы удержать в своих руках доверенную ему власть; и когда позднее Ферамен, не обескураженный неудачей, еще раз попытался осуществить свой идеал, ему пришлось поплатиться за это жизнью. Лишь потомство оценило его по заслугам; Аристотель называет его одним из лучших трех граждан, которых произвели Афины со време-

ни Персидских войн, и таково же было мнение всей позднейшей древности.

Между тем союзный пелопоннесский флот провел все лето в бездействии. Весною, правда, Астиох отправился с Родоса в Милет, принял там под свою команду корабли с Хиоса, вследствие чего его эскадра возросла до ста двенадцати триер, но затем ограничился наблюдением за афинянами в Самосе и не согласился на сражение, которое последние предлагали ему. Виною тому были отчасти разлад с Тиссаферном, отчасти неспособность лакедемонского адмирала. В середине лета Астиоха сменил в начальствовании над флотом Миндар; последний наконец решился — приблизительно в конце августа — перенести театр военных действий на Геллеспонт, где он надеялся найти лучшую опору в лице сатрапа Фарнабаза. Пелопоннесцы благополучно прошли мимо афинского флота к Хиосу и оттуда в Абидос. Афиняне последовали за ними, и в проливе между Сестом и Абидосом произошло морское сражение, в котором афиняне, несмотря на численный перевес неприятеля — 88 триер против 76, — одержали победу, этот успех имел, впрочем, скорее нравственное, чем материальное значение, так как потери были почти равны на обеих сторонах. Во всяком случае афиняне вернули себе теперь важный пункт Кизик. После этого Миндар вызвал из эвбейских вод флот Агесандрида, около 50 триер, из которых, впрочем, большинство было разбито бурей около Афона. Другая пелопоннесская эскадра в 14 кораблей, шедшая из Родоса, благополучно прибыла в Геллеспонт, но у входа в него подверглась нападению более многочисленного афинского флота. Миндар тотчас явился на помощь из Абидоса со всем своим флотом, и здесь произошла вторая большая морская битва. Исход ее решил Алкивиад, который во время сражения прибыл в Геллеспонт из Самоса с 20 кораблями. Пелопоннесцы принуждены были отступить к берегу, где имели надежную опору в войске Фарнабаза; но 30 пелопоннесских кораблей, покинутых экипажем, сделались добычей афинян.

Зима на время положила конец военным действиям. Весною афиняне получили подкрепление в 20 кораблей,

приведенных Ферамеком из Пирея, и Алкивиад задумал нанести решительный удар неприятелю. Между тем Миндар приплыл из Абидоса в Кизик и снова привлек этот город на сторону пелопоннесцев. В то время как он маневрировал здесь с флотом перед гаванью, Алкивиад неожиданно напал на него, отрезал его от Кизика и отбросил на открытый берег. Тщетно Фарнабаз, явившийся и в этот раз на помощь, старался прикрыть флот своим войском; афиняне высадились на берег и одержали полную победу, Миндар пал, все пелопоннесские суда были захвачены, только сиракузцы успели сжечь свои корабли: однако бóльшей части экипажа удалось спастись (май 410 г.).

Таким образом, великий пелопоннесский флот был уничтожен, и морское владычество афинян восстановлено, — правда, лишь до тех пор, пока пелопоннесцы построят новый флот. Этим промежутком времени нужно было воспользоваться по мере сил. Кизик и Перинф были тотчас снова приведены в покорность; затем Алкивиад отправился в Боспор, где заложил крепость на мысе Хрисополь *(Скутари),* напротив Византии. Он оставил здесь эскадру в 30 триер под начальством Ферамена для наблюдения за Византией и Калхедоном и охраны морского пути к Понту. Пошлиною, которая взималась здесь с торговых кораблей, Афины покрывали значительную часть военных издержек.

Поражение при Кизике опять доставило руководящее влияние в Спарте партии мира. Над морской войною как будто тяготел злой рок, и даже те, кто смотрел на вещи наиболее оптимистически, должны были признать, что ниспровержение Афин, если оно вообще удастся, требует еще многих лет. Поэтому решено было предложить мир на условиях сохранения каждым государством принадлежащих ему в данный момент владений; при этом Декелея должна была служить возмещением за Пилос. На бóльшие уступки Спарта не могла согласиться без ущерба для своей чести; она не могла выдать афинские союзные города, которые примкнули к ней в течение последних лет. Но и в этом случае Афины сохранили бы очень значительную часть своих владений, — больше, чем им когда-либо удалось вернуть себе после бит-

вы при Эгоспотамах: все клерухии, Самос, Лесбос, Кикладские острова, фракийский Херсонес и целый ряд других важных пунктов. При тогдашнем положении вещей эти условия были во всяком случае очень выгодны, так как всякий здравомыслящий человек должен был понимать, что Афины не в силах выдержать продолжительную борьбу с пелопоннесцами и персидским царем.

Но и в Афинах оказали свое действие геллеспонтские победы. Поражение при Сиракузах, а затем отложение Ионии повлекли за собою падение демократии; теперь, когда морское господство Афин, казалось, вновь было упрочено, демократическая партия снова начала поднимать голову. Конституция Ферамена была уничтожена без сопротивления, и восстановлено в главных чертах демократическое устройство, как оно существовало до 413 г. В проведении этих реформ, по-видимому, принял участие и Фрасилл, который прошедшим летом, вместе с Фрасибулом, руководил демократическим движением на Самосе и осенью, после битв в Геллеспонте, прибыл в Афины, чтобы хлопотать об отправке подкреплений для флота. Весною он был избран народом в стратеги, и это был дальнейший шаг к слиянию обеих половин, на которые распалось государство вследствие событий, совершившихся летом 411 г. Но настоящим руководителем демократического движения был Клеофонт, человек, принадлежавший к промышленному классу, преемник Клеона и Гипербола. Он восстановил выдачу платы за исполнение судейских обязанностей и за отправление остальных государственных должностей; и надо признать, что, управляя финансами государства в течение ближайших лет, он сумел добывать необходимые для этого денежные средства, не ослабляя энергичности военных действий и не обременяя граждан чрезмерными прямыми налогами. Сам Ферамен должен был понять, что с такой оппозицией невозможно справиться; и, без сомнения, именно это обстоятельство заставило его покинуть Афины и отправиться во главе эскадры на место военных действий.

Итак, Клеофонт был теперь первым человеком в Афинах; он смотрел на положение военных дел с тем оптимиз-

мом, который всегда обнаруживали афинские радикалы. Под его влиянием были отвергнуты мирные предложения лакедемонян; не менее, впрочем, этому способствовало и то соображение, что совершенно безразлично, как выскажется по этому вопросу Афинское народное собрание и что настоящее решение зависит от воли флота, или, вернее, его начальника, Алкивиада. А Алкивиаду нужна была война как вернейшее средство возвыситься до того положения в государстве, которого жаждало его честолюбие; что́ ему было до того, в интересах ли Афин продолжать войну?

Таким образом, война продолжалась по-прежнему. Тотчас после прекращения переговоров царь Агис передвинулся со своей позиции при Декелее вниз, по направлению к Афинам. Однако он не решился принять сражение, которое Фрасилл предложил ему под стенами города; этот успех, конечно, возбудил в Афинах большое ликование. Следующей весною (409 г.) Фрасилл, во главе флота из 30 кораблей, с многочисленным десантом, отплыл для покорения Ионии. Войско высадилось в Нотионе, и соседний Колофон тотчас перешел на сторону афинян; затем Фрасилл обратил свое оружие против Эфеса. Но здесь его встретили сиракузцы и селинунтцы, которые после битвы при Кизике построили себе новые корабли и получили с родины подкрепление в 5 триер. Сатрап Тиссаферн также поспешил со своим войском на защиту находившегося в опасности города. Фрасилл потерпел тяжелое поражение, которое стоило ему четырехсот человек и заставило его отказаться от экспедиции против Ионии. После этого он направился к Геллеспонту и соединился там с Алкивиадом.

Последний до сих пор должен был ограничиваться незначительной борьбою с Фарнабазом; прибытие Фрасилла дало ему возможность перейти к решительным действиям. Весною 408 г. началась осада Калхедона; вылазка пелопоннесского гарнизона была отбита, и Фарнабазу, сделавшему в это самое время попытку подать помощь осажденным, не удалось прорвать линии аттических войск. Ввиду этого поражения сатрап согласился заключить договор, которым он обязался приостановить враждебные действия против Афин,

проводить к царю афинское посольство и уплатить 20 талантов; афиняне со своей стороны признали независимость Калхедона, который, однако, должен был впредь платить свою прежнюю дань и внести недоимку, накопившуюся со времени его отложения. Затем Алкивиад перешел в Европу, завоевал Селимбрию и, после продолжительной осады, Византию. Теперь почти все прилегавшие к Геллеспонту области, за исключением Абидоса, опять были во власти афинян. В следующем году (407) Фрасибул вернул к покорности также Фасос и отложившиеся области на южном побережье Фракии, так что из областей, составлявших Афинскую державу в 413 г., в руках врага оставались еще только материковая часть Ионии, Хиос, Родос и Эвбея. Если Пилос перешел к лакедемонянам, а Нисея к мегарцам, то с этим можно было примириться ввиду упомянутых успехов.

Пока Алкивиад покорял прилегающие к Геллеспонту области, в Сицилии наступили события, заставившие сиракузцев отозвать свои корабли из Эгейского моря. Самым могущественным человеком в Сиракузах после победы над афинянами был Гермократ. Еще Гелийский мир (424 г.), положивший конец первой попытке афинян упрочиться в Сицилии, был в значительной степени делом его рук; спустя 10 лет он, до прибытия Гилиппа один, а затем — вместе с ним, руководил обороной Сиракуз, и ему главным образом принадлежала заслуга в том, что сиракузцы решились вступить в борьбу с неприятелем также и на море. Когда осадное войско афинян было уничтожено, он усердно хлопотал об отправлении сиракузской эскадры на греческий восток и сам стал во главе ее.

Но именно это удаление из Сиракуз оказалось для него роковым. Победа над афинянами, которою Сиракузы были обязаны главным образом флоту, способствовала сильному подъему самосознания в низших классах; они стали требовать расширения своих политических прав. Поэтому демагог Диокл преобразовал сиракузскую конституцию в духе радикальной демократии и ввел, по афинскому образцу, выборы по жребию для замещения целого ряда государственных должностей. Новые правители видели в Гермократе своего

опаснейшего противника, а уничтожение сиракузского флота при Кизике дало им желанный повод, чтобы устранить врага. Постановлением Народного собрания Гермократ был отставлен от должности и изгнан из Сиракуз, а во флот посланы новые стратеги. Смещенный военачальник не решился оказать сопротивление, потому что, если он и был уверен в своих офицерах, зато солдаты были, в громадном большинстве, убежденные демократы. Он отправился к Фарнабазу, с которым во время борьбы на Геллеспонте вступил в тесную дружбу; вскоре затем он присоединился к спартанскому посольству, которое летом 408 г. отправилось к персидскому царю.

Тем временем борьба между Сиракузами и западными союзниками Афин шла своим чередом. В Фуриях вскоре после катастрофы при Ассинаре вспыхнула революция, следствием которой было изгнание приверженцев Афин и отправление городом эскадры на помощь пелопоннесцам. Напротив, Катана успешно сопротивлялась неприятелю, поддерживаемая остатками афинской армии, тем более что Сиракузы были истощены продолжительною осадою и значительную часть своего флота отправили в Эгейское море. Труднее приходилось элимийцам, населявшим Сегесту и Эрикс, в их борьбе с могущественным соседним городом Селинунтом. Доведенные до крайности своими противниками, они в конце концов принуждены были броситься в объятия карфагенян.

Карфаген после гимерийской катастрофы воздерживался от всякого вмешательства в сицилийские дела. Даже во время Аттической войны он оставался нейтральным, несмотря на то, что афиняне предлагали ему заключить союз; а гибель афинского флота в Сиракузской гавани, конечно, не могла побудить Карфаген к тому, чтобы он изменил политику, которой держался до тех пор. Но теперь более не оставалось выбора. Если бы Селинунту удалось покорить элимийцев, — финикийским городам в северо-западной части острова грозила бы близкая опасность, и тогда Карфагену все-таки пришлось бы вступить в борьбу с сицилийскими эллинами, да еще при более неблагоприятных обстоятельствах.

Поэтому летом 409 г. карфагеняне отправили на помощь Сегесте отряд войска, который нанес селинунтцам серьезное поражение; ближайшей весною двинулась главная армия, состоявшая из карфагенских граждан, ливийских подданных и иберийских наемников, под предводительством „царя" Ганнибала, внука того самого Гамилькара, который некогда в борьбе с Гелоном при Гимере проиграл сражение и был убит. Карфагеняне высадились у мыса Лилибей, немедленно двинулись на Селинунт и приступили к осаде его. Стены города в течение продолжительного мира пришли в ветхость и скоро пали под ударами неприятельских орудий, атака беспрерывно продолжалась, пока, наконец, на девятый день иберийцы не прорвались через брешь. Затем в городе началась страшная резня; варвары не щадили ни возраста, ни пола, и, по преданию, жертвой их ярости сделались 16000 человек. В плен было взято только 5000, которых победители отвезли в Африку и обратили в рабство; еще меньше было число тех, которым удалось спастись в соседний Акрагант. Город был разграблен, а стены его разрушены.

Катастрофа совершилась с такою ужасающей быстротою, что сиракузцы не успели своевременно явиться на выручку города. В ожидании войны с Карфагеном они заключили мир с Катаной и Наксосом и отозвали свой флот из Эгейского моря; при известии о высадке неприятеля они тотчас отправили под начальством Диокла 3000 гоплитов, которые дошли уже до Акраганта, когда Селинунт пал. Случай помериться с карфагенянами не заставил себя ждать.

Дело в том, что Ганнибал двинулся теперь к северному побережью острова, против Гимеры. На защиту осажденного города поспешил Диокл со своим войском, увеличившимся к этому времени до 4 тыс. человек, и одновременно на рейде появился флот, который до сих пор сражался в Эгейском море с афинянами. Но ввиду численного перевеса варваров все усилия оказались напрасными. Вылазка осажденных была отбита с тяжелым уроном; спасти город не было возможности и пришлось ограничиться тем, чтобы перевести население в безопасное место. Да и это удалось лишь отчасти; в то время как очищение города еще продолжалось, карфагеняне

пробили бреши в стене, и все, кто еще не успел уйти из города, пали под мечами победителей или были взяты в плен. Пленников Ганнибал принес в жертву манам своего деда; город был сравнен с землей, и место его с тех пор осталось пустынным. После этого победоносный полководец перевез на кораблях свое войско в Ливию и с триумфом вступил в Карфаген.

Гибель двух столь крупных городов, катастрофа, небывалая в истории сицилийских греков, должна была произвести потрясающее впечатление. А вина в этих несчастьях падала главным образом на правительство Сиракуз. Несмотря на то, что войны с Карфагеном с уверенностью ждали уже целый год, сиракузцы слишком поздно пришли в Селинунт и прислали слишком малочисленное войско на помощь Гимере. Это имело роковые последствия для господствовавшей теперь в Сиракузах партии, тем более что глава ее, Диокл, был военачальником при Гимере и, следовательно, нес не только политическую, но и военную ответственность за несчастный исход войны.

Этот момент Гермократ счел удобным для того, чтобы добиться возвращения в отечество. Поэтому при известии о событиях в Сицилии он отказался от своего намерения ехать к персидскому царю; его друг Фарнабаз снабдил его необходимыми средствами, чтобы снарядить несколько кораблей и нанять небольшой отряд наемников. С этим войском он высадился в Мессене — здесь он привлек к себе тысячу гимерийских беглецов и сделал попытку напасть на Сиракузы, окончившуюся, впрочем, неудачей. После этого он отправился в западную часть острова, где снова укрепил Селинунт, призвал обратно прежних его жителей и, таким образом, приобрел опору для осуществления своих дальнейших планов. Затем он двинулся к финикийским городам Мотии и Панорму, награбил в их окрестностях богатую добычу и прогнал выступивших против него граждан обратно за стены. После этих успехов начали действовать и его приверженцы в Сиракузах; Диокл был низвергнут и изгнан, однако добиться у народа возвращения Гермократа не удалось. Тогда он снова сделал попытку вернуться силою. На этот раз

ему отперли ворота, и он дошел до рынка. Но огромное большинство граждан не хотело и слышать о насильственном ниспровержении существующего порядка; со всех сторон собрались они с оружием в руках, и в происшедшей на улицах битве Гермократ погиб бесславной смертью (407 г.).

Между тем в Карфагене шли приготовления к новой экспедиции в Сицилию: легкие и блестящие успехи, достигнутые в предыдущую кампанию, казалось, давали право надеяться на покорение всего острова. Тщетно сиракузцы пытались помешать переезду неприятельской армии; хотя их флот вблизи Дрепанума одержал победу над одной карфагенской эскадрой в 40 кораблей, но он принужден был отступить, когда прибыл Ганнибал с 50 свежими триерами. Карфагенский полководец высадил свои войска на берег и тотчас двинулся к Акраганту, который теперь, после падения Селинунта и Гимеры, был самым крайним греческим городом на западе (весною 406 г.). Но укрепленные природою и искусством твердыни оказали мощное сопротивление атакам осаждающих; а вскоре явилась помощь на выручку города. Греки Сицилии и Италии, наконец, поняли, как велика опасность, которою грозит им усиление Карфагена; из всех городов устремились отряды в Сиракузы. Таким образом, составилась армия, какой западные эллины ни разу не выставляли со времени Гелона. Во главе 30 тыс. человек сиракузский главнокомандующий Дафней перешел реку Гимеру, разбил наголову карфагенский отряд, который хотел преградить ему дорогу, и вступил в освобожденный Акрагант. Однако ему не удалось выбить карфагенян из их сильно укрепленной позиции в западной части города. Война затянулась, и в густо населенном городе стали истощаться припасы. Транспорт, посланный из Сиракуз морем, попал в руки неприятеля. Тогда не сочли возможным долее отстаивать город и решили очистить его (в середине зимы 406/405 г.). Под прикрытием вспомогательного войска жители были отведены в Гелу, карфагеняне без боя овладели Акрагантом и расположились здесь до конца зимы.

В Сиракузах весть об этих событиях вызвала бурю негодования. Одно из двух: или Дафней и его товарищи по

должности были предатели, или они были лишены всяких военных способностей; и в том, и в другом случае необходимо было переменить главнокомандующих. Теперь снова выступила на сцену партия Гермократа; во главе ее стали двое из наиболее знатных граждан, Гиппарин и Филист, и молодой офицер Дионисий, который блестяще отличился в сражениях при Акраганте и благодаря этому пользовался большой популярностью. Последнюю усиливало еще то, что он по происхождению принадлежал к среднему сословию; потому что в Сиракузах, как и в Афинах, несмотря на демократическое устройство, должности высших военачальников фактически составляли монополию богатейших и знатнейших родов. Поэтому Дионисий имел полный успех, когда выступил в Народном собрании и обвинил стратегов в измене; по его предложению они были отрешены от должности и на их место избраны новые командиры, в том числе и сам Дионисий. Далее, он добился того, что ввиду страшной опасности, грозившей государству, изгнанники были возвращены; эта мера прежде всего пришлась на руку бежавшим единомышленникам Гермократа и доставила Дионисию большое количество преданных приверженцев. Затем он отправился в Гелу, где вмешался во внутреннюю распрю, став на сторону демоса против достаточных классов; по его настоянию много знатных граждан было приговорено к смерти, а имущество их конфисковано. Этот поступок, конечно, возвысил авторитет Дионисия в глазах сиракузской толпы; казалось, она нашла, наконец, человека, который в состоянии спасти государство. Дионисий не замедлил воспользоваться этим благоприятным для него настроением; он затеял против своих товарищей по командованию ту же самую игру, которая ему только что так хорошо удалась против его начальников, и обвинил также их в том, что они подкуплены карфагенянами. Подобному обвинению, высказанному таким влиятельным человеком, был теперь в Сиракузах обеспечен успех; и даже те, кто не присоединял своего голоса к крикам об измене, не могли не согласиться с тем, что для спасения государства необходимо поручить главное начальство *одному* человеку. Еще не забыли, как некогда, во вре-

мена предков, Гелон в качестве неограниченного военачальника спас Сицилию от карфагенян. Таким образом, стратеги были отрешены от должности и Дионисию вверено единоличное командование армией.

Во время карфагенской осады акрагантинцы набрали отряд наемников в 1500 человек, который затем, после падения Акраганта, вступил в сиракузскую службу и в описываемое время стоял гарнизоном в Геле. Теперь Дионисий призвал этот отряд в Сиракузы и привлек его на свою сторону обещанием двойного жалованья; кроме того, он составил себе из надежных людей отряд телохранителей в 1000 человек. Опираясь на эти силы, он сбросил, наконец, маску, овладел арсеналом и захватил в свои руки всю правительственную власть. Город оставался спокойным, потому что всякое сопротивление было бы бесплодно, и, кроме того, ввиду страха перед карфагенянами, все остальное казалось неважным, только бы Сиракузы были спасены — все равно, кем и каким образом. Дионисий добился того, что оба его влиятельнейших противника, Дафней и Дамарх, были осуждены Народным собранием на смерть и казнены; сам он женился на дочери Гермократа и выдал свою сестру замуж за шурина Гермократа, Поликсена.

Карфагеняне выжидали в Акраганте исхода сиракузских волнений, потому что всякое наступательное движение с их стороны было бы только выгодно сиракузской военной партии. Лишь когда Дионисий был избран главнокомандующим, они тронулись с места и приступили, около середины лета 405 г., к осаде Гелы. Как и в предшествовавшем году, в Сиракузы собралась союзная армия сицилийских и италийских греков, командование которою на этот раз принял, разумеется, Дионисий. Однако исход дела оказался таким же, как при Акраганте; правда, и оборонительная позиция греков была гораздо хуже, чем там. Нападение Дионисия на карфагенский лагерь окончилось полной неудачей; долее невозможно было отстаивать Гелу, и не оставалось ничего другого, как очистить и этот город, и соседнюю Камарину, а жителей перевести в Сиракузы. Теперь в руках неприятеля бы-

ло все южное побережье острова, и со дня на день можно было ждать осады самих Сиракуз.

Таким образом, и военная диктатура оказалась бессильной повернуть военное счастье. И это было вполне естественно; деморализация сиракузского войска достигла за время демократического правления таких размеров, что ее невозможно было искоренить сразу. Но эти события должны были тем сильнее поколебать положение Дионисия, чем больше надежд народ возлагал на его диктатуру. Во время отступления из Камарины в армии вспыхнул мятеж; сиракузские всадники, принадлежавшие к знатнейшим фамилиям города, поскакали в Сиракузы, где без сопротивления овладели арсеналом; дом правителя был разграблен, а его молодая жена подверглась таким жестоким насилиям, что последствием их была ее смерть. Затем всадники разошлись по своим домам, считая дело конченным. Но Дионисий бросился вслед за ними во главе своих верных наемников; в полночь он явился перед городом, выломал ворота и занял рынок; всадники оборонялись беспорядочно и в одиночку, и часть их была убита, часть изгнана из города. Теперь власть тирана была более упрочена, чем когда-либо.

Карфагеняне также не решались напасть на Сиракузы. Еще во время осады Акраганта в их войске появилась чумная эпидемия, жертвою которой пал сам главнокомандующий Ганнибал; теперь чума возобновилась с удвоенной силой. При этих условиях Гимилькон, принявший после смерти Ганнибала начальство над войском, не мог и думать об осаде такой сильной крепости, как Сиракузы, — тем более что приближалась зима. Поэтому он начал переговоры, и Дионисий пошел навстречу его предложениям. Был заключен договор на условиях сохранения каждой стороной ее территориальных приобретений. Завоеванные греческие города должны были остаться во владении Карфагена, а изгнанные граждане — вернуться на свои места и платить дань в качестве подданных; элимийцы и сиканы также должны были признать над собою власть Карфагена. Дионисий был признан сиракузским тираном; сикелам обеспечена была независимость, точно так же и греческим городам в восточной

части острова, — Мессене, Наксосу, Катане; Леонтины. соединенные с 423 г. с Сиракузами, снова были восстановлены в правах самостоятельной общины. Камарина, Гела и Акрагант были, насколько возможно, вновь отстроены; в области разрушенной Гимеры карфагеняне еще два года назад основали военную колонию Фермы, в которую теперь были приняты все уцелевшие гимерийцы.

В то время как великая западная демократия превратилась, таким образом, в военную монархию, великая восточная демократия также быстро приближалась к падению. Одно время казалось, что и здесь восторжествует монархический строй. Если Афины справились с последствиями сицилийской катастрофы и с отложением своих союзников, если они вернули себе господство на Эгейском море, то этими успехами они в значительной степени были обязаны военным талантам Алкивиада. Он с 411 г. стоял во главе флота, избранный на этот пост не афинским народом, а экипажами самого флота, и поэтому свободный от всякой ответственности перед отечественными властями; фактически он в течение всего этого периода был диктатором большей части Афинского государства. Теперь, когда покорение Геллеспонта было закончено, — ему был открыт, казалось, и путь к господству над самими Афинами. Весною 407 г. он заставил народ избрать себя в стратеги и, получив известие о своем избрании, совершил при ликовании толпы свой въезд в родной город, который он покинул восемь лет назад во главе снаряженного в Сицилию флота (конец фаргелиона, май 407 г.). С его прибытием всякая оппозиция умолкла; с него торжественно было снято религиозное проклятие, тяготевшее над ним со времени процесса об оскорблении мистерии, и постановлением Народного собрания ему даны были неограниченные полномочия для ведения войны.

Казалось, цель была достигнута; оставалось сделать еще последний шаг, и друзья, как и враги, ожидали, что этот шаг будет сделан. Избрание в стратеги и возвращение в Афины имели смысл лишь в том случае, если Алкивиад решил ниспровергнуть существующий порядок, чтобы занять в Афинах такое же положение, какое он занимал до сих пор во

флоте. Иначе возвращение в Афины было серьезной политической ошибкой, так как этим шагом Алкивиад только лишал себя принадлежавших ему до тех пор полномочий, не получая взамен их никакого существенного вознаграждения. В самом деле, та же самая народная воля, которая сегодня возвысила его до величайших почестей, могла завтра свергнуть его, пока он опирался только на изменчивое большинство Народного собрания. И весьма вероятно, что он добился бы власти, если бы у него хватило смелости протянуть руку за ней. Действительно, в Афинах все были убеждены в том, что успешное окончание войны возможно только под управлением Алкивиада, а достаточные классы, и особенно все те, кто был замешан в олигархическом движении, приветствовали бы тиранию как избавительницу от господства черни, которое все более утверждалось в Афинах при управлении Клеофона.

Но как некогда в Сицилии, так и теперь в решительную минуту у Алкивиада не хватило духа выйти из границ законности и, очертя голову, идти напролом. Он упустил благоприятный случай, — на свое несчастье и на гибель Афин. Прожив без дела в Афинах целое лето, он, наконец, осенью вышел в море для покорения Ионии во главе ста триер, тысячи пятисот гоплитов и ста пятидесяти всадников, провожаемый нетерпеливыми ожиданиями своих сограждан. Более ему уже не суждено было увидеть родину.

Между тем на театре военных действий дела приняли очень неблагоприятный оборот для Афин. Со дня сражения при Кизике пелопоннесцы неутомимо работали над созданием нового флота; и хотя отозвание сицилийских контингентов очень затруднило эти старания, однако в конце концов цель была достигнута. Летом 407 г. у Эфеса стоял флот в 90 кораблей, который, хотя ни по численности, ни по достоинствам не мог сравниться с афинским, но все же был достаточен для того, чтобы тревожить последний и до известной степени тормозить его действия.

А главное, спартанцы наконец нашли подходящего человека для командования флотом. Новый наварх Лисандр, сын Аристократа, принявший начальство летом этого года,

происходил из небогатого дома, который, впрочем, подобно царям, вел свое происхождение от Геракла. Храбрый солдат и один из лучших полководцев того времени, он, однако, своими успехами был обязан главным образом своим дипломатическим способностям и умению подчинять людей своим целям. В продолжение всей своей жизни он не имел других честолюбивых желаний, кроме желания быть полезным своему отечеству. Он стоял неизмеримо выше всяких низменных страстей; через его руки прошли миллионы, и он не присвоил себе из них ни одной драхмы. Человек, повелевавший почти с неограниченными полномочиями над половиной Эллады, умер в бедности.

В то же время отношения к Персии приняли более дружественный характер, чем когда-либо. Весною 407 г. в управлении Малой Азией произошла важная перемена; Тиссаферн был отрешен от должности сардского сатрапа и власть его ограничена Карией к югу от Меандра, а сатрапом Сард назначен был Кир, второй сын царя Дария, только что вышедший из отроческого возраста юноша с возвышенными стремлениями, мечтою которого было носить со временем корону Ахеменидов вместо своего старшего брата Артаксеркса. Отец поручил ему оказывать пелопоннесцам деятельную поддержку, и он скоро понял, что и ради собственных целей ему чрезвычайно важно приобрести надежный оплот в лице Спарты. Дипломатическая уступчивость Лисандра в значительной степени облегчила это сближение; и вот посыпались персидские субсидии для пелопоннесского флота в таком изобилии, как никогда раньше.

При таких обстоятельствах надежды, которые связывались в Афинах с отплытием многочисленного флота под командою Алкивиада, остались неосуществленными. Для крупных экспедиций зима вообще была неблагоприятной порой; скоро Алкивиаду пришлось бороться с финансовыми затруднениями, причем не обошлось без тяжелого притеснения союзников. Наконец, однажды, когда Алкивиад отправился в какую-то экспедицию, Лисандру удалось нанести поражение афинскому флоту, стоявшему у Нотия для охранения Эфеса, причем в его руки попало 15 триер; это была

первая неудача на море, которую Афины потерпели за последние пять лет (весною 406 г.).

Это было сравнительно ничтожное поражение, нисколько не изменившее положения военных дел; но в Афинах оно произвело тем более сильное впечатление, что там с уверенностью ждали великих побед под предводительством Алкивиада. Этим настроением не замедлили воспользоваться многочисленные враги последнего; и они действительно достигли того, что на происшедших непосредственно после поражения выборах стратегов Алкивиад не был вновь избран. Гордость не позволяла ему вернуться в Афины, а так как и во флоте его влияние было поколеблено, то он тотчас сложил с себя начальство; он слишком высоко поднялся, чтобы подобно обыкновенному полководцу явиться для представления отчета в правильности своих действий. Поэтому он отправился в добровольное изгнание в свои укрепленные замки на Геллеспонте, которые он приобрел в период своего могущества как убежище на случай крайней нужды. Начальство над флотом принял Конон из Анафлиста, один из товарищей Алкивиада по стратегии, утвержденный в должности при выборах на следующий год.

В пелопоннесском флоте также произошла смена военачальников; место Лисандра в начале нового служебного года занял Калликратид (середина лета 406 г.). В то же время флот был увеличен до ста сорока триер, и явилась наконец возможность перейти к энергичному наступлению. Пелопоннесцы взяли приступом афинскую крепость близ Дельфиния на Хиосе, затем овладели Метимной на Лесбосе. Конон был слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этим успехам, потому что его моряки, которым он, вследствие нужды в деньгах, платил жалованье неаккуратно, дезертировали массами, и его флот уменьшился благодаря этому до семидесяти триер. Наконец Калликратид принудил его к сражению перед Митиленской гаванью; 30 аттических триер было взято, остальные заперты в Митилене. Большого флота, который так долго господствовал на Эгейском море, более не существовало; с минуты на минуту можно было ожидать

падения осажденного города, а от этого, по-видимому, зависел исход войны.

Так изменилось положение дел, с тех пор как Алкивиад, менее чем год назад, отплыл для покорения Ионии. Но в Афинах понимали, что необходимо употребить все средства, чтобы предотвратить грозящий удар. Все суда, какие нашлись в арсенале, были приведены в исправность, и созваны все годные к военной службе жители Аттики; метекам были обещаны права гражданства, рабам — свобода. Для покрытия расходов расплавили почти все золотые и серебряные жертвенные дары, какие еще оставались в храмах на Акрополе. Таким образом, снарядили 110 триер; Самос выставил 10 кораблей, из всех частей Эгейского моря созваны были рассеянные там эскадры. По истечении месяца оказалось возможным отправить 150 триер для освобождения Митилены. Узнав об этом, Калликратид разделил свой флот, который между тем возрос до ста семидесяти триер; 50 кораблей он оставил у Митилены, а сам со ста двадцатью кораблями двинулся навстречу неприятелю. При Аргинусских островах, у южного входа в Лесбосский пролив, произошло морское сражение, величайшее из всех, бывших ранее в течение этой войны, и афиняне еще раз одержали победу. Калликратид пал, 70 его кораблей были потоплены или взяты в плен, остальные спаслись в Хиос и Фокею. Если бы афинские полководцы энергично воспользовались своей победой, они могли бы уничтожить и ту эскадру, которая блокировала Митилену. Но вместо того, чтобы действовать, они держали военный совет; между тем поднялся сильный северный ветер, который не только сделал невозможным переход в Митилену, но помешал афинянам даже спасти экипажи своих собственных разбитых бурею кораблей. Благодаря этому пелопоннесцам удалось посадить на корабли свои сухопутные войска, погрузить припасы и перевести свою эскадру в Хиос (осень 406 г.).

Но успехи, достигнутые афинянами, все-таки были очень значительны; Конон был спасен, перевес Афин на море восстановлен. Правда, победа была куплена дорогою ценой; погибло 25 триер почти со всем экипажем, и эти потери

были тем более чувствительны, что экипаж на этот раз состоял не из наемных моряков, как бывало прежде, а большею частью из афинских граждан. Скоро распространился слух, что моряки, удержавшиеся на обломках потерпевших крушение кораблей, могли бы быть спасены, если бы стратеги не бросили их на произвол судьбы. Вследствие этого военачальники были отрешены от должности и вызваны в Афины для объяснений. Они попытались свалить ответственность на триерархов, которым они поручили спасение потерпевших кораблекрушение, — между прочим, на Фрасибула и Ферамена; но этим они только ухудшили свое положение, потому что теперь Ферамен и его товарищи ради собственного спасения принуждены были выступить с обвинением против стратегов. Они без труда сумели доказать, что приказ о спасении потерпевших кораблекрушение был получен ими лишь тогда, когда разыгравшаяся буря сделала невозможной какую бы то ни было попытку к спасению, и, таким образом, в свою очередь свалили ответственность с себя на стратегов. Озлобление народа против последних росло с каждым часом; решено было не передавать их дела суду, а рассмотреть его в самом Народном собрании. После двух бурных заседаний произнесен был приговор, против обыкновения — не о каждом обвиняемом в отдельности, а обо всех вместе; они были приговорены к смерти и конфискации имущества. Из восьми стратегов, командовавших флотом при Аргинусских островах, двое, Протомах и Аристоген, сознавая грозящую им опасность, не решились даже явиться на суд народный; остальные шесть были казнены. Это были: Перикл, сын великого Перикла и Аспасии, Фрасилл, один из вождей демократического восстания на Самосе, затем Диомедонт, Лисий, Эрасинид и Аристократ, — все убежденные демократы и заслуженные офицеры, которые после блестящей победы, только что спасшей владычество Афин, могли, конечно, рассчитывать на более мягкий приговор, даже если они действительно не сделали всего возможного для спасения своих погибавших солдат. Так взглянул на дело Сократ, заседавший в рядах пританов во время рокового голосования; к тому же убеждению скоро пришло и об-

щественное мнение Афин. Осуждение полководцев возбужденной чернью психологически можно понять, а, следовательно, и простить; но оно остается позором для Афин или, вернее, для того государственного строя, при котором были возможны такие явления.

Политические мотивы, по-видимому, не играли никакой роли при осуждении полководцев. Но партия Алкивиада, конечно, не преминула воспользоваться гибелью стратегов, которые предыдущей весною лишили Алкивиада и его друзей их руководящего положения. В Афинах оживленно обсуждали вопрос о возвращении Алкивиада, и если эта агитация вследствие страха толпы перед тиранией оказалась безуспешной, то по крайней мере друг Алкивиада Адеймант попал в число новых стратегов, которые были избраны для замещения казненных полководцев. Избран был также Ферамен, но его избрание при поверке в гелиее признано недействительным. Руководящее влияние в Афинах по-прежнему принадлежало Клеофонту. Во главе флота стали Конон, Адеймант и Филокл; весною им в помощь избрали еще новых трех стратегов, Менандра и Тидея, которые уже раньше командовали в Сицилии, и Кефисодота, который теперь выступает на сцену впервые. Полководцы должны были ежедневно чередоваться во власти, благодаря чему, разумеется, исчезало всякое единство в командовании.

В Спарте аргинусская катастрофа должна была произвести еще более глубокое впечатление, чем некогда поражение при Кизике. Тогда пелопоннесцы потеряли только пустые корабли; теперь урон составлял 70 с лишком триер со всем экипажем — около 14 тыс. человек: еще ни одно сражение в течение этой войны не стоило даже приблизительно такого количества жертв. И особенно тяжело пострадала сама Спарта, потому что из выставленных ею десяти судов только одному удалось спастись. Между тем силы Афин казались неистощимыми, и конец войны — более далеким, чем когда-либо. Поэтому решено было снова предложить мир, — разумеется, опять под единственно возможным условием сохранения status quo. Но теперь, после новой блестящей победы, Клеофонт был менее, чем когда-либо, склонен согласиться

на мир, который восстановлял владения Афин не в полном объеме; по его настоянию предложения спартанцев были отвергнуты.

Кир и ионийские союзники пелопоннесцев потребовали теперь, чтобы во главе флота снова был поставлен Лисандр, единственный человек, который до сих пор оказался способным руководить морской войною; и Спарта не могла отказать в исполнении этого требования. Правда, существовал закон, в силу которого никто не имел права быть наварxом более чем один раз в жизни; но этот закон обошли, дав Лисандру только полномочия, но не титул наварха. Щедрые субсидии, которые Лисандр получал от Кира, дали ему возможность возместить потери, понесенные флотом при Аргинусских островах; однако приготовления потребовали немало времени, и только поздним летом 405 г. пелопоннесский флот был снова в состоянии перейти к наступательным действиям. Он направился к Геллеспонту и здесь приступом взял Лампсак. Афиняне тотчас последовали за Лисандром и остановились напротив Лампсака, у берега фракийского Херсонеса, на открытом рейде Эгоспотам; полагаясь на свою бóльшую опытность в морском деле, они не сочли нужным опереться на какой-нибудь укрепленный пункт. По силе оба противника были приблизительно равны; у афинян было 180, у пелопоннесцев около двухсот триер; тем не менее Лисандр не решился принять битву, которую предлагал ему неприятель, и остался со своими кораблями под стенами Лампсака. Лишь на пятый день он неожиданно перешел в наступление, как раз в то время, когда афиняне, обманутые его медлительностью, рассеялись по берегу. Пелопоннесский флот быстро прошел узкий пролив; афиняне не успели посадить войско на корабли или даже выстроиться в боевом порядке. Таким образом, афинский флот почти без сопротивления сделался добычей неприятеля; спаслось только 20 кораблей со стратегом Кононом. Бóльшая часть экипажа остальных судов нашла убежище в Сесте и других городах Херсонеса; и все-таки победитель взял в плен несколько тысяч человек. Оказавшихся между ними афинян, числом 3000 человек, Лисандр казнил в Лампсаке в отместку за жес-

токости, совершенные афинянами над пелопоннесскими пленными. Пощажен был один Адеймант, — как думали, за то, что он выдал флот Лисандру.

Никогда еще не была одержана такая блестящая победа при столь ничтожных жертвах; не потеряв ни одного корабля, почти ни одного человека, Лисандр уничтожил великий афинский флот. Участь войны была решена; Афины теперь уже не имели средств, чтобы соорудить новый флот. Даже из тех немногих кораблей, которые спаслись от поражения, Афины нескольких лишились, потому что Конон, не решаясь показаться на глаза своим согражданам, бежал с 8 триерами к дружественному Афинам царю Саламина на Кипре, Эвагору. Теперь афинское владычество рушилось всюду; укрепленные пункты союза сдавались без сопротивления, тем более что Лисандр предоставлял гарнизонам свободное отступление. Так пали сначала Сест, затем Византия и Митилена; десяти кораблей было достаточно, чтобы подчинить Спарте всю афинскую Фракию. Из всех союзных городов остался верен Афинам один только Самос.

Одна из спасшихся триер привезла в Пирей известие об уничтожении флота. Было уже темно, когда корабль вошел в гавань; но печальная весть в тот же вечер с быстротою молнии облетела весь город, и, по словам современника, в эту ночь никто не сомкнул глаз. Теперь вспомнили о всех насилиях, совершенных Афинами в период их могущества над другими греческими городами; вспомнили о гражданах Мелоса, Скионы, Тороны, которые были перерезаны, жены и дети которых были проданы в рабство, о жителях Эгины и Гистиеи, которых Афины лишили всего имущества и обрекли на изгнание. Что́, если победители отплатят им теперь тем же? Однако решено было, что́ бы ни случилось, пасть по крайней мере с честью. Итак, город был приведен в оборонительное положение, всем тем, которые потеряли политические права за участие в олигархическом движении 411 г. или как несостоятельные государственные должники, были возвращены все их права, верным самосцам дарованы права афинского гражданства. Только на возвращение изгнанников даже теперь не могли решиться.

Вскоре Лисандр со 150 кораблями появился в Саронических заливе; он овладел Эгиной и затем стал на якорь в виду Пирея. В то же время царь Павсаний, четыре года назад (409/408 г.) унаследовавший после своего отца Плистоанакта трон Агиадов, повел соединенную пелопоннесскую армию в Аттику, где соединился с войском, которое под начальством Агиса охраняло Декелею. Оба царя подошли к Афинам и стали лагерем у Академии, непосредственно под городскими стенами. Однако они скоро убедились в том, что силою взять Афины невозможно; поэтому пелопоннесская армия с наступлением зимы вернулась на родину, и остался только флот, чтобы отрезать Афинам подвоз с моря. Через несколько месяцев, приблизительно в январе, стали истощаться запасы в густонаселенном городе, и осажденные решили, наконец, вступить в переговоры. Афины изъявили готовность отказаться от подвластных им областей, за исключением Самоса и клерухий, и заключить союз со Спартою. На такие условия победители, конечно, не могли согласиться; они требовали разрушения Длинных стен на протяжении десяти стадий (около 2 км) и уступки всех внешних владений, исключая Лемноса, Имброса и Скироса, где со времени Персидских войн обитали афинские выходцы и уже не было прежних жителей, которых можно было бы водворить обратно. При данном положении вещей это были очень умеренные требования. Но Клеофонт все еще не хотел примириться с обстоятельствами; по его предложению народ решил не слушать никого, кто дерзнет выступить в защиту такого мира.

Это было, конечно, явное безумие, потому что Афинам не от кого было ждать помощи и только чудо могло спасти город; дальнейшее сопротивление могло повести только к увеличению требований, предъявляемых победителями. Мало того, можно было опасаться, что, раз переговоры будут прерваны, Спарта откажется возобновить их и потребует безусловного подчинения. Чтобы предотвратить эту опасность, Ферамен вызвался отправиться к Лисандру в качестве посла с целью добиться более выгодных условий; он, разумеется, очень хорошо знал, что ничего не добьется, но важно

было затянуть переговоры, пока народ образумится. Поэтому Ферамен провел в главной квартире Лисандра три месяца, а в это время голод в Афинах все более усиливался и уносил много жертв. Между тем друзья Ферамена не сидели сложа руки; партия мира получила перевес в Совете; Клеофонт был привлечен к суду по обвинению в том, что не исполнил своих обязанностей в качестве офицера, и благодаря господствовавшему теперь в Афинах настроению олигархам удалось добиться его осуждения и казни.

Таким образом, главный противник мира был устранен. Ферамен вернулся в Афины и тотчас был отправлен во главе посольства в Спарту с неограниченными полномочиями для заключения мира. Разумеется, теперь уже не могло быть речи о таких условиях, какие были предложены четыре месяца назад. Коринфяне, фиванцы и другие спартанские союзники потребовали даже, чтобы Афины были разрушены, а граждане проданы в рабство. Но такое варварство было совсем не в духе Спарты, которая со времени покорения Мессении не уничтожила ни одной эллинской общины. Итак, Афинам был дарован мир; они сохранили свою независимость и удержали за собою всю территорию Аттики со включением Саламина. За то они должны были отказаться от всех своих внешних владений, разрушить укрепления Пирея и Длинные стены, соединявшие гавань с городом, выдать свои военные корабли, за исключением 12-ти, вернуть изгнанных и обязаться помогать Спарте войском в случае войны.

На следующий день по возвращении Ферамена Народное собрание утвердило эти условия, и Лисандр вступил с пелопоннесским флотом в Пирей. 16 мунихиона (в апреле) 404 г. Лисандр тотчас принялся разрушать Длинные стены при ликовании своих союзников; они думали, что теперь свобода эллинов наконец обеспечена. Им очень скоро пришлось убедиться, что они только переменили господина.

Оставалось еще подчинить Самос. После короткого пребывания в Афинах Лисандр отправился туда с флотом и приступил к осаде. Население защищалось с мужеством отчаяния, понимая, что после кровавой революции 412 г. оно не может рассчитывать на пощаду. Разумеется, и здесь вся-

кое сопротивление оказалось бесполезным; спустя несколько месяцев город принужден был сдаться. Жителям предоставлено было право свободного отступления; изгнанные восемь лет назад землевладельцы вернулись на родину и снова вступили во владение своими поместьями.

Между тем в Афинах кипела партийная борьба. Вернувшиеся изгнанники требовали свержения демократии и встретили поддержку со стороны влиятельных членов Совета. Ферамен также надеялся теперь еще раз осуществить свой старый идеал умеренной олигархии. Демократы, во главе со стратегами Стромбихидом из Эвонимии и Эвкратом из Кидантид, братом Никия, решили отразить опасность; по-видимому, они задались целью избавиться от вождей олигархической партии путем убийства. Но об этом плане было заблаговременно сообщено Совету, который тотчас приказал арестовать главных заговорщиков. Однако олигархи все-таки не считали возможным достигнуть цели без военной помощи. Поэтому они отправили послов к Лисандру в Самос, и он во второй раз прибыл со своим флотом в Пирей. Теперь созвано было Народное собрание, в котором Ферамен предложил отменить демократическое устройство и вернуться к той конституции, которая существовала „во времена отцов“. Это предложение, конечно, встретило сильную оппозицию; но тут выступил Лисандр и объяснил, что Афины нарушили мир, так как Длинные стены еще стоят, хотя срок, назначенный для их разрушения, уже истек, и что он готов простить нарушение договора только в том случае, если предложения Ферамена будут приняты. Эта угроза заставила оппозицию умолкнуть, и назначено было временное правительство из тридцати человек, которому поручено было выработать новую конституцию (в середине лета 404 г.). Выбор пал, конечно, на кандидатов, намеченных Ферамеком и олигархическим исполнительным комитетом. Укрепления Пирея и Длинные стены были срыты и военные корабли выданы Лисандру, последний отпустил на родину эскадры союзников, а сам с отнятыми у Афин кораблями и трофеями отправился в Гифейон, морскую гавань Спарты. Многолетняя война была окончена.

Водворение олигархии в Афинах было последним звеном в ряду политических переворотов, которые повлекли за собою падение демократии почти на всем протяжении прежнего Аттического государства. Повсюду переход общин на пелопоннесскую сторону совершался под влиянием достаточных классов, с этой минуты власть, естественно, все более и более переходила в их руки. Так случилось в Хиосе во время осады его афинянами. Афинские олигархи во время революции 411 г. тоже с успехом старались доставить власть в союзных городах по возможности своим политическим друзьям; в некоторых городах эти правительства с помощью пелопоннесцев удержались и после падения Четырехсот в Афинах. Но где нельзя было устранить демократию законным путем, там олигархи не останавливались и перед насильственным ниспровержением существующего порядка, уверенные в том, что найдут надежную опору в пелопоннесских гарнизонах. Таким образом, в 408 г. хиосские изгнанники с помощью лакедемонского адмирала Кратесиппида вернулись в Хиос и в свою очередь изгнали демократов. Но лишь Лисандр последовательно провел реформу конституций в олигархическом духе. Еще в 407/406 г., будучи в первый раз навархом, он тесно сблизился с олигархическими клубами в малоазиатских городах; а как только он весною 405 г. вторично стал во главе пелопоннесского флота, он приступил к делу. В Милете он вызвал восстание олигархов, во время которого многие видные демократы были умерщвлены или изгнаны. После победы при Эгоспотамах повсеместно в завоеванных городах были назначены правительственные коллегии из 10 человек — т.н. декархии, — и та же реформа проведена по возможности в старых союзных государствах. Члены этих коллегий избирались из числа надежнейших приверженцев олигархической партии, причем не обращали внимания ни на знатность происхождения, ни на богатство; само собою разумеется, что они повсюду принадлежали к достаточному и образованному классу.

Таким образом, почти на всем протяжении эллинского мира господство неимущей массы было устранено. Демократия держалась еще только в немногих пунктах, — в Аргосе,

Мантинее и Элиде, в Кирене, на Керкире и в Нижней Италии. В Сиракузах господствовала военная диктатура, на греческом востоке власть почти везде находилась в руках состоятельных людей, „благородных и хороших“, как они сами называли себя. Теперь им предстояло доказать свои права на это название.

ГЛАВА III

Олигархия на греческом Востоке

Аттическая держава лежала в развалинах; принадлежавшие ей города беспрекословно признали гегемонию Спарты. Впервые за время своего существования Эллада сплотилась в одно целое[1]. Правда, это объединение было куплено дорогой ценой. Бóльшая часть греческих городов Малой Азии была отдана во власть персов, а в Сицилии Карфаген отодвинул границу своих владений почти до ворот Сиракуз. Спарте предстояла громадная задача, если она хотела осуществить тот план, который она наметила себе в начале войны, — план освобождения всех эллинов.

Не менее важные задачи ждали разрешения и в области внутренней политики. Нужно было загладить все обиды, причиненные Афинами в течение последнего полувека эллинским общинам, насколько вообще можно загладить совершенную несправедливость; нужно было утвердить гегемонию Спарты и в тех городах, которые еще отказывались признать ее, упорствуя в своем партикуляризме; наконец — и это стояло на первом плане — нужно было дать эллинам прочную политическую организацию, которая, щадя по возможности свободу отдельных государств, отдавала бы, однако, в случае надобности их военные и финансовые силы в распоряжение Спарты.

Естественно, что решение этой задачи на первых порах было поручено человеку, которому Спарта более, чем кому-либо, была обязана своим настоящим могуществом. Окруженный ореолом побед, Лисандр достиг теперь наибольшей популярности. Так как вторичное избрание в наварх было запрещено законом (выше, с.74), то этим званием облечен был его брат Либис, и таким образом командование флотом и управление заморскими владениями фактически оставлено в руках Лисандра еще на один год (404/403). Да и вообще

[1] Потому что, хотя в 480—478 гг. Спарта и руководила войною против персов, но к государственно-правовому объединению нации не был сделан даже первый шаг.

заслуженные почести были возданы ему щедрой рукой. В скульптурной группе, которую Спарта воздвигла в Дельфах в память победы, рядом с Диоскурами, Зевсом, Аполлоном и Артемидой стоял и Лисандр, венчаемый Посейдоном, в кругу своих офицеров. Эфесцы поставили его статую в храме Артемиды, покровительницы города, а в Самосе, который, правда, имел основание быть особенно благодарным ему, дошли до того, что главное празднество города, посвященное до сих пор Гере, отныне стали справлять в честь Лисандра. Как здесь, так и в других освобожденных городах были воздвигнуты в его честь алтари; ему, как герою, приносили жертвы и пели гимны. Еще никогда ни один человек не пользовался в Греции таким почетом и не обладал таким могуществом.

Прежде всего изгнанные некогда афинянами жители Эгины, Мелоса, Орея, Потидеи и Скионы возвращены были на свои места. Общественное мнение Греции восторженно приветствовало эту меру; но Лисандр хорошо знал, что при помощи одних моральных средств невозможно удержать в руках обширную державу. Он научился у врага; уничтожая афинские клерухии, он сам вступил на тот путь, который указали Афины. Когда после битвы при Эгоспотамах Сест сдался пелопоннесцам, вместе с афинскими колонистами было изгнано и туземное население города; теперь Лисандр поселил в этом пункте, имевшем огромное стратегическое значение, отставных моряков своего флота. Так заложен был первый камень лакедемонской колониальной системы.

Пелопоннесские гарнизоны, поставленные во время войны в важнейшие союзные города для защиты их против афинян, Лисандр оставил на месте и даже увеличил теперь их сеть новыми гарнизонами. Это было необходимо столько же для охранения спартанской гегемонии, сколько и для поддержки временных правительств, которые благодаря влиянию Лисандра учреждены были в городах прежнего Афинского государства; притом, сами эти правительства призывали к себе на помощь гарнизоны или требовали их оставления в городах. Поэтому они должны были содержать их на свой счет. Даже подати, сделавшие столь ненавистным

господство Афин, были сохранены, хотя, по-видимому, в менее обременительных размерах и только на случай действительной нужды в военное время. Действительно, не было другого средства, чтобы дать Спарте возможность содержать такой флот, какой был ей необходим для поддержания ее гегемонии в Элладе. Конечно, новые союзники, как и пелопоннесские государства, обязаны были в случае войны посылать свои войска на помощь Спарте.

Разумеется, такое коренное преобразование всех политических порядков не могло совершиться без вспышек и насилий. Революция, как и реакция, редко обходится без кровопролития; как же можно было избегнуть его теперь, когда страсти были так возбуждены многолетней партийной борьбой? Новые правительства была составлены большею частью из прежних изгнанников, и „политической необходимостью", конечно, часто пользовались для прикрытия личной мести. Вдобавок в большинстве общин финансы пришли в крайнее расстройство вследствие продолжительной войны и притязаний возвращенных изгнанников на их конфискованные имения. Удивительно ли, что олигархия прибегла к тому средству, которому научила ее демократия, и теперь в свою очередь приступила к конфискации имущества своих политических противников? Начальники (гармосты) лакедемонских гарнизонов также очень часто оказывались недостаточно подготовленными для своей ответственной должности. Теперь давала себя чувствовать односторонность исключительно физического воспитания, узаконенная конституцией Ликурга. В самом деле, средний спартиат был храбр и неустрашим в битве, но вместе с тем крайне ограничен в умственном отношении, груб и лишен той нравственной стойкости, которая дается не военной выправкой, а только настоящим образованием. Поэтому многие спартанские гармосты обращались с союзниками так, как они на родине привыкли обращаться со своими илотами; или же они попросту становились орудием местных правителей и заботились еще только о собственном обогащении. Природный недостаток спартанцев, корыстолюбие, о котором еще старая поговорка гласила, что он когда-нибудь погубит Спарту,

проявлялся теперь в самой отталкивающей форме. Если Лисандр и не одобрял этих злоупотреблений и старался время от времени останавливать их, то в общем он все-таки был бессилен; ему не из кого было выбирать себе помощников. Кроме того, он, кажется, слишком многое прощал своим друзьям. Скоро ему самому пришлось поплатиться за это.

Наиболее насильственный и разрушительный характер носила реакция, конечно, в Афинах, центре демократии и величайшем городе Эллады. Временное правительство Тридцати, учрежденное здесь Лисандром, начало с того, что организовало из надежных единомышленников новый Совет пятисот, которому вверено было в особенности судопроизводство. Первым разбиралось дело по обвинению участников демократического заговора; вина обвиняемых была очевидна, и Совет вынес им смертный приговор. Однако новые правители чувствовали себя еще далеко небезопасными в своем положении; чтобы на всякий случай иметь надежную опору, они впустили в Акрополь лакедемонский гарнизон из семисот человек. Теперь можно было приняться за реформы.

Между тем в самой правительственной коллегии существовало разногласие относительно целей, к которым следовало стремиться. Ферамен желал умеренной олигархии, подобно той, которая существовала короткое время после свержения Четырехсот, где руководящее влияние на государственные дела принадлежало бы среднему сословию. С другой стороны, вернувшиеся изгнанники были убеждены в том, что такой режим не может рассчитывать на долговечность в Афинах и что при первом случае он выродится снова в радикальную демократию; по их мнению, чтобы упрочить господство „лучших“ и удержать в повиновении чернь, нужны были гораздо более решительные меры. Во главе этой партии стоял Критий, сын Каллесхра, принадлежавший к одной из знатнейших афинских фамилий, человек богато одаренный от природы и одинаково замечательный как философ, поэт и оратор. Не будучи вовсе крайним реакционером по принципу, как и его друзья Ферамен и Алкивиад, он стал непримиримым врагом демоса с тех пор, как после падения Алкивиада был изгнан Клеофонтом; теперь он решил

самым беспощадным образом воспользоваться властью, которою был облечен.

В эпохи политических смут крайнее направление обыкновенно одерживает верх над более умеренным. Так случилось и здесь; Ферамен был мало-помалу устранен, и Критий взял в свои руки управление государством. В Афинах воцарился террор. Все выдающиеся люди, принадлежавшие к демократическому лагерю, были казнены, за исключением тех, которым удалось спастись бегством за границу; даже такой умеренный человек, как Никерат, сын полководца Никия, не избег смерти, потому что не согласился примкнуть к господствующей олигархии. Имущество осужденных и бежавших было, разумеется, конфисковано; некоторые попали в проскрипционные списки, по преданию, даже только из-за своего богатства. Это гонение не ограничилось одними гражданами; казнено было также много богатых метеков, и имущество их конфисковано, чтобы наполнить пустые кассы.

Ферамен тщетно пытался воспрепятствовать всему этому. Также безуспешны были его старания провести свою программу реформ; вместо того, чтобы дать полные права гражданства всем, кто был в состоянии служить в гоплитах, как предлагал Ферамен, — их предоставили только трем тыс. наиболее надежных граждан. И когда Ферамен и после этого продолжал свою оппозицию, полагаясь на свою популярность в среде зажиточных классов, Критий не задумался обвинить его перед Советом в измене олигархическому строю и потребовать смертного приговора. Правда, при этом обнаружилось, что большинство членов Совета все еще было на стороне Ферамена. Но Критий не остановился и перед крайним средством. Самовольно, с явным нарушением всех законных форм, он приказал своим клевретам схватить Ферамена и вести на казнь; и ни одна рука не поднялась против неслыханного насилия.

Внутри страны теперь, казалось, уже ничто не угрожало существованию олигархии; в Афинах царило гробовое спокойствие. Тем серьезнее была опасность со стороны многочисленных изгнанников. Важнейшим между ними в полити-

ческом отношении был Алкивиад, который после падения Афин более не чувствовал себя безопасным в своих замках на Геллеспонте и бежал к Фарнабазу. Как ни близок был в прежнее время Критий к Алкивиаду, теперь он в возвращении своего старого друга видел — и совершенно справедливо — опасность для существования олигархии; поэтому он издал декрет об изгнании Алкивиада и через Лисандра добился того, что Фарнабаз приказал умертвить своего гостя (осень 404 г.).

Что касается остальных изгнанников, то правительство добилось от эфоров декрета, в силу которого они на всем протяжении спартанского государства должны были быть передаваемы в руки афинского правительства; для враждебных Спарте государств, как Аргос, этот указ послужил, разумеется, только лишним стимулом принять изгнанников с распростертыми объятиями. Беотия, которую начинало беспокоить грозное могущество Спарты, также давала у себя верное убежище бежавшим демократам, а находившиеся под беотийским влиянием общины Мегара и Халкида следовали ее примеру, Фивы сделались даже как бы главной квартирой аттических эмигрантов; фиванское правительство втайне оказывало всяческое содействие их приготовлениям к вооруженному возвращению на родину.

Раздор в среде олигархических правителей должен был оживить надежды эмигрантов. Своим поступком по отношению к Ферамену Критий оттолкнул от себя умеренные элементы своей собственной партии; и чем более усиливался террор в Афинах, тем больше успеха обещала попытка восстановить демократию силою оружия. Итак, решено было рискнуть. Во главе заговора стал Фрасибул из Стеирии, самый влиятельный из бежавших демократов, который когда-то руководил в Самосе движением против олигархии Четырехсот и затем, вместе с Алкивиадом, в течение пяти лет командовал афинским флотом. Еще поздней осенью 404 г. он с 70 спутниками перешел границу Аттики и занял заброшенную горную крепость Филу, на лесистых предгорьях Парнета. Атака, произведенная олигархами на эту укрепленную позицию, была отбита без большого труда, и теперь к Фра-

сибулу быстро стали стекаться добровольцы. Вскоре он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы в свою очередь перейти в наступление; неожиданным нападением он обратил в бегство спартанский гарнизон Афин, выступивший против него, причем спартанцы понесли значительный урон. Затем Фрасибул со своим отрядом, возросшим уже до тысячи человек, смело подошел ночью к Пирею и укрепился на холме Мунихии, который в стратегическом отношении господствовал над портом. Нападение, которое со всеми своими силами произвели тираны на позицию демократов, повело только к новому поражению; сам Критий, мужественно сражаясь, пал в этой битве.

Теперь правительство Тридцати очистило Пирей, который тотчас же был занят Фрасибулом. Еще важнее были нравственные последствия победы. Господство Тридцати само собою рушилось со смертью их вождя. Здание Совета опустело, собрание трех тысяч объявило правительство Тридцати смещенным и избрало вместо них новую правительственную коллегию в 10 человек из числа приверженцев Ферамена; в эту коллегию вошел, между прочим, и Фейдон, один из Тридцати; другой член павшего правительства, Эратосфен, остался в городе как частный человек. Остальные из Тридцати покинули Афины в сопровождении немногих приверженцев, которые остались верны им в несчастье, и отправились в Элевсин, где они еще раньше предусмотрительно позаботились казнить всех неблагонадежных граждан.

Однако соглашения с демократами, занявшими Пирей, и теперь не удалось достигнуть, и они начали подвигаться к Афинам. Взять хорошо укрепленный город они, конечно, не были в состоянии; но положение олигархов мало-помалу стало до того затруднительным, что им ничего другого не оставалось, как обратиться за помощью к Спарте (лето 403 г.). Олигархи, бежавшие в Элевсин, сделали то же самое; дело приняло такой оборот, как будто предприятие Фрасибула направлено против самой Спарты. Здесь не замедлили признать Коллегию десяти законным правительством Афин и оказать им просимую помощь. При содействии Лисандра им разрешен был заем в 100 талантов из государственной

казны, наварх Либис был командирован с сорока кораблями для блокады Пирея, а сам Лисандр в то же время собрал отряд пелопоннесских гоплитов при Элевсине. Участь восстания демократов, казалось, была решена, потому что уже одно прегражденне подвоза с моря должно было в самое короткое время принудить Пирей к сдаче.

Однако в Спарте была большая партия, с опасением взиравшая на победителя при Эгоспотамах, перед славой которого стал меркнуть даже авторитет царской власти. А тут, по-видимому, представлялся удобный случай нанести удар всемогущему полководцу. Кровавые насилия, совершаемые в Афинах и на всем протяжении прежнего Афинского государства учрежденными Лисандром правительствами, должны были вызвать в самой Спарте не меньшее негодование, чем в остальной Греции. Не для того велась двадцатисемилетняя война, чтобы тиранию афинского народа заменить еще более жестокой тиранией. Воспользовавшись этим настроением, царь Павсаний сумел добиться издания эфорами декрета, в силу которого усмирение смуты в Афинах поручалось ему самому. Собрана была пелопоннесская союзная армия; во главе ее царь перешел границу Аттики и принял вместо Лисандра руководство военными действиями против пирейских инсургентов. Во время одной рекогносцировки произошло сражение, в котором, как и следовало ожидать, демократы понесли полное поражение. Теперь Фрасибул изъявил готовность вступить в переговоры, а в городе благодаря влиянию Павсания свергнуто было правительство Десяти, отвергавшее всякую мысль о примирении с демократами, и замещено новым правительством. Обе партии подчинились спартанскому посредничеству.

Затем из Спарты прибыла комиссия из 15 членов, чтобы совместно с царем Павсанием положить конец междоусобице в Афинах. Она исполнила свою задачу с величайшим беспристрастием. Все прошлое должно было быть прощено и забыто, никто не мог быть привлекаем к ответственности за проступок, совершенный во время или до революции. Исключены были из амнистии только члены олигархических правительств: Тридцати, — Десяти, управлявших Пиреем во

время господства Тридцати, — и Десяти, сменивших в Афинах правительство Тридцати; кроме того, члены Коллегии одиннадцати, заведовавшей исполнением приговоров при правительстве Тридцати. Но и они все могли остаться в Афинах, если согласятся представить в суд отчет о своем управлении. Элевсин должен был образовать наряду с Афинами самостоятельное государство, как это уже и было фактически, и каждый афинянин в течение определенного срока имел право переселиться туда. После того как все партии клятвенно обязались соблюдать этот договор, Павсаний распустил пелопоннесскую союзную армию, лакедемонский гарнизон покинул Акрополь и демократы вступили в город 12 боэдромиона, в сентябре 403 г. Революция кончилась.

Оставалось еще упорядочить государственный строй. Лакедемонская комиссия не приняла никакого решения относительно этого вопроса, но, по-видимому, выразила желание, чтобы не была восстановлена неограниченная демократия. Того же желали, конечно, и приверженцы свергнутой олигархии, „граждане города“, как их называли отныне; даже из соратников Фрасибула некоторые были такого же мнения. Один из них, Формисий, внес предложение, чтобы активное право гражданства было предоставлено только землевладельцам, чем был бы осуществлен в главных чертах политический идеал Ферамена. Но демос-победитель отнюдь не был склонен уступить то, что он купил ценою тяжелой борьбы; и так как Спарта не вмешалась в решение этого вопроса, то всеобщее право голоса было восстановлено. Мало того, Фрасибул сделал даже попытку предоставить право гражданства всем чужестранцам и союзникам, которые боролись за свободу; в пылу энтузиазма это предложение было принято, но затем, по настоянию Архина, кассировано судом, так как доблестные демократы тем временем успели сообразить, что материальные выгоды, предоставляемые правом гражданства, гораздо удобнее делить с возможно меньшим числом конкурентов. По той же причине был возобновлен отмененный во время чумы закон Перикла, в силу которого никто не мог пользоваться правами гражданства,

если оба его родителя не были афинскими гражданами; однако дать этому закону обратную силу не решились.

Ограничение абсолютной демократии было теперь возможно еще только во второстепенных пунктах. Кое-какие формы были изменены, но сущность осталась та же. Тем усерднее правительство старалось доказать, что и демократический строй совместим с внутренним порядком, и особенно сделать невозможным всякое нарушение амнистии. Предложенный Архином закон предоставлял всем тем, кто был скомпрометирован во время событий последнего года, новые и действительные гарантии против судебных преследований. Отношения к элевсинским олигархам оставались, разумеется, в высшей степени натянутыми. В конце концов дело дошло до войны; афинское ополчение двинулось против соседнего города, олигархические стратеги были изменнически захвачены в плен и тотчас казнены; после этого переселившиеся в Элевсин граждане согласились, при условии полной амнистии, снова вступить в Афинский государственный союз. Спарта не возражала, и таким образом Аттика снова была объединена (401—400 гг.).

Но Лисандр не намерен был покорно снести поражение, которое он потерпел в деле умиротворения Афин, — тем более что обе борющиеся партии в Спарте были приблизительно одинаково сильны и царь Агис также не одобрял образа действий Павсания. Перед советом старейшин возбужден был процесс по обвинению Павсания в государственной измене; однако обвинителям не удалось доказать его вину, и Павсаний был оправдан, хотя лишь незначительным большинством голосов. Результатом этой неудачи было падение основанной Лисандром правительственной системы. Военная колония в Сесте была уничтожена и город возвращен его прежним обитателям; декархии в союзных городах были упразднены и снова введены „старинные порядки“. Сам Лисандр был отозван из Геллеспонта, куда он отправился во главе флота, чтобы положить конец царившим там беспорядкам. Однако привлечь к суду человека, который оказал своей родине такие громадные услуги, не решились; зато его друг и сподвижник Форакс, занимавший важный пост на-

чальника спартанского гарнизона на Самосе, был отрешен от должности и по обвинению в том, что он вопреки старому закону Ликурга держит у себя драгоценные металлы, приговорен к смерти.

При таких обстоятельствах Лисандр не мог долее оставаться в Спарте. Обет, данный им Амону, послужил для него предлогом к поездке в Ливию. Победитель при Эгоспотамах отправился в добровольное изгнание; настанет время, когда Спарте снова понадобятся услуги способнейшего из ее сыновей.

Но если падение Лисандра имело последствием полный переворот во внутренней политике Спарты, то внешняя политика продолжала вестись в его духе. Здесь задачи Спарты были так ясно предначертаны, что невозможно было уклониться с правильного пути. Важнее всего было для нее теперь — стать господином в собственном доме, в Пелопоннесе. И это, казалось, было нетрудно, потому что вне Пелопоннесского союза оставались здесь только два государства, правда, важнейшие — Аргос и Элида.

Спартанцы начали с более легкой задачи, с подчинения Элиды. В поводах к войне не было недостатка; Элида, как мы знаем, после Никиева мира вышла из Пелопоннесской симмахии, заключила союз с Аргосом и Афинами и в продолжение нескольких лет воевала против Спарты; даже по заключении мира со Спартой она отказалась принять участие в союзной войне пелопоннесских государств против Афин. Но более всего Спарта была оскорблена тем, что элейцы в 420 г. устранили лакедемонян от участия в Олимпийском празднестве и что позднее, во время Декелейской войны, они не позволили царю Агису принести жертву в Олимпии, на том основании, что просить у бога помощи в войне против эллинов — противно священным обычаям. Итак, Спарта потребовала теперь от элейцев освобождения подвластных им городов; и когда элейцы, полагаясь на свое несомненное право и на святость своей страны, отказались исполнить это требование, царь Агис II выступил в поход против них. Но едва он перешагнул границу Элиды, как произошло землетрясение, и ввиду такого явного проявле-

ния гнева божества царь предпочел очистить страну и распустить свое войско (весною 401 г.). Разумеется, элейцы теперь меньше чем когда-нибудь думали о подчинении, и Агис все-таки должен был решиться повторить нападение летом. Между тем Элида напрасно старалась возбудить в Греции восстание против Спарты; одни только этолийцы прислали небольшой отряд, вообще же Элида осталась совершенно изолированной. Зато произошло отпадение всех периэкских городов; Агис, не встречая сопротивления, прошел в Олимпию и дальше в собственную область Элиды, богатую равнину Пенея, куда уже много веков не ступала нога неприятеля. Здесь ему досталась несметная добыча; ему стоило только пожелать, и неукрепленный главный город страны был бы взят штурмом. Но он не хотел доводить дело до крайности, и когда восстание олигархов в городе потерпело неудачу, он приказал отступать. Для защиты отложившихся периэкских городов в Эпиталие, при устье Алфея, оставлена была часть войска, которой в то же время поручено было причинять неприятелю как можно больше ущерба опустошительными набегами. Эта мера действительно привела к желанному результату; ближайшей весною (400 г.) Элида запросила мира. Она принуждена была снова вступить в Пелопоннесский союз, выдать свои военные корабли и признать свободу периэкских городов. Таким образом, Элида лишилась доброй половины своих владений, областей Трифилии, Писатиды и Акрореи, и была низведена на степень мелкого государства, которое не могло уже думать о самостоятельной политике. Впрочем, она сохранила свое древнее право руководства Олимпийскими играми; сама Олимпия находилась теперь уже не в ее владениях, но мелкие общины Писатиды не сумели бы достойным образом справиться с этой почетной обязанностью. Кроме того, от элейцев не потребовали изменения существовавшего у них демократического строя.

Теперь Спарта могла сосредоточить свое внимание на северогреческих делах. Мессенцы, старые, непримиримые враги Спарты, поселенные афинянами в Навпакте и на о. Кефаллении, были изгнаны из своих городов; они нашли

убежище в Кирене и отчасти в Сицилии. Но прежде всего нужно было водворить порядок в Фессалии. Здесь спартанцы уже более четверти века назад создали себе твердую точку опоры основанием колонии Гераклеи на Эте и захватили в свои руки Фермопильское ущелье; затем зимою 413/412 г. царь Агис предпринял поход из Декелеи в подвластную фессалийцам Фтиотийскую Ахею и принудил ее города уплатить контрибуцию и дать заложников. Но затем война с Афинами помешала Спарте довести до конца покорение Фессалии.

Фессалия как раз в это время начала пробуждаться от своей долгой летаргии. Дворянство с увлечением принялось изучать новые софистические системы, сам Горгий оседло поселился в Ларисе и нашел здесь многочисленных учеников. Другие корифеи софистического движения, как например Фрасимах, также поддерживали тесные отношения с Фессалией, и когда Сократ был обвинен в Афинах, ему предложили убежище в Фессалии. Все это не могло не повлиять благотворным образом на политическое и социальное положение страны. Как и следовало ожидать, движение в пользу реформ началось в Ферах, которые через посредство своего портового города Пагас связывали Фессалийскую равнину с остальным греческим миром; вследствие этого здесь должно было образоваться сильное среднее сословие и идеи нового времени должны были распространиться легче, чем где-либо. В конце Пелопоннесской войны Прометей и Ликофрон свергли в Ферах владычество знати и затем обратились с воззванием к крепостным крестьянам соседних общин, приглашая их к освобождению и борьбе против их господ, которые так долго властвовали в стране и грабили ее. Для демократии Феры, однако, еще не созрели; кроме того, борьба с дворянством требовала сосредоточения власти, и вот Ликофрон объявил себя диктатором. Осенью 404 г. он в кровопролитном сражении победил армию Алевада Медия, который господствовал в Ларисе, и его союзников, фессалийских аристократов. После этого в самой Ларисе вспыхнуло междоусобие: Аристипп, член господствующей знатной фамилии Алевадов, восстал против Медия и нашел под-

держку в Фарсале, самом значительном после Ларисы городе внутри Фессалии. Медий оказался в очень затруднительном положении, и ему ничего другого не оставалось, как броситься в объятия своего могущественного северного соседа.

В Македонии в 413 г. умер царь Пердикка II, оставив несовершеннолетнего сына; опекуном последнего сделался его старший сводный брат Архелай, сын Пердикки от незаконной связи. Законный наследник престола вскоре затем умер, — говорили, что его устранил с пути Архелай, — а последний сам в качестве царя вступил на македонский трон. Брат Пердикки Алкет и его сын Александр, которых узурпатор мог опасаться как претендентов, также были убиты; отложившаяся Пидна, важнейший портовый город государства, была покорена с помощью афинян (410 г.). Архелай и позднее поддерживал дружественные отношения с Афинами, не принимая, однако, никакого участия в войне с пелопоннесцами. Архелай обратил свою деятельность главным образом на развитие внутренних сил своего государства; в этом отношении он, по мнению Фукидида, сделал больше, чем все его предшественники вместе взятые. Он построил шоссейные дороги, основал целый ряд крепостей, преобразовал армию, создав регулярную тяжеловооруженную пехоту. Духовные интересы также составляли предмет его усердных забот. Уже Пердикка привлекал к своему двору поэтов и ученых, как, например, знаменитого сочинителя дифирамбов Меланиппида и великого врача Гиппократа Косского. Архелай пошел дальше по этому пути; в его царствование Македония сделалась одним из центров умственной жизни нации. В священной области Диона в Пиерии, у подошвы Олимпа, в любимом местопребывании муз и месте погребения Орфея, были организованы гимнастические в музыкальные состязания по образцу великих эллинских национальных празднеств. Реформатор музыки, Тимофей Милетский, эпический поэт Херил Самосский, трагик Агафон Афинский согласились переселиться в Пеллу на продолжительный срок. Даже престарелый царь поэтов Еврипид провел последние годы своей жизни при дворе Архелая; здесь он в честь своего цар-

ственного хозяина написал „Архелая“; „Вакханки“ также написаны для театра Пеллы или Диона. Точно так же поощрялись и образовательные искусства; фрески, которыми Зевксис украсил царский дворец, составляли одну из наиболее прославленных достопримечательностей македонской столицы.

Так Македония начала вступать в круг греческих культурных государств; этого было достаточно, чтобы и в политическом отношении страна могла занять то положение, на которое она имела право ввиду своей обширности, своего сильного и воинственного народонаселения, своих громадных естественных богатств. Если царь Пердикка направлял еще все свои усилия на то, чтоб сохранить своему государству независимость и освободиться от гнета Афинской державы, сжимавшей его, как тисками, со стороны моря, то Архелай под конец своего царствования мог уже думать о проявлении своего влияния вовне. Поводом к этому послужила смута в Фессалии; македонское войско двинулось в Фессалию, завладело некоторыми укрепленными пунктами страны, и даже Лариса должна была признать верховную власть царя. Этим македонской политике указан был путь, который спустя полвека должен был привести Македонию к главенству над Элладой.

Пока, конечно, время еще не назрело для этого. Противники Медия обратились за помощью к Спарте, и она не замедлила вмешаться в фессалийские дела, тем более что ей надо было расплатиться с Архелаем еще за его двусмысленное поведение во время Декелейской войны. Ликофрон из Фер тотчас примкнул к Спарте, точно так же и важный город Фарсал; в Гераклее у Фермопил, где вспыхнул мятеж, порядок был восстановлен, и большая часть разбойничьего населения Эты, грабившего территорию колонии, изгнана из страны (399 г.). Однако до войны с Македонией дело не дошло, потому что Архелай как раз в это время погиб на охоте: говорили, что он пал от руки своего любимца Кратэва, которому он отказал в руке своей дочери. На македонский трон вступил теперь молодой сын Архелая, Орест, под регентством Аэропа. Новый регент имел достаточно хлопот

с упрочением собственного положения и потому отозвал свои войска из Фессалии. Спартанцы, со своей стороны, удовольствовались занятием Фарсала и не делали серьезной попытки отнять у Медия господство над Ларисой; внимание Спарты в ближайшие годы было поглощено более настоятельными заботами.

Царь Агис II умер, достигнув глубокой старости, вскоре по окончании Элейской войны (399 г.), после его смерти возник спор о престолонаследии, потому что единственного сына Агиса, Леотихида, общественное мнение считало незаконнорожденным, хотя царь перед смертью прямо признал его своим наследником. Претендентом на престол выступил сводный брат Агиса, Агесилай; вернувшийся в это время из Ливии Лисандр принял его сторону, и благодаря этой поддержке Агесилай был провозглашен царем.

Этим Лисандр отчасти вернул себе свое утраченное положение в государстве. По преданию, он замышлял коренное преобразование государственного строя; и в самом деле, для государственного деятеля столь проницательного, как Лисандр, не могло подлежать сомнению, что политическое устройство Спарты настойчиво нуждается в реформе. Дело в том, что гражданское население Спарты само по себе составляло лишь ничтожное меньшинство среди общего населения Лаконии; кроме того, из самих граждан приблизительно половина настолько обеднела, что не была в состоянии вносить свою долю на общественные обеды и поэтому была исключена из числа полноправных граждан. Это унижение было тем обиднее, что именно непривилегированным сословиям государство было обязано своим настоящим могуществом, потому что, с тех пор как Спарта сделалась морскою державою и приобрела заморские колонии, она принуждена была привлекать на военную службу все больше и больше илотов. Иностранные гарнизоны и экипажи флота состояли большею частью из таких вольноотпущенных крепостных, „неодамодов“, как их называли; полноправных граждан едва хватало на пополнение корпуса офицеров. Какою опасностью грозило Спарте такое положение дел, в этом убедилась вся Эллада после битвы при Левктрах. Кон-

ституция также далеко не соответствовала тем требованиям, какие предъявляла к государству его гегемония в Греции. Наследственное, ограниченное эфоратом двоевластие представляло все невыгоды монархии, не возмещая их единством правления и постоянством политики. Неспособный царь был и в Спарте того времени еще достаточно силен, чтобы не допускать полезных мероприятий или искажать их в применении; а если на трон всходил способный человек, он оказывался связанным по рукам и ногам. Великую услугу оказал бы Спарте тот, кто изменил бы эти условия и уничтожил бы отжившие порядки. Но эта задача была не по силам даже такому человеку, как Лисандр; и если он действительно носился с такими планами, то он не сделал ни одного шага для их осуществления. Должно было пройти еще почти два века, неурядица должна была сделаться невыносимою, прежде чем удалось преобразовать спартанскую конституцию. Но тогда реформа не спасла уже ни Спарты, ни Эллады.

Но если Лисандр не решился произвести реформу, зато в низших слоях общества не было недостатка в людях, которые готовы были произвести переворот насильственным путем. Во главе их стал Кинадон, молодой спартиат из бедного класса, который, сознавая свои военные способности, с раздражением переносил свое подчиненное положение. Но заговор был открыт эфорам, и Кинадон со многими из его главных приверженцев были казнены (399 г.). Строго военная организация спартанского государства и в этот раз справилась с грозившею ей опасностью.

Между тем, еще во время Элейской войны, отношения Спарты к Персии приняли такой оборот, в сравнении с которым все другие интересы отошли на задний план. Договор, заключенный зимою 412/411 г. между пелопоннесцами, с одной стороны, Тиссаферном и Фарнабазом, с другой, заключал в себе, по вопросу о разграничении владений обеих сторон, лишь совершенно общие определения, которые допускали самые произвольные толкования и давали повод к бесконечным спорам (выше, с.44 и след.). Когда летом 407 г. сардская сатрапия перешла к Киру, заключен был, повидимому, новый договор, которым категорически призна-

валось персидское господство над городами Ионии; впрочем, фактически города и теперь оставались во власти лакедемонских наварков.

Спустя два года, летом 405 г., Кир за самовластный образ действий был отозван к царскому двору; перед отъездом он санкционировал установившееся положение вещей и поручил Лисандру управление ионийскими городами. В следующем году умер царь Дарий II, оставив трон своему старшему сыну Артаксерксу II. Тщетно пыталась царица Парисатида доставить престол своему любимцу Киру, Артаксеркс даже намеревался казнить брата, как это было в обыкновении у персов при спорах о престолонаследии. Но мольбы матери спасли Кира от смерти; мало того, Артаксеркс даже согласился снова вернуть брату его малоазиатскую сатрапию. Ему скоро пришлось раскаяться в своей уступчивости.

Ибо чувство благодарности было так же чуждо Киру, как и чувство верности по отношению к главе своего дома. Тотчас по возвращении в свою сатрапию он начал готовиться к походу против брата; при этом он мог рассчитывать на поддержку Спарты, которой он оказал такие важные услуги в ее войне с Афинами. Действительно, спартанцы немедленно отозвали свои гарнизоны из городов ионийского побережья и передали эти пункты Киру, хотя царь распорядился причислить Ионию к сатрапии Тиссаферна; предлогом к этой мере послужило желание населения подчиняться лучше Киру, чем Тиссаферну. Только Милет был с помощью демократической партии взят Тиссаферном, который затем изгнал из города вожаков олигархической партии. Изгнанники бежали к Киру; он отправил войско и эскадру против Милета, приказав обложить город с суши и с моря (402 г.). Война с Тиссаферном давала Киру желанный предлог вербовать многочисленных наемников по всей Греции. При дворах малоазиатских сатрапов давно были убеждены в безусловном превосходстве греческих гоплитов над азиатской пехотой; поэтому Кир решил собрать возможно более многочисленное греческое наемное войско, чтобы при его помощи свергнуть своего брата Артаксеркса. Людей, готовых вступить к нему на службу, было теперь, когда в Греции царил мир, бо-

лее чем достаточно; а Кир был настолько богат, что мог платить щедро. Таким образом, собрано было наемное войско, равного которому по численности мир еще не видел. Весною 401 г. Кир имел возможность выступить в поход против Артаксеркса во главе 9—10 тыс. гоплитов и свыше 2 тыс. пелтастов.

Если до сих пор Спарта тайно оказывала Киру всяческое содействие и, главное, не препятствовала вербовке наемников, то теперь она открыто стала на сторону претендента. Наварху Самию было приказано отдаться со своей эскадрой из 35 триер в распоряжение Кира; отряд в 700 гоплитов под начальством Хейрисофа был послан в Киликию и здесь соединился с Киром, который между тем, не встречая сопротивления, прошел через теснины Тавра. В дальнейшем движении через Сирию и Месопотамию армия также не встретила сопротивления со стороны неприятеля; единственным осложнением оказался отказ наемников перейти через Евфрат, когда они там наконец узнали, что поход направлен против царя. Но и это препятствие, грозившее расстроить все предприятие, было благополучно устранено благодаря усердию офицеров и обещанному Киром увеличению жалованья; таким образом, спускаясь вниз по Евфрату, армия осенью пришла в Вавилонию. Только здесь, почти под воротами Вавилона, при деревне Кунакса, Артаксеркс выступил навстречу неприятелю. Левое крыло царской армии, под предводительством Тиссаферна, было почти без боя обращено в бегство атакой эллинов. На противоположном же крыле Кир, сражавшийся во главе своей конницы против гораздо более многочисленного войска своего брата, пал в рукопашном бою; его азиатские полчища расстроились, его лагерь сделался добычей царя. Затем последний ударил на победоносных эллинов; но персы и в этот раз не устояли, и с наступлением ночи эллины торжествовали победу (поздним летом 401 г.).

Но эта победа была бесплодна, потому что со смертью Кира все предприятие потеряло свой смысл. Персидские офицеры Кира и их отряды подчинились царю, и эллины оказались изолированными в неприятельской стране. Их по-

ложение сделалось почти безнадежным, когда вскоре после сражения Тиссаферну удалось изменнически захватить большинство начальников греческой армии. Однако эллины и теперь не потеряли присутствия духа; тотчас были избраны новые полководцы, в том числе афинянин Ксенофонт, дельный офицер, получивший также философское образование в школе Сократа. Главным образом благодаря его благоразумному образу действий армия после четырехмесячного перехода через Ассирию и суровые плоскогорья Армении достигла наконец при Трапезунте берега Черного моря (приблизительно в феврале 400 г.); правда, численность ее понизилась с 13 тыс. до 8 тыс. 600 человек. Отсюда войска пошли вдоль берега к Котиоре, здесь были посажены на корабли и осенью прибыли наконец в Византию.

Здесь армия встретила очень холодный прием со стороны спартанских военачальников; Спарта все еще надеялась на возможность избегнуть разрыва с Персией, и тем менее была склонна протянуть руку войскам Кира, что сознавала, какую существенную поддержку она оказала предприятию, направленному к низложению Артаксеркса. Однако влияние событий и в этот раз оказалось сильнее, чем воля правителей. Тиссаферн первый сообщил царю точные сведения о приготовлениях Кира и их цели; затем он храбро сражался при Кунаксе и в награду за верность снова получил свою старую сатрапию Лидию. Сарды и остальные города центральной части страны подчинились ему без сопротивления; адмирал Кира Тамос бежал с флотом на свою родину, в Египет. Таким образом, греческие города побережья были предоставлены самим себе; но и теперь, как четыре года назад, они не имели охоты признать над собою власть Тиссаферна. Поэтому они обратились за помощью в Спарту, где их просьба не встретила отказа. Сначала спартанское правительство думало выступить посредником между враждующими сторонами; но когда Тиссаферн, несмотря на протест Спарты, перешел в наступление и начал осаждать Киму, Спарта долее не могла оставаться безучастной зрительницей. Еще летом 400 г. спартанский полководец Фиброн с 5 тыс. пелопоннесских гоплитов и тремястами афинских всадников отправился в Эфес, присоединил к

себе здесь еще 2000 человек из ионийских городов и завладел Магнесией на Меандре. Так как открытый город трудно было защищать, то Фиброн переселил жителей на предгорья соседней горы Форакса и здесь, на крепкой позиции, основал новую Магнесию. Но когда вслед затем явился Тиссаферн во главе многочисленной конницы, Фиброн не мог устоять против него в открытом поле и принужден был ограничиться обороной укреплений. Поэтому он весною принял на службу наемное войско Кира, заключавшее в себе еще около 6 тыс. человек, которое в течение зимы находилось на службе у фракийского царя Севта. Теперь Фиброн снова мог перейти в наступление; Пергам и соседние города Тевфрания, Галисарна, Гамбрейон, Мирина перешли на его сторону, но эолийская Лариса оказала энергичное сопротивление, так что в конце концов он принужден был прекратить осаду города.

Между тем окончился служебный год Фиброна и начальство над войском в Азии принял Деркилид. Он считался одним из способнейших спартанских офицеров и был знаком с азиатскими делами еще со времени Пелопоннесской войны. Новый главнокомандующий немедленно заключил перемирие с Тиссаферном и обратил свое оружие против Фарнабаза, который был совершенно ошеломлен неожиданным нападением. Восьми дней оказалось достаточно, чтобы освободить всю Троаду от персидского владычества и принудить Фарнабаза к заключению перемирия до весны. На зимние квартиры Деркилид расположился в вифинской области, чтобы не обременять союзников содержанием своей армии.

Таким образом, освобождение греческих городов Малой Азии было в главных чертах закончено, потому что важнейшие пункты на Пропонтиде и на Геллеспонте, — Калхедон, Кизик, Лампсак, Абидос — вообще никогда не подпадали под владычество Фарнабаза, и Книд также, по-видимому, отстоял свою независимость против покушений Тиссаферна. Теперь необходимо было упрочить эти успехи посредством договора с персидским царем; поэтому весною 398 г. было возобновлено перемирие с Фарнабазом и Тиссаферном и отправлено спартанское посольство к великому царю. Между тем Деркилид перешел на фракийский Херсонес и фортифи-

кационною линией, проведенной от моря до моря, обеспечил полуостров против вторжений хищных обитателей материковой Фракии. Осенью, по окончании этих работ, спартанский полководец двинулся к Атарнею, на противолежащем Митилене берегу, где все еще держались хиосские эмигранты, изгнанные некогда Кратесиппидом; город оказал упорное сопротивление и сдался лишь после восьмимесячной осады (весною 397 г.).

Однако персидский двор был далек от мысли об уступках. Правда, и здесь вследствие урока, полученного при Кунаксе, начали сознавать, что на суше персам не сломить эллинов. Тем больше шансов на успех представляла морская война, так как финикийские военные суда нисколько не уступали эллинским, и при больших финансовых средствах, какими располагал царь, ему нетрудно было построить флот, который по численности превосходил бы спартанский. Все зависело от того, удастся ли найти человека, который был бы способен командовать этим флотом, потому что персидские сановники совершенно не годились для такого дела.

Из этого затруднения вывел персов Эвагор, царь Саламина на Кипре. После того как афиняне, в силу так называемого Кимонова мира, отказались от Кипра, там произошла реакция семитического элемента против эллинизма; в Саламине, самом большом городе острова, свергнута была с престола древняя эллинская династия, которая вела свое происхождение от Тевкра и Эака, и верховная власть перешла к одному финикийскому роду. В таком положении дела оставались тридцать с лишком лет, пока финикийская династия в Саламине была свергнута Абдемоном, князем соседнего Китиона. Этим моментом решил воспользоваться потомок древнего дома Тевкридов, Эвагор, чтобы освободить родной город от варваров. С пятьюдесятью спутниками он ночью проник в город; Абдемон был убит, и Эвагор вступил на престол своих предков (около 410 г.). Теперь Саламин был снова открыт для греческой торговли и греческой образованности, и из метрополии устремилось сюда множество греков — купцы, софисты и люди, принужденные покинуть родину вследствие политических переворотов. С Афинами,

экономическим и умственным центром греческого мира, Эвагор вступил в тесные отношения.

Персидский царь не мешал Эвагору, пока дело касалось Саламина; но когда Эвагор вздумал распространять свою власть и на другие города острова, персидский двор отнюдь не был склонен терпеть это. Как раз в это время началась война за освобождение Малой Азии, и в интересах Эвагора было, по-видимому, стать на сторону эллинов, чтобы таким образом создать себе нужный оплот против царя. Но, не говоря уже о том, что исход войны был крайне сомнителен, — перспектива обратиться из вассала персидского царя в вассала Спарты должна была казаться Эвагору малопривлекательной. Был другой, казалось, более выгодный путь; Эвагор решил оказать персидскому царю столь важные услуги, чтобы последний в награду предоставил ему власть сатрапа над всем Кипром. С этой целью он через лейб-медика Артаксеркса Ктесия завязал сношения с персидским двором, засвидетельствовал свои верноподданнические чувства уплатою богатой дани и затем предложил в начальники над флотом афинянина Конона, который со времени поражения при Эгоспотамах жил на Саламине и вступил с Эвагором в тесную дружбу; сам Эвагор обещал выставить в этот флот большую эскадру.

Никогда еще грек не занимал такого высокого поста на персидской службе; но неотложная необходимость заставила персидский двор принять предложения Эвагора. Немедленно, еще во время перемирия, на Кипре снаряжена была эскадра в 40 триер, с которой Конон весною 397 г. отплыл к Кавну в Карии; финикийским городам было приказано снарядить большой флот.

Таким образом, спартанские послы вернулись, ничего не добившись, и война должна была возобновиться. Пелопоннесский флот в 120 кораблей под начальством наварха Фаракса вышел в море и приступил к осаде Кавна, а Деркилид с 7 тыс. человек в то же самое время вторгся в Карию с суши. На персидской стороне Тиссаферн и Фарнабаз соединили свои боевые силы. Освободив Кавн, оба сатрапа двинулись против Деркилида. В долине Меандра, между Траллеидой и Магнесией, неприятельские армии встретились (ранним ле-

том 397 г.); но у обеих сторон не хватило мужества начать сражение, и снова заключено было перемирие. Персам нужно было время, чтобы закончить снаряжение флота, а Деркилид был слишком слаб, чтобы сделать какой-нибудь решительный шаг. Еще раз начаты были переговоры, но при данных условиях они, конечно, ни к чему не могли привести.

В Спарте наконец поняли, что так дальше продолжаться не может, и по настоянию Лисандра решили вести войну с большею настойчивостью. Весной 396 г. царь Агесилай II во главе 8 тыс. гоплитов выступил в Эфес. Однако вскоре обнаружилось, что и этих военных сил совершенно недостаточно; особенно ощутителен был недостаток в коннице. Ввиду этого Агесилай не мог придумать ничего лучшего, как продолжить перемирие с Тиссаферном. Сатрап воспользовался отсрочкой, чтобы стянуть подкрепления из глубины страны, а затем объявил о прекращении заключенного договора; таким образом, Агесилай все-таки принужден был начать войну. Уже осенью двинулся он в сатрапию Фарнабаза, Фригию, где никто не ожидал его нападения; пройдя беспрепятственно до самой столицы, Даскилейона, он должен был, однако, отступить перед более многочисленной неприятельской конницей. В течение зимы спартанский царь составил, путем набора в малоазиатских городах, отряд всадников и весною (395 г.) снова открыл наступательные действия, на этот раз — против Лидии. На Сардской равнине, у берегов золотоносного Пактола, Агесилай встретил конные полчища Тиссаферна; последние справились с только что сформированной греческой конницей, но не устояли против атаки гоплитов; персидский лагерь с богатой добычей попал в руки победителя. Однако персидская конница и теперь еще значительно превосходила греческую; при таких условиях Агесилай не мог думать об осаде укрепленных Сард — тем более что персидская пехота не принимала участия в сражении и была еще совершенно цела. Таким образом, ему не оставалось ничего другого, как вернуться к морю.

Между тем при персидском дворе были крайне недовольны вялостью военных действий Тиссаферна. Конон, солдатам которого Тиссаферн не платил жалованья и который

вследствие этого принужден был сидеть сложа руки, отправился к царю, чтобы представить ему положение дел в истинном свете. Фарнабаз хлопотал о том же, а царица, мать Парисатида, употребляла все свое влияние, чтобы свергнуть того, кто был главным виновником неудачи, постигшей предприятие ее любимца Кира. Ввиду этого Артаксеркс решил поручить власть в Сардах своему первому министру — хилиарху, как называли его греки, — Тифраусту. Новый наместник прибыл в Малую Азию как раз после битвы при Пактоле, которая сильно поколебала авторитет Тиссаферна в глазах его собственного войска. Поэтому Тифраусту нетрудно было посредством измены захватить сатрапа; он тотчас приказал казнить его и послал его голову царю.

Затем Тифрауст начал переговоры. От имени царя он изъявил готовность признать независимость греческих прибрежных городов под тем условием, чтобы они платили Персии прежнюю дань и чтобы спартанцы удалились из Малой Азии. Агесилай не был склонен принять такое предложение; но, не желая брать на себя риск отказа, он представил дело на усмотрение своего правительства. Между тем опять было заключено перемирие; Тифрауст выдал 30 талантов на содержание пелопоннесской армии и предоставил Агесилаю свободу действий против Фарнабаза. С наступлением осени спартанский царь выступил во Фригию.

Фарнабаз не решился оказать сопротивление; его резиденция Даскилейон была взята, и Агесилай расположился здесь на зимние квартиры. Пафлагонский царь Отис перешел на сторону спартанцев и выставил вспомогательный отряд; однако попытка склонить и Фарнабаза к отложению от персидского царя оказалась неудачной, да и пафлагонцы скоро снова покинули своих греческих союзников. Весною (394 г.) Агесилай вернулся на берег Эгейского моря и стал готовиться к походу в глубь Малой Азии.

Но теперь было уже слишком поздно. Война с Персией продолжалась уже седьмой год, и единственным результатом ее все еще было пока освобождение приморских греческих городов. Виною тому была главным образом скудость средств, которые спартанское правительство отпускало своим

полководцам на ведение войны; отчасти, впрочем, малоуспешность военных действий объяснялась и тем, что Агесилай, несмотря на все усилия, не был в состоянии сформировать конницу, равную персидской. Даже флот значительно уменьшили вследствие нужды в деньгах и потому, что персы также не держали флота на море. Поэтому Спарта была совершенно ошеломлена, когда персидский царь по настоянию Конона выдал ему наконец нужные суммы и увеличил флот, стоявший у Кавна, до восьмидесяти кораблей. Конон воспользовался благоприятной минутой, когда неприятель располагал лишь ничтожным флотом, и открыл наступательные действия, прежде всего против Родоса. Здесь несколько лет назад (около 408 г.) все три общины, находившиеся на острове, Ялис, Линд и Камейр, соединились в одно государство и основали новую столицу Родос, которая благодаря своему выгодному положению скоро приобрела значение важного торгового пункта. Большинство родосцев были сторонниками демократии; когда явился Конон, население восстало против олигархического правительства, изгнало пелопоннесский гарнизон и впустило в свою гавань персидский флот (летом 395 г.). А главное, в самой Греции против Спарты образовалась коалиция из государств средней полосы, заставившая Спарту употребить все свои силы на защиту собственного положения.

Так расплачивались спартанцы за свои политические ошибки. Спарта — вместо того, чтобы устранить лишь радикальные элементы демократии, — оказала поддержку олигархическому террору и благодаря этому лишилась значительной доли симпатий, которые нация до тех пор питала к ней. Что же касается внешней политики, то хотя спартанцы и поняли, что государство, которому принадлежит гегемония над эллинским миром, обязано освободить братьев, живущих по ту сторону моря, от персидского ига, но они ошиблись в оценке сил врага и предприняли освободительную войну с совершенно недостаточными средствами. Результатом этих ошибок было крушение Спартанской державы и полувековая смута в Элладе.

ГЛАВА IV

Военная монархия в Сицилии и на Понте

В то время как Спарта воевала с Персией из-за независимости малоазиатских греков, в Сицилии также началась освободительная война против варваров. Со времени мирного договора 405 г. Дионисий ни на минуту не упускал из виду эту цель и неустанно готовился к предстоящей решительной борьбе. Для этого он прежде всего должен был позаботиться об упрочении своего положения во главе сиракузского государства, потому что поход 406 г. ясно показал, что демократия совершенно неспособна разрешить ту задачу, которая предстояла сицилийским грекам.

Дионисий обязан был своим возвышением главным образом неимущей массе, и ему надлежало прежде всего позаботиться о вознаграждении этих своих приверженцев. Средства к тому доставило ему восстание сиракузского дворянства. Эти господа, восставшие против своего полководца в то самое время, когда к городу приближался неприятель, и в немногие часы своего господства в Сиракузах сумевшие только с животною грубостью оскорбить беззащитную женщину (см. выше, с.66), потеряли всякое право на пощаду. Теперь их земли были конфискованы и розданы по жребию равными участками бедным гражданам, выслужившимся наемникам и отпущенным на волю рабам, которые приняты были в число граждан.

Но Дионисий хорошо понимал, что на такие элементы его власть долго не может опираться. Поэтому, чтобы на всякий случай создать себе надежный оплот, он отгородил старую часть Сиракуз, остров Ортигию, от остального города стеной; отныне здесь могли жить только друзья и наемники тирана. На перешейке, соединяющем остров с самим городом, построен был крепкий замок, укрепления которого охватывали также арсенал у малой гавани; здесь-то поселился тиран.

Как только дела в Сиракузах были до некоторой степени приведены в порядок, Дионисий обратил свое оружие про-

тив сикелов, которые во время последней войны свергли с себя сиракузское владычество. Прежде всего он осадил город Гербесс, расположенный в горах к северу от Сиракуз. Но здесь вспыхнул бунт среди сиракузских ополченцев; они убили своего начальника, назначенного Дионисием, избрали себе сами новых стратегов и призвали на помощь бежавших в Этну всадников. Тирану ничего другого не оставалось, как поспешно возвратиться со своими наемниками в Сиракузы. Мятежники погнались за ними; они заняли возвышенность Эпипол и приступили к осаде города. Регий и Мессена прислали им на помощь весь свой флот; метрополия, Коринф, также поддерживала восставших, а коринфянин Никотел принял главное начальство над ними. Положение Дионисия сделалось настолько критическим, что он серьезно стал подумывать о капитуляции и завязал переговоры с мятежниками. Но в эту минуту, когда победа была, казалось, обеспечена, пыл осаждающих начал ослабевать и многие из них разъехались по своим поместьям. Между тем Дионисию удалось привлечь к себе подкрепления, в том числе отряд из тысячи двухсот кампанских всадников, состоявший до тех пор на службе у Карфагена. С этим войском Дионисий предпринял атаку на позицию осаждающих в предместье Темените; мятежники потерпели полное поражение, но число убитых было невелико, потому что, как только победа была решена, тиран прекратил дальнейшее кровопролитие. Он позаботился также о почетном погребении павших и этим подготовил себе путь к соглашению с противниками. Республиканская армия после этого поражения распалась; однако значительная часть ее, по преданию, 7000 человек, снова собралась в Этне. Наконец, при посредничестве спартанцев заключен был договор, по которому Дионисий даровал всем участникам восстания полную амнистию. Большинство мятежников вернулось на родину; те немногие, которые не желали принести повинную и оставались еще в Этне, были в следующем году без труда изгнаны оттуда тираном.

Государственное устройство Сиракуз было упорядочено теперь таким образом, что Дионисий сохранил военную власть, которую вверило ему Народное собрание летом

405 г. В силу этого полномочия ему предоставлялось верховное начальство над армией и флотом государства; он назначал офицеров, адмирала, комендантов крепостей и начальников отдельных частей войска. Кроме того, ему были предоставлены и гражданские полномочия, какими в республиканское время пользовались стратеги: представительство в сношениях государства с иностранными правительствами, председательство в Народном собрании, взимание экстраординарных прямых налогов, предназначенных на военные нужды. Без сомнения, в его кассу притекала также часть постоянных государственных доходов. Но Совет и Народное собрание были сохранены; без их согласия тиран не мог ни объявлять войны, ни взимать прямых налогов с имущества граждан. Вероятно, и большинство гражданских чиновников избирались Народным собранием. Вообще Дионисий смотрел на себя как на представителя сиракузского народа; подобно древним тиранам, он не принял царского титула, и на его монетах написано имя Сиракуз.

Теперь Дионисий мог снова приняться за осуществление своих завоевательных планов, и в этот раз с бóльшим успехом. Он покорил один за другим халкидские города Наксос, Катану и Леонтины; большая часть их жителей должна была переселиться в Сиракузы. Наксос был разрушен и область его отдана соседним сикелам; в Катане поселены были кампанские наемники (403 г.). Сикелы также должны были признать над собою верховную власть Дионисия; чтобы держать их в подчинении, на западном склоне Этны основана была военная колония Гадранон, названная так по имени сикельского божества, знаменитый храм которого находился в этом месте (400 г.). С Мессеной Дионисий заключил союз, тогда как Регий отверг все дружественные предложения тирана; тем охотнее вошли с ним в соглашение италийские Локры, издавна враждовавшие с регийцами. Со времен Гиерона Сиракузы еще на разу не достигали такого могущества, как теперь.

Дионисий мог наконец приступить к осуществлению великой задачи своей жизни, к освобождению Сицилии от карфагенского ига. Приготовления начаты были в грандиоз-

ных размерах. Сиракузы точно превратились в большой арсенал; всюду — в галереях, на базаре, во дворцах, даже в храмах — ковали оружие и строили военные машины. В гавани приступили к постройке двухсот новых военных кораблей, в том числе четырех- и пятивесельных, которые теперь строились впервые; это нововведение коренным образом изменило характер морской войны. Но главное — на возвышенности Эпиполы, господствующей над городом, возведено было укрепление Эвриал и соединено с городом посредством двух длинных параллельных стен. Таким образом, блокада с суши, вроде той, которая грозила Сиракузам во время войны с Афинами, стала теперь невозможной; а так как благодаря прочности стен и характеру местности штурм представлял очень мало шансов на успех, то Сиракузы сделались теперь почти неприступной крепостью. И действительно, в течение двух столетий все неприятельские атаки разбивались об эти стены. Правда, опасность заключалась в самой обширности укреплений, которая требовала очень многочисленного гарнизона, да и тогда крайне затрудняла оборону против внезапного нападения; только благодаря этому Сиракузы и были в конце концов покорены римлянами.

Весною 397 г. все приготовления были окончены. Дионисий созвал Народное собрание, и по его предложению решено было объявить войну Карфагену, если он добровольно не откажется от владычества над греческими городами южной и западной части острова. Накопившаяся в Сицилии со времени последней войны ненависть к финикийцам разразилась теперь страшным взрывом. По всему острову началось преследование семитов. Имущество карфагенских купцов всюду подверглось разграблению, в подвластных Карфагену городах все финикийцы, попавшие в руки народа, были убиты после варварских истязаний; это было законное возмездие за те жестокости, какие совершили сами карфагеняне десять лет назад.

Дионисий принужден был делать свои приготовления вполне открыто, и всякому было ясно, против кого они направлены. Но силы Карфагена были парализованы чумою, которая уже несколько лет свирепствовала в Ливии, и рес-

публика оказалась совершенно неподготовленной. Однако теперь, после сицилийских событий, она ни в каком случае не могла уклониться от войны. В Иверию и в страну кельтов были посланы офицеры для набора войска; но последний должен был занять несколько месяцев, и в течение этого времени Дионисий был совершенно свободен в своих военных действиях на Сицилии.

Он поспешил воспользоваться своим выгодным положением. Во главе всего ополчения своего государства он перешел карфагенскую границу, приветствуемый всюду в греческих городах как освободитель и подкрепляемый всеми имевшимися в их распоряжении военными силами. Сиканы и элимийцы с горы Эрикс также подчинились без сопротивления. Только три финикийские колонии, Мотия, Панорм и Солунт, и города элимийцев, Сегеста и Галикии, сохраняли еще верность Карфагену, равно как и Энтелла, которою за несколько лет перед тем овладели кампанцы, отпущенные со службы Дионисием.

Прежде всего Дионисий двинулся на Мотию, бывшую в то время главным оплотом карфагенян в Сицилии. Город был расположен на небольшом острове (теперь С.-Панталео), посреди береговой лагуны, к северу от мыса Лилибей, приблизительно на расстоянии одного километра от берега. Сиракузский флот, около двухсот военных кораблей, вошел в лагуну, и осаждающие принялись насыпать дамбу до острова, что́ при незначительной глубине воды не представляло затруднений. В короткое время они дошли до стены и сквозь проломы, пробитые в ней машинами, проникли в город. Но граждане и после этого продолжали сражение на улицах, причем высокие, построенные по финикийскому образцу, дома сильно мешали нападающим. Однако, несмотря на отчаянное сопротивление семитов, они были наконец побеждены благодаря численному перевесу неприятеля, богатый город отдан был на разграбление войску, а из жителей те, которые спаслись от меча, были проданы в рабство. Так как уже наступила осень, то Дионисий, оставив своего брата Лептина со 120 кораблями на западной оконеч-

ности Сицилии для наблюдения за неприятелем, сам с главною армией вернулся на зимние квартиры в Сиракузы.

Карфагеняне принуждены были оставаться почти безучастными зрителями осады Мотии; морская демонстрация, предпринятая для спасения города, не имела успеха. Лишь следующею весною (396 г.) они окончили свои приготовления; их полководец Гимилькон, тот самый, который в предшествовавшую войну взял Акрагант и Гелу, высадился с сильным войском в гавани Панорма. Между тем Дионисий снова перешел в наступление, привлек на свою сторону Галикии и приступил к осаде Сегесты. Но когда перед ним явился Гимилькон, он не решился сразиться с более сильным неприятелем и поспешно вернулся в восточную часть острова, чтобы на всякий случай обеспечить себе сообщение с Сиракузами. Эрикс, Галикии и сиканы снова перешли на сторону карфагенян; Мотию Гимилькон также покорил снова. Спустя короткое время карфагеняне срыли Мотию вследствие ее неудобного стратегического положения и вместо нее основали поблизости новый город Лилибей, на мысе того же имени, составляющем крайнюю западную оконечность Сицилии. С тех пор Лилибей оставался главным арсеналом карфагенян на острове.

После этих успехов карфагенский полководец повел свое войско вдоль северного побережья острова на восток. Фермы подчинились ему без кровопролития, Мессена после слабого сопротивления была взята штурмом и разрушена до основания. Затем и сикелы отложились от Дионисия и выставили свой контингент в карфагенскую армию. Так как извержение Этны сделало непроходимой прямую дорогу вдоль берега, то Гимилькон направился через страну своих новых союзников в Катану, оставляя вулкан по левую руку; в Катане флот снова должен был соединиться с армией.

Чтобы прикрыть Сиракузы, Дионисий занял оборонительную позицию у горы Тавра, вблизи нынешней Августы; он хотел воспользоваться этим благоприятным моментом, когда армия и флот неприятеля были разъединены, для того чтобы нанести ему решительный удар. Он прошел вперед до Катаны и приказал своему брату Лептину, командовавшему

флотом, напасть на отрезанный от своего сухопутного войска карфагенский флот. Хотя карфагеняне имели 200 с лишком военных кораблей, а сиракузцы только 180, но это небольшое количественное различие с избытком возмещалось тем, что греческий флот состоял частью из четырех- и пятивесельных кораблей. Действительно, карфагенский адмирал Магон хотел избегнуть сражения; но Лептин скоро настиг его, далеко опередив с 30 лучшими своими судами остальную часть своего флота. Финикийцы поневоле должны были вступить в битву; ввиду их численного перевеса Лептин после мужественного сопротивления принужден был отступить; остальные сиракузские корабли, подошедшие без всякого порядка, были легко обращены в бегство и, преследуемые финикийцами, большею частью взяты в плен или потоплены. Сиракузцы потеряли более ста кораблей со всем экипажем, свыше 20 тыс. человек; стоявшее на берегу сухопутное войско было беспомощным зрителем поражения.

Теперь Дионисию ничего другого не оставалось, как поспешно возвратиться в Сиракузы. Карфагеняне последовали за ним; их флот, состоявший из двухсот восьми военных кораблей, вошел в большую гавань, тогда как Гимилькон с сухопутной армией расположился лагерем у храма Зевса Олимпийского, к югу от устья Анапа, почти на том самом месте, где 18 лет назад стоял лагерь афинян. Блокада города была невозможна со времени укрепления Эпипол; поэтому карфагенский полководец ограничился опустошением окрестностей Сиракуз. Между тем наступила осень, и в войске, скученном на небольшом пространстве в болотистой низменности, появилась чума, зародыши которой армия принесла с собою из Ливии; жертвы эпидемии вскоре насчитывались тысячами. В то время как силы неприятеля были парализованы чумою, к сиракузцам подоспела помощь из Пелопоннеса. Спарта только что заключила перемирие с Тиссаферном (см. выше, с.103) и потому получила возможность отправить в Сиракузы эскадру под начальством Фаракса; Коринф также прислал несколько кораблей на помощь своей колонии, да и италийские греки не отказали Сиракузам в поддержке. Дионисий произвел одновременное нападение на

осаждающих с суши и с моря, увенчавшееся полнейшим успехом. Значительная часть неприятельского флота была сожжена, а сухопутная армия заперта в своем лагере. Гимилькон счел свое дело проигранным; бросив армию на произвол судьбы, он со своим карфагенским ополчением бежал в Африку. После этого сицилийские союзные отряды карфагенян рассеялись по своим городам, а главная масса армии, ливийские подданные, иберийские и кельтские наемники, на следующий день сдалась победителю. Карфагенская экспедиция окончилась так же плачевно, как 17 лет назад афинская.

Даже последствия, которые имело поражение для Карфагена, оказались сходны с теми, какие некогда имело сицилийское поражение для Афин. В Ливии вспыхнуло всеобщее восстание, грозившее гибелью Карфагенской республике и подавленное лишь с большим трудом. Между тем Сицилию пришлось предоставить самой себе, и Дионисий мог распоряжаться на острове по собственному усмотрению. Большинство сикельских городов было покорено, Фермы снова завоеваны, финикийский Солунт взят при помощи измены. В Леонтинах, граждане которых, как мы знаем, несколько лет назад были отведены в Сиракузы, теперь поселены были выслужившиеся наемники. Мессена была восстановлена в качестве сиракузской колонии, а несколько далее к западу, на северном побережье Сицилии, напротив Липар, основан был новый греческий город Тиндарис, в котором ядро населения составили изгнанные спартанцами из Навпакта и Кефаллении мессенцы (см. выше, с.93). Таким образом, Дионисий господствовал теперь над бóльшей частью острова и с полным правом мог принять около этого времени титул „архонта Сицилии“.

Но теперь, когда остров освободился от страха перед карфагенянами, снова обнаружился тот партикуляризм, который так глубоко коренился в характере греков. Регий, видевший для себя опасность в восстановлении Мессены, объявил войну Сиракузам, и его примеру последовала часть сикелов (394 г.). Правда, регийский стратег Гелорис потерпел кровавое поражение при Мессене, а укрепление Милы в Мессенской области, занятое наксосскими и катанскими из-

гнанниками с помощью регийцев, также вскоре было взято войсками Дионисия. Но затем счастье изменило сиракузцам. Дионисий двинулся на Тавромений, город, основанный несколько лет назад сикелами на горе Тавр, недалеко от разрушенного Наксоса, но не мог справиться с хорошо укрепленным городом. Осада затянулась до поздней зимы; когда Дионисий наконец решился штурмовать город, он был отбит с уроном в 600 человек и едва сам не попал в плен (394/393 г.). Это поражение повлекло за собою также отпадение от Дионисия Акраганта, второго по величине греческого города в Сицилии.

Между тем Карфаген подавил восстание в Ливии и мог снова послать войско в Сицилию. Карфагенский полководец Магон направился к Мессене, чтобы поддержать регийцев, но должен был отступить перед наступавшими сиракузцами в союзный сикельский город Абакен и здесь потерпел поражение от Дионисия (393 г.). Затем Дионисий двинулся против Регия, в надежде взять город неожиданным нападением. Хотя этот план и не удался, однако регийцы принуждены были заключить перемирие на год, так что Дионисий имел теперь возможность выдвинуть против карфагенян все свои боевые силы.

Тем временем карфагеняне прислали в Сицилию подкрепления, и Магон двинулся на юг поперек острова (392 г.). На берегу реки Хрисас, в области Агиррия, Дионисий встретил его, и некоторое время обе армии стояли лагерем друг против друга. Ни греческий полководец, ни финикийский не желали битвы; дело в том, что Карфаген добивался теперь еще только сносного мира, а для Дионисия также важно было окончить войну, чтобы развязать себе руки для борьбы с теми общинами, которые еще отказывались подчиниться его власти. Поэтому обе стороны скоро пришли к соглашению: Карфаген отказался от всех греческих городов острова и отдал на произвол Дионисия своих сикельских союзников; зато он сохранил власть над крайним северо-западом Сицилии, над финикийской колонией Панормом и страной элимийцев и сиканов. Акрагант возобновил союз с Сиракузами, Тавромений сдался, и Дионисий для защиты этого важного пункта

основал здесь военную колонию. Теперь вся Сицилия, исключая небольшую карфагенскую область, была объединена под его властью.

Теперь пришла пора свести счеты с Регием. Но этот город теперь уже не стоял особняком, так как и италийские греки наконец поняли, что им неминуемо грозит порабощение, если отдельные общины не сплотятся в одно целое. На севере луканцы все более и более расширяли свои владения; Посейдония, Лаос и, вероятно, также Пикс уже находились в их руках, и область Фурий была открыта их разбойничьим набегам. На юге грозно росло могущество сицилийского тирана, который благодаря своему союзу с Локрами имел уже надежную точку опоры в Италии. Ввиду этих условий греко-италийские города заключили между собою союз еще в том самом году, когда Дионисий предпринял поход на Регий, и, без сомнения, под влиянием этого события. Ядро нового союза составляла коалиция трех городов, Кротона, Кавлонии и Сибариса на Треиде, образовавшаяся вскоре после основания Фурий для защиты от опасности, которая угрожала с этой стороны ахейцам; теперь к ней примкнули все остальные италийские общины, кроме Локр, которые благодаря своему аристократическому строю стояли в оппозиции к другим городам и даже теперь оставались верны своей традиционной дружбе с Сиракузами. Впрочем, узы, связывавшие италийцев, были крайне слабы; союз имел свое святилище, в котором собирались депутаты отдельных городов для обсуждения общих дел, — но был лишен центральной власти. Обязанности членов ограничивались взаимной поддержкой во время неприятельских нашествий; в случае войны одному из участвующих городов вверялось верховное начальство. В прочих отношениях самостоятельность отдельных государств нисколько не была ограничена. Как бы то ни было, союз располагал очень значительными военными силами; но Дионисий считал себя достаточно сильным для того, чтобы начать борьбу, которая должна была доставить ему господство над всеми западными эллинами.

Его первые шаги были направлены, конечно, против Регия (осенью 391 г.). На помощь городу поспешил италий-

ский флот из 60 кораблей; когда Дионисий с 50 судами вышел к ним навстречу, заранее уверенный в победе, вдруг поднялась буря, от которой неприятели укрылись у берега близ Регия, тогда как семь сиракузских кораблей пошло ко дну; сам тиран лишь с большим трудом добрался до Мессенской гавани. Ввиду неудачи он отказался на этот год от задуманного предприятия и ограничился заключением союза с луканцами. Последние не замедлили вторгнуться в фурийскую область (390 г.), но скоро были отбиты италийскими греками, которые теперь в свою очередь напали на Луканию. Здесь ждала их гибель; при Лаосе они внезапно были окружены более многочисленным неприятельским войском, бóльшая часть греческой армии была перебита, а остаток ее, около тысячи человек, оттеснен на прибрежную возвышенность. Он также погиб бы, если бы благодаря посредничеству сиракузского адмирала Лептина, присланного Дионисием на помощь луканцам, не был заключен мир. А так как это шло совершенно вразрез с намерениями Дионисия, то Лептин был лишен звания наварха, и вместо него назначен был командиром флота второй брат тирана Феарид.

В следующем году (389) Дионисий снова выступил в поход. У Липар его адмирал Феарид захватил десять регийских кораблей; затем войско перешло в Италию и приступило к осаде Кавлонии. Ей на выручку двинулись италийские греки со всем своим войском, состоявшим, по преданию, из 25 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников, под начальством сиракузского изгнанника Гелориса. Дионисий вышел навстречу неприятелю и неожиданно напал на него у реки Элепора; Гелорис, находившийся во главе авангарда, пал в самом начале сражения, армия его была без труда обращена в бегство, а значительная часть ее, свыше 10 тыс. человек, заперта на безводной возвышенности и принуждена на следующий день сдаться на полную волю победителя. Последний против всякого ожидания обошелся с побежденными милостиво; он без выкупа освободил пленных и даровал италийским грекам мир на сносных условиях, определив границей между их и своими владениями Катанзарский перешеек. Скиллетий, лежавший на самом перешейке, кротонцы должны были ус-

тупить Локрам; города, находившиеся к югу от перешейка, были освобождены от участия в союзе. Чтобы оградить новые приобретения от вторжений луканцев, Дионисий приступил к постройке фортификационной линии поперек перешейка, от Тирренского к Ионическому морю.

Теперь Регий оказался изолированным и должен был во что бы то ни стало искать соглашения с победителем. Мир был заключен под условием уплаты Регием трехсот талантов, выдачи всего его флота и ста заложников. Кавлония тоже подчинилась Дионисию; жители ее были переселены в Сиракузы, где получили права гражданства, город был разрушен, а область его отдана Локрам. Та же участь постигла в следующем году Гиппоний, который, будучи локрской колонией, тем не менее уже давно находился во враждебных отношениях со своей метрополией. На обратном пути Дионисий довольно долго простоял со своим войском под Регием, и когда регийцы, заподозрив его во враждебных намерениях, прекратили доставку съестных припасов его войску, он возвратил им их заложников и начал осаду. Город защищался до последней возможности; наконец, на одиннадцатом месяце голод принудил его к безусловной сдаче (387 г.). Победитель нашел на улицах груды трупов, а те 6000 жителей, которые уцелели, походили скорее на мертвецов, чем на живых людей. Дионисий предоставил право выкупа всем, кто мог уплатить одну мину; остальные были в Сиракузах проданы в рабство. Регий подпал под власть сиракузцев, и Дионисий построил себе там дворец, сады которого долго славились своими прекрасными платанами.

Итак, Сиракузы снова были подняты Дионисием на степень первоклассной державы. В греческой метрополии взирали с большими надеждами, а иные и с большим беспокойством, на новое западное государство, возникшее с такой удивительной быстротой в течение немногих лет. Афины еще в 393 г. пытались завязать сношения с Дионисием; но он не забыл, что Спарта дважды приходила ему на помощь — в первый раз против революции внутри государства, во второй — против карфагенян, грозивших извне. Поэтому тотчас после падения Регия Дионисий вмешался в Коринфскую войну

в интересах Спарты, и главным образом отправленная им эскадра в 20 триер заставила афинян согласиться на мир (см. ниже, гл. V). Да и позднее Дионисий и его сын оказывали поддержку Спарте везде, где она нуждалась в их помощи.

Но главным образом Дионисий воспользовался годами мира для того, чтобы положить основание колониальной державе Сиракуз. Наиболее удобными для этой цели являлись прибрежные области Адриатического моря, которыми эллинская колонизация до тех пор почти совершенно пренебрегала. На иллирийском берегу заселен был остров Исса (Лисса) и здесь устроена стоянка для флота; на соседнем Фаросе (Лесина) с помощью Дионисия основали колонию паросцы (385 г.). Хищные иллирийцы с близлежащего материка были усмирены сиракузским флотом; с иллирийскими племенами, жившими южнее, заключен был союз при посредничестве эпирского царя Алкета, который, будучи изгнан из своего государства, нашел убежище в Сиракузах. После этого сиракузское войско, вместе с ополчением союзных иллирийцев, двинулось в Эпир, победило соперника Алкета в кровопролитной битве и вернуло последнему трон его предков.

Дионисий распространил свою власть также и на противолежащий берег Италии. Здесь, у одной из немногих удобных гаваней на западном берегу Адриатического моря, он основал колонию Анкону, а дальше к северу, при устье По, завладел Адрией; еще в позднейшие времена „канал Филиста“ свидетельствовал здесь о творческой деятельности этого сиракузского тирана.

Таким образом, Сиракузы подчинили своему влиянию весь бассейн Адриатического моря, и для сиракузской торговли открылся обширнейший рынок, который до сих пор находился в руках главным образом Тарента и Керкиры. Господства на Тирренском море добивался еще Гиерон (см. выше, т.I, с.319 и след.), а после падения Дейноменидов демократия сделала дальнейшие шаги в этом направлении. Ее флот опустошил побережье Этрурии и этрусского Кирна и завоевал важную Эфалию (Эльба) с ее богатыми железными рудниками (около 453 г.). Но скоро все внимание сиракузцев

было поглощено сицилийской смутой. Они покинули Эльбу и Исхию, и сиракузское влияние в Тирренском море сменилось афинским. Теперь Дионисий возобновил борьбу с этрусками. Момент для этого был как нельзя более благоприятен; на юге Этрурию теснили римляне, несколько лет назад завладевшие могущественными Вейями, а на севере этрусские владения в равнине По были завоеваны кельтами, которые с тех пор через Апеннины совершали опустошительные набеги на самую Этрурию. По преданию, Дионисий еще в лагере под Регием заключил союз с этими варварами; спустя три года он сам двинулся на Этрурию во главе большого флота (384 г.). Берега Этрурии подверглись разграблению, в особенности храм Лейкофеи в Пиргах, гавани Церы, где ограблены были все храмовые сокровища; жители Церы, вышедшие в поле для защиты своей святыни, были прогнаны обратно в город. Дионисий дошел до Кирна, где невдалеке от южной оконечности острова основал станцию для флота, в гавани, которая с тех пор называлась сиракузской; эта позиция служила отличной точкой опоры для военных действий против этрусков, как и против карфагенской Сардинии. Возможно, что и Эльба тогда снова подпала под власть Сиракуз.

Эти блестящие успехи в области внешней политики, благодаря которым Сиракузы сделались политическим и торговым центром греческого Запада, обеспечили спокойствие внутри страны: даже раздор, возникший в царствующем доме, не навлек серьезной опасности на тиранию. Брат Дионисия Лептин уже несколько лет назад начал вести самочинную политику и был за это отставлен от должности главнокомандующего флотом (см. выше, с.117). Он пользовался большой популярностью среди сиракузского населения, и разрыв, происшедший между ним и Дионисием, конечно, еще увеличил его популярность. Теперь к Лептину примкнул даже Филист, вернейший из слуг Дионисия, которому последний в значительной степени был обязан своим возведением на трон и который в течение многих лет занимал важнейшую должность в государстве, должность коменданта Сиракузской крепости. Лептин без разрешения главы семьи

выдал за него свою дочь, и эта явная непокорность вывела Дионисия из терпения. Однако он не решился прибегнуть к насилию; удалив Лептина из Сиракуз с военным поручением, он отправил его затем в изгнание, а жену его и дочь посадил под арест. Филист был сослан в колонии на Адриатическом море и только после смерти Дионисия получил позволение вернуться на родину. Множество других лиц, близко стоявших к тирану, также были изгнаны или казнены, и даже Поликсен, женатый на сестре Дионисия Фесте, страшась за свою безопасность в Сиракузах, тайком бежал за границу. Таким образом, предотвращена была опасность дворцовой революции, и через несколько лет Дионисий мог примириться с братом, которому после его изгнания оказан был почетный прием в Фуриях.

Теперь Дионисий считал себя достаточно сильным, чтобы окончательно изгнать карфагенян из Сицилии. Армия и флот были в отличном состоянии, постройка сиракузских стен совершенно окончена, пограничный город Селинунт превращен в сильную крепость. Часть подвластных Карфагену сицилийских городов была готова к отложению, и Дионисий принял их в свой союз. Карфагенянам ничего другого не оставалось, как начать войну, и тут они нашли союзников в италийских греках, в которых страх перед Дионисием превозмог ненависть к варварам. Карфаген прислал им на помощь войско — здесь финикийские полки впервые вступили на почву Италии; главная же армия, под предводительством „царя“ Магона, перешла в Сицилию. На обоих театрах военных действий борьба продолжалась долго и с переменным успехом: наконец, при Кабале в западной части Сицилии произошло большое сражение между Магоном и Дионисием. Карфагеняне были разбиты наголову, их полководец пал, 5000 человек были взяты в плен победителем, остальное войско было окружено неприятелем со всех сторон. Карфагенские офицеры вступили в переговоры и приняли предложение Дионисия об уступке всех карфагенских владений в Сицилии и уплате контрибуции, предоставив ратификацию этого договора своему правительству. До получения ее заключено было перемирие.

Между тем карфагенянам важно было только выиграть время. Они воспользовались перемирием для того, чтобы преобразовать свою армию и собрать подкрепления; затем они прекратили переговоры, и военные действия возобновились. Противники встретились при Кронионе, недалеко от Панорма. Сначала перевес был на стороне Дионисия; но другое крыло его армии, которым командовал его брат Лептин, не устояло против неприятеля. Сам Лептин пал, мужественно сражаясь, а затем обратились в бегство и полки Дионисия. Остатки разбитой армии со страшным уроном достигли, наконец, своего лагеря. Однако и карфагеняне понесли такие потери, что должны были возвратиться в Панорм. Переговоры возобновились, и на этот раз с бóльшим успехом, так как Дионисий готов был купить мир даже ценой тяжелых жертв. Карфагену были уступлены Селинунт, Гераклея, Миноа, Фермы и находящаяся вправо от Галика часть акрагантской области; кроме того, Дионисий уплатил контрибуцию в тысячу талантов. Карфагенские владения занимали теперь около трети всего острова, и определенная этим договором граница оставалась без изменений в продолжение целого столетия, пока римляне не завладели Сицилией.

За то Карфаген отказался от своих италийских союзников, и Дионисий мог искать здесь возмещения своих сицилийских потерь. Он взял Кротон, но попытка завладеть и Фуриями не удалась, так как отправленный туда флот был разбит бурей. Руководящая роль в греко-италийском союзе, который, впрочем, состоял теперь еще только из четырех городов, — Фурий, Гераклеи, Метапонтия и Тарента, перешла к последнему; но чтобы пощадить самолюбие других общин, Гераклея была назначена местопребыванием союзного совета. При таких условиях о соперничестве с Дионисием уже не могло быть речи; напротив, чувство самосохранения заставляло италийцев стремиться к тесному единению с сицилийским государством, и в этом духе тарентинец Архит направлял политику союза.

Теперь на греческом Западе царил глубокий мир, нарушаемый изредка лишь пограничными войнами с луканцами.

Таким образом, Дионисий снова мог посвятить свое внимание греческому Востоку. Когда спартанцы зимою 373/372 г. осаждали Керкиру, он отправил им на помощь эскадру из десяти триер, которая, впрочем, прибыла слишком поздно и взята была в плен афинским стратегом Ификратом (весною 372 г.). Когда затем фиванцы после битвы при Левктрах вступили в Пелопоннес, Дионисий снова пришел на помощь своим старым спартанским союзникам; те 20 триер и 2000 кельтских и иберийских наемников, которые он летом 369 г. прислал в Коринф, в значительной степени способствовали неудаче второго вторжения Эпаминонда в Пелопоннес. Следующей весною Дионисий оказал поддержку фригийскому сатрапу Ариобарзану в его стараниях восстановить мир в Греции; в то же время он, чтобы придать больше веса своему вмешательству, послал новое вспомогательное войско в Пелопоннес. Этим полкам и были преимущественно обязаны спартанцы своей „бесслезной победой“ над аркадянами. В это время Дионисий заключил союз и с Афинами; любезность афинян дошла до того, что на Больших Дионисиях ближайшей весною первую награду присудили трагедии тирана.

Но несмотря на все эти успехи, Дионисий не мог забыть поражения при Кронионе. Когда затем в Карфагене снова вспыхнула чумная эпидемия и карфагенские подданные в Ливии и Сардинии, пользуясь этим, восстали, — наступил, казалось, благоприятный момент для отмщения. Повод к войне был легко найден, и сиракузская армия снова перешла карфагенскую границу (368 г.). Селинунт и Энтелла тотчас примкнули к Дионисию, Эрикс был взят, и приступлено к осаде Лилибея. Но укрепленный и защищаемый сильным гарнизоном город отражал все приступы; часть сиракузского флота была уничтожена в Дрепанской гавани неожиданным нападением карфагенян, и так как уже настала осень, то Дионисию не оставалось другого выхода, как заключить перемирие с врагом и возвратиться в Сиракузы.

Однако труды и лишения похода надорвали здоровье 63-летнего тирана; он умер еще зимою, не доведя до конца дела своей жизни, — освобождения всей Сицилии от карфа-

генского ига. Но он достиг важных результатов. Если западные греки соединились в одно государство и тем остановили натиск карфагенян и италийских варваров, то это была и заслуга Дионисия, поскольку вообще это могло быть заслугой единичной личности. Дионисий указал путь, идя по которому эллинская нация могла не только сохранить свою независимость, но и достигнуть всемирного господства, — путь, на который позднее вступили Филипп и Александр.

Этими великими успехами он был обязан прежде всего своему выдающемуся политическому и военному таланту. Оборона Сиракуз против карфагенян, победы при Элепоре и Кабале принадлежат к самым блестящим успехам, какие отмечены военной историей древности. Еще более достойно удивления то, что он сумел из сиракузской демократии создать государство, которое, по выражению своего основателя, было упрочено стальными цепями, внутренний покой которого в продолжение почти полустолетия ни разу не был нарушен смутою. Но Дионисий был не только великим полководцем и замечательным государственным деятелем. Будучи тираном, он посвящал часы своего досуга сочинению трагедий. Вероятно, ни один из его военных или дипломатических успехов не доставил ему столько радости, как его победа на афинской сцене.

Путь к власти шел для Дионисия через реки крови, да и позднее он часто бывал вынужден прибегать к суровым мерам даже по отношению к людям, которые были ему очень близки. Он сам глубоко страдал от этого; в одной из своих трагедий он высказал мысль, что тирания — мать несправедливости. Дочерям своим он дал имена *Арете* (Добродетель), *Дикайосине* (Справедливость) и *Софросине* (Умеренность). И это не были пустые слова; Дионисий был искренно добродетелен, его частная жизнь была безупречна, так что даже клевета не дерзала касаться ее, и при всей царской роскоши, которою он, соответственно своему положению, окружил себя, лично он жил чрезвычайно просто. В обращении с окружающими он был одинаково приветлив со всеми и любил удачную шутку даже тогда, когда сам служил для нее мишенью; к придворным льстецам, ползавшим у его ног, он

относился с заслуженным презрением. Свою храбрость он доказал во многих сражениях, но наиболее блестящим образом — при геройском штурме Тавромения; если он во время своего царствования принимал меры для охранения себя от покушений, то это было вполне естественно в эпоху, когда убийство тирана считалось великой заслугою. Правда, с течением лет этот страх принял, по-видимому, болезненные размеры; известная легенда о дамокловом мече хорошо характеризует душевное состояние стареющего тирана.

Дионисий вскоре после произведенного им государственного переворота женился на дочери Гермократа; когда же она спустя несколько недель после свадьбы пала жертвой грубых насилий, совершенных над нею сиракузскими аристократами (выше, с.66), Дионисий женился на Аристомахе, дочери своего единомышленника Гиппарина, одного из богатейших и знатнейших граждан Сиракуз. А так как этот брак долго оставался бездетным, то Дионисий перед началом войны с Карфагеном решился взять вторую жену, локрийку Дориду. Она родила ему двух сыновей, Дионисия и Гермократа, и дочь Дикайосине. Тем не менее Дионисий оставил при себе и сиракузянку, продолжал жить с нею, и в конце концов дождался и от нее потомства; она родила ему сыновей Гиппарина и Нисея и дочерей Софросине и Арете. Наследником отца по праву являлся Дионисий, как старший сын; и несмотря на все интриги родственников Аристомахи, стремившихся возвести на престол ее сыновей вместо сына чужестранки, или по крайней мере добиться разделения государства, — престарелый Дионисий не изменил своего решения. Чтобы связать обе линии своего потомства, он женил своего старшего сына на его сводной сестре Софросине; впрочем, надеждам, которые он возлагал на этот брак, не суждено было осуществиться.

Дионисий-младший был во многих отношениях прямой противоположностью своего отца: насколько последний отличался умеренностью, настолько тот был распущен; притом он был совершенно лишен политических и военных способностей, хотя, правда, более мягок и миролюбив. Тотчас по восшествии на престол он завязал переговоры с Карфагеном

об окончании войны, унаследованной им от отца; обе стороны скоро пришли к соглашению, в общем, на условии сохранения каждою из них ее прежних владений. Вообще же он продолжал внешнюю политику своего отца; он посылал Спарте вспомогательные войска против Фив, воевал в интересах италийских греков с луканцами и основал две колонии на япигийском побережье, главным образом с целью прекратить разбой на Адриатическом море. Внутри государства узда была несколько ослаблена; при вступлении на престол он отпустил на свободу большое число заключенных, облегчил бремя налогов, вернул на родину изгнанников вроде Филиста. Да и вообще Дионисий старался по возможности загладить те несправедливости, которые его отец принужден был совершить при основании государства. Регий был восстановлен как самостоятельная община под именем Фебеи; уцелевшим жителям разрушенного Наксоса позволено было поселиться на своей старой территории в Тавромении, который, таким образом, утратил свой прежний характер военной колонии (358/357 г.).

Самым влиятельным лицом при дворе был в первое время Дион, сын Гиппарина и, через сестру Аристомаху, шурин старшего Дионисия. Даровитый молодой человек пользовался большим расположением тирана, и когда брат последнего, Феарид, умер, Дионисий выдал его вдову, свою дочь Арете, замуж за Диона и поручил ему начальство над флотом, находившееся до тех пор в руках Феарида. Дионисий-младший вначале также находился всецело под влиянием шурина. А Дион втайне стремился к тому, чтобы свергнуть Дионисия с престола и самому захватить власть или доставить ее одному из своих племянников. Чтобы подготовить почву для такого переворота, он призвал Платона в Сицилию; и философ действительно явился туда в полной уверенности, что в Сицилии ему удастся осуществить свою политическую утопию, не догадываясь, что он предназначен служить орудием политической интриги. Вначале Дионисий со всем энтузиазмом своей впечатлительной натуры увлекся новым учением, несмотря на то, что учитель приступил к делу несколько педантично и никак не хотел понять разли-

чия между Академией и царским дворцом. Некоторое время геометрия была в моде при сиракузском дворе; Дионисий начал даже подумывать о реформе государственного устройства в духе Платона. В конце концов ему, однако, все стало ясно. Дион был втихомолку посажен на корабль и перевезен в Италию: впрочем, его огромные богатства не были у него отняты, и официально считалось, что Дион отправился в путешествие за границу. Спустя короткое время и Платон был отослан обратно в Грецию. В Сиракузах руководящее влияние перешло к Филисту; он же вскоре получил и звание наварха, принадлежавшее перед тем Диону. Бразды правления теперь снова находились в сильных руках, — главное, в руках человека, который был искренно предан тирану. Скоро наступило время, когда Дионисий стал крайне нуждаться в такой опоре.

На другом конце эллинского мира, в понтийских городах, дела находились в таком же положении, как в Сицилии. Правда, там грекам не грозил такой враг, как Карфаген, потому что на южное побережье Черного моря персы обращали мало внимания, а северный берег Понта вообще находился вне сферы их влияния. Зато греческие города при Понте обречены были на беспрерывную борьбу с варварами, обитавшими внутри материка, которые, сколько бы их ни побеждали, постоянно снова приходили из своих степей или гор; и эта борьба становилась все труднее, по мере того как греческая культура проникала и к исконным обитателям страны. В результате и здесь образовалась военная монархия.

В Пантикапее, важнейшем городе на Киммерийском Боспоре, еще во время Персидских войн (приблизительно с 480 г.) захватил власть род Археанактидов. Около 438 г. эта династия была свергнута Спартоком I, к которому и перешла затем верховная власть. Возможно, что этот переворот находится в связи с экспедицией Перикла к Понту (см. выше, т. I, с.397 и след.), последствием которой было обложение большинства понтийских городов, вероятно, также и самой Пантикапеи, данью в пользу афинян. Когда затем могущество Афин было сокрушено в Пелопоннесской войне, сыну Спартока, Сатиру I, удалось добиться независимости, отнять у

афинян и подчинить своей власти остальные греческие города у Боспора — Фанагорию, Нимфей и Гермонассу; его верховную власть должны были признать и соседние варварские племена азиатского побережья, как, например, синды и дандарии. Таким образом, это Боспорское царство, как оно отныне называется, сделалось одной из первых держав на Понте. Впрочем, дружественные отношения с Афинами были вскоре восстановлены, так как, с одной стороны, Афины после катастрофы при Эгоспотамах не могли более думать об осуществлении своих прав на эту отдаленную область и в то же время не могли обойтись без ввоза понтийского хлеба, а с другой — боспорские князья находили в Афинах наилучший рынок для сбыта продуктов своей страны. Поэтому они предоставили афинским купцам драгоценные привилегии, как, например, право беспошлинного вывоза хлеба и право нагружать свои корабли раньше всех других; в награду за эти льготы Афины щедро наделяли дружественных государей почестями.

При осаде укрепленной Феодосии (*Кафа*) Сатир был убит (около 390 г.), и когда его сын Левкон I возобновил попытку овладеть этим городом, ему пришлось вступить в войну с могущественной Гераклеей, которая, как мы знаем, владела на Таврическом полуострове колонией Херсонесом и для которой поэтому было в высшей степени важно остановить поступательное движение боспорских царей. Левкон принужден был снять осаду Феодосии и лишь с трудом спас собственную страну от нападения сильного неприятельского флота. В конце концов он, однако, достиг своей цели, вероятно, в то время, когда внутренние смуты отвлекли внимание Гераклеи от внешних дел (около 365 г.): с тех пор Феодосия оставалась соединенной с Боспорским царством. Внутри государства Левкону, как уже отцу его Сатиру, приходилось бороться с разнообразными трудностями, потому что и на берегу Боспора существовала, конечно, сильная республиканская партия, а тяжелый гнет налогов, который здесь, как и везде, влекла за собою военная монархия, постоянно разжигал и усиливал недовольство. Однако Левкону удалось до самой смерти сохранить власть при помощи гре-

ческих наемников и благодаря верности его скифских подданных. Ему наследовали (в 347 г.) его сыновья Спарток II и Перисад I, которые царствовали совместно до тех пор, пока спустя пять лет Спарток II умер и Перисад I сделался единовластным государем. В течение его долгого царствования (до 309 г.) все варварские племена, обитавшие на восточном берегу Меотиды, от Кавказа до Танаиса, были подчинены Боспорскому царству. Потомки Перисада царствовали на Боспоре еще два столетия, пока наконец последний Спартокид, носивший также имя Перисада (Перисад V), принужден был уступить государство Митридату Эвпатору, царю Каппадокии.

Подобно другим греческим тиранам той эпохи, боспорские тираны по отношению к своим эллинским подданным не принимали царского титула; они называют себя „архонтами Боспора и Феодосии", а царями именуют себя только в отношении к подвластным варварским племенам. Даже на монетах они чеканили не свое имя, а название своей столицы Пантикапеи, которая и в иных отношениях занимала первенствующее положение среди боспорских городов. Да и вообще они, вероятно, оставляли своим подданным подобие республиканской свободы; фактически же вся власть находилась в руках государей, так что, например, Перисад собственною властью раздавал проксению и связанное с нею освобождение от пошлин, притом на протяжении всего государства. Впрочем, боспорские тираны в общем не злоупотребляли своею властью и были для своих подданных милостивыми и справедливыми правителями.

Важнейшими городами на южном побережье Понта были Синоп и Гераклея. Они сумели, по крайней мере фактически, отстоять свою независимость против персов или во всяком случае скоро снова вернуть себе свободу. Затем Синоп примкнул к Афинам, около того времени, когда Перикл предпринял свою экспедицию в Понт (см. выше, т.I, с.397 и след.); напротив, Гераклея сохранила свою самостоятельность и по отношению к Афинам. После падения морского владычества Афин, около конца V и начала IV столетия, Синоп становится могущественным городом: опираясь на мно-

гочисленный флот, он владычествует над своими колониями Трапезунтом, Керасом и Котиорой и как равный равному дает отпор князьям соседней Пафлагонии. Но когда Пафлагония была покорена персидским сатрапом Датамом, Синоп также не мог долее сохранить свою независимость и после мужественного сопротивления подчинился Датаму (около 370 г.); с этих пор до эпохи Александра город оставался под властью персов.

Гераклея была счастливее Синопа; ей удалось отстоять свою независимость и против персов. Город владел обширной территорией, исконное население которой, фракийское племя мариандинов, в качестве крепостных обрабатывало поля своих греческих господ, а в военное время поставляло отличные команды для флота. Строй государства был, как естественно при таких условиях, олигархический, и вся власть находилась в руках крупных землевладельцев. Постепенно число граждан, облеченных правом участвовать в управлении, было расширено до шестисот, и в конце концов введено демократическое устройство. Но народ не был удовлетворен политическими правами, которых он добился, и требовал всеобщего прощения долгов и распределения земельной собственности на новых началах. Городской совет ввиду этой опасности не придумал ничего лучшего, как броситься в объятия Клеарха, влиятельного гражданина Гераклеи, который несколько лет назад был изгнан, как противник господствующей партии, и теперь служил в Персии начальником отряда наемников. Клеарх явился, но сам стал во главе движения, для подавления которого он был призван. Он оцепил своим войском здание Совета и арестовал всех тех его членов, которые не успели спастись бегством; имения арестованных и бежавших были конфискованы, а рабы их освобождены (364 г.). Тщетно изгнанники с оружием в руках пытались добиться возвращения; победа осталась на стороне Клеарха, и он жестоко расправился со всеми, кто еще казался ему подозрительным.

Со стороны персов Клеарху нечего было опасаться, потому что как раз в это время вспыхнуло великое восстание сатрапов; кроме того, Клеарх прилагал все старания к тому,

чтобы сохранить хорошие отношения с персидским царем. Против окрестных варваров он вел счастливые войны, во время которых он дошел до Пропонтиды и осаждал, правда, без успеха, Астак, подпавший под власть Вифинии. Никогда еще Гераклея не была так могущественна. Хотя Клеарх и не принял царского титула, тем не менее он окружил себя истинно царскою роскошью; в торжественных случаях он появлялся в пурпурной мантии, с золотым венком на голове, и, по преданию, дошел даже до того, что объявил себя сыном Зевса и требовал, чтобы ему оказывали подобающие почести.

Наконец, после двенадцатилетнего правления Клеарх пал жертвой заговора, во главе которого стоял один из его родственников, Хион, сын Матрида (352 г.). Однако заговорщики не достигли своей главной цели, так как брату Клеарха Сатиру удалось удержать в своих руках власть над Гераклеей. Убийцы тирана были схвачены и казнены, даже их дети и остальные родственники не были пощажены, и вообще в городе был установлен режим террора. Сатир женился на вдове своего брата, но смотрел на себя лишь как на опекуна его двух малолетних сыновей Тимофея и Дионисия, которым и передал правление, как только старший, Тимофей, подрос (345/344 г.). Тирания была теперь достаточно упрочена, и новый государь мог ослабить поводья. Сидевшие в тюрьмах были освобождены, частные долги были уплачены из государственной казны, политические преследования прекратились; однако вернуть изгнанников еще не решились. Тимофей также сумел сохранить независимость государства, хотя именно в это время, после покорения Египта, персидский царь стал сильнее затягивать узду в Малой Азии. Таким образом, Тимофей быстро приобрел популярность, и когда он после восьмилетнего царствования умер (337/336 г.), его смерть вызвала искреннюю и всеобщую печаль. Дионисий правил государством в духе своего брата. Вскоре победа, одержанная Александром при Гранике, освободила его от опасности, которая до тех пор грозила ему со стороны персов, и дала ему возможность распространить свою власть на соседние варварские племена. Алексан-

дру некогда было думать о Малой Азии; а когда начались смуты эпохи диадохов, Дионисий благодаря разумной политике, которой он держался по отношению к новым властителям, сумел сохранить власть до самой смерти и передать престол своим сыновьям. Только Лисимах сверг династию Клеарха, которая в продолжение 76 лет правила Гераклеей. И здесь, как в Сицилии и на северном побережье Понта, военная монархия исполнила свою задачу — обеспечить существование передовых греческих форпостов в условиях постоянных нападений соседних варваров.

ГЛАВА V

Коринфская война и Анталкидов мир

В то самое время, когда Дионисий собирал эллинский Запад в единое государство, на востоке началось распадение основанной Лисандром державы. Некогда нация восторженно приветствовала Спарту, когда последняя взялась за оружие, чтобы сокрушить деспотическое владычество афинян; но как только Спарта одержала победу, настроение Эллады совершенно изменилось. Виною тому было в значительной степени своеволие олигархических правителей, назначенных Лисандром. Затем спартанское правительство сделало все, что было возможно, для устранения этих беспорядков; и когда период революций окончился, и в пределах прежнего Афинского государства снова водворен был порядок, господство Спарты было далеко не так тягостно, как прежде господство Афин. Но каждый союз, объединяющий нацию, на каких бы началах он ни был организован, неизбежно ограничивает самостоятельность отдельных государств; а при резком индивидуализме, составлявшем основную черту греческого характера, такие ограничения переносились, конечно, с большим неудовольствием. Кроме того, и в государствах, сохранивших до сих пор свою независимость, также стали смотреть с возраставшим страхом на грозное могущество спартанской державы.

Между этими государствами первое место в политическом отношении занимала Беотия. Она оставалась верной союзницей Спарты во все время ее борьбы с Афинами: но тотчас после победы беотийцам стало ясно, какой тяжкой ошибкою было доставить Спарте безусловный перевес в Элладе. Поэтому Беотия дала у себя убежище изгнанным из Афин демократам и всячески содействовала их возвращению на родину (см. выше, с.85—86); затем она отказала Спарте в союзнической помощи против пирейских демократов, против Элиды и Персии, и когда царь Агесилай II перед отъездом в Азию хотел, подобно Агамемнону, принести жертву в Авлиде, беотархи силою помешали ему.

Поведение Беотии, естественно, должно было повлиять и на соседние государства. Локрида и эвбейские общины и без того находились всецело под беотийским влиянием; но очень серьезным симптомом было то обстоятельство, что даже Коринф, бывший в течение целого столетия вернейшим из союзников Спарты, последовал примеру Беотии и под ничтожными предлогами не выставил обычного контингента ни во время Элейской, ни во время Персидской войн.

Афины со времени восстановления демократии также находились в самых дружественных отношениях с Беотией. Но здесь пока еще не имели возможности проявить эти симпатии на деле. Прежде всего нужно было залечить раны, нанесенные стране войною и революцией. Это была, казалось, неисполнимая задача. Бóльшая часть Аттики превратилась в пустыню, промышленность и торговля пришли в совершенный упадок, потеря внешних владений лишила тысячи граждан всяких средств к жизни. Притом государство было накануне банкротства; доходы иссякли, казна была пуста и обременена непосильными долгами. Если тем не менее удалось в течение немногих лет устранить кризис, то этот успех, равносильный любой победе, блестяще свидетельствует о жизненности афинского народа.

Политическое возрождение государства было сопряжено почти еще с бóльшими трудностями, чем экономическое. Хотя амнистия наружно примирила враждующие партии, но глубокий раскол, вызванный последними событиями в среде граждан, было нелегко уничтожить. Вражда между „городскими гражданами“ и „пирейскими гражданами“ еще много лет определяла характер политической жизни Афин, пока подросло новое поколение, не принимавшее участия в революции. Толпа недоверчиво относилась к тем трем тысячам лиц из знатнейших и богатейших фамилий, которые в правление Тридцати одни пользовались активными правами гражданства и до последней минуты с оружием в руках противились восстановлению демократии. Это недоверие было вполне естественно, хотя в сущности едва ли основательно, потому что террористическое правление Тридцати более способствовало торжеству демократической идеи, чем все

великое, что́ совершила демократия в продолжение целого столетия. Громадное большинство состоятельных граждан окончательно излечилось от припадков увлечения олигархическим идеалом; в течение восьмидесяти лет не сделано было более ни одной попытки совершить государственный переворот.

Правители употребили все свое влияние, чтобы предупредить открытый взрыв страстей. Но значительная часть демократов не была в состоянии оценить примирительную политику правительства; кроме того, как всегда в таких случаях, оказалось много ренегатов из побежденной партии, которые старались засвидетельствовать искренность своего раскаяния путем нападок на своих бывших единомышленников — олигархов. Хотя амнистия уничтожила всякую возможность открытого преследования за участие в олигархическом движении, однако было довольно средств для достижения этой цели окольными путями; и в этом отношении правительство часто оказывалось бессильным против общественного мнения. Дошло до того, что для так называемых „городских граждан" участие в государственных делах фактически было сделано невозможным; а в судах ссылка на то, что обвиняемый некогда принадлежал к „трем тысячам" периода олигархии, почти всегда оказывала желаемое действие на присяжных.

Ввиду такого положения дел Афины в первые годы после заключения мира совершенно воздерживались от самостоятельной внешней политики. Они старались выполнить в точности принятые ими на себя по отношению к Спарте обязательства; во время похода в Элиду, равно как и при начале Персидской войны, Афины выставили свой отряд в союзную пелопоннесскую армию. Но они ждали только благоприятного момента, чтобы сбросить с себя ненавистное иго, — и уже во время похода Агесилая II в Азию решились отказать Спарте в присылке вспомогательного отряда, надеясь в случае нужды на помощь со стороны Беотии. А Спарта простила Афинам это ослушание, чтобы не быть вынужденной вести одновременно две войны — одну в Азии, другую в Греции.

Но скоро обнаружилось, что война все-таки неизбежна. Весною 395 г., приблизительно в то время, когда Агесилай вторгся в Лидию, возник пограничный спор между опунтскими локрийцами и их соседями, фокейцами. Беотийцы вмешались в дело, приняв сторону локрийцев, и Спарта принуждена была взяться за оружие для защиты союзных фокейцев. Ввиду получавшихся из Азии известий о победах спартанцев казалось, что с этой стороны им не грозит никакой опасности; а с беотийцами они надеялись справиться без большого труда. Поэтому в Фокиду послан был Лисандр, чтобы здесь и в соседних областях набрать войско и затем с запада вторгнуться в Беотию, а в это самое время царь Павсаний со всем ополчением Пелопоннесского союза должен был перейти Истм. Обе армии должны были соединиться при Галиарте, в центре Беотии.

Лисандр с обычной ловкостью выполнил первую часть возложенной на него задачи. Орхомен, важнейший после Фив город Беотийского союза, тотчас перешел на его сторону, и он беспрепятственно дошел до Галиарта. Здесь также существовала партия, которая была готова отложиться от Фив, и Лисандр надеялся при ее помощи врасплох завладеть городом раньше, чем подоспеет помощь из Фив. Поэтому он, не дожидаясь прихода Павсания, двинулся к городу и начал штурм. Но в это время подошло форсированным маршем фиванское ополчение и тотчас бросилось на неприятеля, который не выдержал неожиданного нападения. Сам Лисандр пал в бою; его войско отступило к близлежащим высотам, и фиванцам не удалось выбить его с этой позиции. Но смерть полководца глубоко потрясла его армию, и отряды, из которых она была составлена, под прикрытием ночи рассеялись по своим родным городам.

Теперь, наконец, когда было уже слишком поздно, явился царь Павсаний. Его войско, даже само по себе, было гораздо многочисленнее фиванского; но он медлил нападением, и уже на следующий день военное положение изменилось. Дело в том, что беотийцы при известии, что Лисандр набирает в Фокиде войско, обратились к Афинам с просьбою о помощи, и Афины, не медля ни минуты, изъявили свое со-

гласие, как ни казалось рискованным начинать войну со Спартой без флота и без Длинных стен. Афинское ополчение тотчас перешло через Киферон и как раз вовремя соединилось с фиванцами при Галиарте. Теперь Павсаний уже не решился дать сражение и заключил перемирие, обязавшись оставить Беотию. Поход спартанцев окончился полной неудачею.

Последствия этой неудачи не замедлили обнаружиться. Коринф со своими колониями Левкадой и Амбракией перешел на сторону беотийцев; Аргос последовал примеру соседа; Мегара, Эвбея, западная Локрида, Акарнания, фракийские халкидцы также примкнули к коалиции против Спарты. Для ведения общих дел учрежден был союзный совет в Коринфе. Союзники немедленно перешли в наступление, прежде всего в Фессалии, куда ларисский тиран Медий призвал их на помощь против союзника Спарты, тирана Фер Ликофрона; они изгнали спартанский гарнизон из Фарсала, завоевали спартанскую колонию Гераклею у Эты, изгнали оттуда пелопоннесских поселенцев и отдали город малийцам, на территории которых он был основан Спартою поколение назад. Горные племена, жившие на Эте, присоединились к союзу. Подкрепленный их отрядами, фиванский полководец Исмений разбил фокейцев при Нариксе в Локриде; однако Фокида и после этого оставалась верна союзу со Спартой. Кроме нее, по ту сторону Истма Лакедемонскому союзу не изменил еще только Орхомен; напротив, в Пелопоннесе от Спарты отложился один только Коринф.

Ввиду такого положения дел спартанское правительство решилось отозвать Агесилая из Азии. Совокупное нападение на Беотию, неудавшееся вследствие поражения при Галиарте, решено было возобновить ближайшим летом с более значительными силами. Между тем царь Павсаний был привлечен к суду; при его враждебном отношении к Лисандру было вполне естественно предполагать, что он умышленно опоздал и что, следовательно, на него падает вина в неудаче экспедиции и в смерти лучшего полководца Спарты. Точно так же и его поведение по отношению к афинским демократам в 403 г. должно было теперь, после отложения Афин,

представляться изменническим. Поэтому Павсаний, не дожидаясь приговора суда, отправился в изгнание — в Тегею, где провел еще много лет, до самой смерти. Престол Агиадов занял его малолетний сын Агесипол I под регентством своего ближайшего родственника Аристодама.

Агесилай II не очень торопился исполнить распоряжение, заставлявшее его отказаться от тех великих планов, осуществление которых казалось ему столь близким; наконец, в середине лета он перешел через Геллеспонт и двинулся — правда, форсированным маршем — вдоль фракийского побережья на запад. Дело в том, что союзники собрали тем временем все свои ополчения под Коринфом, чтобы открыть наступательные действия против Спарты. Но многоголовый союзный совет не мог быстро прийти к какому-нибудь решению, и благодаря этому спартанцы имели время приготовиться к обороне. Войско союзников достигло еще только Немеи, на расстоянии одного небольшого перехода от Коринфа, а пелопоннесская союзная армия под предводительством Аристодама стояла уже под Сикионом; вследствие этого союзники принуждены были отступить на север. На равнине между Коринфом и Сикионом, на берегу ручья, вытекающего из Немеи, разыгралось величайшее из сражений, какое когда-либо происходило между двумя греческими армиями (июль 394 г.). На обеих сторонах было по 20 000 гоплитов; конницы и легковооруженного войска у союзников было гораздо больше, чем у пелопоннесцев. Но они не сумели воспользоваться этим преимуществом; по старой привычке они придавали решающее значение атаке тяжеловооруженной пехоты. Действительно, союзники лакедемонян после непродолжительной битвы обратились в бегство; сами же лакедемоняне, находившиеся на правом крыле, одержали победу над сражавшимися против них афинянами, после чего вся армия союзников была опрокинута от своего левого фланга и с большим уроном отброшена к Коринфу. По преданию, союзники потеряли 2800 человек, победители — 1100. О наступательных действиях союзники, разумеется, уже не могли и думать; впрочем, в стратегическом отношении победа не принесла Спарте никакой пользы, так как по-

бежденное войско нашло опору в коринфских укреплениях.

Приблизительно месяц спустя, 14 августа, Агесилай стоял на границе Беотии. Он почти беспрепятственно прошел Фракию и Македонию, да и в Фессалии, бóльшая часть которой была на стороне неприятеля, он не встретил сколько-нибудь значительного сопротивления. Затем он призвал к себе фокидское и орхоменское ополчения и половину спартанского полка, стоявшего гарнизоном в Орхомене; другой спартанский полк пришел к нему на помощь от сикионской армии. Союзники также прислали в Беотию часть своих собранных под Коринфом войск; чтобы прикрыть большую дорогу в Фивы, они заняли позицию у храма Афины Итонии в Коронейской области, в том месте, где возвышенности Геликона спускаются к Копаидской равнине. Здесь напал на них Агесилай и после очень кровопролитного сражения оттеснил их назад к высотам. Но победа стоила пелопоннесцам стольких жертв, что Агесилай, сам раненый, отказался от дальнейшего наступления и увел свою армию обратно в Фокиду. Вскоре затем контингенты отдельных городов были распущены по домам.

Таким образом, и эта вторая экспедиция, несмотря на две победы, оказалась в стратегическом и политическом отношениях безуспешной для Спарты. К концу лета положение вещей в Греции было совершенно то же, что весною. Между тем на море спор был решен. После взятия Родоса Конон получил новое подкрепление в 90 триер, которым его флот был увеличен до 170 кораблей; номинальное командование им взял на себя летом 394 г. Фарнабаз, которого сам Конон рекомендовал царю для этой должности. Но и Спарта тем временем делала серьезные приготовления, хорошо понимая, какие важные последствия будет иметь предстоящая борьба. Чтобы сосредоточить руководство военными действиями на суше и на море в одних руках, решили обойтись без наварха и возложили на Агесилая также верховное командование флотом (летом 395 г.). Агесилай тотчас потребовал от союзных городов, чтобы они построили 120 новых триер; начальником флота он назначил своего шурина Пей-

сандра — выбор, правда, не очень удачный ввиду неопытности последнего в морском деле.

В этих приготовлениях с обеих сторон прошел конец 395 г. и первая половина следующего лета; наконец, в начале августа Конон открыл наступательные действия против греческого флота, который был сосредоточен у Книда напротив Родоса, чтобы преградить неприятелю вход в Эгейское море. Пейсандр принял вызов на сражение, сделанный ему противником; но греческий флот не мог устоять против более сильного неприятеля. Скоро бегство сделалось всеобщим, сам Пейсандр пал, а 50 его кораблей было взято в плен; однако большей части экипажа удалось спастись на берег.

Эта победа сделала Конона господином Эгейского моря. Он тотчас провозгласил автономию всех греческих общин на островах и на малоазиатском побережье, и тут обнаружилось, как шатко было спартанское господство в Малой Азии. Города один за другим переходили к персам и изгоняли лакедемонских гармостов и гарнизоны. Только два важных пункта на Геллеспонте, Абидос и Сест, Деркилид удержал от отложения и отстоял против нападений Фарнабаза и Конона.

С центральными греческими государствами, образовавшими союз против Спарты, завязал сношения по совету Конона еще Тифрауст, приблизительно во время битвы при Галиарте; родосец Тимократ отправился послом от него в Элладу, раздал 50 талантов в качестве пособия на военные издержки наиболее влиятельным государственным деятелям в Фивах, Коринфе и Аргосе и обещал дальнейшие субсидии. Теперь наступило время исполнить данные в то время обещания. Весною 393 г. оба персидских адмирала направились в европейскую Грецию. На море они нигде не встретили сопротивления; Киклады сами отдались в их руки, а Кифера сдалась, как только показался неприятельский флот. На острове оставлен был гарнизон под начальством друга Конона афинянина Никофема. Затем адмиралы поплыли дальше, в Коринф, где выдали субсидию союзному совету. Только после этого Конон вернулся на родину, которой он не видел столько лет. Он явился туда в ореоле недавней победы при

Книде; позор поражения при Эгоспотамах был заглажен, Афины освобождены от гнета лакедемонского владычества на море. Естественно, что человеку, оказавшему такие важные услуги родине, теперь возданы были почести, каких не удостоился еще ни один гражданин со времени Гармодия и Аристогитона; Конону, как и им, воздвигнута была бронзовая статуя „за то, что он дал свободу союзникам Афин", как гласило постановление Народного собрания.

Но Конон лелеял еще более широкие замыслы: он стремился к восстановлению афинского господства на море. Прежде всего нужно было восстановить укрепления Пирея и Длинные стены, разрушенные некогда Лисандром. В Афинах уже раньше приступили к этим работам; теперь Конон выдал афинянам для этой цели большие суммы из персидской военной казны и командировал экипаж своего флота для участия в постройке; однако прошло, конечно, еще несколько лет, прежде чем это громадное предприятие было доведено до конца. Клерухии на Лемносе, Имбросе и Скиросе были теперь снова соединены с метрополией, верховенство Афин над Делосом восстановлено. С Хиосом, Митиленой и Родосом заключены были союзные договоры. Афины завязали сношения и с Дионисием Сиракузским; и хотя им не удалось привлечь на свою сторону сицилийского тирана, — они по крайней мере добились того, что Спарта также не получила от него помощи.

На суше война почти вовсе прекратилась со дня Коронейской битвы. Лакедемоняне ограничивались тем, что держали гарнизоны в Сикионе и Орхомене, между тем как союзники послали в Коринф сильный отряд с целью сделать невозможной для неприятеля всякую попытку перейти Истм. Под защитой этого войска в Коринфе произошла демократическая революция; наиболее влиятельные члены олигархическо-лакедемонской партии были частью перебиты, частью изгнаны; Коринф добровольно отказался от своей автономии и вступил в Аргосский государственный союз (весною 392 г.).

Изгнанникам дарована была амнистия, и они не замедлили доказать свою благодарность тем, что открыли лакеде-

монянам ворота длинных стен, соединявших Коринф с его гаванью Лехеем. Между стенами произошло сражение, в котором аргосцы были разбиты с большим уроном; лакедемоняне завладели укреплениями и значительную часть их разрушили. Теперь для них открыт был путь через Истм, и действительно они овладели Сидунтом и Кроммионом, двумя коринфскими поселками на Сароническом заливе; их дальнейшим успехам помешали афиняне, которые явились с сильным войском и вновь возвели разрушенные стены. В качестве гарнизона остался в Коринфе отряд наемников под начальством молодого очень способного офицера, Ификрата из Рамна, пелтасты которого скоро сделались грозою для неприятеля благодаря своим смелым набегам.

Теперь в Спарте начали серьезно подумывать о мире. Ясно было, что борьба с коалицией центральных греческих государств и Персии не обещает Спарте успеха, и потому она готова была примириться с совершившимися фактами, как ни тяжело было людям, стоявшим во главе правительства, и особенно царю Агесилаю II, отказаться от плана завоевания Азии — плана столь близкого, казалось, к осуществлению. Итак, летом 392 г. Анталкид отправился послом в Сарды к новому сатрапу Тирибазу, сменившему Тифрауста, и от имени своего правительства предложил уступить Персии весь азиатский материк с тем условием, чтобы все греческие государства на островах и в Европе были признаны автономными. При тогдашнем положении дел только на этих условиях Греции мог быть обеспечен прочный мир; и если нация покрывала себя позором, покидая азиатских соплеменников на произвол варваров, то ответственность за это падала не на Спарту, вступившую в борьбу с Персией ради освобождения азиатских греков, а на те государства, которые действовали заодно с персидским царем.

Но коалиция центральных государств вовсе не была склонна заключить мир на таких условиях. Не то, чтобы они заботились о величии и свободе Греции, а просто каждое из них в отдельности считало предложения спартанцев невыгодными для себя. Афины надеялись восстановить свою прежнюю державу; Аргос не хотел отказаться от обладания

только что приобретенным Коринфом, а Фивы в случае принятия пункта об автономии должны были лишиться своей гегемонии в Беотии, которою очень тяготилось большинство мелких городов страны. Ввиду такой оппозиции со стороны своих союзников Тирибаз не осмелился предпринять решительный шаг без позволения своего царя, хотя сам стоял за заключение мира на условиях, предложенных Спартою; он отправился к царскому двору, а пока заключил в тюрьму Конона, который приехал в Сарды с афинским посольством. В сущности все действия Конона в течение двух последних лет были гораздо более направлены к пользе Афин, чем к пользе царя, которому он служил; носились даже слухи, — неизвестно, насколько верные, — что у Конона на уме еще гораздо более обширные замыслы, — что он хочет вырвать азиатских греков у Персии. Теперь, конечно, прекратили уплату жалованья флоту, которым до сих пор командовал Конон, и, таким образом, этот флот распался. Впрочем, самому Конону удалось спустя короткое время бежать из тюрьмы; он отправился к своему царственному другу Эвагору на Кипр, где вскоре и умер от болезни.

Та политика, которую рекомендовал Тирибаз, была, без сомнения, наиболее выгодна для Персии; но в Сузах еще слишком свежо было воспоминание о всех тех неприятностях, какие причинила государству Спарта, чтобы царь мог согласиться на мир. Напротив, вместо Тирибаза в Сарды был послан Струф с поручением энергично продолжать войну против Спарты. В ответ на это Спарта отправила (весною 391 г.) войско в Азию под начальством Фиброна, который уже раньше командовал там армией. Тотчас на сторону Спарты перешли Эфес, Приена и Магнесия; со времени сражения при Книде они имели довольно случаев узнать, что́ значит автономия под персидским верховенством. Правда, скоро затем Струф напал на Фиброна с превосходными силами и разбил его наголову, однако города, приобретенные Фиброном, остались верны Спарте.

Между тем к Спарте примкнул и Книд, а на Родосе вспыхнуло восстание против демократического правительства, оказавшееся, впрочем, в самом городе безуспешным;

но побежденная партия удержалась в одной части острова. На помощь ей послан был в Малую Азию спартанский наварх Экдик с небольшой эскадрою (осенью 391 г.). Ему удалось привлечь на сторону лакедемонян Самос и мелкие города на Лесбосе; но он был недостаточно силен, чтобы предпринять какие-либо решительные действия против Родоса. Поэтому ближайшим летом (390) его эскадра была увеличена до 27 триер, а командование ею передано брату Агесилая, Телевтию. Таким образом Спарта снова заняла внушительное положение на малоазиатском побережье.

Около того же времени, когда Фиброн отправился в Азию, Агесилай двинулся к Аргосу, опустошил окрестности города и затем направился к Коринфу; здесь он овладел длинными стенами и гаванью Лехеем с ее арсеналом и всем стоявшим там флотом (весною 391 г.). Преграда, так долго закрывавшая лакедемонянам путь к Истму, была наконец сокрушена.

В Афинах и Беотии теперь начали опасаться нашествия спартанцев и поэтому снова завязали в Спарте переговоры о мире, которые в прошлом году окончились неудачей в Сардах. На этот раз выработан был проект мирного договора, в общем на условии сохранения каждой стороной ее наличных владений. Афины должны были удержать власть над Лемносом, Имбросом и Скиросом, а Беотия признать независимость Орхомена; только от Аргоса требовалась уступка Коринфа. Мир не состоялся вследствие несогласия аргосцев и афинской радикальной народной партии, которая в заключении мира со Спартой видела опасность для существования демократии (391 г.).

Итак, следующей весною Агесилай II снова явился под стенами Коринфа, в то самое время, когда там праздновались Истмийские игры. Союзники не решались начинать битву, и царь не мог устоять против соблазна устроить состязания, поручив руководство ими коринфским изгнанникам, находившимся в его войске. Затем он перешел через Истм и опустошил всю местность у подошвы Геранеи. Уже из Фив пришло посольство с предложением мира; но в это время Ификрату удалось на прибрежной равнине у Лехея

окружить своими пелтастами отряд спартанского ополчения и значительную часть его уничтожить. Это было поражение, подобное сфактерийскому, потому что, хотя материальный урон не превышал 250 человек, но слава непобедимости, окружавшая спартанское ополчение, снова была сильно поколеблена, союзники начали становиться несговорчивыми и Агесилай принужден был прервать начатую экспедицию. С этих пор военные действия лакедемонян ограничивались обороной Лехея, тогда как Ификрат господствовал над всей окрестной страной, уничтожал одинокие неприятельские посты и опустошал территорию спартанских союзников.

В следующем году (389) Агесилай снова выступил в поход, но целью его на этот раз была Акарнания. Дело в том, что союзники Спарты, ахейцы, приняли в свой государственный союз Калидон на южном побережье Этолии и терпели здесь притеснения от своих соседей, акарнанцев, которые, как мы знаем, находились в союзе с Афинами и Фивами. Агесилай опустошил открытую страну, не встретив значительного сопротивления, но не сумел взять ни одного из укрепленных городов. В следующем году экспедиция должна была повториться; но акарнанцы не допустили до этого и заключили мир и союз со Спартой. Однако политические и военные отношения в Греции почти совсем не изменились под влиянием этой борьбы.

Между тем афиняне прилагали все усилия, чтобы создать новый флот. Но с тех пор, как иссякла персидская субсидия, возобновились прежние финансовые затруднения; попытка увеличить косвенные налоги дала ничтожный доход, и ничего другого не оставалось, как обложить имущество граждан тяжелым военным налогом. Ввиду этого приготовления медленно подвигались вперед, и морская война совершенно приостановилась. Только победа Ификрата снова доставила перевес руководимой Фрасибулом военной партии; несмотря на сопротивление состоятельных классов решено было снарядить большой флот, чтобы восстановить державу в тех размерах, какие она имела до битвы при Эгоспотамах (390/389 г.).

В это самое время часть афинских сил была отвлечена

другим предприятием. Эвагор Саламинский в течение последних лет все более и более распространял свою власть на Кипр; теперь в его руках находился весь остров, за исключением Китиона, Амафа и Сол. До сих пор царь не препятствовал ему; но с того времени, как Конон, в качестве изменника, отставлен был от своей должности, поведение Эвагора также должно было возбуждать подозрения при персидском дворе. Поэтому на Кипр для защиты находящихся в опасности городов отправлено было (390 г.) войско под начальством перса Автофрадата и флот под командой Гекатомна, владетеля Миласы в Карии. Эвагор в свою очередь заключил союз с Египтом, который за несколько лет до того сверг с себя персидское владычество, и обратился за помощью в Афины.

Последние очутились в очень затруднительном положении. Формально союз с Персией еще продолжался; оба государства воевали с одним и тем же врагом, хотя Афины уже несколько лет не получали от Персии прямой поддержки. С другой стороны, благодаря влиянию Эвагора Конон был поставлен во главе персидского флота, и корабли Эвагора сражались при Книде за освобождение Афин. Его статуя стоит на рынке рядом со статуей Конона; неужели же теперь в нужде отплатить другу неблагодарностью? И прежде всего — можно ли быть уверенным в персидской дружбе, если пожертвовать Эвагором? Не возникнет ли конфликт с Персией, как только Афины серьезно примутся за восстановление своей державы. Эти соображения решили вопрос; афиняне заключили союз с Эвагором и тотчас отправили на помощь ему эскадру из десяти триер (осенью 390 г.). Правда, эта эскадра была захвачена в родосских водах лакедемонянами, что́ еще на некоторое время отсрочило открытый разрыв с Персией; но первый шаг к решительному повороту в афинской политике уже был сделан.

Следующей весною (389 г.) Фрасибул отплыл во главе флота из сорока триер. Без всякого труда достигнуты были блестящие успехи: Фасос, Самофракия, Тенедос, фракийский Херсонес, Византия и Калхедон присоединились к Афинам, с фракийскими князьями Севтом и Медоком заключен был союз. Таким образом, сообщение с Понтом сно-

ва находилось в руках афинян. Дружба с Митиленою и Хиосом, возобновленная уже Кононом, сделалась еще более тесною, Антисса и Эрес на Лесбосе и Клазомены в Ионии были завоеваны. В важнейших военных пунктах помещены были афинские гарнизоны; транзитный сбор на Босфоре, портовая пошлина в 5 % со всех ввозимых и вывозимых товаров в союзных государствах взимались на счет Афин, как до сражения при Эгоспотамах. Афины могли, казалось, с уверенностью рассчитывать на скорое восстановление своего прежнего государства.

Фрасибул провел зиму на Лесбосе и с наступлением первых весенних дней поплыл дальше к Родосу, который сильно терпел от притеснений неприятеля, мимоездом был привлечен на афинскую сторону Галикарнас. Между тем враги Фрасибула в Афинах с успехом подготовляли его падение. Состоятельные классы уже давно были раздражены постоянным увеличением налогов: союзники жаловались на насильственные поборы; а высокомерное обращение, которое позволял себе „освободитель“ в сознании своих заслуг, оттолкнуло от него многих старых друзей. Поэтому народ решил сместить Фрасибула и его товарищей по командованию армией и вызвал их в Афины для представления отчета. Начальство над флотом было поручено Агиррию из Коллита, который еще при Клеофонте принимал участие в управлении финансами и позднее, после восстановления демократии, приобрел большую популярность раздачей казенных денег народу. Но в качестве полководца он еще не имел случая обнаружить свои способности.

В главной квартире Фрасибула оказалось немало людей, готовых силою воспротивиться решению демоса. Фрасибул, действительно, не торопился исполнить полученное им приказание; он остался во главе флота и продолжал собирать дань с городов малоазиатского побережья. Во время одной из таких экспедиций, у устья Евримедонта в Памфилии, на него ночью напали аспендийцы и убили его в его же палатке. Таким образом, Афины были избавлены от печальной необходимости увидеть в роли обвиняемого перед народным судом человека, который дважды спас город от тирании оли-

гархов. Его противники, вероятно, свободно вздохнули; но справедливость заставляет нас признать, что даже у них ненависть отошла теперь на задний план перед воспоминанием о великих заслугах покойного. Товарищи же Фрасибула по командованию войском были преданы суду, и по крайней мере один из них, Эргокл, был приговорен к смерти и казнен.

Лакедемоняне между тем поместили у Эгины эскадру, которая своими набегами в Сароническом заливе скоро начала сильно стеснять афинян. Ввиду этого на остров послан был афинский отряд под начальством Памфила; он приступил к осаде города (389 г.), но спустя пять месяцев должен был вернуться, ничего не добившись. После этого лакедемонские пираты сделались смелее прежнего, разбили афинскую флотилию около мыса Зостер у аттического побережья (388 г.), а однажды неприятелю удалось даже проникнуть в самый Пирей и увести в Эгину несколько стоявших в гавани грузовых судов (387 г.). Лишь с заключением мира афиняне освободились от беспрестанной тревоги, в которой держали их эти пираты.

В Геллеспонт также была послана лакедемонская эскадра под начальством Анаксибия (388 г.), который, расположившись в Абидосской гавани, сильно тормозил афинскую торговлю и склонил большинство городов Троады к отложению от Фарнабаза. Ввиду этого афиняне отозвали из Коринфа Ификрата с его пелтастами и послали его во фракийский Херсонес. Анаксибий скоро попал в засаду, которую устроил ему Ификрат у Абидоса, и был убит вместе с частью своих солдат. После этого лакедемоняне прислали в Геллеспонт новые подкрепления и довели эскадру в Абидосской гавани до 25 триер; но и афиняне в свою очередь сосредоточили в этих водах флот из 32 кораблей, который со стороны Херсонеса стал блокировать неприятеля в Абидосе (387 г.).

Между тем отношения между Афинами и Персией все больше и больше обострялись. Правда, Фрасибул старался поддерживать дружеские отношения с персидскими сатрапами; и все-таки он не мог избегнуть захватов на азиатском материке, ибо кто был бы в состоянии определить — что

принадлежало здесь персам, что нет? А тем временем Афины при посредничестве Эвагора заключили союз с Ахорисом Египетским, который как раз тогда ожидал нашествия персов и потому спешил купить помощь Афин ценою крупных субсидий (зимою 389/398 г.). Таким образом, весною 387 г. отправлено было на Кипр новое подкрепление из десяти триер и восьмисот пелтастов под командой Хабрия, молодого офицера из ификратовой школы, который действительно оказал Эвагору очень важные услуги. В 388 г. персидский царь отозвал из сардской сатрапии расположенного к афинянам Струфа и заменил его Тирибазом, который еще четыре года назад намерен был вступить в соглашение с лакедемонянами. Теперь в Спарте снова одержала верх партия, настаивавшая на заключении мира с Персией; Анталкид был избран навархом на 388/387 г. и немедленно отправился в Эфес, а оттуда к Тирибазу в Сарды. Затем они оба поехали к царю в Сузу, и там без труда было достигнуто соглашение. Условия мира остались в общем те же, какие были выработаны Анталкидом и Тирибазом еще в 392 г.: уступка азиатского материка, со включением Клазомен и Кипра, персидскому царю и автономия всех остальных греческих общин, за исключением Лемноса, Имброса и Скироса, которые оставались подвластными Афинам.

Это было равносильно для Афин отречению от всех успехов, достигнутых Фрасибулом, и, следовательно, от надежды на восстановление прежнего государства, осуществление которой казалось уже столь близким; для Аргоса это означало потерю Коринфа, для Фив — утрату господства над мелкими городами Беотии. Разумеется, теперь союзники еще менее, чем четыре года назад, согласны были принять такие условия. Поэтому военные действия продолжались. По возвращении из Сузы Анталкид принял начальство над абидосской эскадрой, и ему удалось захватить восемь афинских триер, которые привел из Фракии стратег Фрасибул Коллитский. Из Сицилии пришел на помощь спартанцам вспомогательный флот в 20 кораблей под командой Поликсена, шурина Дионисия (см. выше, с.118); сардский сатрап Тирибаз и Ариобарзан, управлявший теперь вместо Фарнабаза Даскил-

лийской сатрапией, также прислали все свои наличные корабли. Таким образом, под начальством Анталкида скоро собрался флот в 80 триер, с которым он господствовал на Геллеспонте и отрезал афинянам подвоз хлеба из Понта. В то же время молодой царь Агесипол I собрал при Флиунте пелопоннесское союзное войско и вторгся в область Аргоса, которую и опустошил вплоть до стен столицы.

Ввиду этих событий союзники наконец согласились отправить послов в Сарды, где Тирибаз официально объявил условия мира. Афины тотчас приняли их; они отказывались лишь от того, чего, ввиду превосходства неприятеля на море, во всяком случае не могли больше отстаивать. Правда, приходилось расстаться с мечтой увидеть еще когда-нибудь державу восстановленной в прежнем блеске, но зато Афины сохраняли свои Длинные стены, флот, острова Фракийского моря и вместе с тем базис господства на море. Если Афины начали войну в качестве вассала Спарты, то теперь они снова заняли место в ряду первоклассных эллинских держав. Гораздо больше пострадал Аргос, и особенно Фивы, которые с утратой гегемонии в Беотии должны были низойти на степень незначительного второстепенного государства; но и здесь достаточно было ультиматума Спарты, чтобы устранить всякое сопротивление. Афиняне очистили Византию и все остальные пункты во Фракии, Малой Азии и на островах, где они еще имели свои гарнизоны. Беотийский союз был уничтожен, и владычество Фив ограничено только их собственной областью. Аргосцы удалились из Коринфа в сопровождении вожаков коринфской демократии, изгнанники вернулись в город, и Коринф снова стал к Спарте в свои прежние отношения союзника. В Элладе был водворен мир (весною 386 г.).

Итак, азиатские греки были отданы во власть Персии; но они отнюдь не были склонны подчиниться решению великих держав. Города карийского побережья и лежащих впереди него островов, стоявшие до сих пор на стороне Спарты, — Книд, Ясос, Самос и Эфес, — заключили союз с Родосом в целях взаимной защиты. Так же мало думал о подчинении и Эвагор Кипрский. До сих пор он успешно бо-

ролся с полководцами царя и не только отстоял свои владения на Кипре, но еще склонил большинство прибрежных городов Киликии к отложению от царя. Правда, Хабрий с его афинским войском был теперь отозван; зато Эвагор получил поддержку от Ахориса Египетского, и, кроме того, владетель Карии Гекатомн тайно помогал ему деньгами. Таким образом, Эвагор был на море сильнее неприятеля, и Кипр пока был обеспечен против персидского нападения.

Между тем персы собрали в Сирии, под начальством Тифрауста, Фарнабаза и сирийского сатрапа Аброкома, большую армию, которую и двинули против Египта. Но эта экспедиция окончилась полной неудачей; во время трехлетней борьбы (приблизительно с 386 по 384 гг.) Ахорис отбил персов и даже сам перешел в наступление и занял часть Сирии. Эвагор при этом деятельно помогал своему союзнику: он напал со своим флотом на Финикию, и важный Тир был взят штурмом.

Персы должны были признать, что с Египтом невозможно справиться, пока Кипр остается непобежденным. Так как для нападения на Эвагора недостаточно было той части финикийского флота, которая оставалась еще в распоряжении царя после потери Тира, то сардскому сатрапу Тирибазу отдано было приказание снарядить флот в ионийских и эолийских гаванях, набрать войско из греческих наемников и вести эту армию в Киликию. Здесь он соединился с финикийским флотом, посадил на свои корабли часть персидской сухопутной армии и затем переправился на Кипр (381 г.). Эвагор не сумел помешать высадке неприятеля; не будучи в состоянии справиться на суше с более многочисленным войском Тирибаза, он старался отрезать ему подвоз со стороны материка, чтобы этим заставить его удалиться с острова. Но и этот план не удался, и теперь не оставалось ничего другого, как попытать счастья на море, где разница в силах была менее велика. Эвагор призвал к себе на помощь эскадру из Египта и неожиданно напал на персидский флот на высоте Китиона, но потерпел полное поражение и был заперт в своей столице Саламине. Ахорис Египетский не мог оказать ему существенной помощи; попытка склонить Спарту к вмеша-

тельству также оказалась неудачной. Осада продолжалась всю зиму; наконец Эвагор принужден был вступить в переговоры с победителем. Тирибаз требовал выдачи всех завоеваний; только Саламин он оставлял Эвагору, который должен был признать себя подвластным персидскому царю, „как раб своему господину". Положение Эвагора было настолько критическим, что он готов был согласиться на все эти условия, за исключением последнего; не как раб, а как царь хотел он повиноваться персидскому царю. Тирибаз отклонил это предложение, и Эвагор, по всей вероятности, погиб бы, если бы в главной квартире персов не начались раздоры. Зять царя Оронт, служивший под начальством Тирибаза, возбудил при сузском дворе подозрение против своего начальника и добился его отозвания, благодаря чему сам стал во главе армии. Но войско, очень любившее Тирибаза, начало обнаруживать непокорность, и адмирал Глос, женатый на дочери Тирибаза и опасавшийся, чтобы падение тестя не повлекло за собою его собственной гибели, стал подумывать об отложении. При таких обстоятельствах Оронту ничего не оставалось, как принять мир на тех условиях, которые предлагал Эвагор (приблизительно в конце лета 380 г.).

Мир был заключен как раз вовремя, потому что Глос действительно восстал против персидского царя, опираясь на преданный ему флот и на ионийско-эолийские прибрежные города, которыми управлял еще его отец Там при Кире. Он тотчас вступил в союз с египетским царем Нектанебом I, только что наследовавшим престол Ахориса, и обратился за помощью в Спарту. Последняя была не прочь воспользоваться благоприятным случаем, чтобы возвратить себе прежнее положение в Малой Азии; тем более что теперь, после занятия Фив и успешных действий против Олинфа, гегемония Спарты в Греции казалась более упроченной, чем когда-либо (см. ниже). Но Глос пал от руки убийцы; а сын его Тах, хотя и старался осуществить планы своего отца, однако не мог добиться сколько-нибудь серьезных результатов, так как Спарта была занята новыми неурядицами в Греции, а Египет снова боролся с Персией, отстаивая свое существование. К тому же Тах скоро умер, и авторитет персид-

ского царя был без труда восстановлен на западном побережье Малой Азии.

Спарта между тем старалась упрочить свое положение в Греции. Статья Анталкидова мира об автономии представляла отличное орудие для этого. Прежде всего необходимо было взять в руки Пелопоннес, где поражения, понесенные спартанцами во время последней войны, сильно пошатнули авторитет Спарты. В особенности Мантинея плохо исполняла обязанности союзницы и открыто выражала свои симпатии к коалиции, что́, впрочем, было вполне естественно ввиду демократического устройства города и его старинной дружбы с Аргосом. Между тем как раз в год заключения Анталкидова мира окончилось тридцатилетнее перемирие, которое Мантинея заключила со Спартой весною 417 г., после большой победы, одержанной спартанцами под ее стенами (см. выше, т. I, с.444).Таким образом, Спарта теперь ничем не была связана, и она немедленно потребовала, чтобы Мантинея срыла свои укрепления. В надежде на поддержку Афин и Аргоса Мантинея решилась начать войну; однако никто не осмелился помешать Спарте, когда царь Агесипол выступил в поход и начал осаду (384 г.). Город держался целое лето; с наступлением осенних дождей Агесипол запрудил реку, протекавшую через город, и таким образом залил его водою. Скоро в стенах, построенных из сырого кирпича, образовались трещины, и Мантинея изъявила готовность принять лакедемонские условия. Но теперь Спарта увеличила свои требования; вспомнив, что Мантинея некогда, 100 или более лет назад, превратилась в большой город благодаря соединению пяти первоначально самостоятельных общин (см. выше, т.I, с.363), она потребовала восстановления прежнего устройства. Мантинейцам ничего другого не оставалось, как согласиться и на это условие, и вожди демократической партии могли быть довольны уже тем, что им разрешено было свободное отступление. Большая часть города была разрушена, и снова построены прежние поселки, которые отныне образовали самостоятельные государства с олигархическим устройством и поставляли, каждый от себя, свой отряд в пелопоннесское союзное войско.

Авторитет Спарты в Пелопоннесе был восстановлен в полном объеме; достаточно было простого предложения эфоров, чтобы заставить флиунтцев вернуть в город тех, которые подверглись изгнанию за принадлежность к олигархической партии. Теперь Спарта могла подумать о том, чтобы и в Северной Греции вернуть себе руководящее положение. Внешний повод к этому подали события, происходившие на южном побережье Македонии и Фракии.

Здесь в течение последних лет союз халкидских городов достиг необыкновенного развития. Во время заключения Анталкидова мира этот союз ограничивался только Олинфом и полуостровом Сифонией; но то, чего недоставало ему в смысле внешнего объема, возмещала прочность его внутренней организации. Установлен был союзный индигенат, обеспечивавший каждому гражданину халкидского города право вступления в брак и приобретения земельной собственности на всей территории союза; все участники союза пользовались одинаковыми политическими правами. Во всей стране применялись одни и те же законы, монеты чеканились от имени союза. Фактически Халкидский союз представлял собою единое государство, отдельные члены которого пользовались еще только муниципальной самостоятельностью.

Споры из-за престолонаследия, волновавшие соседнюю Македонию со смерти Архелая, благоприятствовали развитию могущества халкидцев. Вступивший в 390 г. на престол царь Аминта, сын брата Пердикки, Арридея, постарался упрочить свою шаткую власть союзом с халкидцами, причем предоставил им важные торговые привилегии; но уже через несколько лет иллирийцы изгнали его из государства и возвели на престол претендента Аргея (около 385 г.). Халкидцы воспользовались этими смутами, и будто бы в интересах Аминты, как его союзники, заняли бóльшую часть Нижней Македонии с ее столицей Пеллой. Но когда Аминта спустя два года с помощью фессалийцев изгнал Аргея и снова занял македонский престол, халкидцы отказались отдать захваченные города, которые они между тем включили в свой союз как членов.

Около этого самого времени вступила в Халкидский союз Потидея. С Боттиеей, Аканфом и Амфиполем халкидцы еще несколько лет назад вели войну, но в то время им не удалось покорить эти общины; теперь, после успехов в Македонии, они решили повторить свою попытку и обратились к Аканфу и соседней Аполлонии с требованием вступить в союз. Но эти общины отнюдь не были склонны отказываться от городской автономии, и так как не могли защищаться собственными силами, то решились прибегнуть к посредничеству Спарты. Аминта III Македонский поддержал это решение, потому что при данных обстоятельствах он только в случае помощи со стороны спартанцев мог рассчитывать на возвращение утраченной половины своего государства.

Спарта охотно готова была принять эти предложения, а Пелопоннесское союзное собрание, на усмотрение которого представлен был этот вопрос, высказалось, конечно, в том же смысле, как и главный город. Итак, решено было послать в Халкидику армию в 10 000 человек (383 г.), причем лакедемонский отряд, состоявший из 2 тыс. неодамодов и периэков под начальством Эвдамида, должен был немедленно выступить в поход, а войска союзников последовать за ними в возможно скором времени. Как только показалось спартанское войско, Потидея отложилась от Халкидского союза; но для наступательных действий против Олинфа Эвдамид был, конечно, слишком слаб, и потому он принужден был ограничиться охраной новых союзников от нападений неприятеля.

В Фивах, как и в Афинах, поведение Спарты должно было вызвать сильную тревогу. Со времени Коринфской войны здесь поддерживали дружеские отношения с халкидцами; и хотя пока не решались еще открыто выступить против Спарты, однако фиванское правительство издало распоряжение, запрещавшее всем его гражданам принимать участие в военных действиях против Олинфа. Это был серьезный симптом; никто не мог предугадать, что произошло бы, если бы дела в Халкидике приняли неблагоприятный для Спарты оборот.

Поэтому спартанцы решили предупредить опасность, и

они нашли поддержку в самих Фивах. Здесь существовала сильная партия, которая не одобряла политики, поставившей Беотию в оппозицию к Спарте; полное крушение этой политики в Коринфской войне должно было доставить этой партии влияние на государство. Как раз теперь один из ее вождей, Леонтиад, занимал высшую государственную должность в Фивах — должность полемарха, правда, в товариществе с Исмением, вождем партии, враждебной Спарте. Когда брат Эвдамида, Фебид, проходил через Беотию с подкреплениями для стоявшей под Олинфом армии, Леонтиад открыл ему ворота Кадмеи. Когда спартанцы заняли крепость, противники не решились оказать им сопротивление; кто мог, искал убежища в Афинах. Исмений был арестован и предан суду, причем Спарта прислала в трибунал трех членов, а каждое из союзных пелопоннесских государств — по одному. В характере приговора нельзя было сомневаться; человек, так много способствовавший возникновению Коринфской войны и обогатившийся персидским золотом, был осужден, как предатель Эллады, и казнен.

Весть о происшедшем в Фивах вызвала сильнейшее негодование во всем эллинском мире. Спартанское правительство постаралось снять с себя ответственность в этом деле; Фебид был привлечен к суду и приговорен к штрафу в 10 000 драхм. Но того, что было сделано, Спарта, конечно, не могла и не хотела вернуть; таким образом, гарнизон остался в Кадмее, и Фивы включены были в Спартанский союз. Разрушенная 44 года назад Платея была теперь восстановлена, и призваны обратно на родину оставшиеся в живых прежние ее обитатели; эта мера очень много способствовала успокоению взволнованного общественного мнения в Афинах и, кроме того, была отлично рассчитана на то, чтобы на будущее время посеять раздор между Афинами и Фивами.

Теперь союзники, отряды которых до сих пор еще не принимали участия в военных действиях, поспешили присоединить их к армии, находившейся в Беотии; Фивы также выставили отряд гоплитов и всадников. Брат Агесилая Телевтий принял начальство над соединенной армией и повел ее в Македонию. Там он соединился с войском Аминты, луч-

шую часть которого составляли 400 отборных всадников, присланных Дердадом, князем македонской области Элимиотиды. Под стенами Олинфа произошло сражение с халкидцами, которые были разбиты наголову; однако побежденным удалось без больших потерь укрыться за своими укреплениями. Для осады Олинфа Телевтий был недостаточно силен; поэтому он ограничился опустошением неприятельской страны, а вскоре зима положила конец военным действиям.

Следующей весною (381 г.) под Олинфом снова произошло сражение, и на этот раз лакедемоняне потерпели полное поражение; Телевтий пал, а его армия с большим уроном была рассеяна во все стороны. Теперь ведение Халкидской войны взял на себя царь Агесипол I. Ввиду превосходства его боевых сил олинфяне не решились вступить в бой; не встречая сопротивления, царь опустошил неприятельскую страну до самых стен столицы и завладел важным пунктом Тороной. Агесипол скоро умер от горячки, но силы неприятеля уже были надломлены. Олинф был окружен со всех сторон и в конце концов вынужден голодом к сдаче. Халкидский союз был уничтожен, а Олинф должен был признать над собою верховную власть Спарты и обязаться выставлять войско в случае войны (380 или 379 г.).

В Пелопоннесе между тем возникли новые осложнения. Хотя Флиунт, по приказанию эфоров, призвал обратно изгнанников (см. выше, с.154), но при возвращении им конфискованных имений возникли различные затруднения, и вернувшиеся на родину изгнанники принуждены были опять прибегнуть к вмешательству Спарты. Царь Агесилай I приступил к восстановлению изгнанников в их правах путем экзекуции (летом 381 г.), и когда флиунтское правительство изъявило готовность исполнить требования спартанцев, Агесилай потребовал допущения в Акрополь гарнизона. Выведенные из себя этим требованием, флиунтцы предпочли подвергнуться осаде; год и восемь месяцев пришлось Агесилаю простоять под городом, пока наконец голод заставил осажденных сдаться на волю победителя (в начале 379 г.). Виновники отпадения подверглись строгому суду, конституту-

ция была изменена в олигархическом духе и поставлен в крепости гарнизон. Пелопоннесцам еще раз было наглядно показано, что всякое сопротивление Спарте напрасно.

Таким образом, Спарта благодаря своей рассчитанной и беспощадной политике в течение немногих лет вернула себе господствующее положение на греческом полуострове, которое она потеряла вследствие Коринфской войны; казалось даже, что могущество Спарты было теперь прочнее, чем когда-либо ранее. Этими успехами она обязана была главным образом царю Агесилаю II. С тех пор как он, летом 394 г., вернулся из Азии в блеске только что одержанных им побед над варварами, он занимал бесспорно первое место в Спарте, а вместе с тем и вообще в Греции. Лисандр умер; царь из другой династии, Павсаний, жил в изгнании, его сын Агесипол был несовершеннолетний мальчик, который даже по своем вступлении на престол остался в подчиненном положении по отношению к своему старшему соправителю. Таково же было отношение Агесилая и к младшему брату и преемнику Агесипола, Клеомброту; а когда последний спустя несколько лет пал при Левктрах, в доме Агиадов снова наступил период регентства. Таким образом, двойственность царской власти в правление Агесилая фактически исчезла. Геронтов и эфоров Агесилай сумел ловко расположить к себе уступчивостью; он упорно отказывался от оказываемых лично ему почестей; в своем образе жизни и в манерах он был прост, как истый спартанец. Настоящей гениальностью он, впрочем, не обладал ни как политик, ни как полководец; успехи в области тактики и стратегии, достигнутые как раз в это время Ификратом, Хабрием и Эпаминондом, оставались ему совершенно чужды, и он, подобно большинству его соотечественников в тесном смысле, не понимал, что политика должна считаться и с нравственными факторами. Именно это грубое пользование правом сильного, проходящее красной нитью через всю политику Агесилая, и было одной из главных причин крушения спартанского могущества.

ГЛАВА VI

Возрождение демократии

Насильственная политика, которую преследовала Спарта со времени Анталкидова мира, возбудила в Греции всеобщее неудовольствие. Но мелкие государства поневоле должны были допускать то, чему они не в силах были воспрепятствовать, а иные из них принуждены были еще и поставлять свои полки в спартанскую армию; из великих же держав Эллады одна, Сиракузы, находилась в тесном союзе со Спартой, а другая, Афины, заботилась только о том, чтобы посредством политики сосредоточения сил залечить раны, нанесенные ее благосостоянию последней войной.

Здесь после Анталкидова мира прежде всего привлекли к суду тех лиц, которые довели государство до необходимости одновременно бороться со Спартой и с Персией. Агиррий, более всех виновный, был присужден к большому денежному штрафу, и так как не мог заплатить его, то был заключен в тюрьму, где просидел много лет; политическим влиянием он уже более никогда не пользовался. Фрасибул из Коллита, эскадра которого была взята в плен Анталкидом (см. выше, с.149), подвергся суду по двум процессам, из которых, впрочем, вышел победителем; Дионисий, который также командовал частью флота на Геллеспонте, был казнен, как государственный изменник. Та же участь постигла и Кононова друга Никофема, и его сына Аристофана, которые служили на Кипре в армии Хабрия. Формисий и Эпикрат, заслуженные демократы, которые были отправлены послами к царю, поплатились жизнью за то, что не сумели добиться более выгодных условий для Афин.

В то же время приложены были все старания к тому, чтобы поддержать хорошие отношения как с Персией, так и со Спартой. По требованию персидского царя Хабрий был отозван из Египта, где он со времени заключения мира занят был организацией обороны страны; напротив, Ификрат получил позволение вступить в персидскую службу на время экспедиции против Египта (379 г.). В самой Греции Афины

не препятствовали Спарте подчинить себе Мантинею и завладеть Фиванской крепостью, и оппозиция с полным правом могла упрекать правительство в том, что олигархическая реакция в Фивах произошла с его ведома и по его желанию. Кажется даже, что Афины теперь уступили настояниям Спарты и отказались от власти над Делосом и его богатым храмом, которую они сначала, — правда, вопреки точному смыслу Анталкидова мира, — еще пытались удержать в своих руках.

Однако фиванским изгнанникам Афины дали у себя убежище, и они сделались, конечно, предметом всеобщего сочувствия в демократическом городе. Поэтому они не остались без поддержки, когда в середине зимы 379/378 г. начали подготовлять переворот с целью освобождения Фив. В заговоре приняли участие даже два афинских стратега; исподтишка был приготовлен отряд войска, который должен был служить опорой движению в случае удачи. Один из эмигрантов, Мелон, вместе с шестью товарищами пробрался через беотийскую границу; им удалось, не возбудив подозрений, поздним вечером войти в Фивы, где у них был сообщник в лице государственного секретаря Филлида. Полемархи подверглись неожиданному нападению во время пирушки и были умерщвлены; убит был также Леонтиад, который четыре года назад бросил Фивы в руки спартанцев. После этого восстали граждане, афиняне подоспели на помощь и вместе с фиванцами приступили к штурму Кадмеи. Спартанские военачальники, не рассчитывая устоять против врага, сдали крепость, выговорив себе право свободного отступления. В Фивах установлен был демократический строй и освободитель Мелон избран в полемархи; вместе с ним избраны были его товарищ Пелопид, один из семи эмигрантов, приехавших из Афин, и Харон, давший в своем доме приют заговорщикам. В том, что со стороны Спарты предстоит страшная расправа, разумеется, никто не сомневался. Поэтому сделана была попытка прийти к соглашению с нею; Фивы изъявили готовность сохранить союз, который олигархическое правительство заключило со Спартою.

Но после всего, что произошло, Спарта, конечно, не

могла согласиться на эти предложения; для того, чтобы положение, занятое государством со времени Анталкидова мира, не потерпело тяжелого удара, честь оружия должна была во что бы то ни стало быть восстановлена. Офицеры, командовавшие войском в Кадмее, были казнены или приговорены к уплате тяжелого штрафа; и еще зимою в Беотию была послана пелопоннесская армия под начальством юного царя Клеомброта, который унаследовал трон своего брата Агесипола II после его преждевременной смерти под Олинфом. Об осаде, конечно, нечего было думать в эту пору года; а так как неприятель отказывался от сражения и в Фивах не произошло восстания против демократического правительства, то Клеомброту ничего другого не оставалось, как пуститься в обратный путь после 16-дневной стоянки на высотах Киноскефал, в южной части города. Одна треть войска оставлена была в Феспиях для наблюдения за фиванцами и для охраны второстепенных городов Беотии.

Если, таким образом, экспедиция в военном отношении не дала никаких результатов, зато появления пелопоннесской армии на границе Аттики было достаточно, чтобы отбить у афинян всякую охоту к войне. Оба стратега, самовольно оказавшие помощь фиванским демократам, были приговорены к смерти, и один из них действительно был казнен, тогда как другой отправился в изгнание. Фивы были совершенно изолированы, и этим, казалось, была решена участь восстания демократов.

Но рассеять недоверие правящих кругов Спарты к аттической политике было нелегко. Самое меньшее, чего можно было опасаться со стороны Афин, это — нейтралитета, благоприятного Фивам; но кто мог поручиться за то, что радикальной партии в конце концов все-таки не удастся увлечь государство к деятельному участию в войне? Не лучше ли было предупредить опасность? Ввиду этих соображений Сфодрий, командовавший войском в Феспиях, решился напасть на Пирей. Он рассчитывал пройти расстояние от беотийской границы до Пирея — 50 километров — в одну зимнюю ночь; но этот расчет оказался ошибочным: когда начало светать, войско находилось лишь у Элевсина на Фриасий-

ской равнине. Смелое предприятие окончилось неудачей, Сфодрий принужден был вернуться, причем дело не обошлось без разграбления пограничных аттических деревень.

В Афинах даже теперь еще надеялись сохранить мир и ограничились тем, что потребовали от Спарты удовлетворения. Сам Сфодрий считал для себя неизбежным смертный приговор и бежал за границу. Но царь Клеомброт и сын Агесилая, Архидам, добились оправдательного приговора для Сфодрия; в Спарте, очевидно, думали, что Афины не станут серьезно настаивать на своем требовании. Но спартанцы ошиблись; в Афинах теперь снова одержала верх военная партия, и заключен был с Фивами оборонительный союз. Впрочем, дело не дошло до объявления войны Спарте; да и лакедемоняне старались не доводить Афины до крайности и по-прежнему относились к Аттике как к нейтральной стране.

Тем энергичнее решили они действовать против Фив. Как только стал созревать хлеб, Агесилай собрал войска пелопоннесских союзников и направился через Киферон в Феспии, где присоединил к своей армии отряд, оставленный там Клеомбротом; теперь он располагал 18 тыс. пехотинцев и тысячью пятьюстами всадников. Между тем на помощь Фивам пришел афинский отряд под начальством Хабрия. В ожидании неприятельского нападения фиванцы окружили свою страну цепью укреплений; однако Агесилаю удалось прорваться в свободном от охраны месте, и союзники принуждены были отступить назад в Фивы. Под стенами города они выстроились для сражения; но Агесилай не решился напасть на крепкую позицию неприятеля, — успех, которым Хабрий по праву гордился больше, чем любой победой в открытом поле. Итак, царь должен был ограничиться опустошением фиванской области; затем он вернулся на Коринфский перешеек и там распустил свое войско по домам. В Феспиях остался Фебид с отрядом наемников.

Теперь фиванцы перешли к наступательным действиям; выступивший против них Фебид был разбит и сам пал в сражении. Вследствие этого и во второстепенных городах Беотии начала поднимать голову демократическая партия, и спартанцы принуждены были послать в Феспии в качестве

гарнизона отряд своего ополчения, чем на время остановлены были успехи фиванцев.

Следующей весною (377 г.) Агесилай снова предпринял поход в Беотию. В этот раз он также без труда прорвал оборонительную линию перед Фивами и уничтожил хлеб на полях; до значительного сражения дело не дошло, как и в предшествовавшем году. На обратном пути в Пелопоннес Агесилай в Мегаре заболел тяжелой болезнью, которая надолго приковала его к постели; поэтому весною 376 г. руководство экспедицией против Фив было возложено на царя Клеомброта. Впрочем, предводительствуемая им армия даже не достигла Беотии, так как неприятель загородил проходы Киферона.

Между тем Афины прилагали все усилия к тому, чтобы в третий раз вернуть себе дважды утраченную гегемонию на море. Уже непосредственно после Анталкидова мира возобновлены были союзные договоры с Хиосом, Митиленой, Метимной и Византией; Родос также вступил снова в союз с Афинами, когда его малоазиатская коалиция со смертью Глоса распалась (около 379 г.). Попытки завязать прежние отношения с фракийскими халкидцами, правда, остались безуспешными вследствие вмешательства спартанцев; зато Фивы, как мы видели, весною 378 г. вступили в союз с Афинами. И вот, после того как разрыв со Спартою был провозглашен официально, Афины обратились ко всем эллинам и варварам, не подвластным персидскому царю, с воззванием сомкнуться в союз для противодействия притязаниям Спарты. Основою союзного договора должны были служить постановления Анталкидова мира. Всем участвующим государствам обеспечивалась автономия, персидский царь признавался владыкою азиатского материка; Афины отказывались от всяких притязаний на свои старые колониальные владения, и впредь афинянам вообще воспрещалось приобретать дома и земли на всем протяжении союзной территории. Для руководства общими делами был учрежден союзный совет, который заседал в Афинах и в котором участвовали с правом голоса делегаты всех союзных государств; сами Афины не имели в нем представителя, и решения совета получали законную силу только

в случае согласия между руководящим государством и советом. Издержки по содержанию союзного флота должны были покрываться взносами, размер которых каждый раз определялся союзным советом сообразно наличным потребностям. Заведование этими деньгами и руководство военными действиями вручалось Афинам (весною 377 г.)[1].

Организуя новый союз на таких началах, Афины приносили тяжелую жертву; это было равносильно полному разрыву с политикой, которой они следовали до Анталкидова мира, и окончательному отказу от мысли о восстановлении государства в его старых формах, которую пытался осуществить еще Фрасибул. Мало того: тысячи афинских граждан теряли последнюю надежду вернуть себе свои внеаттические имения, которых они сами или их отцы лишались благодаря катастрофе 404 г. Но эти жертвы не оказались бесплодными. Эвбейские города тотчас вступили в новый союз, исключая Орфос, занятый лакедемонским гарнизоном; то же сделали Северные Спорады — Пепарея, Скиаф и Ик, затем Тенедос при входе в Геллеспонт, Церинф и Маронея во Фракии, Парос и другие соседние острова, — далее, города, остававшиеся до сих пор в союзе с Афинами: Хиос, Митилена, Метимна, Византия, Родос и Фивы. Таким образом, Афины сразу опять заняли положение господствующей державы на Эгейском море; теперь они снова могли взять в свои руки заведование Делосским храмом, от которого, как мы видели, они должны были отказаться несколько лет назад.

Одновременно с этим предпринято было обновление аттического флота. Это было делом настоятельной необходимости, потому что во время Коринфской войны бóльшая часть кораблей сделалась негодной к употреблению, и правительство до сих пор слишком мало заботилось о замене их новыми. Таким образом, хотя в распоряжении государства было более ста триер, но большинство из них пришли в ветхость и были непригодны для плавания. Поэтому правительство приступило к постройке большого числа новых воен-

[1] Организованный Афинами в 378/377 г. до н.э. союз принято называть не Третьим (как у К.Ю.Белоха), а Вторым Афинским морским союзом. *(Ред. 2008).*

ных судов и действовало в этом направлении так энергично и целесообразно, что спустя 20 лет (357/356 г.) Афины располагали флотом в 289 триер, несмотря на значительные требования, которые в течение этого периода почти беспрестанно предъявлялись к аттическому флоту. Для покрытия расходов по постройке кораблей и для возмещения военных издержек в Аттике установлен был чрезвычайный имущественный налог (378/377 г.).

При таком положении дел пелопоннесцы не могли дольше оставаться в бездействии. Они снарядили флот в 65 триер и послали его к аттическому побережью, где он отрезал Афинам всякий подвоз (летом 376 г.). Наксос и некоторые другие из Кикладских островов тотчас перешли на спартанскую сторону, на Делосе афинские амфиктионы были изгнаны из храма и при этом подверглись насилиям. Но Афины оказались на высоте своего положения. Они привели в исправность все корабли, которые еще были годны к употреблению, и спустя короткое время Хабрий мог выйти в море с 83 триерами. Вначале пелопоннесцы не решались вступить в сражение; но когда Хабрий обратил свое оружие против Наксоса и приступил к осаде города, лакедемонский адмирал Поллис должен был поспешить на помощь последнему. Таким образом, в проливе между Паросом и Наксосом произошла морская битва; она окончилась полным поражением пелопоннесцев, флот которых наполовину был потоплен или взят в плен (16 боэдромиона, в сентябре). Это была первая крупная морская победа, одержанная Афинами со времени битвы при Аргинусах. Теперь афинский флот безусловно господствовал на Эгейском море; Делос снова изъявил покорность, а Киклады — все, или по крайней мере большая часть их — примкнули к морскому союзу. Следующей весною (375 г.) Хабрий предпринял экспедицию к фракийскому побережью и заставил Самофракию, Фасос, Абдеру, Энос и другие города присоединиться к Афинам. Этому примеру последовал и Халкидский союз, который как раз в это время снова собрался вокруг Олинфа, — затем Эрес и Антисса на Лесбосе и Орей на Эвбее, изгнавший между тем свой лакедемонский гарнизон. Афины опять господство-

вали почти над всеми островами Эгейского моря и над всеми важными городами фракийского побережья от Византии до Олинфа, за исключением Амфиполя.

В то время как Хабрий одерживал эти победы на севере, сын Конона Тимофей во главе 60 триер огибал Пелопоннес, направляясь в Ионическое море. Здесь тотчас примкнули к морскому союзу могущественная Керкира, а также эпирский царь Алкет, акарнанцы и Проннои на Кефаллении. Пелопоннесский флот, выступивший против Тимофея, был разбит при Ализии на акарнанском побережье (375 г.).

Занятая морской войною, Спарта принуждена была ограничиваться в Беотии оборонительными действиями, вследствие чего фиванцы получали здесь все больший перевес. Пелопиду удалось даже, во главе отборного фиванского войска, т.н. „священного отряда“, разбить в открытом поле при Тегире, вблизи Орхомена, два полка спартанского ополчения. Афины также не преминули извлечь выгоду из этого положения вещей, снова присоединив Ороп, который в 411 г. перешел к беотийцам (см. выше, с.52) и в силу Анталкидова мира получил автономию.

Однако в Афинах уже начали тяготиться войною, продолжение которой после присоединения к морскому союзу всех важнейших островов не могло уже доставить никаких важных успехов, между тем как население почти изнемогало под бременем налогов, необходимых для содержания большого флота. Спарта также пришла к убеждению, что не добьется ни подчинения Фив, ни уничтожения морской гегемонии Аттики, тогда как пелопоннесские союзники, чем дольше длилась война, становились все более непокорными, и гарнизонная служба в Орхомене и Феспиях ложилась все более тяжелым бременем на спартанское население. Ввиду этого решено было примириться с совершившимися фактами и на этой почве войти в соглашение с Афинами. Летом 374 г. в Спарте был заключен договор, которым обе воюющие державы взаимно признали друг за другом верховенство над Аттическим морским союзом и Пелопоннесской симмахией, а в прочем подтверждены были постановления Анталкидова мира.

В Афинах имели полное основание быть довольными достигнутым результатом; и действительно, город ликовал по поводу заключения договора, и решено было учредить официальный культ богини мира. Но начальник аттического флота в Ионическом море, Тимофей, был решительно против мира. Он подчинился, конечно, приказанию вернуться с флотом в Афины, но не мог удержаться, чтобы, проезжая мимо Закинфа, не высадить на остров изгнанных демократов. После этого лакедемоняне также послали одну эскадру к Закинфу, другую в Керкиру, где между тем вспыхнули внутренние волнения; ввиду этого и афиняне вынуждены были отправить на Закинф под начальством Стесикла отряд в 600 пелтастов (еще осенью 374 г.), за которым весною должен был последовать большой флот под командой Тимофея.

Между тем вследствие истощения денежных средств снаряжение флота представляло непреодолимые трудности. Тимофей не решился прибегнуть к новому обложению граждан для нужд самовольно вызванной им войны, а попытки достать необходимые средства посредством взыскания контрибуций с союзников оказались безуспешными. Таким образом, лето прошло в бесцельном крейсировании на Эгейском море, и в конце концов флот, негодный для дальнейших операций, застрял на Калаврийском рейде (осенью 373 г.).

Лакедемоняне искусно воспользовались столь неожиданно предоставленной им отсрочкой. Еще в конце лета (373 г.) наварх Мнасипп с 60 кораблями отправился к Керкире и тотчас начал осаду. Спустя короткое время в густонаселенном городе начался голод, и если бы не подоспела вскоре помощь из Афин, сдача была неизбежна.

Теперь Тимофей постановлением Народного собрания был отрешен от должности и предан суду. Подобного процесса Афины не видали ни до, ни после этого. Обвинителями выступили знаменитейший полководец того времени Ификрат, только что вернувшийся из персидской службы, и Каллистрат из Афидны, один из величайших ораторов и способнейших финансистов Афин, племянник Агиррия и сам влиятельный государственный деятель, игравший выдаю-

щуюся роль при основании нового морского союза. С другой стороны, Тимофей для своей защиты пустил в ход все огромное влияние, которое он отчасти унаследовал от своего отца Конона, отчасти сам приобрел в последние годы своими походами. Даже Алкет, царь эпирский, и Ясон, тиран Фессалии, не отказались приехать в Афины, чтобы лично дать показания в пользу своего друга. К тому же несомненно, что обвинение с юридической точки зрения было совершенно неосновательно, ибо Тимофей истратил свое собственное состояние на содержание флота. Но в политическом отношении он был, конечно, ответствен за возобновление войны (см. выше, с.167); кроме того, благодаря его недостаточно энергичному образу действий в течение последнего лета Афины потеряли все то, что раньше было приобретено ими на Ионическом море. Однако судьи оправдали Тимофея главным образом, вероятно, из уважения к его царственным друзьям и к памяти Конона; только его казначей и верный приверженец Антимах поплатился жизнью. Но отрешение от должности осталось в силе; павший полководец покинул родной город, чтобы на персидской службе поправить свои расстроенные денежные дела.

Управление государством перешло теперь к Каллистрату и Ификрату. Момент был критический; военное положение на Западе внушало серьезные опасения, флот был совершенно расстроен, к тому же в эту позднюю пору года нельзя было и думать об экспедиции в Ионическое море. Но Ификрат был не из тех людей, которые останавливаются перед затруднениями. С непоколебимой энергией он в течение зимы готовился к походу и с началом навигации мог отплыть к Керкире с флотом в 70 триер. Там дела между тем приняли лучший оборот. Стесиклу удалось прорвать пелопоннесскую блокаду и высадить свое войско на Керкиру; удачная вылазка, во время которой пал неприятельский главнокомандующий Мнасипп, дала возможность стесненному городу вздохнуть свободнее (весною 372 г.). При известии о приближении Ификрата с большим афинским флотом пелопоннесцы сняли осаду и поспешно отплыли домой; они успели еще вовремя укрыться в Левкаду.

Ификрат одним своим появлением восстановил перевес Афин на Ионическом море. Он подчинил те города Кефаллении, которые держали еще сторону неприятеля, и взял в плен у Керкиры эскадру из 10 триер, посланную Дионисием на помощь спартанцам (см. выше, с.123); затем, увеличив свой флот керкирскими кораблями до девяноста триер, он возвратился в Кефаллению. Здесь флот остался, готовый напасть на Пелопоннес, если бы Спарта стала настаивать на продолжении войны.

Тем временем фиванцы беспрепятственно распространяли свое владычество в Беотии, так как спартанские гарнизоны были, ввиду заключения мира, отозваны, и демократы всюду агитировали в пользу присоединения к Фивам. Платея была разрушена, Феспии покорены; только Орхомен сохранял еще свою независимость. Беотийский союз, существовавший до Анталкидова мира, был теперь восстановлен, в общем на прежних началах, только с более строгой централизацией и на демократической основе. Мало того, фиванцы чувствовали себя даже достаточно сильными, чтобы перейти к наступательным действиям против Фокиды. Теперь, наконец, спартанцы решились снова отправить в поход царя Клеомброта во главе двух третей спартанского ополчения и нескольких союзных полков, всего около 10 тыс. гоплитов. Появление этой армии в Фокиде заставило фиванцев вернуться в Беотию, где они в ожидании неприятеля заняли крепкую позицию на границе страны.

Спартанцы еще раньше послали Анталкида к сузскому двору с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Действительно, весною 372 г. прибыло в Грецию персидское посольство. По его настоянию в следующем году собрался в Спарте конгресс из делегатов всех воюющих держав; македонский царь Аминта III и Дионисий Сиракузский также прислали своих представителей. Соглашение между Афинами и Спартой не представляло трудностей; обе державы лишь поневоле снова взялись за оружие, и Афины требовали теперь только того, что́ им было предоставлено уже последним договором. Спарта не могла отказать им в этом, тем более что Афины сохранили свои владения в целости и их

флот безусловно господствовал на море. Таким образом, мир заключен был в общем на тех же условиях, как и три года назад; только пункт, касавшийся автономии, был еще сильнее подчеркнут и прямо сказано, что ни один город не может быть принужден против своего желания поставлять контингент в армию руководящего государства. Категорически признаны были старые права Афин на Амфиполь и фракийский Херсонес, никто не протестовал против существования, основанного на автономии участников Аттического морского союза, что было равносильно безмолвному признанию его; Спарте позволено было подтвердить мир клятвою как от своего имени, так и от имени ее союзников, чем признана была ее гегемония в Пелопоннесе. На этих условиях 14 скирофориона, в середине лета 371 г., представители всех участвовавших в конгрессе держав клятвенно подтвердили мир.

Но уже на следующий день возникли разногласия по поводу толкования мирного договора. Дело в том, что Фивы формально все еще состояли членом Афинского морского союза, хотя они уже несколько лет не делали взносов на содержание союзного флота; поэтому в акте о мире „фиванцы" были названы в числе афинских союзников, совершенно так же, как и в мирном договоре, заключенном три года назад. Между тем с тех пор Фивы подчинили себе почти всю Беотию, и их послы подписали мирную грамоту в предположении, что Фиванское государство признается в его настоящем объеме. Агесилай же понимал дело совершенно иначе; он толковал договор буквально и утверждал, что пункт, касающийся автономии, распространяется также и на подвластные Фивам беотийские города. Против такого толкования формально ничего нельзя было возразить; поэтому беотарх Эпаминонд, стоявший во главе фиванского посольства, потребовал, чтобы акт был изменен и чтобы слово „фиванцы" было заменено словом „беотийцы". Разумеется, это требование ни в ком не встретило поддержки. Афины добились всего, на что они, рассуждая здраво, могли рассчитывать; они не имели никакой охоты своими руками загребать жар для Фив, особенно теперь, после разрушения Платеи, которым Фивы доказали, как мало они дорожат добрым расположением

Афин. Да и вообще ни одна рука не поднялась в защиту фиванских требований, которые к тому же стояли в резком противоречии с постановлениями Анталкидова мира и уже три года назад не встретили никакого сочувствия. А так как Эпаминонд настаивал на своем требовании, то фиванцы были исключены из числа держав, на которые распространялся мирный договор.

Эпаминонд умышленно довел дело до крайности, вместо того чтобы уступить, как сделал 15 лет назад Исмений при таких же обстоятельствах. Пелопоннесский союз Спарты уже не обладал теперь прежней прочностью и силой; статья об автономии и здесь оказала свое разлагающее влияние, и если второстепенные государства еще не решались оказывать открытое сопротивление спартанской гегемонии, то многие из них уже очень неохотно поставляли свои полки в союзную армию. В Афинах также существовала еще большая партия, которая и слышать не хотела о соглашении со Спартой; это были люди, державшиеся того убеждения, которое однажды метко выразил Филократ, сказав, „что только в одном случае можно помириться со спартанцами, именно когда они лишены будут силы вредить“. А главное, Беотия имела теперь надежную опору в новой великой державе, которая в течение последних лет образовалась к северу от Фермопил.

Еще Ликофрону, тирану Фер, только вмешательство соседних государств — сначала Македонии, затем Беотии — помешало распространить свое владычество на всю Фессалию. Его зятю Ясону, который наследовал его престол, удалось осуществить планы своего предшественника, пока Спарта была занята Беотийской войной. Около 372 г. почти вся страна, за исключением Фарсала, находилась в руках Ясона; да и этот город подчинился, после того как Спарта ответила отказом на его просьбу о помощи. Ясон избран был тагосом (*тагаи*) Фессалии, и этим положен конец междоусобным войнам, которые так долго истощали силы богатой страны. Объединенная Фессалия теперь сразу вступила в число первоклассных греческих держав. Дело в том, что ни одно государство Эллады не имело такой многочисленной и

отличной конницы, как Фессалия; а некоторые недостатки фессалийской пехоты Ясон возместил созданием отборного отряда наемников в 6000 человек. Далее, богатые финансовые средства страны и ее густое население дали Ясону возможность приступить к постройке большого флота. С такими силами можно было, казалось, всего достигнуть; Ясон лелеял те же планы, которые позднее осуществил Филипп; он мечтал добиться гегемонии в Греции и повести объединенный народ против персов.

Главным препятствием для осуществления этих планов было могущество Спарты; поэтому Ясон уже несколько лет назад вступил в союз с Фивами. Последние нашли в лице Ясона гораздо более надежную опору, чем та, какую до сих пор представлял для них союз с Афинами; именно опираясь на него, Эпаминонд мог безбоязненно отвергнуть требования Спарты. А Спарта считала себя достаточно сильною для того, чтобы принудить Фивы к принятию мира; поэтому царю Клеомброту тотчас дано было приказание вести свое войско из Фокиды в Беотию. Царь очень искусно справился со своей задачей. В то время как фиванцы ожидали неприятельского нападения на большой военной дороге, ведущей через долину Кефиса к Копаидскому озеру, Клеомброт по крутым горным тропинкам перешел Геликон и через Фисбу достиг Кревсиса у Коринфского залива; он приступом взял крепость и при этом захватил в плен эскадру из 12 триер, стоявшую здесь в гавани. Обеспечив себе, таким образом, сообщение с Пелопоннесом, спартанское войско двинулось к северу, на Фивы, и беспрепятственно достигло Левктр, находившихся в 11 километрах от неприятельской столицы. Здесь оно наконец встретило беотийцев, которые со своими 6 тыс. солдат были, правда, гораздо слабее 10-тысячной пелопоннесской армии; но у них не было другого выхода, как решиться на сражение, потому что отступление к Фивам повлекло бы за собою отпадение мелких городов и вместе с тем потерю всего того, что было приобретено ценою столь продолжительной борьбы.

К счастью для Фив, на этот раз во главе войска стоял именно такой человек, какой был теперь нужен. В числе бе-

отархов, командовавших армией, находился Эпаминонд, сын Полимния, тот самый, который в качестве депутата от Фив участвовал в Спартанском конгрессе. Семья, из которой он происходил, была небогата, но вела свой род от тех *воинов*, которые, по преданию, некогда выросли из драконовых зубов, посеянных Кадмом на фиванском поле. Он долго держался в стороне от политики и посвящал свое время преимущественно изучению философии, которую преподавал ему пифагореец Лисис из Тарента. К демократии он не чувствовал особенного расположения; он спокойно жил в Фивах при олигархическом строе и не принимал никакого участия в заговоре, который привел к свержению олигархии; поэтому радикальным демагогам он всегда казался подозрительным. Но когда наступил критический момент, он, не теряя ни минуты, встал в ряды защитников родного города. При штурме Кадмеи он был одним из первых; а война со Спартой дала ему возможность вполне проявить свой военный гений. Таким образом, он, уже сорока лет от роду, достиг, наконец, высшей должности в государстве, которую и занимал как раз теперь, в решительную минуту фиванской истории.

Клеомброт, конечно, с радостью принял сражение, предложенное ему врагом. Но Эпаминонд уравновесил численное превосходство неприятеля тем, что главные свои силы сосредоточил на левом крыле, напротив спартанцев, а правое крыло поставил против пелопоннесских союзников. Построенные колонной в 50 щитов глубиною, фиванские гоплиты ринулись на врага, и против натиска этой могучей массы не устояло даже ядро спартанских войск. Все их мужество оказалось бессильным; пали Сфодрий, совершивший когда-то роковую экспедицию в Пирей, его сын Клеоним, полемарх Дейнон, наконец, сам царь и вместе с ним 400 из семисот полноправных спартанцев, участвовавших в битве, а в общем не менее тысячи человек из 4-тысячного отряда, выставленного Лаконией. Оставшиеся в живых медленно вернулись в свой лагерь, сопровождаемые своими союзниками, которым почти не пришлось принять участие в сражении. Напасть на лагерь победители не решились; но и спартанцы, ввиду своих значительных потерь и недовольства

союзных войск, также не могли думать о возобновлении сражения. Им не оставалось ничего другого, как просить неприятеля о выдаче мертвых и этим признать свое поражение; это был первый случай, когда спартанское ополчение признавало себя побежденным в большой битве (5 гекатомбеона, в июле 371 г.).

В Спарте теперь призвали к оружию всех граждан моложе шестидесяти лет, и это войско, подкрепленное союзными отрядами, послано было к Истму; так как царь Агесилай все еще был болен, то начальство было поручено его сыну Архидаму. Фиванцы между тем обратились за помощью в Афины и к Ясону из Фер. Однако афиняне очень холодно приняли известие о победе; им достаточно надоела война, и они слишком хорошо понимали, что с победой при Левктрах начнутся в Элладе новые бесконечные междоусобия. Напротив, Ясон тотчас двинулся в Беотию с пятьюстами всадников и тысячью пятьюстами пехотинцев и спустя несколько дней прибыл на поле битвы. Но и он был далек от мысли оказать помощь фиванцам для уничтожения противника; напротив, благодаря его посредничеству заключен был договор, в силу которого пелопоннесцам предоставлено было свободное отступление из Беотии. Архидам дошел уже до Эгосфен у южной подошвы Киферона; теперь он повел разбитую при Левктрах армию и собственное войско обратно в Коринф и там распустил союзные отряды по домам.

На обратном пути в Фессалию Ясон завладел Гераклеей у Эты. Этот город после Анталкидова мира снова подпал под власть Спарты и еще при Левктрах выставил свой отряд; Ясон разрушил городские укрепления и отдал город этеянам, которые с тех пор и владели им. Теперь путь через Фермопилы в срединную Грецию был во всякое время открыт для Ясона. Затем покорена была также Перребия, единственная из смежных с Фессалией областей, сохранившая до сих пор свою независимость; таким образом, Ясон распространил свою власть до границ Македонии, и македонский царь Аминта III поспешил заключить с ним союз.

К следующему году Ясон готовил экспедицию в Дельфы; он хотел принести на Пифийском празднестве велико-

лепную жертву богу, и в Греции носились слухи, что он намерен присвоить себе руководство играми, тем более что как владыка Фессалии он располагал большинством голосов в совете амфиктионов. Многие думали даже, что он хочет завладеть храмовыми сокровищами; одно несомненно — что он собирался сделать решительный шаг для достижения гегемонии в Греции. Но во время смотра в Ферах Ясон пал жертвой заговора, и его широкие планы вместе с ним сошли в могилу. Ему наследовали во владении Фессалией его братья Полидор и Полифрон; спустя короткое время Полидор умер, и виновником его смерти все считали Полифрона. В Фессалии воцарился террор; Полидам из Фарсала, предавший некогда город Ясону, был казнен вместе со многими знатнейшими гражданами, из Ларисы изгнана часть знати. Но уже в следующем году Полифрон был убит своим племянником, сыном Полидора Александром, который затем сам вступил на фессалийский престол (369 г.). Теперь дворянство страны восстало против тирании и призвало на помощь македонского царя Александра II, который только что унаследовал престол своего отца Аминты. Македонский царь действительно изгнал с помощью Алевадов гарнизоны тиранов из Ларисы и Краннона, но затем сам захватил эти города, так что Фессалия только переменила господина или, вернее, приобрела двух господ вместо одного.

Таким образом, Фивы освобождены были от опасности, которая до сих пор грозила им с севера; теперь они могли беспрепятственно приняться за упрочение своего положения в Средней Греции. Уже тотчас после битвы при Левктрах Орхомен принужден был вступить в Беотийский союз; затем заключены были союзы с Фокидой, с Опунтской и Озольской Локридой, с малийцами и эниянцами в долине Сперхея. Эвбейские города также отпали от Афин и примкнули к Фивам, которые таким образом объединили под своею властью всю Среднюю Грецию, исключая Аттику и горные области на западе. Для охраны новых приобретений поставлены были фиванские гарнизоны в крепости Никее у Фермопил и в Эхине на противолежащем северном берегу Малийского за-

лива; таким образом, дорога в Фессалию была открыта для Фив и прегражденa для неприятельских нападений.

Между тем сражение при Левктрах не осталось без влияния и в самом Пелопоннесе. Поражение сильно поколебало авторитет Спарты в глазах ее союзников, и недовольство, порожденное в течение последних лет ее деспотическим правлением, разразилось теперь открытым мятежом. Этим положением дел воспользовались Афины для того, чтобы попытаться заменить спартанскую гегемонию своею собственной. По их приглашению в Афинах собрались делегаты большинства средних и мелких государств Пелопоннеса и заключен был договор, которым Афины и морской союз, с одной стороны, и пелопоннесские государства, с другой, гарантировали друг другу самостоятельность и обещали друг другу помощь на случай неприятельского нападения. Одна только Элида не приняла участия в этом соглашении, так как не были удовлетворены ее притязания на прежние периэкские города; вскоре элейцам действительно удалось подчинить своей власти часть этих общин.

Таким образом, Пелопоннесский союз распался, и всюду на полуострове начала оживать демократическая партия. В Мантинею вернулись эмигранты, и тотчас приступлено было к восстановлению города, чему Спарта была бессильна воспрепятствовать. Из Фигалеи изгнаны были приверженцы Спарты; правда, во время празднования Дионисий они напали на город и произвели резню среди собравшегося в театре народа; однако им не удалось завладеть городом. В Коринфе также произошло восстание демократов; эмигранты двинулись из Аргоса к Коринфу и проникли в город, но здесь вскоре были побеждены. Дело кончилось, разумеется, тем, что все, кого подозревали в сочувствии к демократам, были казнены или изгнаны. Так же безуспешна оказалась попытка демократического восстания и в соседнем Флиунте.

Но нигде взрыв страстей не достиг такой силы, как в Аргосе, древнем центре пелопоннесской демократии. Здесь заподозрили—справедливо или нет, неизвестно, — существование олигархического заговора против действующей конституции; чернь, доведенная подстрекательствами дема-

гогов до неистовства, напала на зажиточных граждан, которые сотнями пали под палочными ударами. Тщетно зачинщики восстания пытались прекратить эти жестокости; толпа вопила о заговоре и убивала тех самых людей, которых до сих пор считала своими вождями. Всего в Аргосе, по преданию, было убито в эти страшные дни 1200 граждан; вся Греция с ужасом следила за этими событиями.

Однако вожди демократии в Аркадии хорошо понимали, что только что приобретенную свободу можно будет сохранить лишь в том случае, если отдельные общины страны соединятся, по примеру Беотии, в один прочный союз. Но из аркадских городов ни один не был настолько значителен, чтобы занять то положение, какое в Беотии принадлежало Фивам; нужно было, следовательно, основать новую столицу для возникающего единого аркадского государства. Для этой цели избрали плодородную юго-западную часть страны, где возвышается гора Ликей, служившая издревле религиозным средоточием Аркадии, но где до тех пор не было ни одного крупного города; территорию нового города должны были образовать области Паррасия и Эвтресия с отрезками соседних округов, а население его должно было составиться из местных жителей, рассеянных по многочисленным деревушкам. Сам город решено было построить в долине верхнего Алфея, вблизи лаконской границы, чтобы он мог вместе с тем служить для Аркадии оградою против спартанских нападений. Кольцом стен была охвачена такая обширная площадь, что город мог вместить очень многочисленное население; этому соответствовало и название, которое должна была носить столица Аркадии, „великий город“, Мегалополь. Она должна была служить резиденцией союзного совета, состоявшего из пятидесяти членов („дамиорги“), которые являлись представителями всех участвующих в союзе общин пропорционально величине каждой; в определенные сроки здесь должны были происходить собрания всех имеющих право голоса аркадских граждан, так называемых „десяти тысяч“, для разрешения важных вопросов и для выбора союзной администрации. Отборный отряд войска, — эпариты, имел назначением охранять страну от внешних врагов и

поддерживать авторитет центрального правительства в случае непокорности какого-либо из членов союза (370 г.).

Такие широкие планы вызвали, разумеется, сильную оппозицию, особенно в некоторых крупных городах, которым приходилось более всего терять от присоединения к Аркадскому союзу. В Орхомене и слышать не хотели об этом предприятии уже из зависти к соседней Мантинее, которая была самой пылкой сторонницей объединения. В Тегее происходила борьба партий; в конце концов дело дошло до уличной свалки, в которой благодаря подоспевшей помощи из Мантинеи победили демократы; противники, числом 800, спаслись бегством через границу Лаконии. Теперь Спарта решила выйти из своего бездействия; удобный повод к этому представляло вмешательство мантинейцев, которое являлось нарушением тегейской автономии. Итак, в Орхомен был отправлен небольшой отряд наемников под начальством Политропа, затем (около середины зимы) царь Агесилай вступил во главе спартанского ополчения в Аркадию, присоединил к себе отряд Гереи и двинулся против Мантинеи. Но тем временем Политроп был разбит при Орхомене аркадским стратегом Ликомедом и сам пал в битве, и когда Агесилай прибыл к Мантинее, здесь оказались сосредоточены все силы Аркадского союза, подкрепленные вспомогательными отрядами из Аргоса и Элиды. Тем не менее враг не решился принять вызов Агесилая; но и Агесилай не был в состоянии принудить неприятеля к сражению и, спустя несколько дней, принужден был уйти обратно в Спарту, ничего не добившись.

Между тем аркадцы и их союзники обратились в Афины и на основании только что заключенного договора потребовали от них союзнической помощи против Спарты. Но в Афинах более не хотели слышать о походе в Пелопоннес; вследствие этого аркадские послы отправились в Фивы, где действительно встретили лучший прием. Для Беотии в ее собственных интересах было крайне важно не допустить восстановления спартанской гегемонии в Пелопоннесе. Ввиду этого, несмотря на позднее время года, тотчас было послано за Истм сильное беотийское войско, подкрепленное

контингентами союзных государств Средней Греции; среди беотархов, руководивших экспедицией, находился и Эпаминонд, победитель при Левктрах.

Когда беотийцы достигли Мантинеи, они не нашли там неприятеля, потому что Агесилай уже раньше ушел назад в Спарту. Таким образом, цель похода была достигнута без битвы, и вожди хотели уже двинуться с армией в обратный путь. Но аркадцы настаивали на том, что следует воспользоваться удобным случаем для вторжения в Лаконию, которая в эту минуту была почти беззащитна, и Эпаминонд с товарищами решились на собственный страх предпринять эту экспедицию, которая, ввиду огромного количественного перевеса беотийцев, обещала верный успех. Действительно, при переходе через горы в долину Эврота они не встретили значительного сопротивления; несколько сот неодамодов и тегейских изгнанников, выставленные на границу, были перебиты аркадцами. И вот, впервые на памяти истории перед Спартою стояло неприятельское войско. В Спарте господствовало, конечно, сильное смятение, и гражданам едва ли удалось бы отстоять открытый город, если бы очень полноводная от зимних дождей река не помешала неприятелю тотчас перейти на правый берег. Правительство решилось дать свободу илотам, и 6000 из них явились на защиту города; но и самое это большое количество могло возбудить опасения. К счастью, вскоре подоспела помощь из Коринфа, Сикиона, Флиунта и городов арголидской Акте́, так что самая страшная опасность была устранена. Правда, неприятель перешел теперь через реку у Амикл и подступил к городу; но на штурм Эпаминонд не решился, а руководивший обороною старый царь Агесилай, конечно, был далек от мысли принять сражение в открытом поле. Поэтому неприятель мог беспрепятственно опустошить богатую страну вплоть до моря и сжечь открытые селения; затем беотийское войско ушло обратно в Аркадию.

Но Эпаминонд лелеял более обширные замыслы. Провозглашенную некогда Спартою автономию отдельных общин он хотел теперь восстановить, обратив против нее самой. С этой целью он двинулся в Мессению, крепостное на-

селение которой еще не забыло своей старой свободы и теперь поголовно восстало против своих спартанских господ. Потомки бежавших в 455 г. за границу мессенцев были призваны назад в отечество; у горы Итомы, этой естественной твердыни в центре страны, была заложена новая столица — Мессена. Периэкские города побережья, как Асина и Кипариссия, правда, остались верны Спарте; все же Спарта потеряла треть своей территории, и эта рана уже никогда не зажила.

Тем временем спартанцы обратились в Афины с просьбой о помощи, и афиняне действительно пришли к убеждению в том, что дольше сохранять нейтралитет невозможно. Спарта нужна была Афинам как противовес против Фив; ввиду этого, по предложению Каллистрата, было решено тотчас послать Ификрата со всем ополчением в Пелопоннес. Он проник до Аркадии, но затем, когда явился из Мессении Эпаминонд, принужден был отступить в Коринф, где в восточной части города на горе Онее занял позицию, преграждавшую доступ к Истму. Однако Эпаминонду удалось прорвать неприятельские ряды и без урона привести свое войско в Беотию (весною 369 г.).

Однако в Пелопоннесе враждебные действия продолжались, ввиду чего Эпаминонд принужден был уже через несколько месяцев предпринять туда новый поход. Дойдя до Истма, он убедился, что перешеек занят сильным афинским и спартанским войском. Дело в том, что оба государства заключили между собою формальный союзный договор на началах полного равноправия, так что обе стороны должны были через каждые пять дней чередоваться в командовании соединенной армией. Однако Эпаминонд и в этот раз прорвал неприятельские ряды, соединился с отрядами своих пелопоннесских союзников — аргосцев, элейцев и аркадцев — и двинулся к Сикиону, который, подобно соседней Пеллене, перешел теперь на беотийскую сторону. Но нападение на Коринф было отражено, и когда вслед затем на помощь спартанцам прибыли от Дионисия, владыки Сиракуз, 20 триер с 2 тыс. кельтских и иберийских наемников, то Эпаминонд счел благоразумным отвести свое войско обратно через

Истм. В Фивах были, разумеется, не особенно довольны скудными результатами похода. Вследствие этого Эпаминонд не был избран в беотархи на следующий год и при представлении отчета о своей должностной деятельности обвинен Менеклидом, главою радикальной демократии, в государственной измене. Судьи, правда, не решились осудить на смерть победителя при Левктрах, как того требовало обвинение; но все-таки Эпаминонд до поры до времени был устранен от дел. Фиванцы вскоре должны были убедиться, что не могут обойтись без него.

Между тем Фивам пришлось вмешаться и в фессалийские дела. Фессалийская знать обратилась к ним с просьбою о помощи против Александра Ферского и Александра Македонского, и правительство послало Пелопида, чтобы он восстановил порядок к северу от Фермопил. Он без боя занял Ларису, потому что перед тем против Александра восстал один из македонских вельмож, Птолемей из Алора, и оба обратились к посредничеству Пелопида. Затем, заключив договор с Александром Ферским, Пелопид пошел дальше в Македонию, где также водворил мир, правда — ненадолго (369 г.).

Ибо тотчас по удалении Пелопида Птолемей убил царя Александра — по соглашению, как говорили, с его матерью Эвридикой, вдовой царя Аминты. Во всяком случае, Эвридика вышла замуж за убийцу своего сына, и Птолемей взял в свои руки управление государством в качестве опекуна младшего брата Александра, Пердикки. В это самое время один из побочных родственников царского дома, Павсаний, заявил притязания на престол и с наемным греческим войском занял округа Анфемунта и Фермы на халкидской границе. Ввиду такой опасности Эвридика обратилась к афинскому стратегу Ификрату, который как раз в это время плыл со своей эскадрой вдоль фракийского берега, направляясь к Амфиполю; благодаря его вмешательству действительно удалось изгнать Павсания из страны. Но Фивы не могли примириться с мыслью, что их влияние в Македонии вытеснено влиянием афинян; поэтому Пелопид снова отправился на север (368 г.) и склонил Птолемея к заключению догово-

ра, в силу которого он обязался выставлять свой контингент в фиванскую армию и в обеспечение своей верности дал заложником, кроме других македонских вельмож, юного брата Пердикки, Филиппа.

Таким образом, преобладающее влияние Фив в Македонии было восстановлено, но тотчас обнаружилось, что Фессалия подчинилась только для вида. Пелопид не догадывался об этом и оказался настолько безрассудным, что отправился в лагерь Александра Ферского, где, разумеется, был задержан в качестве заложника. После этого тиран сбросил маску и открыто перешел на сторону Афин, которые немедленно прислали на помощь ему в Фессалию 30 триер и тысячу человек пешего войска. Это дало возможность Александру разбить беотийскую армию, присланную на выручку Пелопида, и поставить ее в крайне затруднительное положение; войско неминуемо погибло бы, если бы Эпаминонд, который участвовал в походе в качестве подчиненного, в решительную минуту не взял на себя руководства отступлением. Теперь он снова был избран в беотархи и следующей весною во главе нового войска послан в Фессалию; действительно, путем искусных операций ему удалось принудить Александра к заключению договора, причем Фивы снова получили Фарсал и Пелопид был освобожден (367 г.). Однако тиран в общем удержал свои прежние владения; он сохранил власть над Ферами, Магнесией, Фтиотидой и некоторыми соседними городами собственно Фессалии, в особенности Скотуссой. Были приняты меры, чтобы в стране не мог скоро водвориться мир, что вполне соответствовало видам Фив.

Между тем в Пелопоннесе новоустроенный Аркадский союз достиг большого могущества. Душою этой политики был мантинеец Ликомед, происходивший из богатой и знатной семьи и игравший видную роль уже при основании Мегалополя. Он стремился упрочить независимость Аркадии, освободить ее от беотийской опеки, доставить своей стране то положение, на которое давало ей право ее многочисленное и храброе население, и, наконец, привлечь на службу самой родине ту народную силу, которая до сих пор, на службе ли Спарты, или по найму всякого, кто хотел платить,

расходовалась ради чужих целей. И страна восторженно приняла программу своего вождя, который твердой рукой повел ее от победы к победе. Те общины, которые еще противились объединению, как Орхомен и Герея, были силою принуждены к вступлению в союз; северные периэкские города Лаконии до Селласии на юге примкнули к Аркадии; то же сделали Ласион и трифилийские города, которые некогда были освобождены Спартою от элейского владычества и теперь не могли собственными силами защищать свою независимость против своих ненавистных прежних господ. С Аргосом и Мессенией был заключен тесный союз; аркадские войска спасли аргосцев из отчаянного положения, в которое поставили их под Эпидавром наемники афинянина Хабрия и коринфяне; под Асиной в южной Мессении спартанский гарнизон был разбит аркадцами.

Ввиду такого усиления Аркадского союза Спарта принуждена была ограничиваться обороной, и только прибытие весною 368 г. нового вспомогательного отряда от Дионисия дало ей возможность снова перейти в наступление против Аркадии. Спартанцы отняли назад Карии, и Архидаму, который командовал войском вместо своего престарелого отца Агесилая, удалось даже проникнуть до окрестностей Мегалополя. Но как раз в это время Дионисий начал свою последнюю войну с Карфагеном и потому отозвал свой отряд; вследствие этого Архидам принужден был прервать поход. Соединенные аркадские и мессенские силы сделали попытку отрезать врагу отступление, но Архидам и его войска, сражаясь с мужеством отчаяния, проложили себе путь сквозь ряды неприятеля, который был разбит и потерпел большой урон, тогда как из спартанцев, по преданию, не пал ни единый. Эта „бесслезная битва“ произвела, конечно, тем большее впечатление, что это была первая победа, одержанная спартанцами со времени сражения при Левктрах. Спартанское и сиракузское войско было спасено, — других последствий победа не имела.

Потребность в мире сказывалась теперь в Греции все с бóльшей силою; и вот, летом 368 г., в Дельфах собрался конгресс представителей воюющих держав по почину сатрапа

Фригии, Ариобарзана, который для этой цели прислал в Грецию с большой суммой денег своего агента, Филиска из Абидоса. Но так как лакедемоняне не хотели отказаться от Мессении, а беотийцы — бросить на произвол судьбы только что основанное ими же государство, то переговоры не привели ни к чему, и Филиск должен был ограничиться выдачей лакедемонянам субсидии на вербовку отряда наемников. Теперь лакедемоняне отправили посольство в Сузу, и остальные греческие державы — Беотия, Афины, Элида, Аркадия, Аргос — тотчас последовали их примеру. Послы начали взапуски заискивать у персидского царя, и победителем из состязания вышел беотийский посланник, „освободитель" Фив Пелопид. Он добился принятия всех своих требований: Мессения была признана независимой, Трифилия отдана элейцам, Амфиполь объявлен свободным, Афинам приказано распустить их флот. Если бы какое-нибудь государство отказалось принять этот мир, то все остальные державы должны были совместно идти войною на него. Афинский посланник Леонт тотчас заявил протест против этих условий и добился прибавки нового пункта, в силу которого Афинам было предоставлено право предлагать изменения в проекте мирного договора (367 г.).

Теперь надо было позаботиться о том, чтобы этот мир был принят греческими государствами; с этой целью был созван конгресс в Фивах (зимою 367/366 г.). Но здесь фиванцы встретили сопротивление со стороны своих собственных союзников; особенно аркадский делегат Ликомед наотрез отказывался уступить Трифилию. Вследствие этого конгресс кончился ничем; точно так же не удалось фиванцам склонить к согласию отдельные города путем сепаратных переговоров. Попытка Фив получить от персидского царя гегемонию над Грецией потерпела полную неудачу.

Ответом Эпаминонда было новое вторжение в Пелопоннес (366 г.). С помощью аргосцев он проложил себе путь через горные проходы у Коринфа и затем обратился против Ахеи, которая до сих пор держалась нейтрально и которую он теперь без большого труда заставил примкнуть к Фивам. При этом Эпаминонд пощадил существовавшую олигархи-

ческую конституцию; но фиванское правительство взглянуло на это дело иначе: оно послало гармостов в ахейские города, изгнало, опираясь на чернь, большое число наиболее состоятельных граждан и повсюду ввело демократию. В Сикионе олигархия также была низвергнута с помощью аргосцев и аркадцев; один из знатных граждан, Эвфрон, ставший во глав массы, забрал в свои руки управление городом и под прикрытием демократических форм установил настоящую тиранию, причем опорою ему служил наемный отряд в 2000 человек; все его противники были изгнаны и имущество их конфисковано. Наконец аркадцы потеряли терпение; их стратег Эней из Стимфала вступил в город и призвал обратно изгнанников; Эвфрон бежал в гавань, которую выдал теперь лакедемонянам. Впрочем, гавань вскоре была взята сикионцами и аркадцами. Но в Сикионе смуты продолжались, вследствие чего Эвфрону удалось с отрядом афинских наемников проникнуть в город и с помощью демократов снова захватить власть (зимою 366/365 г.); однако в Акрополе удержался фиванский гарнизон. Напротив, Ахею фиванцы вскоре опять потеряли; многочисленные изгнанники вернулись с оружием в руках и приступом взяли города, один за другим. Они, разумеется, тотчас вступили в союз со Спартою, так что аркадцы были теперь с двух сторон стеснены неприятелями. А так как и отношения с Фивами становились все хуже, то Ликомед решил искать сближения с Афинами.

Афинское правительство, ввиду исхода мирных переговоров в Сузе, было готово в случае надобности довести дело до разрыва с Персией. Тимагор, наряду с Леонтом участвовавший в этих переговорах как представитель Афин, был обвинен в принятии взятки от персидского царя, осужден и казнен; обвинение против него было возбуждено его же товарищем по посольству, Леонтом. С Ариобарзаном, сатрапом Фригии, который только что восстал против царя, был заключен союз и в помощь ему послан Тимофей во главе отряда в 8000 человек и флота в 30 кораблей, — правда, с наказом по возможности избегать нападения на земли, несомненно принадлежащие царю. Тимофей обратился прежде всего против Самоса, куда персы несколько лет назад, во-

преки Анталкидову миру, поставили гарнизон, и после десятимесячной осады взял город (весною 365 г.). Часть граждан была изгнана и заменена клерухией афинских граждан. Тем временем в Малую Азию прибыл и царь Агесилай, и Ариобарзану удалось с его помощью одержать верх над царскими полководцами, сатрапом Лидии Автофрадатом и карийским династом Мавсолом. От Тимофея Ариобарзан также получил помощь; в благодарность он уступил афинянам занятые его гарнизонами крепости Сест и Крифоту на фракийском Херсонесе. Ввиду этих событий персидский царь счел нужным снова сблизиться с Афинами. Он формально признал их права на Амфиполь, после чего афиняне поспешили отозвать Тимофея из Азии и поручили ему начальство на македонском побережье.

Здесь уже с 368 г. действовала афинская эскадра под командой Ификрата, присланная для того, чтобы принудить к покорности Амфиполь, который, как мы видели, в 371 г. на мирном конгрессе в Спарте был признан подвластным Афинам (выше, с.169). Задача оказалась трудною, ибо олинфяне тем временем восстановили свой Халкидский союз, уничтоженный было Спартою, и теперь отнюдь не хотели допускать, чтобы Афины снова утвердились в их соседстве. Поэтому они выступили из морского союза и заключили союз с Амфиполем; регент Македонии Птолемей, только что признавший фиванскую гегемонию, также оказал помощь Амфиполю. При этих обстоятельствах Ификрат не мог добиться существенных результатов. Бóльших успехов достиг Тимофей. Он прибыл в Македонию как раз после того, как молодой Пердикка убил своего опекуна Птолемея и сам взял в свои руки бразды правления; чтобы удержаться на престоле, он прибег к помощи Афин. Амфиполя, правда, и теперь не удалось взять; зато Тимофей принудил к вступлению в Афинский союз Метону и Пидну и отнял у халкидцев Торону и Потидею (364—362 гг.). Последняя снова, как во время Пелопоннесской войны, была обращена в аттическую клерухию (361 г.).

Между тем Афины понесли в самой Греции очень чувствительную потерю. Мы знаем, что Эвбея после битвы при

Левктрах отложилась от Афин и примкнула к Фивам; теперь тирану Эретрии Фемисонту удалось овладеть противолежащим Оропом (весною 366 г.). Он сделал это по соглашению с Фивами, и последние немедленно заняли город своим гарнизоном. Ввиду этого Афины потребовали помощи от Спарты и других своих пелопоннесских союзников; но на помощь им не поднялась ничья рука, а одни Афины были слишком слабы, чтобы решиться на войну с Беотией. Таким образом, Ороп остался во власти фиванцев, и только Филипп вернул этот город Афинам.

Этой минутою решила воспользоваться оппозиция в Афинах для нападения на правительство. Каллистрат из Афидны, бывший в течение последних семи лет, со времени отрешения от должности Тимофея, руководящим государственным деятелем, и Хабрий, руководящий военачальник, были преданы суду по обвинению в государственной измене. Обвинителем выступил Леодамант из Ахарн; это был один из лучших ораторов Афин, но во время революции он стоял на стороне олигархов и потому до сих пор не сумел приобрести сколько-нибудь значительного влияния. Рядом с ним поддерживал обвинение Гегесипп из Суния, один из вождей радикальной демократии. Но на этот раз правительству еще удалось отразить нападение; правда, этой победой Каллистрат был обязан главным образом своему увлекательному красноречию.

Около этого времени Ликомед прибыл в Афины и от имени Аркадии предложил союз, который, при раздражении против Спарты, вызванном в Афинах потерею Оропа, и был охотно принят. Правда, Ликомед на обратном пути был убит аркадскими изгнанниками, что было тяжелым ударом для Аркадии, потерявшей в нем своего лучшего человека; но заключенный им союз остался в силе, и Афины были теперь в силу договоров обязаны оказать помощь как аркадцам против Спарты, так и спартанцам против Аркадии.

Чтобы раз навсегда обеспечить себе свободный доступ в Пелопоннес, афиняне задумали овладеть дверьми в Пелопоннес — Коринфом. Это казалось не очень трудным, так как Афины уже много лет держали гарнизон в Коринфе; но

такой вопрос не следовало обсуждать в открытом Народном собрании. В Коринфе тотчас узнали о замыслах Афин; афинянам очень дружелюбно заявили, что город более не нуждается в их услугах, и афинский гарнизон принужден был удалиться. Вскоре Харес явился с эскадрою перед Кенхреями; но было уже поздно, и он принужден был, ничего не добившись, вернуться в Пирей. Но собственными силами защищаться против Фив Коринф был не в состоянии, а Спарта не могла подать ему помощи. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как войти в соглашение с Фивами. Последние сначала потребовали заключения оборонительного и наступательного союза, но в конце концов согласились принять мир на условии сохранения каждою из сторон ее законных владений. Этот договор принял и Флиунт, который в течение последних лет лишь с трудом отражал нападения аргосцев и аркадцев, и городов арголидской Актé.

Таким образом, Эвфрон Сикионский был отрезан от Афин; ввиду этого он решил заключить мир с Беотией и сам приехал в Фивы, где его предложения были приняты, разумеется, с величайшей готовностью. Правда, во время переговоров в открытом заседании совета в Кадмее он был убит сикионскими изгнанниками; но его сын Адеас удержал в своих руках власть над Сикионом, и предложенный Эвфроном союз с Фивами действительно был заключен. Эвфрон был погребен на сикионском рынке и, как второй основатель города, получал героические почести.

Пример, который показал Эвфрон, захватив власть в Сикионе, скоро нашел последователя в соседнем Коринфе. После того как афинский гарнизон удалился из города, Коринф увидел себя вынужденным для охраны своего нейтралитета принять на службу небольшой отряд наемников; начальство над ним было вверено Тимофану, одному из наиболее влиятельных граждан города. Опираясь на это войско и с помощью неимущей толпы, он сделал попытку провозгласить себя тираном, но пал жертвою заговора, во главе которого стоял его собственный брат Тимолеон. Коринфская олигархия была спасена; но общественное мнение, одобрив убийство, с ужасом отвернулось от братоубийцы, и Тимоле-

он на многие годы удалился от общественной жизни, пока наконец вдали от родины нашел то великое поприще, на котором он мог обнаружить свои замечательные военные и политические дарования.

В течение этих лет Фивы воздерживались от вмешательства в пелопоннесские дела, так как их внимание было поглощено более настоятельными задачами. Правда, Беотия была теперь неоспоримо первою сухопутной державою Греции; но Эпаминонд хорошо понимал, что этого мало. Чтобы стать во главе всей нации, Фивы должны были приобрести первенство и на море; надо было, как выразился однажды Эпаминонд в Фиванском народном собрании, „перенести в Кадмею пропилеи афинского Акрополя". И эта цель казалась вполне достижимой. Дело в том, что новый Афинский морской союз, организованный 15 лет назад, начал расходиться по всем швам. Он был создан для совместного противодействия честолюбивым замыслам Спарты; теперь Спарта была обессилена, — зато Афины стали стремиться к восстановлению своего морского владычества, которое они утратили благодаря сражению при Эгоспотамах и потом вторично благодаря Анталкидову миру. Они уже возобновили свою старую колонизаторскую деятельность; именно в это время были посланы на Самос аттические клерухи, и если это мероприятие и не являлось прямым нарушением союзного договора, так как Самос никогда не входил в состав союза, то все-таки дух союзной конституции был нарушен этим новым поворотом в аттической политике, и представлялось несомненным, что сам ход событий будет толкать Афины все далее по этому пути. Если Фивы, Эвбея и фракийские халкидцы уже раньше отпали от Аттического морского союза, то теперь начали подумывать об отложении и те союзники, которые еще оставались верны Афинам. Но их собственных сил было для этого недостаточно; нужна была какая-нибудь другая морская держава, которая могла бы послужить им оплотом, каким во время Пелопоннесской войны была Спарта.

Ввиду этого Эпаминонд решил создать флот. Условия, необходимые для осуществления этого плана, были, казалось, налицо, ибо, хотя Беотия до сих пор никогда не прини-

мала видного участия в греческой морской торговле и, следовательно, не имела ни одного крупного портового города, но она владела обширными и очень расчлененными побережьями у Эврипа и у Коринфского залива, да и Эвбея находилась теперь в зависимости от Беотии. Притом, Беотия уже во время Пелопоннесской войны начала организовывать военный флот и после вступления Фив в Аттический морской союз снова принялась за это дело. Теперь по настоянию Эпаминонда было построено 100 триер, и он сам отправился с этим флотом в Геллеспонт (364 г.). Византия тотчас отпала от Афин и заключила союз с Фивами; Хиос и Родос, оба могущественнейших члена Аттического морского союза, вступили в сношения с Эпаминондом, — даже остров Кеос, лежащий у аттического берега, счел эту минуту благоприятной для восстания против Афин. Здесь, правда, Хабрий вскоре восстановил порядок; в общем же афиняне ограничились тем, что выслали под начальством Лахеса эскадру для наблюдения за Эпаминондом, но вступить с ним в сражение не решились. Эпаминонд также избегал нападений на собственно афинские земли и вскоре вернулся домой; он мог быть доволен пробным плаванием своего молодого флота. Однако тем великим надеждам, которые он связывал с созданием беотийского флота, не суждено было осуществиться, потому что вскоре наступили события, отвлекшие силы Фив совсем в другую сторону, а когда затем Эпаминонд пал при Мантинее, с ним сошли в гроб и его грандиозные планы. Оказалось, что Беотия все-таки была не в силах долгое время нести то финансовое бремя, какое налагало на страну содержание большого флота; таким образом, это первое морское предприятие Фив осталось вместе с тем и последним.

Между тем в Фессалии Александр Ферский снова усилил свою власть. Опираясь на сильное наемное войско, он установил в своей стране террористическое правление; так, однажды, заподозрив верность граждан Скотуссы, он велел созвать их в театр на собрание и здесь приказал своим солдатам перерезать их. Фессалийский союз, который более не мог собственными силами защищаться против своего агрессивного соседа, призвал в посредники Фивы, и в середине

лета 364 г. Пелопид снова двинулся на север. Александр ожидал врага на сильной позиции на высотах Киноскефал между Скотуссою и Ферами, на том самом поле битвы, где спустя два столетия погибла эллинская свобода. После жестокой сечи войска Пелопида приступом взяли неприятельскую позицию; но победа была куплена дорогою ценой: фиванский полководец пал в битве. В следующем году беотийцы прислали в Фессалию новое войско; Александр был вторично разбит и принужден заключить мир, по которому уступил все свои владения, кроме самих Фер и Магнесии, и обязался Беотии военной помощью. Таким образом, в эту минуту вся Фессалия признавала над собою верховную власть Фив.

Смерть Пелопида должна была произвести в Беотии глубокое впечатление. Кажется, что в Орхомене, втором городе страны, начали обнаруживаться сепаратистские стремления; во всяком случае фиванское правительство опасалось восстания и решило предупредить его. Прежде всего на смотре беотийской конницы были захвачены орхоменские всадники и по постановлению Фиванского народного собрания казнены, по обвинению в том, что они, совместно с фиванскими изгнанниками, составили заговор, направленный к ниспровержению господствующей демократии. Затем беотийское союзное войско двинулось против Орхомена, который, будучи предоставлен собственным силам, не мог справиться с могущественным врагом и вскоре должен был открыть ворота. Древний город минийцев был разрушен, граждане его, как изменники, казнены, женщины и дети проданы в рабство. Крик негодования пронесся по всему греческому миру при известии об этих событиях; по преданию, и Эпаминонд осудил это варварство, когда по возвращении из морского похода узнал о нем. Оно не принесло пользы Фивам, потому что Орхомен вскоре возродился из пепла; а позднее оно было сторицей взыскано с потомков тех фиванцев, которые совершили его.

В то время как Фивы воздерживались от вмешательства в пелопоннесские смуты, элейцы решили воспользоваться благоприятной минутой, чтобы вернуть себе свои старые

периэкские города, которые были присуждены им персидским царем, но которые аркадцы отказывались выдать. С этой целью Элида примкнула к спартанской партии в Пелопоннесе и, опираясь на нее, открыла наступательные действия против Аркадии (365 г.). Элейцам действительно удалось посредством неожиданного нападения взять Ласион на плоскогорье Фолоэ; но затем аркадцы сами перешли в наступление, наголову разбили элейцев в одном сражении и завоевали города Элейского нагорья, т.н. Акрореи. После этого победители двинулись к Олимпии, укрепили холм Кроноса, господствующий над святилищем, и заняли его гарнизоном. Соседняя Маргана в Писатиде также перешла на аркадскую сторону, и аркадцы подступили к самой столице Элиде, где кипела распря между демократами и олигархами. Аркадцам удалось проникнуть в открытый город и дойти до рынка, но затем они были вытеснены гражданами обратно. Вследствие этого демократы, в числе четырехсот человек, принуждены были покинуть город; с помощью аркадцев они взяли крепкий Пилос, при слиянии Пенея с Ладоном, и отсюда наводили страх на олигархов в близлежащей столице. Второе нападение аркадцев на Элиду было отбито с помощью ахейцев (364 г.); но богатая Элейская равнина осталась беззащитной и была жестоко опустошена аркадцами. В то же время аркадцы завоевали в Мессении города Кипариссию и Пилос, которые до сих пор оставались верны Спарте. После этого Архидам решил напасть на Аркадию, чтобы дать оправиться элейцам; он взял небольшую крепость Кромнон близ Мегалополя и оставил в ней спартанский гарнизон. Расчет оказался верным; аркадцы тотчас бросили Элиду и принялись осаждать Кромнон. Архидам снова выступил в поход, чтобы выручить крепость; но его атака на неприятельскую осадную линию была отбита, он сам ранен, и множество знатнейших спартиатов легло на поле битвы. Таким образом, Кромнон попал в руки аркадцев; бóльшая часть гарнизона, свыше ста спартиатов и периэков, была взята в плен.

Между тем элейцы снова заняли Пилос и Маргану; но как только сдача Кромнона развязала руки аркадцам, они

снова обратились против Элиды, подкрепленные 2 тыс. гоплитов из Аргоса и четырьмястами афинских всадников. Было как раз время Олимпийских празднеств (364 г.), и аркадцы решили сами руководить играми, чтобы, таким образом, наглядно доказать собравшимся эллинам, что хозяевами в Писатиде являются они, аркадцы. Уже прошли бега на колесницах и большая часть гимнастических состязаний, когда явились элейцы со своими союзниками ахейцами. В святилище произошло сражение; элейцы проникли до середины Альтиды, но не устояли перед более многочисленным неприятелем и принуждены были отступить с большим уроном.

Таким образом, Олимпия, а вместе с нею и храмовые сокровища, остались во власти аркадцев. Их вожди не могли устоять против искушения заплатить из этих средств жалованье войску. Это вызвало в благочестивом населении сильное неудовольствие; Мантинея прямо заявила, что не намерена участвовать в ограблении храма; в конце концов и собрание „десяти тысяч“ в Мегалополе постановило, что впредь никто не должен трогать храмовой казны. А так как других средств не было, то пришлось совершенно прекратить уплату жалованья воинам; вследствие этого под оружием могли остаться только более зажиточные граждане, тогда как бедные принуждены были покинуть войско. Естественным результатом этих условий было то, что в значительной части Аркадии получили перевес зажиточные классы. Теперь было тотчас достигнуто соглашение с Элидой: Аркадия отказалась от Олимпии и от руководства национальным празднеством и за то сохранила трифилийские города.

В Фивах начали теперь опасаться, как бы Аркадия снова не перешла на спартанскую сторону, и решили всеми средствами предупредить опасность. Удобный случай для этого представил, казалось, тот момент, когда знатнейшие люди из всех аркадских городов собрались в Тегее, чтобы клятвенно подтвердить мир с Элидою. В Тегее все еще находился беотийский гарнизон в 300 гоплитов; начальник этого отряда внезапно приказал запереть ворота и арестовать членов всех делегаций, какие были налицо. Но приказание было плохо

исполнено: очень многим удалось вовремя скрыться, а когда мантинейцы энергично заявили протест, беотийский комендант оробел и выдал своих пленников. Аркадцы, конечно, принесли жалобу фиванскому правительству; но Эпаминонд отказался дать им удовлетворение и заявил, что сам отправится в Пелопоннес, чтобы водворить там порядок. Теперь Аркадский союз распался: Мегалополь и Тегея, где еще сохраняла перевес радикальная демократия, остались верны союзу с Фивами, тогда как Мантинея и бóльшая часть прочих городов решили силою оружия воспрепятствовать вмешательству фиванцев в пелопоннесские дела. С этою целью мантинейские аркадцы вступили в союз с Элидой, Ахеей и Флиунтом, и коалиция этих четырех государств в свою очередь заключила союз с Афинами, причем обе договаривающиеся стороны гарантировали друг другу целость своих владений и неизменность своих конституций. Старый союз между Мантинеей и Спартой также был возобновлен, но, разумеется, уже на началах полного равенства, так что верховное начальство должно было принадлежать тому из обоих государств, на территории которого будет вестись война.

Таким образом, когда Эпаминонд летом 362 г., около времени жатвы, переходил Истм, ему предстояла борьба с могущественной коалицией. В то время как неприятели собирались у Мантинеи, он через Аргос двинулся к Тегее и попытался отсюда напасть на Спарту, гражданское ополчение которой под предводительством старика Агесилая в это время находилось на пути в Аркадию. Но Агесилай еще вовремя получил известие о приближении неприятеля, и нападение Эпаминонда снова, как восемь лет назад, было отражено. Вслед затем и союзники подоспели из Мантинеи на защиту Спарты, и так как Эпаминонд не хотел принять сражения в Лаконии, вдали от своего операционного базиса, то ему не оставалось другого выхода, как вернуться в Тегею. Прибыв сюда, он послал свою конницу против Мантинеи, где все население как раз в это время находилось на полях, занятое сбором хлеба и где никто не ожидал нападения. Но и на этот раз его расчет оказался неверным, потому что, когда беотийские и фессалийские всадники подступили к городу, туда

только что прибыла с севера афинская конница, которая немедленно напала на врага и задержала его до тех пор, пока мантинейцы со своими стадами успели укрыться за стенами. Вскоре пришли и афинские гоплиты под начальством Гегесилея, тогда как с другой стороны к городу подступили лакедемоняне и их пелопоннесские союзники, так что вокруг Мантинеи собралось около 20 тыс. человек.

Если Эпаминонд не хотел уйти теперь из Пелопоннеса ни с чем, он должен был решиться на большую открытую битву. Это было ему тем легче, что количественно его войско было по меньшей мере равно неприятельскому, так как, кроме беотийцев, фессалийцев, локрийцев и эвбейцев, которые последовали за ним через Истм, он располагал ополчениями Сикиона, Аргоса, Мессены и Южной Аркадии. Сражение произошло на окруженном горами плоскогорье Мантинеи, где уже однажды, полвека назад, решалась оружием участь Пелопоннеса. Как при Левктрах, Эпаминонд построил своих беотийских гоплитов на левом крыле глубокой колонной, противопоставив их мантинейцам и спартанцам, занимавшим правый фланг неприятельского войска, союзные же отряды поместил в центре и на правом фланге. Неприятель и на этот раз не устоял против могучего натиска фиванцев. Лакедемоняне отступили, но лишь после упорного боя, и сам Эпаминонд, который, стоя в первом ряду, воодушевлял своих солдат, пал, раненый на́смерть, в ту самую минуту, когда победа начала склоняться на сторону беотийцев. Смерть вождя смутила победоносное войско; неприятель успел собраться с духом и удержал часть поля битвы, так что каждая из сторон принуждена была просить противника о выдаче мертвых, и обе могли воздвигнуть памятники победы. Величайшее из сражений, происшедших когда-либо между двумя греческими войсками, не привело ни к какому окончательному результату.

Ввиду такого исхода битвы и ввиду смерти своего лучшего полководца Фивы не могли более думать о покорении всего Пелопоннеса; а враги и вообще взялись за оружие только для обороны своих владений и, отстояв последние, тем самым достигли своей цели. Поэтому обе стороны легко пришли к соглашению. Был заключен всеобщий мир на ус-

ловии сохранения каждой из договаривающихся держав ее автономии и наличных владений; сообразно с этим была категорически признана независимость Мессении, и деление Аркадии на северный союз во главе с Мантинеей и южный во главе с Мегалополем осталось в силе. Только Спарта уклонилась от участия в мире, так как не хотела отказаться от Мессении — не только из политических соображений, но прежде всего потому, что отказаться от Мессении значило бы отказаться от всяких притязаний на ту земельную собственность, которою спартанские граждане владели в Мессении и которая составляла около половины всех их поземельных владений. Таким образом, у истоков Эврота и на Тайгете война продолжалась, и Фивы были принуждены все еще держать отряд войска в Аркадии для защиты своих союзников; но война велась с обеих сторон вяло и ограничивалась опустошением пограничных округов. Во всей остальной Греции воцарился мир, впрочем, лишь на очень короткое время.

Для Фив этот исход борьбы был равносилен поражению; мечта об установлении беотийской гегемонии в Элладе погибла, и Фивы быстро упали с той высоты, на которую поднялись в последние годы. Крушение этих планов было обусловлено не смертью Эпаминонда. Правда, победитель при Левктрах был одним из величайших полководцев своего времени и всех времен вообще; но он не обладал широким кругозором великого государственного деятеля. Он не понял, что Спартанская держава рухнула не вследствие поражения при Левктрах, а потому, что система основанных на гегемонии союзов отжила свой век. Поэтому все его усилия были направлены к тому, чтобы доставить Фивам то самое положение, которое до сих пор занимала Спарта. И для достижения этой цели он пользовался теми же средствами, какие употребляла Спарта: союзом с Персией, политической пропагандой, военной оккупацией стратегически важнейших пунктов, наконец, и прежде всего — правилом *divide et impera (разделяй и властвуй)*. В Пелопоннесе он содействовал основанию Мегалополя и восстановил Мессену, чтобы создать противовес Спарте, — и вполне достиг своей цели. По-

луостров, который некогда являлся твердыней Эллады, о который разбились волны персидских нашествий, распался теперь на два равносильных и взаимно грозящих друг другу лагеря и уже никогда более не приобрел руководящего влияния на греческую политику. Не Эпаминонд был виновником политического обессиления Фессалии, но он ничего не сделал, чтобы предотвратить его; напротив, он пощадил тиранию в Ферах, как противовес против ларисских Алевадов. Наконец, только преждевременная смерть помешала ему сокрушить и морское владычество Афин и на место едва лишь восстановленного порядка водворить на Эгейском море дикий хаос. Правда, он сумел этими средствами на минуту доставить Фивам первое место среди греческих государств. Мысль о том, достанет ли сил у Фив нести на себе колоссальное бремя созданной им державы, по-видимому, совсем не приходила ему в голову, — по крайней мере он не принял никаких серьезных мер, чтобы снабдить эту державу более широким фундаментом, чем тот, который представляла Беотия. Мало того, он не сумел даже сплотить в одно целое с Фивами второстепенные города Беотии; что же касается внебеотийских союзников, то он даже не сделал попытки органически связать их с Фивами. Еще ему самому, во время его последней экспедиции в Пелопоннес, фокейцы отказали в военной помощи на том основании, что они-де обязаны поддерживать Фивы против неприятельских нашествий, но не обязаны принимать участие во внешних походах. Когда затем престиж Фив был поколеблен поражением при Мантинее, — повсюду начались отложения, и могущество Фив рухнуло почти так же, как рухнуло могущество Спарты после поражения при Левктрах. Так осудила история политическую деятельность Эпаминонда.

ГЛАВА VII

Распадение великих держав Эллады

Из двух держав, которые по Анталкидову миру разделили между собою владычество над греческим Востоком, одна — Спарта — пала, сокрушенная могуществом демократической идеи и магической формулой „автономия отдельных государств“, которую она сама произнесла в надежде, раздробив нацию, тем легче властвовать над нею. Одну минуту казалось, что и другой из тех двух держав — персидской монархии — грозит такая же участь. Правда, Кипр был возвращен к покорности, и восстание, которое пытались вызвать в Ионии Глос и Тахос, прекратилось само собой. Но Египет — самая богатая и самая важная из береговых провинций — все еще сохранял свою независимость, и Артаксеркс II справедливо считал покорение этой страны самой важной своей задачей. Оно казалось тем более легким, что в последние годы Кипрской войны Египет был ослаблен смутами из-за престолонаследия, тогда как Персия после подчинения Эвагора могла употребить все свои силы на экспедицию в Нильскую долину.

Ввиду этого царь добился в Афинах отзыва Хабрия, который после Анталкидова мира вступил в службу египетского царя и преобразовал его войско, а главное — посредством обширной системы укреплений оградил страну против неприятельских нашествий. Близ Аки в Финикии было собрано огромное персидское войско под командою Фарнабаза, начальство над греческими наемными войсками, состоявшими, по преданию, из 12 тыс. человек, было вверено самому знаменитому полководцу того времени, Ификрату, которого Фарнабаз выпросил себе у царя в товарищи. Наконец, после многолетних приготовлений, в начале 373 г. армия выступила в поход. Персы благополучно достигли Пелусия у восточного устья Нила, однако не решились атаковать сильные неприятельские окопы. Поэтому часть персидского флота передвинулась вдоль берега к мендесийскому устью и здесь высадила на берег отряд в 3000 человек; подоспевшие на

помощь египетские войска были отбиты, и крепость, прикрывавшая устье реки, взята штурмом. Затем Ификрат предложил немедленно подняться вверх по Нилу до Мемфиса и посредством внезапного нападения взять слабозащищенную столицу, что́, вероятно, имело бы решающее значение. Но Фарнабаз не хотел и слышать о столь смелом предприятии; напротив, он велел привести главную армию и тем дал египтянам время со своей стороны занять войсками опасные пункты. Таким образом, дальнейшее наступление было отрезано персам, и так как вскоре наступило разлитие Нила, то им не оставалось ничего другого, как вернуться в Сирию. Ификрат, опасаясь сделаться козлом отпущения за неудачу похода, бежал в Афины, где тотчас был избран в стратеги.

Эта новая неудача в борьбе против Египта, естественно, должна была отразиться и на самой Персии. Спустя немного лет в нижних провинциях государства один за другим восстал целый ряд сатрапов. Первым возмутился Датам, наместник Каппадокии, знаменитый полководец, подчинивший своей власти и Пафлагонию, и греческий город Синоп (выше, с.130), за ним — Ариобарзан, сатрап Фригии на Геллеспонте. Тщетно сатрап Лидии Автофрадат во главе большого войска пытался вернуть Датама к покорности; не одолев его, он обратился против Ариобарзана, но и последнему удалось с помощью афинян и спартанцев дать отпор царскому военачальнику (выше, с.185). После этого мятеж стал быстро распространяться в Передней Азии. К восстанию примкнули Оронт, сатрап Эолиды и Ионии, Мавсол, владыка Карии, под конец даже сам Автофрадат, равно как горные племена в южной части полуострова от Ликии до Киликии и финикийские города. Почти вся часть Азии, лежащая по сю сторону Евфрата, была потеряна для персидского царя.

Мятежники тотчас завязали сношения с царем Тахосом, который около этого времени сменил Нектанеба I на египетском престоле, и фараон с радостью ухватился за представившийся ему здесь случай нанести решительный удар Персии и тем упрочить независимость своего государства. Спарта также примкнула к коалиции, и старый царь Агесилай с тысячью человек отправился в Египет (361 г.). Афины хотя и

не стали открыто на сторону Египта, однако не запретили Хабрию снова принять службу в Египте, где Тахос назначил его начальником флота.

Тахос и Агесилай двинулись в Сирию, чтобы поддержать восставших сатрапов. Но едва они пришли в Финикию, как в египетском войске вспыхнул мятеж, и Нектанеб, двоюродный брат Тахоса, был провозглашен фараоном. Агесилай, от чьего поведения теперь все зависело, не имел никакой надобности навязывать царя египтянам против их воли; притом, он был раздражен против Тахоса, так как последний не вверил ему начальства над всей армией. Поэтому он стал на сторону Нектанеба, и всеми покинутому Тахосу не оставалось ничего другого, как бежать к царю Артаксерксу II. Он встретил там хороший прием: такой претендент мог оказать большие услуги в борьбе с Египтом.

Но тем временем в Мендесе, в египетской Дельте, был провозглашен новый фараон, приобретший вскоре большое число приверженцев; ввиду этого Нектанеб II принужден был прервать свой поход и вернуться в Египет. Вследствие громадного численного перевеса неприятеля он вскоре попал здесь в очень затруднительное положение и только благодаря искусной тактике Агесилая и храбрости своих греческих войск сохранил трон. При этих условиях, конечно, нельзя было и думать о возобновлении наступательных действий против Персии; поэтому Агесилай не пожелал долее оставаться в Египте и, получив от Нектанеба щедрое вознаграждение, отплыл домой. Но ему более не было суждено увидеть родину. На пути в Кирену, близ гавани Менелая у северного берега Ливии, престарелый царь был застигнут смертью, на 84-м году своей жизни. По древнему обычаю труп его был набальзамирован и привезен в Спарту, где погребен в семейной усыпальнице Эврипонтидов.

Между тем коалиция сатрапов распалась так же быстро, как и образовалась, потому что все эти наместники были в сущности верноподданными персидского царя, которым мысль о приобретении самостоятельной власти была совершенно чужда и которые взялись за оружие только для защиты своих действительных или мнимых прав, или для собст-

венного спасения. Та же лояльность господствовала, конечно, — и еще в большей степени — среди знатных персов, которые окружали сатрапов; поэтому царь легко мог привлечь на свою сторону часть мятежников или восстановить против них их собственных товарищей. Вспыхнувшая в Египте междоусобная война должна была ускорить катастрофу, так как лишила мятежников их главной опоры. И вот Реомифр дал царским полководцам случай захватить военные корабли и деньги, которые он получил от Тахоса для поддержки мятежных сатрапов. Оронт, избранный сатрапами в главнокомандующие, со всем своим войском передался царю. Даже собственный сын Ариобарзана, Митридат, изменил делу своего отца; он убил Датама, лучшего полководца восставших, сумевшего до сих пор отразить все нападения, а затем выдал и Ариобарзана царю, который велел распять его. После этого остальные сатрапы поспешили изъявить покорность и за то были утверждены в своих званиях; Артабаз, командовавший царским войском в войне с Датамом, получил сатрапию Ариобарзана, Малую Фригию, на которую и без того имел право как сын Фарнабаза. Власть персидского царя была снова утверждена во всей Азии (360 г.).

Афины не вмешивались в эту борьбу. Они были дружны с Ариобарзаном и Египтом, но находились в довольно хороших отношениях и с персидским царем, с тех пор как он признал права Афин на Амфиполь; а главное, внимание Афин все еще было всецело занято греческими делами. Правда, смерть Эпаминонда при Мантинее избавила Афины от их опаснейшего врага, и с тех пор ни одна фиванская эскадра более не показывалась на море; но союзник Фив Александр Ферский один продолжал морскую войну с Афинами, и если он и был слишком слаб, чтобы причинять много вреда, то все-таки его смелые грабительские походы стали сильно докучать афинянам. Так, вскоре после битвы при Мантинее его флот напал на остров Тенос и увел часть его жителей в плен (август 362 г.); в следующем году он высадил отряд своих наемников на остров Пепарефос, лежащий напротив берега Магнесии, и приступил к осаде главного города. Афиняне послали эскадру на помощь союзному острову, но

Александр неожиданно напал на нее, нанес ей полное поражение и захватил шесть триер с шестьюстами пленников. Затем он направился к Пирею, где никто не ждал нападения; он беспрепятственно проник в гавань, разграбил банкирские конторы на базаре и прежде, чем подоспела помощь из города, удалился со своей добычей. После этого афиняне заключили союз с фессалийцами, которые также вели войну с Александром (361/360 г.). Однако и теперь не удалось одолеть Александра, и он сохранил свою власть, пока в 358 г. по наущению своей жены Фебы, дочери Ясона, не был убит ее братьями Тисифоном, Ликофроном и Пифолаем, которые и захватили господство над Ферами.

Во Фракии афинское оружие в эти годы также терпело неудачу за неудачей. Там громадное царство одрисов со времени Пелопоннесской войны постепенно пришло в упадок. Царь Ситалк (см. выше, т. I, с.417) в 424 г. пал в битве с трибаллами на нижнем Дунае; его наследник Севт I вначале сохранял державу в прежнем объеме, но уже при нем или по крайней мере тотчас после его смерти вспыхнули внутренние смуты, следствием которых было распадение монархии на ряд мелких государств. Дикие трибаллы, пользуясь слабостью своих южных соседей, предпринимали опустошительные набеги до берегов Эгейского моря; во время одного из таких нашествий бóльшая часть граждан Абдер, выступивших в поле для защиты своей области, была перебита варварами, и только появление афинского флота под начальством Хабрия спасло город от гибели (375 г.). Наконец, царю Котию I (384—360 гг.) удалось снова объединить страну, главным образом благодаря поддержке афинянина Ификрата, которому он отдал в жены свою дочь. Впрочем, и Котию в продолжение всего его царствования приходилось бороться с мятежами.

Дружеские отношения с Афинами, существовавшие уже при Ситалке, продолжались и при его преемниках до тех пор, пока Тимофей занял Сест, на который заявлял притязания и Котий. Дело дошло до войны, и вначале Ификрат командовал флотом своего тестя; но затем он покинул Фракию, не желая сражаться против своих сограждан. Несмотря на

это, Котию удалось овладеть важным Сестом (в начале 360 г.); афиняне удержали на Херсонесе только Элей и Крифоту.

Не бóльшим успехом увенчались военные действия афинян против Амфиполя. Македонский царь Пердикка уже достаточно окреп, чтобы более не нуждаться в поддержке афинян; поэтому он взял Амфиполь под свою защиту и послал туда гарнизон. При этих условиях преемнику Тимофея в командовании на этом побережье, афинскому стратегу Каллисфену, не оставалось ничего другого, как заключить мир с Пердиккою на условиях сохранения каждою из сторон ее наличных владений. Но Афинское народное собрание отвергло этот договор, и Тимофей снова двинулся в Македонию, но попал перед Амфиполем в такое затруднительное положение, что принужден был снять осаду и сжечь свой флот на Стримоне (360 г.).

Эти неудачи были вполне естественны, так как афиняне вели войну с крайне недостаточными средствами; но ответственность пала, конечно, на полководцев, и последовал ряд процессов. Несчастные стратеги один за другим были преданы суду, и большинство из них присуждено либо к большим денежным штрафам, либо даже к смерти; только Тимофея обвинители не решились тронуть, а Ификрат в эти годы благоразумно держался вдали от Афин. Зато Каллистрат попал в число подсудимых. Правда, он не принадлежал к числу военачальников, но он был одним из руководящих политических деятелей, и, как раньше потеря Оропа, так теперь были поставлены ему в вину военные неудачи. Он был самым замечательным оратором тогдашних Афин; но ввиду господствующего раздражения он не решился защищаться и изгнанником удалился в Македонию (361 г.). Оттуда он уже ближайшей зимою сделал попытку вернуться в Афины, с помощью своего шурина Тимомаха, командовавшего в это время афинской эскадрой во фракийских водах; однако эта попытка не удалась и привела лишь к тому, что и Тимомах подвергся изгнанию. Но спустя несколько лет Каллистрат действительно осуществил свой план: один, как просящий защиты, пришел он в Афины и сел у алтаря двенадцати бо-

гов. Но ни одна рука не поднялась для его спасения; судебный приговор вступил в силу, и великий государственный деятель был казнен.

Обвинителями во всех этих процессах выступали, разумеется, преимущественно молодые адвокаты, как Гиперид из Коллита, блестящий оратор, добывший при этом случае свои первые лавры. Но почин, по крайней мере в процессе против Каллистрата, исходил, без сомнения, от Тимофея, мстившего Каллистрату за то обвинение, благодаря которому он 12 лет назад лишился своего руководящего положения. Во всяком случае руководителем афинской политики в ближайшие годы был Тимофей. Ему главным образом были обязаны Афины возвращением Эвбеи, которая после сражения при Левктрах примкнула к Фивам, а теперь снова прибегла под защиту Афин (357 г.). По предложению Тимофея на остров тотчас было послано войско, беотийские отряды изгнаны, и Эвбея снова принята в Афинский морской союз.

Столь же важные успехи были достигнуты вскоре после этого и во Фракии. Здесь царь Котий в 360 г. был убит, и в стране одрисов вспыхнула распря за престолонаследие. Против законного наследника, Керсоблепта, сына убитого царя, выступили претендентами два принца из царской фамилии, Амадок и Берисад; и хотя начальник наемных войск Котия, Харидем, спас престол сыну своего господина, но принудить к покорности двух других принцев он оказался не в силах. В конце концов состоялось соглашение, по которому государство было разделено между всеми тремя претендентами: Керсоблепт получил область на Пропонтиде и долину Гебра, Амадок — побережье от Эна до Маронеи, Берисад — остальную часть страны до македонской границы; Херсонес был присужден Афинам, за исключением Кардии, которая должна была остаться независимой. Но так как афинского флота не было налицо, то Керсоблепт отказался выдать Херсонес. Только теперь афиняне взялись за дело серьезно. Тотчас после покорения Эвбеи в Геллеспонт было послано наемное войско под начальством Хареса, Сест был взят штурмом, граждане его в наказание за измену и для устрашения других казнены, а женщины и дети проданы в рабство. Эта

мера подействовала; Керсоблепт формально уступил Херсонес, земли которого были розданы афинским клерухам (357 г.).

Около этого же времени в Македонии произошли события, сделавшие достижение той цели, к которой Афины стремились уже десять лет, — именно возвращение Амфиполя — по-видимому, вопросом самого близкого будущего. Царь Пердикка III пал в большой битве с иллирийцами (359 г.), и значительная часть Верхней Македонии попала в руки варваров. Северные соседи Македонии, пеонийцы, воспользовались удобным случаем для опустошительного набега. После этого отовсюду появились претенденты на вакантный престол, потому что законный наследник, сын Пердикки Аминта, был еще ребенком. Павсаний, который уже десять лет назад оспаривал власть у Птолемея Алорского, попытался теперь осуществить свои права с помощью фракийского князя Берисада; Архелай, сводный брат Пердикки, заставил своих приверженцев провозгласить себя царем; кроме того, и Аргей пытался, опираясь на афинян, снова овладеть страною, над которой он некогда, во времена Аминты, властвовал два года.

Среди таких критических обстоятельств младший сын Аминты, двадцатичетырехлетний Филипп вступил в управление государством, в качестве опекуна своего племянника. С большим искусством он сумел постепенно избавиться от всех своих противников. Пеонийцев он посредством денежного вознаграждения побудил удалиться из Македонии и тем же способом склонил Берисада к тому, чтобы он отказался от своего протежé Павсания. Архелай, имевший, по-видимому, мало приверженцев, был схвачен и казнен. Оставался один Аргей — благодаря своему союзу с Афинами самый опасный из противников. Ибо афиняне, хорошо понимая, какое важное значение имеет для них исход македонской усобицы, прислали на помощь Аргею сильную эскадру под начальством стратега Мантия, которая высадила в Метоне 3000 наемников. С этим войском Аргей двинулся к Эгам, древней столице государства, и предложил гражданам отложиться. Но город остался верен Филиппу; Аргей принужден

был вернуться на побережье, был при этом разбит Филиппом и должен был сдаться. После этого Филипп стал прилагать все усилия, чтобы прийти к соглашению с Афинами. Он уже раньше вывел свой гарнизон из Амфиполя, а теперь отказался от всяких притязаний на этот город и без выкупа отпустил на родину афинян, взятых в плен вместе с Аргеем. Действительно, вскоре был заключен мир; афиняне возобновили союз с Македонией, и в договор был включен тайный параграф, по которому Филипп обещал доставить афинянам Амфиполь, за что они в свою очередь гарантировали ему владычество над Пидной, издревле принадлежавшей к македонской монархии, а теперь находившейся в союзе с Афинами.

Таким образом, Филипп развязал себе руки и мог сосредоточить свое внимание на борьбе с варварами. Первыми были усмирены пеонийцы; затем очередь дошла до иллирийцев, которые все еще занимали часть Верхней Македонии. В большом сражении победа досталась Филиппу; иллирийский царь Бардилис пал, и с ним, по преданию, 7000 человек. Македония была избавлена от врага, и завоевана вся страна до озера Лихнитиды (358 г.). Этот удар сокрушил могущество иллирийцев, хотя война продолжалась затем еще несколько лет.

Теперь Филипп мог обратить свое оружие против Амфиполя (357 г.). Халкидцы были недостаточно сильны, чтобы оказать союзному городу деятельную помощь, и Амфиполю оставался выбор только между подчинением Афинам или Македонии. Он выбрал первое; казалось, что добыча, из-за которой афиняне так долго боролись, достанется им теперь без труда. Но как раз в эту минуту, ввиду положения дел на Геллеспонте, явилась настоятельная необходимость отправить туда афинскую эскадру (выше, с.204); между тем Филипп признал права афинян на Амфиполь, а теперь вдобавок дал обещание завоевать город для Афин. Полагаясь на это обещание, Афины отвергли мирные предложения Амфиполя и отправили Хареса с флотом не в Македонию, а против Керсоблепта. Таким образом, Филипп мог без помехи довести осаду до конца. Город был взят приступом, но победитель явил великодушие; Амфиполь принужден был снова

впустить к себе македонский гарнизон, но сохранил свою общинную автономию, и только вожди враждебной Филиппу партии должны были удалиться в изгнание.

Филипп был, разумеется, далек от мысли сдержать свое слово и выдать важный пункт Афинам. Афины ответили объявлением войны, но Филиппа это не могло беспокоить, так как в это время внимание Афин было поглощено другим предприятием и они не имели никакой возможности послать в Македонию сколько-нибудь значительные военные силы. Филипп без больших усилий взял Пидну; затем он заключил союз с халкидцами против Афин, причем уступил им округ Анфемунта, на который они издавна заявляли притязания, и обещал им свою помощь для возвращения Потидеи. Этот город действительно вскоре попал в руки Филиппа; он был разрушен, область его отдана олинфянам, а афинские клерухи невредимыми отпущены на родину (356 г.).

Между тем Филипп из-за обладания Кренидой на золотоносном Пангее принужден был начать войну со своим соседом, фракийским князем Кетрипорисом, и его братьями, которые только что унаследовали престол после своего отца Берисада. Кетрипорис обратился к Афинам, и был заключен союз, к которому примкнули старые враги Филиппа, пеонийский царь Липпей и иллирийский царь Граб (июль 356 г.). Но прежде чем подоспела помощь из Афин, Филипп сокрушил своих противников одного за другим; Липпей должен был признать над собою верховную власть Филиппа и правил отныне как его вассал; иллирийцы были разбиты полководцем Филиппа Парменионом в большом сражении; Кетрипорис был принужден отказаться от своих притязаний на Кренид у и уступить Македонии страну до Неста. Кренида была усилена новыми колонистами и названа по имени македонского владыки Филиппами, — первый пример этого рода, который мы встречаем в греческой истории. Золотые рудники близлежащих гор разрабатывались отныне в пользу Македонии и составляли один из главных источников дохода царской казны. После всех этих успехов Филипп решил, наконец, устранить своего молодого племянника Аминту и самому принять царский титул. Аминта был настолько бла-

горазумен, что без сопротивления покорился неизбежному; позднее Филипп дал ему в жены свою дочь Кинану, и пока дядя был жив, Аминта не пытался предъявлять свои права на престол.

В то время как Филипп на македонском побережье отнимал у Афин один город за другим, на востоке явился у Афин новый, и в данную минуту гораздо более опасный противник. Воинственное племя карийцев благодаря своей политической раздробленности долго оставалось бессильным; оно не сумело отразить от своих берегов греческих поселенцев и затем без труда было покорено сначала лидянами, потом персами. Но с течением времени греческая культура проникла и внутрь страны; уже в IV веке Кария была в общем эллинизирована и греческий язык являлся господствующим языком в важнейших городах, как Траллес и Миласа. Вследствие этого и здесь, как во всем греческом мире, начало обнаруживаться стремление к более тесному сплочению изолированных общин, и таким образом князю Миласы Гекатомну после падения Тиссаферна (395 г.) удалось соединить под своей властью всю страну. Персидский царь признал объединение, которому в трудные дни Коринфской войны все равно не мог бы воспрепятствовать, и пожаловал Гекатомну титул сатрапа, перешедший после смерти Гекатомна (около 377 г.) к его старшему сыну Мавсолу.

Первой мыслью карийских князей было, разумеется, овладеть греческими прибрежными городами, и Анталкидов мир, лишивший азиатских греков поддержки метрополии, облегчил им осуществление этих замыслов. Галикарнас и, вероятно, также ближний Ясос были покорены, по-видимому, уже Гекатомном; во всяком случае, его сын Мавсол владел обоими городами. То же самое относится, вероятно, и к Книду. Что касается Милета, то Мавсол долго без успеха пытался овладеть им и в конце концов, по-видимому, овладел; но сильный Эфес он не сумел завоевать. Зато ему удалось распространить свою власть на Ликию, граничившую с Карией на востоке. Теперь его государство занимало территорию более чем в 25 тыс. км, т.е. по протяжению было приблизительно равно сицилийскому государству Дионисия или

Второму Афинскому морскому союзу в его наибольшем объеме; притом, старые культурные области, из которых состояла его монархия, были, без сомнения, очень густо населены, и финансовые ресурсы страны были почти неисчерпаемы. Таким образом, Кария, с точки зрения греческих отношений того времени, была великой державой, которая смело могла выдержать сравнение со всяким другим государством, исключая, разумеется, персидскую монархию, да еще разве Египет.

Правда, Мавсолу приходилось бороться со множеством затруднений, как внутри своего государства, так и вне его. Ибо и в Карии существовала сильная республиканская партия, готовая воспользоваться всяким поводом, чтобы свергнуть правящую династию и восстановить автономию общин, и не понимавшая того, что при данном положении вещей Карии оставался выбор только между туземным государем и персидским сатрапом. Но эта оппозиция сама по себе была не очень опасна; все зависело от отношений к персидскому царю. Однако Гекатомн и Мавсол умели путем искусной дипломатии обходить те подводные камни, о которые разбился Эвагор; они не скупились на внешние доказательства своей покорности, аккуратно вносили дань и в случае надобности предоставляли в распоряжение царя свой флот, но в прочем вели вполне самостоятельную политику. Только раз, во время великого восстания сатрапов, Мавсол поддался искушению открыто возмутиться против своего сюзерена; но все-таки ему удалось еще вовремя заключить мир с царем и спасти свою власть. Как раз в годы, следовавшие за восстанием, Карийское княжество достигло наибольшего расцвета.

Карийцы издревле были искусными мореходцами; поэтому Мавсол, как и его отец Гекатомн, считал необходимым для упрочения своего могущества создание сильного флота. С этой целью Мавсол перенес свою резиденцию из лежащей внутри страны Миласы в Галикарнас, который благодаря возведению целого ряда великолепных построек превратился в один из самых блестящих городов греческого мира. На небольшом острове Зефирие, лежащем впереди города, была заложена царская резиденция; вблизи нее находи-

лась защищенная стенами военная гавань, на другой стороне — гавань для торговых судов и на прилежащем берегу — рынок. Отсюда город поднимался амфитеатром в горе; с западной стороны над ним возвышалась крепость Салмакида; против неприятельских нападений он был защищен мощными стенами. На половине высоты над гаванью возвышалась великолепная усыпальница царской фамилии, одно из знаменитейших чудес греческого искусства. Население шести окрестных городков было переселено в Галикарнас, который вскоре занял положение первоклассного города.

Но чтобы стать хозяином у себя дома, Мавсолу необходимо было завоевать предлежащие карийскому берегу острова. Кос отстоит от Галикарнаса едва на 20 км и господствует над его гаванью и вообще над входом в Керамийский залив; поэтому властители Галикарнаса уже в начале V века стремились овладеть этим островом и на некоторое время присоединили его к своим владениям. Затем Гекатомн возобновил эти попытки, но добился лишь того, что эти острова бросились в объятия Афин. Его сын Мавсол искуснее принялся за дело. Он понимал, что бороться с флотом Афинского морского союза ему не под силу; поэтому необходимо было воспользоваться накопившимся за последние годы недовольством афинских союзников и оказать сепаратистским стремлениям островов ту поддержку, которой они со времени битвы при Мантинее не находили более в Фивах. При этом Мавсолу пришлось очень на руку то, что на Родосе, Косе и Хиосе демократические правительства посредством систематического угнетения состоятельных классов возбудили в них страстную жажду политического переворота; но олигархическая революция была возможна только в том случае, если бы удалось оторвать острова от Афин. С другой стороны демократы, ослепленные своим партикуляризмом, не были в состоянии заметить грозившую им опасность; и вот, как только Афины покорили Эвбею и Херсонес, решено было приступить к делу. По наущению Мавсола Хиос, Родос и Кос заявили о своем выступлении из Афинского морского союза; Византия, опасаясь за только что добытую ею независимость, примкнула к сепаратному союзу (осенью 357 г.).

Афины решили всеми силами отстоять целость морского союза, на котором покоилось их значение как великой державы. Харес получил приказание вести свой флот к Хиосу, и туда же была отправлена из Афин другая эскадра под начальством Хабрия. Город Хиос был заперт с суши и с моря; но нападение на гавань, произведенное Хабрием, было отражено осажденными, причем знаменитый полководец и сам пал, храбро сражаясь.

После этого пришлось снять осаду Хиоса, и союзники в свою очередь перешли в наступление. Они собрали флот в 100 триер, опустошили острова Лемнос и Имброс и приступили к осаде Самоса, важнейшего внешнего владения Афин. Харес, располагая всего шестьюдесятью кораблями, принужден был оставаться безучастным зрителем; ввиду этого афиняне снарядили новый флот в 60 триер и во главе его поставили обоих лучших полководцев этого времени, Ификрата и Тимофея (середина лета 356 г.). Афины имели теперь на море 120 триер — сила, какою они не располагали со времени битвы при Эгоспотамах. Ближайшая цель — освобождение Самоса от осады — действительно была достигнута, но тем и ограничились успехи похода. Попытка овладеть Византией ни к чему не привела; затем афинские полководцы снова обратились против Хиоса, и здесь, в проливе, отделяющем остров от близкого материка, у Эмбаты в эретрийской области, встретили весь неприятельский флот. Море было бурно в этот день, и Ификрат с Тимофеем при таких условиях не хотели рисковать битвой; Харес требовал нападения, но, покинутый своими товарищами, принужден был с уроном прекратить уже начатую битву.

Известие об этих происшествиях вызвало в Афинах сильное возбуждение. Чем смелее были надежды, которые афиняне возлагали на действия громадного флота под командою таких полководцев, как Ификрат и Тимофей, тем сильнее должно было быть теперь разочарование, когда оказалось, что действительность не оправдала этих надежд. Чем можно было объяснить эту неудачу, как не тем, что полководцы были подкуплены врагом? Ификрат, Тимофей и сын Ификрата Менесфей, командовавший рядом с отцом, были

отставлены от должности и вызваны в Афины для представления отчета.

Смещенных военачальников привлек к суду Аристофон из Азении. Он некогда был товарищем „освободителя“ Фрасибула и являлся, может быть, единственным участником тогдашней борьбы, принимавшим теперь участие в политической жизни; позднее он примкнул к Каллистрату, затем был вовлечен в ту серию процессов, которая привела к низвержению этого деятеля, и лишь с большим трудом избег смертного приговора. Харес также употребил все свое влияние, чтобы погубить своих товарищей по командованию флотом, потому что он сам мог избегнуть ответственности только в том случае, если бы ему удалось всю вину свалить на них. Обвинение, по крайней мере в главном, достигло своей цели. Правда, Ификрат и Менесфей были оправданы, но Тимофей, политически самый видный из обвиняемых, был признан виновным в принятии подкупа от хиосцев и приговорен к штрафу в 100 талантов. Он был одним из богатейших людей в Афинах, но его состояния далеко не хватало на покрытие такой суммы, и старый полководец должен был удалиться изгнанником в Халкиду, где вскоре и умер. Так кончил жизнь сын Конона, человек, которому, наряду с Каллистратом и Хабрием, Афины более всего были обязаны восстановлением своего владычества на море. Как ни были велики его военные дарования, но своими успехами он был обязан более своей дипломатической ловкости, чем оружию; возможно, что и в войне с Хиосом он доверился этому своему искусству и потому вел войну с меньшей настойчивостью, чем следовало с чисто военной точки зрения. Но невозможно сомневаться в том, что его осуждение было незаслуженно; афиняне сами вскоре сознали это и после смерти Тимофея сбавили его сыну Конону цифру штрафа до десяти талантов.

Харес был назначен теперь единоличным начальником флота; но это не улучшило положения. Дело в том, что финансовые силы Афин были вконец истощены большими снаряжениями последних лет; чтобы флот не распался, Харес должен был сам добыть необходимые средства. И как раз

теперь удобный случай к этому представляли вновь вспыхнувшие в прибрежных провинциях Персидского царства внутренние смуты.

Престарелый царь Артаксеркс II умер в 358 г. после 46-летнего царствования. Ему наследовал его сын Ох или, как он отныне стал называться, Артаксеркс III, восточный деспот, не знавший пощады в своей жестокости, который, однако, именно поэтому был наиболее пригоден для того, чтобы снова укрепить колеблющуюся державу. Он начал с того, что для упрочения своего престола казнил большое число своих родственников, — прием, который восточные владыки практиковали во все времена, но редко в столь обширных размерах. Сатрап Фригии на Геллеспонте Артабаз, по своей матери Апаме внук Артаксеркса II, также, по-видимому, страшился за свою безопасность; во всяком случае тотчас после смены на престоле он восстал против своего царя и господина. Однако справиться с войсками царя ему оказалось далеко не под силу, и он обратился за помощью к Харесу, обещая платить жалованье афинскому войску. Харес охотно принял предложение, которое сразу избавляло его от всех финансовых затруднений; он отправился во Фригию и здесь с блестящим успехом воевал против сатрапов царя (355 г.). Сделал ли Харес этот шаг на собственный страх, мы не знаем; во всяком случае в Афинах после заключения договора одобрили поступок Хареса и не отвергли субсидий, уплаченных Артабазом.

Но с огнем никто не играет безнаказанно. Не в характере Артаксеркса III Оха было простить афинянам вторжение в его владения. Он собрал в Сирии и Киликии сухопутную и морскую силу, какой Персия не видела со времен Ксеркса, и вся эта армия, по слухам, была предназначена для похода в Грецию. Известия об этом вызвали в Афинах взрыв воинственного энтузиазма; снова раздались с ораторской кафедры декламации о Марафоне и Саламине, и было постановлено призвать все греческие государства к борьбе с исконным врагом Эллады. Все это было очень хорошо, — плохо было лишь то, что на помощь Афинам не поднялась ни одна рука, а сами Афины были в финансовом отношении все еще

слишком истощены, чтобы решиться на большую войну. Ввиду этого воинственный жар очень быстро остыл, и когда царь, окончив свои приготовления, поставил ультиматум Афинам — либо отозвать Хареса из Азии, либо ждать войны, —то афиняне избрали лучшую часть и послали приказ Харесу очистить царскую территорию. Раз этот шаг был сделан, необходимо было даровать мир и отпавшим союзникам; Хиос, Кос и Родос были отпущены из союза и признана независимость Византии (354 г.). Около этого же времени расторгли свой союз с Афинами Митилена и, по-видимому, весь Лесбос. Керкира, перешедшая к олигархическому устройству уже несколько лет назад, воспользовалась удобным случаем, чтобы порвать с Афинами. Таким образом, отныне Аттический морской союз состоял, кроме Афин, только из Эвбеи и мелких островов; сами Афины признали, что их владычество на море кончилось.

Около того времени, когда обнаружилось сепаратистское движение среди афинских союзников, такое же движение потрясло Фиванский союз; здесь, как и там, кризис был вызван стремлением руководящего государства к более строгой централизации. Само по себе это стремление было вполне законно. Дело в том, что исход сражения при Мантинее сильно поколебал авторитет Фив среди их союзников; теперь Фессалийский союз сблизился с Афинами, и эвбейские города несколько лет спустя последовали этому примеру (выше, с.201 и 203). Фокида, которая после битвы при Левктрах лишь по принуждению примкнула к Беотии, также готовилась свергнуть фиванское господство. Еще до битвы при Мантинее она осмелилась отказать Фивам в военной помощи, опираясь на буквальный смысл договоров, согласно которым она была обязана оказывать Фивам помощь лишь в случае нападения на Беотию, и Эпаминонд счел неудобным в эту минуту, когда решалась участь Греции, употребить силу против Фокиды. Но впредь такую непокорность нельзя было оставлять безнаказанной; обладание долиной верхнего Кефиса и Фермопилами было для Фив вопросом их политического существования.

Приличный повод для открытия военных действий про-

тив Фокиды был найден без труда. Со времени смерти Ясона Беотия сохраняла преобладающее влияние в Дельфийской амфиктионии, и Фивы не стеснялись пользоваться этим влиянием для достижения своих политических целей. Так, по их настоянию лакедемоняне за занятие Кадмеи были приговорены амфиктионами к штрафу в 500 талантов; впрочем, Фивы оказались не в силах взыскать этот штраф. Теперь решено было употребить то же оружие против Фокиды. Многие из виднейших людей Фокиды были обвинены в святотатстве и приговорены амфиктионами к уплате большого штрафа с тем условием, что если штраф не будет внесен до истечения известного срока, то поместья виновных будут конфискованы в пользу казны Аполлона.

Осужденные, разумеется, не хотели, да, вероятно, и не могли уплатить штраф; притом, как обыкновенно бывает в таких случаях, вероятно, и юридическая сторона дела представлялась спорной. Они прибегли к помощи Фокейского народного собрания, и благодаря своей влиятельности и господствовавшему раздражению против Фив им легко удалось привлечь большинство на свою сторону. Было принято решение не признавать приговор амфиктионов и в случае надобности отразить силу силою; Филомел из Ледона, глава военной партии, и Ономарх из Элатеи, один из осужденных амфиктионами, были облечены неограниченными полномочиями для управления государством. Затем Филомел отправился в Спарту и заключил союз с царем Архидамом III, которому, конечно, ничего не могло быть более по сердцу, как если бы Фивы оказались замешанными в какую-нибудь войну в Средней Греции. После этого Филомел, отчасти на полученные от Спарты деньги, отчасти расходуя собственное большое состояние, нанял отряд наемников, с которым беспрепятственно занял открытые Дельфы (356 г.). Отсюда он обратился с воззванием к эллинам, где, ссылаясь на гомеровский „Список кораблей“, обосновывал древние права фокейцев на обладание священным городом и храмом, и вместе с тем обещал не трогать священной казны. Одновременно он позаботился и о военных приготовлениях: Дельфы были укреплены, число наемников увеличено, способные носить

оружие обитатели Фокиды призваны на службу и, таким образом, составлено войско в 5000 человек. Необходимые денежные средства доставила подать, которою были обложены богатые граждане Дельф; фамилия Фракидов, наиболее враждебная фокейцам, была изгнана, и ее имущества конфискованы.

Теперь Спарта со своими пелопоннесскими союзниками открыто перешла на сторону Фокиды, и издревле дружные с Фокидой Афины также заключили с нею союз. Правда, это был для Фокиды только нравственный успех, потому что оба государства были всецело поглощены другими предприятиями. Напротив, локрийцы тотчас выступили в поход на защиту святилища, но перед Дельфами, у Фэдриадских скал, были наголову разбиты Филомелом. Этим моментом воспользовались Фивы, чтобы вмешаться; по их почину было созвано собрание амфиктионов, на котором, кроме самих беотийцев, были представлены, правда, только локрийцы, дорийцы и фессалийские племена, — и здесь было решено объявить войну Фокиде.

Чтобы приготовиться к борьбе с этой коалицией, Филомел был вынужден сделать заем из находившейся в его власти храмовой казны. То же самое сделали афиняне во время Пелопоннесской войны, Дионисий Сиракузский — во время своей борьбы с карфагенянами; и так как Филомел считал Дельфы частью Фокиды, то с его точки зрения этот поступок являлся вполне законным. Но его противники, не признавшие прав Фокиды на Дельфы, столь же справедливо видели в этом займе не что иное, как ограбление храма. Однако в Греции было достаточно людей, готовых, несмотря на проклятие амфиктионов, продать свою шкуру тому, кто больше заплатит, и потому Филомелу удалось вскоре набрать очень значительное наемное войско. Затем фокейцы перешли в наступление; они вторглись в Локриду и в конном сражении наголову разбили локрийцев и их беотийских союзников. После этого Филомел одержал победу над фессалийцами, которые в числе 6 тыс. человек шли на помощь локрийцам. Только теперь беотийцы со всеми своими силами, 13000 человек, вступили в Фокиду; близ Неона, у северного склона

Парнаса, встретил их Филомел, но потерпел полное поражение и сам пал в битве (354 г.). Однако Ономарху удалось снова собрать рассеявшееся войско, и беотийцы не решились идти к Дельфам через трудные горные проходы, так что в военном отношении их победа осталась бесплодной.

Тем не менее после этих событий в Фокиде снова взяла верх партия мира, и в Беотии также, по-видимому, рассчитывали на прекращение войны; по крайней мере беотийцы заключили теперь союз с сатрапом Фригии Артабазом, которого афиняне только что бросили на произвол судьбы ввиду угроз персидского царя (выше, с.214). Вследствие этого в Азию было послано беотийское войско в 5000 человек под начальством Паммена, офицера эпаминондовой школы, который командовал в последнем походе против Фокиды (353 г.). Паммен добился значительных успехов; в двух больших сражениях он победил царских сатрапов, но затем своими переговорами с врагом навлек на себя подозрение Артабаза и был изменнически захвачен им и посажен в темницу. Но, порвав с Фивами, Артабаз более не был в состоянии держаться против царских полководцев; его сатрапия была занята неприятелем, а он сам вынужден искать убежища при дворе Филиппа II Македонского.

Но Ономарху удалось тем временем склонить своих сограждан к энергичному продолжению войны. Он сам был утвержден в звании полномочного военачальника, а его брат Фаилл назначен его помощником. Затем в Фокиде наступил период террора; вожди мирной партии были изгнаны или казнены, их имущество конфисковано в пользу государства. После этого всякая оппозиция замолкла; Ономарх и его брат являлись неограниченными владыками страны, и они не стеснялись выражать это даже внешним образом, чеканя монеты от своего имени, чего греческие тираны этого времени обыкновенно избегали. Теперь Ономарх стал черпать из дельфийской храмовой казны уже без всяких стеснений; на эти средства было набрано огромное наемное войско, какого Греция еще не видала; союзники Ономарха также не были обижены — большие суммы были истрачены, особенно на подкуп наиболее влиятельных политических деятелей.

Как только Паммен удалился в Азию, Ономарх перешел к наступательным действиям. Дорида была опустошена, главный город западной Локриды, Амфисса, принужден к покорности, укрепленные места у Фермопил взяты и, таким образом, прервано сообщение между Беотией и Фессалией. После этих успехов Ономарх счел себя достаточно сильным, чтобы вторгнуться в самую Беотию; он взял Орхомен и обратно водворил в нем прежних жителей, сколько их уцелело при разрушении города фиванцами одиннадцать лет назад.

Не менее успешны были действия Ономарха в Фессалии. Там тираны Фер, Ликофрон и Пейфолай, в качестве союзников Фив, сначала воевали против Фокиды; теперь Ономарху удалось посредством щедрых субсидий из дельфийской храмовой казны привлечь их на свою сторону и склонить к объявлению войны Фессалийскому союзу. Таким образом, фессалийцы имели теперь довольно хлопот у себя дома и уже не могли думать об участии в войне с Фокидою; мало того, вскоре положение их сделалось настолько критическим, что им не оставалось ничего другого, как призвать на помощь Филиппа Македонского и вручить ему верховное начальство над союзным войском. Филипп только что завоевал Метону, последний прибрежный город Македонии, который еще находился во власти афинян; этим он обеспечил себя против нападений с тыла и теперь охотно воспользовался случаем приступить к осуществлению замыслов своего брата Александра о покорении Фессалии. С этой целью он двинулся через Темпейский проход на юг, разбил наголову брата Ономарха Фаилла, который с 7 тыс. человек явился на помощь ферским тиранам, и взял важный приморский город Пагасы, гавань Фер; эскадра, отправленная афинянами на выручку осажденного города, по обыкновению, опоздала. После этого Ономарх принужден был со всеми своими силами идти в Фессалию, чтобы положить конец поступательному движению Филиппа. Действительно, ему удалось в двух сражениях совершенно разбить Филиппа и принудить его к возвращению в Македонию. Затем он снова обратился в Беотию, взял путем измены Коронею и у Гермея вблизи города разбил прибывших на помощь последнему фиванцев.

Ономарх достиг теперь высшей точки своего могущества. Чье войско могло помериться с его 20-тысячной, закаленной в боях наемной армией? Или какое государство располагало такими огромными финансовыми средствами, какие доставляла владыке Фокиды храмовая сокровищница Дельф? Фессалия лежала у его ног, Беотия была глубоко унижена, — казалось, что на развалинах фессалийского могущества суждено возникнуть Фокейской державе. Мы знакомимся с образом Ономарха по изображениям его врагов, а они видели в нем, разумеется, только святотатца-грабителя и тирана, который из личного честолюбия навлек на Элладу неизмеримые бедствия. Нам надлежит судить справедливее и не забывать, что только инстинкт самосохранения вложил оружие в руки фокейцев и самого Ономарха и что позднее самый ход событий должен был с роковой силой увлекать их вниз по наклонной плоскости. И как бы ни смотрели мы на дело, которому служил Ономарх, — великие успехи, достигнутые им, ясно свидетельствуют, что он был одарен замечательными политическими и военными талантами. Но злой рок противопоставил ему еще более сильного человека — македонского царя.

В то время как восточные греческие державы — Спарта, Афины и Фивы — низошли, таким образом, одна за другой, на уровень государств средней величины, — рухнуло и грандиозное здание, воздвигнутое Дионисием в Сицилии. В минуту наибольшей опасности, когда независимости и, может быть, самому существованию сицилийских греков грозил смертельный удар, сиракузцы отказались от политической свободы и вручили высшую власть *одному* человеку. Эта жертва не оказалась бесплодной; тирания доставила Сицилии полвека внутреннего мира и небывалое внешнее могущество. Но в этот долгий период мира подросло поколение, которому гроза карфагенских нашествий была знакома только по рассказам отцов и дедов и которое не понимало, чем, собственно, оправдывается существование военной монархии, раз независимости Сицилии ни с какой стороны не грозит опасность.

Однако, пока жив был старый Дионисий, все оставалось

спокойным; мало того — единовластие было уже настолько упрочено, что и смена на престоле совершилась без всякой помехи. Только раздор, вспыхнувший вскоре в недрах самого царствующего дома, подал республиканской оппозиции новые надежды. Со времени изгнания Диона (выше, с.127) все взоры были обращены на него как на человека, по своим талантам, высокому социальному положению и обширной популярности наиболее пригодного стать во главе революционного движения. Сам Дион, вероятно, с первого же дня решил вернуться в отечество с оружием в руках, но был достаточно умен, чтобы не делать такой попытки до наступления благоприятной минуты. Он поселился в Афинах, где, поддерживая близкие отношения со своим другом Платоном и остальными членами Академии, по-видимому, всецело отдавался философским занятиям; отсюда он завязывал сношения с политическими деятелями различных городов. Наконец Дионисий начал догадываться об его замыслах; он лишил Диона права пользоваться доходом с его огромных имений, которое до сих пор оставлял ему, велел своей сестре Арете развестись с Дионом и выдал ее за Тимократа, коменданта Сиракузской крепости.

Теперь Дион должен был приступить к делу, прежде чем средства, которыми он еще располагал, были истощены. Академия употребила все свое влияние на поддержку предприятия, от которого Платон, обманутый в своих надеждах на Дионисия, ждал осуществления своего политического идеала; в числе спутников Диона находилось несколько учеников Платона, как Каллипп из Афин, Эвдем с Кипра, Тимонид из Левкады. Афинское правительство не препятствовало этому; здесь, очевидно, были раздражены тем, что Дионисий совершенно пренебрегал своими союзническими обязанностями по отношению к Афинам, и надеялись через посредство Диона теснее привязать Сиракузы к Афинам. Коринфяне также отнеслись к предприятию Диона вполне доброжелательно и позволили ему устроить здесь свою главную квартиру, покупать корабли и вербовать наемное войско. Однако многочисленные сиракузские изгнанники, проживавшие в Греции, за немногими исключениями, не приняли участия в

походе, они чувствовали глубокое недоверие к человеку, столь тесно связанному с домом тирана, и последствия показали, что они судили о Дионе правильнее, нежели его ученые друзья из Академии и сиракузское общество.

В Сиракузах, конечно, узнали о приготовлениях Диона, и Филист, выйдя в море с флотом, принялся крейсировать у входа в Адриатическое море, тогда как сам Дионисий стал близ Кавлонии, чтобы встретить Диона, если он, как некогда Гилипп, направится от Кефаллении прямо к италийскому берегу. Таким образом, Диону не оставалось ничего другого, как плыть поперек через Ионическое море к Сицилии. Вскоре после середины лета 357 г. он отплыл от Закинфа с отрядом в 800 наемников; главная армия должна была последовать за ним, как только будет открыт обычный путь вдоль берега Эпира и Италии. Начальство над нею было вверено сиракузцу Гераклиду, который занимал высокий пост в войске Дионисия, но затем был изгнан из-за своей дружбы с Дионом.

Дион благополучно достиг мыса Пахина, южной оконечности родного острова; но при попытке обогнуть мыс эскадра была подхвачена северным ветром и отнесена к ливийскому берегу; лишь после продолжительных скитаний удалось ей добраться до Гераклеи Минои, карфагенской крепости на границе с владениями Дионисия, которая, вероятно, с самого начала была намечена как место высадки. Дело в том, что Дион еще со времени своего могущества находился в близких отношениях с руководящими политическими деятелями Карфагена; притом, для Карфагена ничего не могло быть приятнее, как ослабление сиракузской военной монархии, какого по всем признакам можно было ожидать от предприятия Диона. Поэтому в Гераклее Дион встретил со стороны карфагенского коменданта наилучший прием. Недолго пробыв здесь, он двинулся далее к Сиракузам; по пути Акрагант, Гела и Камарина приветствовали его как освободителя и подкрепили войсками. Весть о его приближении вызвала и в Сиракузах мятеж; народ открыл ворота, и Дион при ликовании народной массы совершил свой триумфальный въезд. Даже Гиппарин и Нисей, сыновья старшего

Дионисия от сестры Диона Аристомахи, перешли на сторону дяди. Однако наемники Дионисия отстояли остров Ортигию с находившимся на нем укрепленным дворцом тирана и громадным арсеналом, а вскоре подоспел и сам Дионисий с флотом.

Дион должен был приступить к осаде. Он начал с того, что посредством возведения стены от малой до большой гавани отрезал крепость от остального города; вылазка тирана была отбита, и постройка благополучно доведена до конца. Вскоре прибыл и Гераклид с главными силами, оставшимися в Пелопоннесе, именно с 20 кораблями и тысячью пятьюстами наемников. Сиракузцы приступили к снаряжению эскадры, начальником которой был избран Гераклид. Следующей весною в большой гавани произошло морское сражение; флот Дионисия, заключавший в себе 60 военных кораблей, был совершенно разбит, и адмирал Филист, самый преданный и способный из слуг царского дома, покончил самоубийством, когда увидел, что все проиграно. Дионисий, запертый теперь и с суши, и с моря, предложил сдать крепость под условием, чтобы ему с его наемниками и сокровищами было предоставлено свободное отступление в Италию. Но сиракузцы, будучи уверены в победе, отвергли это предложение. Тогда Дионисий снарядил последние корабли, какие еще оставались в его распоряжении, взял с собою свою казну и, благополучно пробравшись через осадный флот, достиг Локр; в крепости остался его сын Аполлократ с сильным гарнизоном.

Но в эту минуту, когда победа казалась уже только вопросом времени, в Сиракузах обнаружился внутренний раскол. Республиканская партия не могла преодолеть своего недоверия к Диону; она опасалась, что он намеревается сам провозгласить себя тираном. Во главе недовольных стал товарищ Диона Гераклид, который своей победой над Филистом нанес смертельный удар тирании и благодаря этому пользовался безграничной популярностью в народе. Против этой оппозиции Дион не в силах был устоять; он скрылся из города и ушел со своими наемниками в Леонтины.

Благодаря этим раздорам Дионисию удалось доставить осажденным припасы и провести в крепость отряд кампанских наемников под начальством неаполитанца Нипсия. Последний в ближайшую же ночь сделал вылазку; сиракузские укрепления, защищавшие город против крепости, были взяты, после чего наемники тирана рассыпались по улицам до самого рынка, убивая и грабя. Сиракузцам не оставалось ничего другого, как призвать назад Диона; он поспешно явился и после упорной битвы отбросил врага назад в крепость; впрочем, часть города при этом погибла в пламени. Под влиянием этих событий сиракузцы избрали Диона в стратеги с неограниченными полномочиями, и он был уже достаточно силен, чтобы удержаться в этом положении. Тщетно Спарта пыталась теперь вмешаться. Спартиат Фаракс отправился в Сицилию, набрал войско и даже нанес поражение Диону в области Акраганта; но Сиракузы остались во власти Диона. Осада крепости беспрерывно продолжалась; наконец, не получая подкреплений, Аполлократ принужден был капитулировать под условием свободного отступления.

Но вскоре народу пришлось убедиться, что он только переменил господина. Дион был далек от мысли сложить диктатуру; напротив, теперь, после победы, он начал действовать в духе своего учителя, Дионисия Старшего, хотя и без должной последовательности. Вместо того, чтобы разрушить укрепленный замок тирана, как того требовало общественное мнение, он занял его своими наемниками, но сам для благовидности остался жить в городе. Против Гераклида, который все еще упорствовал в своей оппозиции, Дион не решался действовать открыто; он избавился от него посредством тайного убийства и затем устроил ему торжественные похороны на государственный счет. Чтобы добыть средства для выдачи своим наемникам недоплаченного жалованья, Дион конфисковал имения своих политических противников; когда же и этих денег не хватило, он обложил граждан обременительными податями. Благодаря этому он утратил симпатии состоятельных классов, не приобретя взамен симпатий неимущей массы, стремлениям которой добиться передела земельной собственности он оказывал энергичное

сопротивление. Его единственной опорой остались наемники и товарищи, которых он привез с собою из Греции.

Но и в их среде скоро обнаружилась измена. Между друзьями из Академии, последовавшими за Дионом в Сицилию, самым близким к нему был афинянин Каллипп, в чьем доме он жил во время своего изгнания. Именно этот человек и стал во главе заговора, направленного против Диона; по его приказанию Дион был убит своими собственными наемниками (353 г.). После этого Каллипп взял в свои руки управление государством, тогда как друзья Диона бежали в Леонтины, где успешно защищались против Каллиппа; руководство партией принял на себя племянник Диона Гиппарин, сын великого Дионисия от сестры Диона Аристомахи. Остальные города страны также отказывались признать Каллиппа. Ему удалось, правда, принудить к покорности Катану; но в то время, когда он находился в походе, Гиппарин посредством внезапного нападения овладел Сиракузами (352 г.). После этого Каллипп не мог удержаться и в Катане; он отправился в Регий, где был убит своими солдатами, которым не мог уплатить жалованье. Гиппарин умер после двухлетнего управления, оставив власть над Сиракузами своему младшему брату Нисею. Об этих правителях мы знаем почти только то, что́ сообщает нам скандальная хроника этого времени, — именно, что они были великие мастера пить и отличались пристрастием к красивым женщинам и мальчикам; но то обстоятельство, что они сумели в это трудное время вернуть себе отцовский престол и держаться на нем долгие годы, показывает все-таки, что они были энергичные люди, достойные своего великого отца и дяди с материнской стороны. Наконец Дионисий вернулся из Локр в Сиракузы, прогнал своего сводного брата и снова захватил власть (346 г.); правда, ему тотчас пришлось вступить в борьбу с республиканской оппозицией, которая нашла опору в старом друге Диона Гикете, провозгласившем себя владыкой Леонтин. В Локрах также вспыхнуло теперь восстание против Дионисия, который всевозможными притеснениями и утонченным развратом навлек на себя всеобщую ненависть. Гарнизон тирана был изгнан, а его жена Софросине и

его дети, оставшиеся в Локрах, пали жертвою народной ярости.

Между тем как в столице свирепствовала междоусобная война, во всех остальных частях государства исчез всякий порядок. Сиракузские колонии и союзные города объявили себя независимыми, в большинстве из них явились тираны, действовавшие в малых размерах совершенно так же, как те, которые оспаривали друг у друга власть над Сиракузами; таковы были: в Леонтинах — Гикет, в Катане — Мамерк — как показывает имя, оскский вождь наемников, — в Тавромении Андромах, в Мессене — Гиппон. Продлись эта смута, Сицилия неминуемо должна была стать добычей карфагенян или италийских наемников, которых сицилийские тираны все в большем количестве принимали к себе на службу.

Таким образом, куда бы ни обратился взор, на востоке, как и на западе, греческий мир представлял печальную картину политического разложения. Нация, которая, будучи объединена, могла бы повелевать всем миром, тратила свои лучшие силы на внутреннюю борьбу. Уже греческие города Азии подчинились персам, города западной Сицилии — карфагенянам, целый ряд колоний в Италии — самнитам и луканцам. Кто мог сказать, что принесет с собою будущее, если братоубийственные распри не прекратятся?

ГЛАВА VIII

Экономическое развитие со времени Пелопоннесской войны

Когда весною 431 г. Перикл отверг последние мирные предложения пелопоннесцев и война сделалась неизбежной, лакедемонянин Мелесипп, привезший эти предложения, прощаясь с сопровождавшими его афинянами, по преданию, воскликнул: „Этот день будет для Эллады началом великих бедствий". Он не мог предвидеть, в какой страшной мере оправдается его предсказание. Из 85 лет, отделяющих этот день от дня вступления Филиппа II в Дельфы, не менее 55 были заняты великой эллинской войною, не считая бесчисленных мелких войн, касавшихся только отдельных частей греческого мира[1].

Количество человеческих жертв, какого требовали эти войны, было, правда, в большинстве случаев не очень велико. При приближении врага население скрывалось за стены укрепленных мест; большие открытые сражения были сравнительно редки, и так как армии никогда не заключали в себе более 20—30 тыс. человек и неприятель после победы редко преследовал побежденных с настойчивостью, то потери не могли быть значительны. Так, если взять лишь некоторые из главных сражений, — при Делионе (424 г.) пало с обеих сторон вместе около тысячи пятисот человек, при Мантинее (418 г.) 1400, при Коринфе (394 г.) 3900, при Левктрах (371 г.) 1300. Морские битвы сопровождались более крупными потерями, ввиду многолюдности экипажей на военных судах. Так, сражение при Аргинусах, в котором погибло около ста триер с большею частью экипажа, стоило жизни приблизительно 15 тыс. человек; правда, ни одно другое морское сражение этого времени не потребовало даже приблизительно такого огромного количества жертв. Вообще, Сицилийско-Декелейская война, которая велась пре-

[1] В счет вошли: Архидамова война до перемирия Лахеса (431—423), Декелейская война (414—404), Коринфская война (395—386), Беотийская война (378—362, включая последний год), Священная война (357—346).

имущественно на море, причем в течение десяти лет противостояли друг другу флоты в 100—200 триер, была наиболее кровопролитною из всех войн, какие отмечены греческой историей до Александра; только перед Сиракузами афиняне в битвах и от болезней потеряли около 20 тыс. человек. С тех пор и до начала войн диадохов на греческих морях произошло немного крупных морских сражений.

При низком уровне осадного искусства в период до Филиппа укрепленные города очень редко брались приступом, по крайней мере на греческом Востоке; поэтому печальная участь быть разграбленными и разрушенными постигла лишь немногие второстепенные города, пока Филипп разрушением Олинфа и Александр разрушением Фив снова показали грекам весь ужас настоящей войны. Иначе обстояло дело на западе; почти все греческие города в Сицилии, кроме Сиракуз, были в конце V и начале IV века разрушены либо карфагенянами, либо Дионисием; однако жители обыкновенно успевали спасаться и тотчас снова возвращались на родные пепелища.

Гораздо более серьезные последствия имело истребление собственности, которое обусловливалось способом ведения войн, господствовавшим в Греции. Когда войско вторгалось в неприятельскую страну, оно уничтожало жатву, истребляло виноградники, срубало плодовые деревья, сжигало деревни; проходили десятки лет, прежде чем исчезали следы подобного нашествия. Не было почти ни одной местности в Греции, которая в период времени от Пелопоннесской войны до Филиппа II не была бы по крайней мере один раз опустошена таким образом. Сюда надо прибавить экономические кризисы — неизбежные спутники продолжительных войн, и страшный гнет налогов, необходимых для покрытия издержек по содержанию войск и — еще более — флотов.

Однако жизненная сила нации была достаточно велика, чтобы в короткое время с избытком возмещать эти потери. Даже Афины, как тяжело ни пострадали они от Пелопоннесской войны и революции, уже через восемь лет оказались в силах снова начать большую войну и, по крайней мере отчасти, вернуть себе владычество на море; и теперь, как в

V веке, они оставались величайшим торгово-промышленным городом на Эгейском море, с которым в смысле богатства никакой другой город Греции даже отдаленно не мог выдержать сравнения. Именно благодаря этому экономическому превосходству Афины могли оставаться вплоть до македонских времен первою морскою державою Греции. Правда, потери, которые понесло гражданское население Аттики вследствие чумы 430—426 гг. и вследствие Пелопоннесской войны, по-видимому, никогда уже не были вполне возмещены. Тогда как в эпоху Перикла количество взрослых граждан мужского пола достигало 30 тыс. и более (выше, т.I, с.329), — в конце IV века оно не превышало 21 тыс.; одной из главных причин этой убыли был тот эгоизм, с которым восстановленная демократия преграждала чуждым элементам доступ в гражданскую среду. Наоборот, число союзников около 310 г. простиралось приблизительно до 10 тыс. взрослых мужчин, т.е. было почти так же велико, как и до Пелопоннесской войны; то же самое можно сказать и о числе рабов, и даже вполне возможно, что последних около 340 г. было больше, чем за столетие перед тем. Итак, Афины и во время Александра заключали в себе круглым счетом 100 000 жителей; только теперь наибольшая часть городского населения жила в Пирее, который с точки зрения торговли и промышленности занимал несравненно более удобное положение, чем Верхний город. Вследствие этого последний начал все более и более пустеть; около середины IV века здесь было множество пустырей и необитаемых домов, и собственники начали даже сносить свои дома, чтобы на их месте разводить сады.

Но если Афины и оставались самым большим городом на греческом Востоке, то в эту эпоху их опередила столица того государства, которое основал Дионисий на Западе. Сицилия сильно пострадала в тяжкую годину карфагенских войн, но затем, в течение долгого периода мира под властью Дионисия, раны быстро зажили, разрушенные города снова были отстроены и большею частью снова вскоре достигли прежнего благосостояния. В это время в Сицилии был основан и ряд новых городов, как Тиндарис и Галэса, на малона-

селенном до тех пор северном побережье, и Гадранон у западного склона Этны. Но наибольшего расцвета достигли сами Сиракузы. Предместья, образовавшиеся вокруг стен еще со времени Гелона, были введены Дионисием в кольцо укреплений и скоро приобрели большое значение; к двум старым частям города, Ортигии и Ахрадине, присоединились теперь квартал Тиха, у тракта в Катану, до Гексапилона, больших северных ворот новой линии укреплений, и с юга Неаполь, расположенный на низкой террасе, которая господствует над гаванью и долиной Анапа. Благодаря этому Сиракузы сделались самым большим из всех греческих городов, и они сохранили это положение до тех пор, пока явились колоссальные города, основанные на Востоке Александром и его преемниками. Правда, разрушение Сиракузской державы Дионом и последовавшая затем эпоха гражданских войн на мгновение задержали развитие Сицилии; рассказывают, что на сиракузском рынке трава достигала такой вышины, что на нем пасли лошадей, а в остальных городах можно было перед самыми стенами охотиться на оленей и кабанов. Но лишь только Тимолеон снова водворил в стране мир и порядок, Сиракузы и вся греческая Сицилия за немного лет достигли прежнего расцвета, и лишь римское завоевание повлекло за собою упадок острова.

Напротив, греческие города Италии со времени Пелопоннесской войны неудержимо клонились к упадку. Междоусобные войны конца VI века, когда разрушены были Сирис и Сибарис, положили начало этому упадку; позднее, около середины следующего столетия, основание Фурий и Гераклеи вызвало новый расцвет, но против свежей силы воинственных племен, обитавших внутри страны, италийские греки не могли держаться. Города один за другим переходили в руки италиков: сначала Кума (Кима), затем Посейдония, Пикс и Лаос, наконец, и более мелкие города на так называемом с тех пор Бреттийском полуострове, Сибарис на Треисе, Терина, Гиппонион. Таким образом, в руках греков оставались здесь только немногие пункты, да и те лишь с трудом защищали свою независимость против натиска варваров. Один только Тарент не был захвачен всеобщим упад-

ком. Благодаря превосходным качествам своей гавани, которые делали его естественным складочным пунктом для торговли между Грецией и Западом, он как раз в это время достиг большого расцвета; но и Тарент принужден был беспрестанно бороться с италиками за свое существование, и долго вести эту борьбу с успехом он оказался не в силах. Поэтому он примкнул сначала к Сиракузской державе Дионисия, а после ее крушения искал поддержки у Спарты и эпирских царей, пока, наконец, не был настигнут своей судьбой и принужден признать верховную власть Рима.

Несравненно бóльшего блеска достигли в своем развитии греческие города Малой Азии, несмотря на опустошения, которым они подверглись во время Пелопоннесской и Коринфской войн, и на смуту, вызванную восстаниями сатрапов. Ибо как ни было тягостно персидское владычество, которому вследствие Анталкидова мира подпали греки, обитавшие на материке, — оно снова обеспечило береговым городам беспрепятственное сообщение с лежавшей позади них страною, от которой они в эпоху афинской и спартанской гегемонии были почти отрезаны, и тем вернуло им естественную основу их благосостояния. Таким образом, Эфес, который в V веке был городом средней величины, пользовался довольно скромным значением и ни в каком отношении не превосходил соседние города Милет, Теос и Эрифры, — с конца Пелопоннесской войны, благодаря своему удобному сообщению с Сардами и долиной Меандра, сделался громадным складочным пунктом, где сосредоточивалась торговля с внутренними областями Малой Азии; с тех пор он занимал такое же положение, как теперь Смирна. Галикарнас, сделавшийся благодаря Гекатомну и Мавсолу столицей карийской монархии, вследствие этого своего положения обратился в крупный центр (выше, с.209). Новооснованный Родос, благодаря своему удобному положению на великом торговом пути из Эгейского моря в Сирию и Египет, вскоре сделался одним из первых торговых пунктов греческого мира. Примеру, поданному Родосом, последовал и соседний Кос, население которого до сих пор было разбито на восемь небольших местечек. В 366/365 г. здесь, также на

северной оконечности острова, напротив Галикарнаса, был заложен город Кос, который в течение немногих лет обратился в довольно значительный средней величины город. Из старых городов малоазиатского архипелага Хиос и Митилена и в IV веке сохраняли свое прежнее значение, тогда как Самос под влиянием политических условий лишился былого могущества.

На греческом полуострове городская форма общежития также сделала в это время большие успехи. В юго-западной части Пелопоннеса, где до сих пор не было крупных центров, были основаны Мегалополь и Мессена, которые вскоре сделались самыми значительными городами полуострова. Коринф, хотя и медленно, оправлялся от ударов, нанесенных ему Пелопоннесской и Коринфской войнами; соседняя Мегара заняла одно из первых мест в ряду промышленных городов Греции. В Беотии Фивы, благодаря успехам своей политики, достигли пышного расцвета; при разрушении их Александром они имели около сорока тыс. жителей. О важности Пагас, служивших естественным посредником сообщения между богатой Фессалийской равниной и морем, еще и теперь красноречиво свидетельствует широко раскинувшееся кольцо их стен. Вообще в экономическом отношении Фессалия принадлежала к числу наиболее цветущих областей Греции, пока междоусобия, вспыхнувшие здесь после убийства Ясона, не нанесли ее благосостоянию глубоких ран, от которых ей уже никогда не удалось вполне оправиться.

Но ни одна область Греции не достигла в течение IV века более замечательных экономических успехов, чем Македония и лежащий впереди нее халкидский полуостров. Олинф, бывший еще в 435 г. совершенно незначительным поселком, со времени Пелопоннесской войны приобрел значение одного из самых видных средних городов Греции; уже в 383 г. число его граждан достигало пяти тыс., а спустя тридцать лет оно равнялось десяти тыс., что соответствует гражданскому населению приблизительно в 35 тыс. человек, включая, впрочем, и городской округ. Как собственно Македония была открыта культуре царем Архелаем, мы уже ви-

дели (выше, с.94); его преемники продолжали идти по этому пути, и уже спустя полвека Македония могла занять в кругу греческих государств то место, какое подобало ей по ее громадному протяжению и великим естественным ресурсам.

В этом экономическом расцвете греческого мира сельское хозяйство играло сравнительно второстепенную роль. На греческом полуострове и на островах Эгейского моря все земельные участки, пригодные для обработки, были обращены в пашню уже столетия назад; поэтому теперь можно было стремиться только к тому, чтобы посредством более интенсивной обработки извлекать из земли более крупный доход. Действительно, в эту эпоху начинают теоретически разрабатывать сельское хозяйство; Хармантид с Пароса, Аполлодор с Лемноса и Андротион писали трактаты о земледелии, и еще до нас дошло небольшое исследование об этом предмете в одном из сочинений Ксенофонта. Правда, и теперь еще держались в общем старой двухпольной системы, причем поле через год оставлялось на год под паром; но рядом с нею начало развиваться и трехпольное хозяйство, в котором друг за другом следовали озимое, яровое и пар. На паровом поле иногда разводили огород. Значительно распространилось также разведение кормовых трав, особенно люцерны, „мидийской травы“, как называли ее греки, которая была занесена в Грецию после Персидских войн, а в эпоху Пелопоннесской войны в Аттике уже повсеместно употреблялась как корм для лошадей. Но главным образом землевладельцы старались увеличить доход с земли посредством превращения нив в виноградные и оливковые сады; в арендных контрактах этого времени такие насаждения очень часто ставятся в условие арендатору, и мы узна́ем, что стоимость участка благодаря такой замене могла в немногие годы удвоиться. Но раз участок был засажен деревьями, вернуться к хлебопашеству было уже, разумеется, невозможно; и действительно, все без исключения арендные договоры содержат пункт об обязательной замене каждого погибшего дерева новым. Правда, сельское хозяйство сильно страдало от заморской конкуренции, тем более что государство не только ничего не делало для его защиты, но обыкновенно

еще старалось понизить цены на хлеб. Неизбежным последствием этих условий было то, что многие землевладельцы реализовывали свой капитал, лежавший в земле, и обращались к торговле или банкирскому делу. Поэтому земельные участки продавались во множестве; особенно в эпохи кризисов, как в Аттике после Пелопоннесской войны, поместья тысячами поступали в продажу. Были опытные и богатые землевладельцы, которые занимались тем, что скупали разоренные поместья, водворяли в них благоустроенное хозяйство и затем с прибылью перепродавали; некий Исхомах этим способом нажил в Афинах большое состояние. В покупателях не было недостатка, так как, несмотря на сравнительно малый размер ренты, землевладение являлось единственным вполне надежным помещением капитала.

Таким образом, Греция со времени Пелопоннесской войны все более и более превращалась в промышленную страну. Притом, мелкий ремесленник, работавший один или с немногими подмастерьями, все более вытеснялся основанным на эксплуатации рабского труда крупным производством. В Афинах к концу Пелопоннесской войны существовали фабрики, где работало до ста двадцати человек, хотя и мастерские с 20—30 рабочими считались уже значительными. Рабское хозяйство захватило теперь и те страны, которые до сих пор чуждались его, как Фокида и Локрида. Правда, общественное мнение решительно высказывалось против замены свободного труда рабским, благодаря которой множество граждан лишались средств к существованию; но перед могучей силой экономической эволюции, требовавшей перехода к крупному производству, эта оппозиция оказывалась, конечно, так же мало действительной, как некогда законодательные меры Периандра.

Во главе промышленных предприятий всегда стояли единичные лица, за исключением редких случаев, когда, например, два брата продолжали совместно вести отцовское дело, как Лисий и Полемарх — большую оружейную фабрику в Пирее. Даже в горнозаводском деле, несмотря на величину риска и крупные размеры предварительных затрат, вполне преобладали единоличные предприятия, хотя и

встречались товарищества из нескольких лиц. Напротив, в морской торговле величина риска рано привела к образованию торговых компаний. Простейший вид такого товарищества представлял бодмерейный договор (*ναυτικόν δάνεισμα*), когда капиталист давал ссуду под залог судна и груза и по возвращении судна получал свои деньги обратно, причем судохозяин и заимодавец совместно несли риск; этому соответствовала, конечно, и величина процента. Чтобы уменьшить риск, иногда для такого предприятия соединялось несколько капиталистов, так что каждый вкладывал в дело менее значительную сумму, 2—3 тыс. драхм. Подобные товарищества распадались, как только судно возвращалось домой, и каждый получал свой капитал и проценты; но обыкновенно те же капиталисты затем опять соединялись для нового предприятия.

Но особенно образование товариществ обусловливалось потребностями государственного управления. Греческие государства не сами взыскивали свои косвенные налоги, а отдавали их с торгов на откуп тому предпринимателю, который предлагал больше других; точно так же постройка общественных зданий, поставка припасов и проч. обыкновенно сдавались в подряд тому, кто требовал меньше других. Эти откупа простирались иногда на очень крупные суммы; так, например, аренда пирейской пошлины — без сомнения, впрочем, самый крупный откуп во всей Греции — в ближайшие годы по окончании Пелопоннесской войны составляла 30 — 36 талантов, в обеспечение каковой суммы предприниматели обязаны были представлять залог государству. Далее, необходим был большой штат сборщиков, которых надо было навербовать и обучить для службы. Отдельное лицо не могло бы нести того риска, который был связан с такими громадными предприятиями. Поэтому для взятия откупов должны были составляться товарищества; и еще существование подобной компании продолжалось лишь до тех пор, пока цель, для которой она составлялась, была достигнута, т.е. при аренде налогов — один год, то по истечении срока эти товарищества, естественно, должны были стремиться возобновить аренду и на следующий год, уже

для того, чтобы долее использовать созданную для сбора податей организацию. Именно поэтому они могли предлагать более выгодные условия, чем большинство новых предпринимателей; в противном случае они старались тайно войти в соглашение с конкурентами, предлагая им отступное, а в крайности прибегали даже к судебным придиркам. Таким образом, постепенно образовалась монополия больших откупных товариществ на сбор государственных доходов, сделавшаяся настоящей язвой греческих финансов. По преданию, афинский государственный деятель Каллистрат, поступивший после своего изгнания на службу к македонскому царю (ср. выше, с.203—204), исключительно путем реформы откупного дела повысил таможенные доходы государства с двадцати до сорока талантов.

Рука об руку с развитием откупов шло развитие банковского дела. Его колыбелью были святилища, где частью из доходов с храмовой земли, частью из пожертвований образовались значительные капиталы. Государства и частные лица также отдавали свои деньги на сохранение храмам, где святость места ручалась за полную безопасность, какой в другом месте нельзя было найти. Так, военная казна Афинского морского союза хранилась сначала в храме Аполлона на острове Делос, позднее в храме Афины в афинском Акрополе. В храм Артемиды в Эфесе стекались вклады из всей западной половины Малой Азии; такое же значение имел Дельфийский храм Аполлона для греческой метрополии. Храмовые правления уже рано пришли к мысли отдавать подобные деньги в рост, и с течением времени эти сделки достигли обширных размеров. Так, Делосский храм в 377 г. имел в ссудах под проценты за государствами и частными людьми 47 талантов.

Затем возрастающие потребности торговли начали привлекать к банковскому делу и частных лиц; они принимали вклады, производили платежи за счет своих клиентов или давали им деньги взаймы, служили посредниками в денежных сделках с другими местами. Разумеется, этим делом занимались преимущественно менялы. Они сидели у своих столов на рынке, как еще и теперь их можно видеть на Эоло-

вой улице в Афинах; отсюда название „стол“ (*τράπεζα*), которым греки обозначали банк. Так как для подобного дела необходимы были крупные капиталы и большой кредит, то часто соединялись несколько лиц, которые и вели банк на общий счет; в других случаях банкир вел дело с негласными товарищами, которые представляли поручительство за него и за то получали часть прибыли. Кроме того, банкиры занимались и промышленными предприятиями, а также, вероятно, вкладывали часть своих капиталов в ипотеки или землевладение.

Центральным денежным рынком Греции были с V века, разумеется, Афины. Главным банкиром здесь во время после окончания Пелопоннесской войны был Пасион, который сначала в качестве раба служил в банкирской конторе Архестрата и Антисфена, затем был отпущен своими хозяевами на волю и в конце концов сам перенял их банк. Около 394 г. его фирма была уже одной из первых в Греции; когда он около 371 г. удалился от дел, его банк являлся уже мировой фирмой, оперировавшей капиталом в 50 талантов, почти исключительно депозитных денег, и пользовавшейся неограниченным кредитом во всех торговых пунктах Эллады. Кроме того, Пасион имел большую фабрику щитов; из доходов с банка и фабрики он, начав с пустыми руками, скопил состояние в 30 талантов, и его рассчитанная щедрость на общественные нужды доставила ему звание афинского гражданина. После удаления Пасиона его дело продолжал под старой фирмой его вольноотпущенник Формион, платя аренды за банк 100 мин, за фабрику 60; он также достиг большого благосостояния и приобрел афинское право гражданства. Таким же образом и многие другие путем банкирских предприятий возвысились от невольничества до видного общественного положения; но, вероятно, ни один из них не достиг таких блестящих успехов, как Пасион, Ротшильд того времени.

Развитие банковского дела привело к тому, что коммерсанты и многие частные лица, вместо того чтобы держать крупные денежные суммы у себя дома, стали вносить свои деньги в банк под проценты, что в свою очередь имело по-

следствием все более частую замену наличных платежей ассигновками (*διαγράφειν*). Таким образом, крупные суммы, до сих пор хранившиеся под спудом, поступали в оборот. И вообще количество драгоценных металлов, находившихся в обращении в Греции, значительно увеличилось в эту эпоху. Правда, доход с Лаврийских серебряных рудников близ Афин вследствие Пелопоннесской войны сильно уменьшился и снова начал возрастать лишь с середины IV века. Но эти рудники далеко уступали по количеству добываемых металлов Пангейским рудникам во Фракии, с тех пор как последние перешли во власть Македонии; по преданию, Филипп получал с них ежегодно тысячу талантов. Но главное — те массы драгоценных металлов, которые в течение целого ряда поколений накопились в государственных и храмовых кассах, были теперь истрачены в непрерывных войнах и снова поступили в оборот; такая участь постигла во время Пелопоннесской войны афинскую государственную казну, а позднее дельфийскую храмовую сокровищницу. Торговля с Востоком также привлекала постоянно большие суммы денег в Грецию, и такую же роль играло жалованье тех десятков тысяч греческих воинов, которые с конца IV века из года в год состояли на персидской и египетской службе.

Этими путями в Грецию вливалось преимущественно золото, вследствие чего ценность этого металла в сравнении с древним национальным орудием обмена — серебром — постепенно падала. В то время как в V столетии золото стояло к серебру в отношении 1:13 или даже 1:14, в течение следующего века это отношение упало до 1:12 или $1:11^1/_2$. Это обстоятельство побудило около времени Пелопоннесской войны некоторые более крупные государства европейской Греции, как Афины и Сиракузы, перейти к чеканке золотой монеты. Однако последняя чеканилась в очень ограниченном количестве; господствующей золотой монетой в Греции и теперь оставались персидские дарейки и отчасти кизикские статеры из электрона. Лишь Филипп Македонский начал чеканить золото в обширных размерах, к чему давали ему средства Пангейские рудники. За образец он принял афинские статеры, которые чеканились по несколько более высо-

кой пробе, чем персидские дарейки (8,6 против 8,4 гр.). Серебряную монету Филипп чеканил по родосской валюте, тетрадрахм в 14,5 гр, так что золотой статер равнялся 30 серебряным драхмам, соответственно отношению в цене обоих металлов 1:12,6. Но дальнейшее падение стоимости золота, вызванное завоеванием Азии, вскоре заставило отказаться от этой биметаллической системы, и уже Александр был вынужден перейти к чистой серебряной валюте, причем он, естественно, взял за образец монетную систему Аттики, чьи тетрадрахмы все еще являлись господствующей серебряной монетой в бассейне Эгейского моря.

Вообще греческие монетные дворы, сообразно распространению денежного хозяйства, развивали в IV веке оживленную деятельность. Целый ряд государств, которые до тех пор пробавлялись чужой монетой, перешли в это время к самостоятельной чеканке; многие острова Эгейского моря, утратившие право чеканки во время афинского владычества, возобновили чеканку монеты. Правда, объединение Сицилии Дионисием привело к тому, что средние и мелкие города острова, не состоявшие под властью Карфагена, прекратили чеканку своей золотой и серебряной монеты, и сиракузские декадрахмы и тетрадрахмы сделались орудием обмена на всем протяжении государства. Точно так же со времени объединения Беотии Фивами союзная монета заменила монеты отдельных городов; такие же последствия имело объединительное движение и в других греческих странах, как в Аркадии, Халкидике и на Родосе.

Громадное увеличение меновых знаков не могло не повлиять на покупную силу драгоценных металлов. Повышение цен, столь характерное для экономического развития VI и V столетий, продолжалось и после Пелопоннесской войны; затем, в эпоху Филиппа и Александра, произошла революция в области цен, подобная той, которую пережила Европа в середине нашего столетия. В эпоху Коринфской войны четверик пшеницы можно было купить в Афинах за три драхмы, а 60 лет спустя 5—6 драхм считались умеренной ценой. Во времена дороговизны платили, конечно, еще более высокие цены. Особенно тяжелый кризис этого рода

наступил в Греции во время похода Александра в Азию (около 330 г.). Цена четверика пшеницы достигла тогда в Афинах десяти драхм, и даже четверик ячменя стоил по временам 12 драхм; когда двое купцов из Гераклеи пустили в продажу несколько тысяч четвериков пшеницы по девять драхм и судовой груз ячменя по пять драхм за четверик, то это было признано большой щедростью с их стороны и они были награждены общественными почестями.

Цены на скот должны были, конечно, возрасти по меньшей мере в той же пропорции. Гекатомба, которая приносилась в жертву на Больших Панафинеях, главном празднестве Афин, в 410 г. обходилась в 5114 драхм; те 109 быков, которые были куплены для делосского празднества в 374 г., обошлись в 8419 драхм, т.е. в среднем по 77 драхм каждый, а во времена Александра расход на покупку жертвенных быков даже для Малых Панафиней составлял 4100 драхм, т.е. немногим менее того, во что обходилась некогда гекатомба для Больших Панафиней. За отборных быков платили в это время до четырехсот драхм.

Соответственно с этим возросла и заработная плата. Тогда как в конце V века в Афинах необученный рабочий зарабатывал ежедневно три обола, а обученный мастеровой одну драхму, — во времена Александра (329—328 гг.) чернорабочему платили $1^1/_2$ драхмы, каменщику 2—$2^1/_2$ драхмы. Даже рабы получали теперь кормовых денег по три обола, сколько веком раньше составляла полная заработная плата свободного рабочего. Ввиду этих условий оказалось необходимым увеличить вспомоществование в один обол ежедневно, которое Афинское государство выдавало неспособным к труду гражданам, до двойного размера. Точно так же пришлось в течение IV века повысить вознаграждение граждан за посещение Народного собрания с 3 оболов до одной драхмы, а за регулярные собрания, менее привлекавшие граждан, даже до $1^1/_2$ драхм. Только для судейского жалованья удержалась старая норма в три обола, так как бедные граждане по-прежнему наперерыв добивались этого легкого заработка и со времени утраты верховной юрисдикции над союзниками нужное количество присяжных значительно уменьшилось. С

повышением заработной платы должны были, разумеется, возрасти и цены на рабов. Так, во время осады Родоса Деметрием в 304 г. воюющие стороны заключили договор, в силу которого за каждого лучшего раба должен был быть уплачен выкуп в 500 драхм, — огромная сумма в сравнении с теми ценами, какие платились в V и еще в начале IV века.

Однако в экономическом положении греческого рабочего класса повышение заработной платы не произвело существенной перемены к лучшему, так как цены на хлеб возросли почти в той же пропорции. Тем более усилилась роскошь в высших слоях общества. Если частные дома в Афинах еще в V столетии отличались большой простотой, то со времени Пелопоннесской войны богатые граждане, как Тимофей и Хабрий, начали воздвигать себе дворцы, которые великолепием превосходили общественные здания. Правда, это были исключения; в общем частные дома и теперь были невзрачны, с бревенчатыми стенами, так что иностранцы с удивлением спрашивали себя, неужели это — знаменитые Афины. Зато со времени Пелопоннесской войны во всех зажиточных домах вошло в моду украшать стены жилых комнат фресками и убирать занавесями и коврами. Также возросли и расходы на пищу; комедия IV века полна изображений блестящих пиршеств, меню которых перечисляются с утомительной обстоятельностью.

Пример, который подавали высшие сословия, влиял, разумеется, и на низшие классы; и так как дневная плата чернорабочего и даже заработок мастерового давал возможность только в обрез удовлетворять важнейшие жизненные потребности, то народ в демократических государствах пользовался своей силою, чтобы пировать и развлекаться на общественный счет. Простонародье уже более не довольствовалось участием в жертвенных пирах и представлениях, которые устраивались во время празднеств, — хотя и здесь оно становилось все более требовательным; о Таренте, например, рассказывали, что там справлялось больше празднеств, чем в году есть дней. Теперь перешли уже к раздаче гражданам денег во время празднеств. Прежде всего начали возвращать бедным гражданам из казны входную плату в

театр; эти „зрелищные деньги“ были впервые введены в Афинах Агиррием, когда после битвы при Книде государство начало несколько оправляться в финансовом отношении. С течением времени начали раздавать народу деньги и при других празднествах, и все более повышать первоначальную норму, равную одной драхме на человека. Таким образом, во времена Филиппа и Александра теорикон сделалось главной язвой афинских финансов; оно поглощало все остатки и делало государство неспособным к энергичному ведению войны. Все попытки искоренить это зло долго оставались бесплодными; лишь когда Филипп после занятия Элатеи стал грозить Афинам из непосредственной близи, Демосфену удалось добиться приостановления раздачи теорикон на время войны. Но едва был заключен мир, старая система была восстановлена, потому что, как однажды метко выразился Демад, теорикон было цементом, благодаря которому держалась демократия. И, может быть, ущерб, наносимый финансам, был еще менее опасен, чем то развращающее влияние, которое должна была производить на массу подобная раздача государственных денег; таким образом, теорикон занимало не последнее место в ряду тех факторов, которые лишили Афины их гегемонии над Элладой.

Политические и экономические перевороты, происшедшие со времени Пелопоннесской войны, повлекли за собою в значительной части Греции перетасовку имущественных отношений. Особенно в Афинах большинство старых землевладельческих фамилий обеднело, тогда как всевозрастающее развитие крупной промышленности, крупной торговли и банковского дела привело к сосредоточению больших состояний в руках удачливых предпринимателей. Так, банкир Пасион оставил 30 талантов (выше, с.236), а состояние горнозаводчика Дифила, жившего во времена Александра, равнялось, по преданию, даже ста шестидесяти талантам. Но и теперь еще оставался многочисленный средний класс. Когда после Ламийской войны политическая полноправность была ограничена гражданами, состояние которых превышало 2000 драхм, то нашлось 9000 афинян, удовлетворявших этому цензу, при общем числе граждан в 21000. Эта пропорция

была почти равна той, какая в эпоху Пелопоннесской войны существовала между фетами и гражданами трех высших классов, потому что при понижении ценности денег 2000 драхм во время Ангипатра значили то же, что 1000 драхм, ценз фета, в эпоху Перикла. Таким образом, в течение IV века количество пролетариев в Афинах, по-видимому, не увеличилось. Но Афины были экономически наиболее цветущим городом Греции, где каждый, кто желал трудиться, легко находил хорошо оплачиваемую работу и где в то же время правительство старалось уменьшать количество граждан-пролетариев путем создания клерухий в заморских владениях.

Напротив, в местностях, где население занималось преимущественно земледелием, господствовали отчасти совершенно иные условия; и нигде социальная неурядица не выступала так резко, как в Спарте. Здесь ясно обнаруживалось, как бессильны законодательные постановления перед силою экономических отношений. Запрещение отчуждать наследственный надел должно было защитить массу крестьянства; но оно оказало как раз противоположное влияние, потому что в силу этого закона безземельному или малоземельному и потому необеспеченному хлебопашцу было крайне трудно приобрести кусок земли, разве только ему посчастливилось жениться на дочери-наследнице. И вот сыновья сидели все вместе на отцовском участке, доходов с которого им, разумеется, не хватало на покрытие установленных законом издержек по участию в сисситиях; между тем участие в последних было обязательно для каждого, кто хотел считаться полноправным гражданином. С другой стороны, беспрестанные войны и усиленные военные требования, которые государство вынуждено было предъявлять к своим гражданам, привели к тому, что многие семьи вымерли и их земельные владения путем наследования сосредоточились в немногих руках, отчасти в руках женщин, которым во времена Александра принадлежало, по преданию, 2/5 всей земли в Лаконии. В конце концов и это консервативное государство принуждено было сделать уступку потребностям нового времени. Закон эфора Эпитадея предоставил каждо-

му право — хотя и не продавать надел, но дарить его при жизни или по завещанию распорядиться им, как пожелает, что́ практически было, разумеется, равносильно разрешению продажи наделов. Но при громадном приливе иностранных ценностей в Спарту, особенно со времени Пелопоннесской войны, этот закон должен был только ускорить поглощение мелкого землевладения крупным. Действительно, уже ко времени сражения при Левктрах число полноправных спартанских граждан упало приблизительно до тысячи пятисот. Но наибольший ущерб нанесла Спарте потеря Мессении, лишившая почти половину всех граждан Спарты их земельных владений. Жизнеспособность спартанского строя и личная доблесть воспитанных им полноправных граждан блистательно доказываются тем, что государство оказалось в силах перенести и этот удар и что понадобилось еще более столетия, прежде чем пришлось произвести реформу имущественных отношений. Да и тогда революция была произведена сверху, а не бесправной и неимущей массой.

В остальных земледельческих областях дело обстояло, вероятно, не так плохо, но и здесь рост народонаселения обусловливал все большее вздорожание жизненных припасов, тогда как, с другой стороны, все более распространявшееся применение рабского труда все более ограничивало область заработка свободного населения. Что приходилось делать сыновьям мелкого землевладельца, которым отцовский участок не давал достаточных средств к жизни, если крупный помещик использовал невольников, а не свободных поденщиков, или если он вообще не нуждался в новой рабочей силе? Идти в город? Но и здесь они сталкивались с конкуренцией дешевого рабского труда. А эмиграция, которая в прежние времена служила истоком для избытка населения, со времени Пелопоннесской войны ввиду политических условий почти совершенно прекратилась; до эпохи Александра почти совсем уже не основывалось колоний, а в Италии довольно значительная часть греческой территории перешла даже в руки варваров.

Эти обстоятельства обусловили рост наемничества. В то время, как варвары массами ввозились в Грецию для работы

на фабриках, в рудниках и поместьях — десятки тысяч сынов Эллады уходили служить на чужбину. Количество людей, готовых идти в наемники, было в эту эпоху в Греции, казалось, почти неисчерпаемо. Претендент на персидский престол, Кир, в короткое время набрал для войны со своим братом Артаксерксом II более 12 тыс. греческих наемников, из которых добрая половина была родом из Ахеи и Аркадии. Около этого же времени сицилийский тиран Дионисий набрал огромное наемное войско, также преимущественно на Пелопоннесе. У Ясона Ферского было наемное войско в 6000 человек, а во время Священной войны фокейцы держали на службе 10—20 тыс. наемников. С тех пор как поход Кира доказал военное превосходство греков над азиатами, персидский царь нанимал для своих походов тысячи греческих наемников; множество их состояло на службе и у сатрапов Передней Азии, а Египет и Кипр защищали против персов почти исключительно греческие наемники. Разумеется, многие из этих солдат могли бы найти заработок и на родине, и на чужбину их влекла лишь жажда приключений и быстрого обогащения; но большинство все-таки гнала с родины нужда. А кто раз вкусил наемнической жизни, тот обыкновенно был потерян для мирного труда. Тысячи погибали на чужбине, а кто возвращался на родину, тот большею частью снова принимался за ремесло искателя приключений, лишь только заработок, принесенный им со службы, истощался. Греция была полна шайками таких бродячих наемников, готовых продать себя всякому, кто хорошо заплатит, и постоянно грозивших общественной безопасности; и из года в год это зло обострялось.

Еще бóльшая опасность заключалась в многочисленности изгнанников. За исключением Спарты, не было почти ни одного греческого государства, которое в период от начала Пелопоннесской войны до Александра не было бы потрясено внутренними переворотами; между тем почти каждая такая революция завершалась изгнанием побежденной партии, и часто в изгнание уходили целые сотни людей. При этом имущество изгнанных постоянно конфисковалось и продавалось в пользу государственной казны или делилось между

победителями. А где не доходило до политического переворота, там политические процессы давали господствующей партии средство изгонять из отечества ее противников, причем суд неизменно постановлял конфисковать их имущество; большею частью целью служила именно конфискация имущества, а обвинение в государственной измене или утайке общественных денег являлось лишь поводом к ней. Таким образом, Греция наполнилась бездомными беглецами, — большею частью образованными людьми, которые некогда жили в богатстве или по крайней мере в довольстве, а теперь терпели крайнюю нужду или ели хлеб гостеприимцев. Все они жили надеждою на возвращение в отечество и на восстановление своих имущественных прав; но осуществление этих надежд законным путем было почти невозможно, потому что если бы даже отечественное правительство охотно согласилось даровать им амнистию, то возвращение конфискованного имущества прежним собственникам представляло неодолимые трудности. Поэтому изгнанники постоянно и всеми средствами старались вызвать насильственный переворот, хотя бы для этого пришлось выдать отечество врагу. Если им удавалось вернуться, они, конечно, расплачивались со своими противниками тою же монетою; теперь последние уходили в изгнание, и хотя роли переменились, но суть дела оставалась та же. Когда Александр на Олимпийских играх 324 г. обнародовал указ, предоставлявший всем политическим беглецам во всей Греции право вернуться на родину, то на это празднество собралось, по преданию, 20 000 изгнанников; пусть это показание преувеличено, но их могло бы собраться еще большее число, если бы все они съехались в Олимпию.

Одно было ясно: при господствовавших в данную минуту условиях Греция должна была неудержимо стремиться к социальной революции, которая отчасти уже и началась. И каков бы ни был исход борьбы, — остались ли бы победителями состоятельные классы, или имущественные отношения были бы преобразованы насильственным путем, — в обоих случаях будущность нации подвергалась величайшей опасности; ибо не путем революции, а путем эволюции могут

разрешаться социально-политические задачи. Существовало только два средства, чтобы предотвратить грядущую опасность: надо было пробить те перегородки, которыми окружили эллинов с востока персидская монархия, с запада Карфаген, с севера варвары Италии и Балканского полуострова, и тем снова открыть нации исток наружу; и столь же необходимо было отнять у мелких государств право по собственному усмотрению подвергать своих граждан уголовным наказаниям. И та, и другая цель могли быть достигнуты лишь в том случае, если бы удалось устранить политическую раздробленность, водворившуюся в Элладе вследствие Коринфской войны и с тех пор возраставшую из года в год. Сознание этой необходимости проникало все в более широкие круги, и многие из лучших людей нации выразили его. Итак, почва была подготовлена; спасение явилось как раз в ту минуту, когда опасность достигла наибольшей силы.

ГЛАВА IX

Литература и искусство

Обыкновенно говорят, что Пелопоннесская война подкосила расцвет Эллады, и плачевное социальное и политическое состояние Греции в те пятьдесят лет, которые следовали за крушением Афинской державы, по-видимому, оправдывает этот взгляд. Но так может думать лишь тот, чей взор не проникает дальше поверхности вещей или кто смешивает Афины с Элладою. Для более вдумчивого зрителя IV столетие представляет совершенно иную картину. Он видит бодрую жизнь во всех областях; и если нация была больна, то болезнь ее заключалась именно в избытке силы, который, не находя исхода наружу, разряжался во внутренних столкновениях. Никогда, ни ранее, ни позднее, Греция не произвела такого большого количества политических и военных талантов; точно так же и в областях литературы, искусства и науки обнаруживалась чрезвычайно оживленная и плодотворная деятельность.

Разумеется, новое время принесло с собою отчасти и новые идеалы. Главный интерес образованных людей в духовной области был обращен уже не на поэзию, а на риторику. Без нее не мог обойтись ни один гражданин, желавший выступить на поприще общественной жизни, да и частному человеку ежеминутно могло понадобиться это новое искусство, чтобы на суде защитить себя против обвинений доносчиков. Таким образом, всякий, кто претендовал на звание человека с высшим образованием, неизбежно должен был пройти риторическую школу, а это в свою очередь вело к постоянному повышению требований, которые предъявлялись к хорошему оратору.

Против напыщенного красноречия Горгия с его поэтическим языком, смелыми метафорами, натянутыми антитезами, стремлением к строгой соответственности частей предложения и бесконечными периодами, восстал уже в эпоху Пелопоннесской войны Фрасимах из Калхедона, требовавший, чтобы слог речи был не чем иным, как идеализирован-

ным повседневным языком; правда, на нем самом еще слишком тяготело влияние Горгия или, вернее, влияние духа времени, чтобы он оказался в силах вполне осуществить это требование. Это удалось уже только Лисию (ок. 440—380 гг.), афинскому метеку сиракузского происхождения, отец которого Кефал во время Перикла переселился в Пирей и основал там большую оружейную фабрику. Беспритязательная простота его языка, чуждая, однако, всякой тривиальности, делает его в наших глазах первым стилистом древности, и из-за этого достоинства мы слишком часто забываем, что он был адвокат-крючкотворец, не брезгающий никаким средством, лишь бы защищаемая им сторона восторжествовала; потому что именно судебное красноречие было главным поприщем его деятельности, тем более что, как чужестранцу, доступ на политическую арену был ему закрыт в Афинах.

Аналогичную цель ставил себе современник Лисия, афинянин Поликрат, с той разницею, что он занимался не столько практическим красноречием, сколько риторическим преподаванием. Бóльшая часть его речей были предназначены служить образцами для учеников, и автор особенно охотно выбирал парадоксальные темы, чтобы показать, как можно защитить на вид безнадежное дело. Так, он написал хвалебную речь в честь мышей, которые-де спасли уже не один город, разгрызая кожаные части вооружения осаждающих и которым даже обязаны своим названием мистерии; в другой речи он доказывал, что Клитемнестра была гораздо лучше Пенелопы. Но самыми знаменитыми его произведениями были защитительная речь в пользу царя Бузеириса, пожиравшего людей чудовища, которое, по преданию, некогда жило в Египте, и обвинительная речь против Сократа. Разумеется, у Поликрата не было недостатка в учениках; самым выдающимся из них был Зоил из Амфиполя (ок. 400—330). Он пошел дальше по пути учителя и выбрал мишенью для своих нападок Гомера, чтó, впрочем, казалось его современникам, для которых Гомер был еще живой силою, гораздо менее парадоксальным, чем позднейшим поколениям или нам. Учеником Зоила был Анаксимен из Лампсака, один из

самых видных софистов и ораторов своего времени, автор знаменитого исторического сочинения и не менее знаменитого учебника риторики. Царь Филипп поручил ему воспитание своего сына Александра, и, по преданию, он сопровождал последнего во время его похода в Азию; сограждане Анаксимена почтили его постановкой статуи в Олимпии.

Однако большинству современников стиль Фрасимаха и его последователей казался слишком простым и бесцветным; им нужен был пафос и те звучные фразы, которые так ласкают слух южанина. Поэтому Горгий, пока он был жив, оставался, по общему признанию, первым мастером ораторского искусства, и его школа имела глубокое влияние на дальнейшее развитие риторики. Из его многочисленных учеников наиболее смелыми новаторами явились Алкидам из Элеи в Эолии и Исократ из Афин. В употреблении поэтических слов, в смелости метафор, в полноте выражения Алкидам следовал примеру своего учителя; но он научился у Фрасимаха избегать напыщенности Горгия, и как ни изыскан его язык, он никогда не становится неестественным. Его сферою было не столько практическое красноречие, сколько торжественная речь и образец для школы; в выборе тем и он не совсем умел устоять против соблазна парадоксальности, и одним из самых знаменитых его произведений была похвала смерти, где изображались горести человеческой жизни. Он занимался и политической публицистикой и, между прочим, написал брошюру в защиту прав мессенцев против Спарты.

Но Алкидама далеко превзошел его товарищ по школе Исократ. Родившись в 436 г. в Афинах и будучи сыном состоятельного фабриканта, он получил очень тщательное воспитание; в числе его учителей называют великого софиста Продика; кроме того, Исократ находился в сношениях и с Сократом. Для завершения своего образования он отправился в Фессалию, где слушал Горгия. Когда затем его семья вследствие катастрофы, постигшей Афины в конце Пелопоннесской войны, потеряла свое состояние, Исократ, как и многие другие, был вынужден приняться за эксплуатацию своих знаний с целью добыть средства для существования.

Он начал писать судебные речи, но вскоре убедился, что деятельность адвоката не по нему; его голос был слишком слаб, и он никогда не сумел освободиться от той робости, которая всегда овладевает тонко организованными натурами при выступлении перед многолюдной толпой. Поэтому он, следуя примеру своего учителя, обратился к торжественной речи; только он не сам произносил свои речи, как делал Горгий, а распространял их книгопродавческим путем. При этом он, как и Горгий, старался проводить в общество свои политические идеалы и таким образом вознаграждал себя за невозможность практической общественной деятельности, обусловленную его природными свойствами. Самым совершенным его произведением в этой области является Панегирик, изданный к Олимпийским празднествам 380 г., хвалебная речь в честь Афин, имеющая, однако, главной целью призвать эллинов к единению и побудить их к войне против исконного врага Эллады — персидского царя. Если эта речь, разумеется, и не могла непосредственно повлиять на ход политических событий, то как ораторское произведение она имела громадный успех и сразу доставила своему автору славу первого оратора своего времени. С тех пор Исократ до глубокой старости неутомимо работал на этом поприще; уже почти столетним стариком он написал свое второе главное произведение — Панафинейскую речь (окончена в 339 г.), как и Панегирик — речь во славу Афин, где, однако, уже очень ясно обнаруживается старческая слабость автора.

Не меньшим успехом, чем писательская деятельность Исократа, сопровождалась его деятельность в качестве учителя красноречия. Со всех концов Греции стекались ученики к нему в Афины и — что́ редко удается учителям — он сумел на всех своих учеников наложить печать своего духа, не подавив в них, однако, самостоятельного творчества. Поэтому он мог гордиться тем, что множество лучших людей его времени обязаны ему своим образованием: историки Феопомп из Хиоса и Эфор из Кимы (Кумы) в Эолии, Феодект из Фаселиды, равно замечательный как трагик и как оратор, риторы Навкрат из Эрифр, Филиск из Милета и Исократ из Аполлонии, афинские государственные деятели Андротион

из Гаргетта и Леодамант из Ахарн. Сын Конона Тимофей также был учеником Исократа и до его смерти был связан с ним тесными дружескими узами. Притом влияние Исократа отнюдь не ограничивалось его школою; повсюду в эллинском мире читались его речи, и он с полным правом мог сказать о себе, что его враги и соперники втайне еще более удивляются и еще усерднее подражают ему, чем его собственные ученики. Тот почет, которым он пользовался в Элладе, доставил ему знакомство с целым рядом государей и политических деятелей, как, например, с владыкой Фессалии Ясоном Ферским, с Никоклом, царем Саламина на Кипре, с Дионисием Сиракузским, с Архидамом Спартанским, с министром и полководцем Филиппа Македонского Антипатром и с самим царем Филиппом.

В стиле Исократ держится середины между аффектированной манерой Горгия и беспритязательной простотой Фрасимаха и Лисия. Как последние, и он говорит языком повседневной жизни, избегая всяких поэтических оборотов, хотя и тщательно подбирая выражения; он умеренно пользуется риторическими фигурами и особенно заботится о благозвучности ритма и приятной округленности периодов. С бóльшей последовательностью, чем кто-либо до него, Исократ избегал разрывов, к чему стремился уже Алкидам. С неутомимым усердием он шлифовал свои произведения; по преданию, он работал над Панегириком десять лет. Но именно эта тщательная отделка всех деталей вредит впечатлению, производимому его речами; это плоды кабинетного труда, затейливости которых мы удивляемся, но которые в настоящее время уже не находят отзвука в нашем сердце. Правда, современники в большинстве были другого мнения; для них Исократ был недосягаемым мастером слога, хотя уже и тогда существовала сильная оппозиция против него. Так, Исократ коренным образом повлиял на развитие греческой прозы, а, следовательно, и прозы всех культурных народов.

Теми природными свойствами, которых недоставало Исократу, в незаурядной мере владел его младший современник и соотечественник Демосфен из аттического дема

Пеании (род. около 384 г.). Он также был сыном богатого фабриканта, и когда после ранней смерти отца его дело под руководством неспособных опекунов пришло в упадок, Демосфен, подобно Исократу, принужден был взяться за ремесло адвоката. Его учителем был Исей из Халкиды, один из самых отъявленных плутов, какой когда-либо существовал между адвокатами; и Демосфен, едва достигнув совершеннолетия, совершенно в духе наставника начал свою карьеру обвинением против своих опекунов, полным сознательных искажений истины. Он вскоре приобрел известность в качестве защитника, а также выдвинулся и в политических процессах; затем, лет 30 от роду, он начал свою деятельность в качестве народного оратора, и благодаря ей в короткое время достиг руководящего положения в Афинах, которое с небольшими перерывами и занимал до своей смерти.

В области риторической техники Демосфен, конечно, многому научился от Исократа; как и последний, он неутомимо отделывал свои речи и также не умел говорить без подготовки. В остальном же трудно представить себе больший контраст, чем тот, который обнаруживается между речами этих двух ораторов. Он обусловлен отчасти различием характеров, отчасти различием сфер, в которых они действовали, и публики, к которой они обращались. Исократ писал для образованных людей Эллады; афинские же суды присяжных и собрание самодержавного народа на Пниксе состояли преимущественно из пролетариев и мещан, и оратору, который хотел влиять на эти слои общества, не оставалось ничего другого, как спускаться до духовного уровня толпы. Отсюда то безграничное оплевывание противников, то бесстыдное искажение истины, то поверхностное отношение даже к важнейшим вопросам, которые характеризуют большинство речей, произносившихся в Афинском народном собрании и в афинских судах и от которых несвободны и речи Демосфена; отсюда и та театральная декламация, которую, по преданию, сам Демосфен признавал главнейшим ресурсом ораторского искусства. Но в этой области достигали совершенства и другие; что́ возвышает Демосфена над всеми ораторами его времени и делает его одним из вели-

чайших ораторов всех времен, — это сила его страсти, его возвышенный пафос, могучий поток его слов, которые, по гомеровскому сравнению, как град из грозовой тучи, осыпают противника, неодолимо увлекают слушателя за собою и не дают ему заметить скудости доказательств. Притом Демосфен, как далеко ни шел он в уступках вкусам своей публики, никогда не впадал в низменный тон демагогов и сикофантов, полновластно господствовавший в его время на афинской трибуне; и если он часто говорил в угоду толпе, то все-таки, когда нужно было, у него всегда хватало мужества открыто и смело отстаивать свои убеждения. Тем не менее лишь потомство вполне оценило Демосфена как оратора и даже, как обыкновенно случается, поставило его выше, чем он при всей своей величине заслуживает. Для современников же Исократ оставался неподражаемым, классическим образцом. Такой великий теоретик, как Аристотель, в своей риторике лишь мимоходом упоминает Демосфена и свои примеры заимствует предпочтительно из речей Исократа; Теофраст закончил свой очерк развития ораторского искусства также Исократом.

Не менее замечательным оратором, хотя и в другом роде, был сверстник Демосфена Эсхин, родом из аттического округа Кофокид. Он родился около 390 г. и происходил из хорошей фамилии, которая, однако, как и многие другие, потеряла свое состояние во время Пелопоннесской войны. После этого его отец Атромет поступил на военную службу в Азии, а затем, по возвращении домой, перебивался обучением детей, тогда как жена его Главкофея посвящала верующих во фригийские таинства, которые в то время, как мы знаем, имели много последователей в Афинах. Таким образом, Эсхин вырос в нужде; первоначально он попытал счастья в качестве трагического актера, затем вступил мелким чиновником на государственную службу и благодаря своим способностям постепенно возвысился до видного положения, как и его братья, из которых один, Афобет, занимал важный пост в финансовом ведомстве, а другой, Филохарис, достиг даже высшей должности в государстве — стратега. Несмотря на свой выдающийся ораторский талант, Эсхин

никогда не унижался до занятия адвокатурою, равно как — или только в старости — до преподавания риторики; даже из речей, произнесенных им в защиту собственного дела, он издал только три — с политической целью и для оправдания против клевет своих противников. Эти речи принадлежат к самым совершенным образцам красноречия всех времен и вполне выдерживают сравнение с речами, которые произнес при тех же процессах его противник Демосфен; по силе выражения они почти не уступают последним и превосходят их истинно аттической грацией и изяществом.

Третьим из великих афинских ораторов этого времени был Гиперид из дема Коллита, приблизительно ровесник Демосфена и Эсхина. Получив образование в школе Исократа, он занялся адвокатской деятельностью и благодаря ей вскоре приобрел влияние и богатство. На политическое поприще он выступил впервые при разбирательстве той серии политических процессов, которая около времени сражения при Мантинее привела к падению Каллистрата и его партии (выше, с.203—204); но руководящего влияния он достиг лишь в позднейшие годы. Это был жуир, знаток в гастрономии и интимный друг красивых гетер; одной из знаменитейших его речей была защита Фрины от обвинения ее в кощунстве (выше, с.7). Как оратора, иные в древности ставили его еще выше Демосфена: по простоте, естественности и прозрачной ясности своего стиля он более всего напоминает Лисия, хотя, соответственно вкусу времени, его периоды построены несравненно искуснее. Зато он был лишен потрясающей силы демосфеновского красноречия и далеко уступает в грациозности Эсхину и в полнозвучности торжественным речам Исократа.

Век Исократа и Демосфена породил еще и множество других отличных ораторов, из которых, впрочем, большинство вскоре были забыты; только афинский государственный деятель Ликург и адвокат Динарх из Коринфа были восприняты в сонм классических ораторов. Некоторые из наиболее замечательных ораторов вообще пренебрегали опубликованием своих речей — например, Каллистрат из Афидны, защитительная речь которого в его процессе по поводу потери

Оропа (выше, с.187) осталась незабвенной для всех, кто ее слышал, и Демад из Пеании, может быть, величайший ораторский гений, какого произвела Эллада. Он природным талантом возмещал недостаток школьного образования и часто достигал одним метким словом бóльшего эффекта, чем другие — кропотливо отделанными речами. Такой знаток, как Теофраст, сказал, что в то время как Демосфен — оратор, лишь „достойный Афин", Демад — „выше Афин".

Одновременно с художественной речью развивалась художественная форма диалога. Ее колыбелью была драма; сиракузец Софрон в эпоху Пелопоннесской войны проложил для нее путь своими „мимами", сценами из народной жизни в разговорной форме и в прозе. Приблизительно в это же время жил Алексамен из Теоса, который первый начал облекать в форму диалога научные исследования. Для нас древнейшим образцом этого вида литературы является знаменитый диалог между афинянами и мелосцами о значении права сильного в международных отношениях, который мы находим в фукидидовой „Истории". Но усовершенствован был диалог лишь в сократовской школе, которая нашла в нем средство облечь в литературную форму своеобразную педагогическую методу своего основателя. Особенно славились „Сократовские разговоры" Антисфена, который, прежде чем обратиться к философии, был ритором, и Эсхина из Сфетта, который наряду с философскими исследованиями занимался также составлением судебных речей и, значит, должен был обладать серьезным риторическим образованием. Настоящим же классиком сократовского диалога стал Платон. Поэт от природы, он остался им и после того, как бросил в огонь свои юношеские поэтические произведения и всецело посвятил себя философии. Его сочинения — в значительной степени поэмы в прозе, подобно мимам Софрона, которые Платон ставил чрезвычайно высоко и которые, по преданию, служили ему образцом со стороны стиля; он стремился вызывать в читателях иллюзию, будто они присутствуют при действительном собеседовании. Однако с течением времени Платон пришел к сознанию, что форма диалога малопригодна для систематического изложения философских учений, и

потому его позднейшие произведения, как „Тимей“ и „Законы“, по форме более приближаются к искусственной речи, хотя внешняя оболочка диалога еще сохраняется. При этом и он не сумел избегнуть влияния Исократа; впрочем, его попытка помериться с профессиональными риторами в области хвалебного красноречия не прибавила ему лавров; эта деятельность шла вразрез с основными свойствами его натуры. — Величайший ученик Платона, Аристотель, также начал свою литературную деятельность философскими диалогами, сладостная плавность которых восхвалялась древними; но и он вскоре понял, что эта художественная форма непригодна для научного исследования. Вследствие этого он в своих систематических сочинениях впал в противоположную крайность, именно рассматривал форму как вещь второстепенной важности, причем риторические украшения, привычка к которым вошла уже в его плоть и кровь, составляют странный контраст с безыскусственностью целого.

Ввиду блестящего развития риторики поэзия должна была отступить на второй план. Где раньше сочиняли гимн, теперь писали торжественную речь, и даже на пиршествах элегия и сколион все более вытеснялись произнесением речей или собеседованиями на философские темы. На великих национальных празднествах со времени выступления Горгия в Олимпии, наряду с поэтическими и музыкальными произведениями, неизменно произносились речи. Мало того, философия дошла до того, что стала отвергать почти всю прежнюю поэзию, как безнравственную; на этом основании Платон, как ни тяжело это было ему, изгонял из своего идеального государства даже Гомера и драму, и из всей поэзии оставлял лишь гимны во славу бессмертных богов и песни в честь заслуженных мужей.

Однако вначале это движение захватило лишь те круги общества, которые занимали руководящее положение в области духовной жизни. Масса и теперь, как раньше, требовала привычных поэтических развлечений, так что во внешних побуждениях к поэтическому творчеству и в этот период не было недостатка. Как и до сих пор, аттический театр ежегодно требовал целого ряда новых драматических произве-

дений, и если Афины после крушения их державы уже не были в состоянии тратить на искусство такие суммы, как раньше, то поэзия щедро вознаграждалась за этот ущерб в других частях Греции. Драматические представления, которые до сих пор ставились только в Афинах и некоторых других больших городах, начали теперь все более распространяться в греческом мире. Повсюду возникали театры; особенно княжеские дворы Пеллы и Фер, Галикарнаса и Сиракуз старались стяжать славу поощрением искусства и наперерыв привлекали к себе первые силы. Нарождающаяся монархия давала знать о себе и в этой области; но пока афинский театр все еще оставался художественным центром Эллады.

Согласно с этим IV столетие обнаруживает в области драмы такую производительность, которая в смысле объема по меньшей мере может сравниться с производительностью V века, а вероятно, и превосходит ее. Не без основания комедия осмеивает

> Глупцов, что драмы пишут
> На сотни миль длинней, чем Еврипид.

Без сомнения, среди этой массы произведений было немало превосходных пьес. Прежде всего следует назвать здесь Агафона из Афин, одержавшего первую свою победу еще совсем молодым человеком в 416 г. и позднее переселившегося в Македонию; затем Каркина из Акраганта, который подвизался преимущественно на своей родине, в Сицилии, при дворе сиракузских тиранов; далее, приемного сына Исократа, Афарея, и его ученика Феодекта из Фаселиды; наконец, и впереди всех, афинянина Астидама, первого трагика, на долю которого выпала честь увидеть свою статую в афинском театре (340 г.). Но все они несли тяжелую участь эпигонов. „Луг муз был стравлен“, — жалуется один поэт этого времени. Еврипид остался непонятым большею частью своих современников, — а следующее поколение нашло у него выражение своих высших эстетических и этических идеалов. Поэтому вся драматическая литература IV столетия

носит на себе печать Еврипида и представляет собою дальнейшее развитие тех художественных принципов, которые выработал великий трагик. Сюжеты по-прежнему заимствуются из области мифа, содержание которого, разумеется, все более исчерпывалось, что́ побуждало поэтов снова и снова возвращаться к одним и тем же сюжетам; естественным последствием такого положения вещей было то, что поэты стремились проявить оригинальность каким бы то ни было способом. Никому не приходило в голову обратиться к истории VI или V столетий, столь богатой трагическими мотивами, а сделанная Агафоном в его „Анфосе" попытка вывести на трагическую сцену свободно выдуманную фабулу не нашла последователей. Еще менее осмеливались нарушать традиционные законы техники. Хор уже у Еврипида был часто лишь слабо связан с действием пьесы; но совершенно отбросить эти путы не решались, хотя мысль об этом должна была напрашиваться сама собою и хотя комедия уже показала в этом отношении хороший пример. Таким образом путь к дальнейшему плодотворному развитию трагедии был преграждён, и лучшие таланты изнемогали в усилиях превзойти свои образцы или даже только сравняться с ними.

А общество также все более убеждалось в том, что продукты современной драматической литературы далеко не могут сравниться с великими образцами минувших дней. Поэтому вошло в обычай, наряду с произведениями новейших поэтов, ставить также пьесы великих трагиков V века, преимущественно, разумеется, Еврипида. После сражения при Херонее, по предложению оратора Ликурга, были поставлены в афинском театре бронзовые статуи Эсхила, Софокла и Еврипида, и в то же время установлен официальный текст их произведений, которым должны были руководиться актеры. С течением времени классическая трагедия все более вытесняла из репертуара пьесы новейшего времени и в конце концов обрекла их на забвение, часто, без сомнения, незаслуженное.

Иначе обстояло дело с комедией. В то время как трагики V века, подавленные великими образцами классической эпохи, не сумели достигнуть самостоятельного значения, коме-

дия имела счастливую возможность черпать свой материал из современной жизни. Правда, эпоха Пелопоннесской войны создала и в области комедии великие образцы, которые никогда не были превзойдены и кипучей свежести, могучей силы которых даже никогда не достигали позднейшие поэты. Но произведения Кратина, Эвполиса, Аристофана и их товарищей, полные намеков на события дня и посвященные изображению исключительно афинской жизни, никогда не могли проникнуть за пределы Афин, и даже здесь были непонятны уже ближайшему поколению. Притом, более тонкий вкус нового времени уже не терпел на сцене тех пошлостей, которые еще в современниках Аристофана не вызывали никакого раздражения. Таким образом, аттическая комедия свернула теперь на тот путь, который был указан Эпихармом. Политика все более отходит на задний план; литературные вопросы обсуждаются еще часто, но главным содержанием комедии становятся мелкие отношения повседневной жизни, причем главную роль играют гетеры, паразиты и слуги, и с бесконечными подробностями изображаются пиры. Лирические части, безусловно, отступают перед диалогом. Первые признаки этого направления обнаруживаются уже в последних пьесах Аристофана; еще ярче выступает оно у младших современников Аристофана — Платона-комика, Феопомпа и Стратфиса, деятельность которых, начавшись во время Пелопоннесской войны, захватила значительную часть IV столетия. Эвбул, подвизавшийся на драматическом поприще от Беотийской войны до времени Демосфена, уже всецело принадлежит новому направлению. Так как комедия утратила теперь свой специфически афинский характер, то в этой отрасли литературы могли работать и иностранцы. Действительно, между знаменитейшими представителями этой т.н. „средней комедии“ мы встречаем, рядом с афинянином Антифаном, родосца Анаксандрида и Алексиса из Фурий в Нижней Италии. Но все они, без различия происхождения, писали главным образом для афинского театра и изображали в своих пьесах афинскую жизнь.

В области эпоса также начала обнаруживаться новая жизнь. Хэрил из Самоса на исходе V века осмелился взять

сюжет для своей поэмы не из мифологии, как требовала традиция, а из истории, воспев Персидские войны. Разумеется, значительная часть этой эпопеи представляла песнь во славу Афин, и афиняне вознаградили поэта, постановив, чтобы впредь рапсоды публично декламировали его поэму наряду с гомеровскими песнями. Впрочем, именно в этой патриотической тенденции, по-видимому, и заключалась главная заслуга Хэрила. Его совершенно затмил его ионийский соотечественник Антимах, который в своей „Фиваиде" снова, по обычаю, разработал мифологический сюжет. Наиболее славилась его элегия „Лида", где поэт изливал свою скорбь по поводу смерти своей возлюбленной и искал утешения в воспоминаниях о других несчастных любовниках, которых в таком изобилии выводил перед ним миф. Такой знаток, как Платон, очень высоко ставил Антимаха, и если позднейшие поколения порицали напыщенную пространность его композиции, то они все-таки усердно читали его и не менее усердно ему подражали. Для элегии александрийского периода „Лида" послужила образцом.

В собственной лирике текст в эту эпоху все более отступал перед композицией. Сообразно с этим теперь разрабатывались преимущественно одноголосная песня или, как говорили греки, ном, и опера, дифирамб. Это было результатом нового направления, которое с половины V века обнаружилось в области музыки. Начало этому движению положили Меланиппид из Мелоса и Фринис из Митилены в эпоху Перикла; до совершенства новое направление было доведено Тимофеем из Милета, Филоксеном из Киферы и Кинесием из Афин, действовавшими на исходе V и начале IV столетия. Всеми средствами старались они добиться более полного звукового эффекта; инструменты были усовершенствованы, искусственные ритмы, излюбленные Пиндаром и его современниками, были отброшены, как стеснительные узы, и заменены более простыми формами; композиторы уже не боялись менять тональность в одной и той же пьесе. Они стремились прежде всего к реализму; так, Филоксен и Тимофей в музыкальных звуках изображали мычание стад Киклопа, гул бури и даже обстоятельства, которыми сопровождалось рождение

Дионисия. Поклонники старины, конечно, оплакивали „упадок“ музыки, как это повторилось и в наши дни по поводу музыкальной реформы подобного же рода. Но, как ныне, так и тогда противодействие оказалось бесплодным; новая эпоха требовала нового искусства, и творцы его знали, что им принадлежит будущее. Тимофей, вождь всего этого движения, не поколебался открыто бросить в лицо своим злобным критикам такие слова:

Не стану петь, как пели встарь —
Мне новый лад милее;
Царит теперь бог юный — Зевс,
Низвергнут старый Кронос.
Прочь, старая муза!

Предсказание сбылось; старая музыка пала, и скоро Тимофей и Филоксен уже сами были классиками; их песни изучались в школах, и их большие композиции ставились на сцене еще спустя столетия.

Высокого совершенства достигла в это время и инструментальная музыка. Игра на флейте издревле процветала в Фивах; но лишь в эпоху Перикла здесь в лице Пронома явился композитор, чьи пьесы для флейты приобрели известность во всей Греции. Его сын Эниад продолжал деятельность отца; мы узнаем, что он в 388 г. одержал победу в Афинах. Но Эниада затмил его соотечественник Антигенид, первый флейтист-виртуоз своего времени (ок. 400—360). Он примкнул к Филоксену, в чьих дифирамбах исполнял аккомпанемент, но писал и самостоятельные пьесы, долго охранявшие его имя от забвения. Из его многочисленных учеников большую известность приобрели в эпоху Филиппа и Александра Исмений и Тимофей, оба из Фив. В соседних с Беотией областях также усердно занимались авлетикой: в конце IV века мы находим среди первоклассных артистов Телефана из Мегары и Эвдокса из Халкиды.

В Афинах авлетике никогда не удавалось пустить прочные корни; зато здесь достигла высокого совершенства кифаристика благодаря двум артистам, жившим в первой по-

ловине IV века, Кефисодоту из Ахарн и особенно Стратонику. Стратоник, по преданию, первый основал школу инструментальной музыки.

Все великие музыканты V и IV веков являлись вместе с тем и артистами-исполнителями, и своей славою были обязаны столько же виртуозности своей игры, сколько достоинствам своих композиций. Но, разумеется, невозможно было требовать, чтобы композитор обладал и красивым голосом, в особенности если он продолжал работать до поздней старости, как Тимофей Милетский. Притом, для постановки новых сложных дифирамбов требовались не только хорошие солисты, но и обученный хор и хороший оркестр. Таким образом возникло сословие профессиональных театральных певцов и музыкантов. Такая же перемена произошла на трагической и комической сцене. Если Эсхил и несколько раз еще Софокл сами выступали в своих пьесах, то успехи сценического искусства и обусловленная ими большая требовательность публики вскоре привели к образованию класса актеров, и поэты стали ограничиваться тем, что руководили разучиванием своих пьес. Хотя социальное положение актеров и тогда, как во все времена, было вообще далеко не почетным, тем не менее выдающиеся таланты достигали громкой славы, и в IV веке в Афинах вошло в обычай вносить и их имена в официальные списки поставленных на сцене пьес. В этом сословии господствовала строгая иерархия; трагические актеры гнушались выступать в комедиях, и протагонист относился с презрением к девтерагонисту и тритагонисту. Очень характерно для истории развития этих отношений, что из эпохи расцвета аттической трагедии до нас не дошло ни одно имя какого-либо знаменитого актера; напротив, в середине IV века источники называют нам в качестве выдающихся протагонистов на трагические роли Феодора, Неоптолема и Аристодема, в эпоху Александра — Фессала и Афенодора; из знаменитых комических актеров этого же времени можно назвать олинфянина Сатира и Ликона из Скарфея.

Развитие пластического искусства в IV веке немногим разнится от развития поэзии за тот же период; как и поэзия,

пластика жила успехами, достигнутыми в предшествовавшую эпоху. Но здесь великие образцы V столетия действовали не столь подавляющим образом, как в области поэзии, ибо поэтическое произведение может быть распространено в неограниченном количестве копий, тогда как произведение искусства привязано к месту своего нахождения и никакая репродукция не может заменить оригинала. Притом техника пластических искусств в эпоху Перикла далеко еще не достигла той степени совершенства, какую обнаруживает в это же время поэтическая техника. Поэтому деятели на поприще образовательных искусств имели в IV веке больше простора для художественного творчества, чем поэты этого времени.

Пластические искусства отнюдь не могли жаловаться и на недостаток внешнего поощрения. Правда, Афины и в этой области лишаются того руководящего положения, которое они занимали при Перикле. Пелопоннесская война поглощала почти все наличные средства; затем последовали крушение государства и революция, и когда Афины несколько оправились от этой катастрофы, пришлось прежде всего позаботиться о восстановлении укреплений и арсеналов. Лишь со времени Филократова мира Афины снова могли думать о постройке зданий, не служащих непосредственно практическим нуждам. Тем не менее в течение всего этого века Афины оставались главным средоточием греческой художественной деятельности; только их художники работали почти исключительно на иностранных заказчиков.

После сражения при Эгоспотамах одну минуту казалось, что Спарта и в области художественной деятельности намерена выступить наследницей Афин. В Дельфах и Спарте были воздвигнуты великолепные памятники победы; но возобновление войны вскоре положило конец этим стремлениям. Расцвет Фив после битвы при Левктрах почти совсем не породил крупных монументальных памятников. Зато усердно культивировалось искусство в монархических государствах, которые в это время возникли или достигли большого значения, особенно в Карии, Сицилии и Македонии; разумеется, оно должно было подчиняться и тем требованиям, которые предъявляли к нему властелины этих стран.

В области архитектуры постройка храмов все еще занимала первое место, хотя уже не в такой степени, как в предшествовавшую эпоху. Афины, несмотря на финансовые затруднения, которые они испытывали во время Пелопоннесской войны, нашли средства отстроить святилище Афины Полиас на Акрополе, по благородной строгости стиля — истинный шедевр ионийской школы. Около этого же времени на террасе близ Пропилей, откуда открывается волшебный вид, был воздвигнут тот небольшой храм богини Победы, который в нашем веке после освобождения Греции был восстановлен из античных обломков и теперь опять, как некогда, сторожит вход на Акрополь. На Делосе близ старого храма Аполлона был построен новый большой храм в честь бога-хранителя острова. В Тегее храм Афины Алéа около 395 г. был уничтожен пожаром; новый храм, воздвигнутый под руководством Скопаса, был величайшим и прекраснейшим храмом всего Пелопоннеса. Приблизительно в это же время близ Эпидавра был воздвигнут великолепный храм Асклепия. Особенно оживленную деятельность обнаруживала в этой области Иония, где, наконец, начали восстановлять разрушенные некогда персами храмы. Храм Аполлона Дидимского в Бранхидах близ Милета был великолепно реставрирован зодчими Пеонием и Дафнисом. В Приене Пифей, творец Мавсолейона, построил большой храм городской богини Афины, который затем был освящен Александром. Сгоревший в 356 г. Артемисион в Эфесе был еще в более роскошном виде восстановлен Дейнократом; он был теперь самым большим из всех греческих храмов и позднее считался одним из семи чудес света.

В огромном большинстве случаев при постройке храмов следовали тем образцам, которые создала предшествовавшая эпоха, и держались двух традиционных стилей, дорийского и ионийского, тогда как новоизобретенный коринфский стиль применялся лишь изредка, да и то лишь в отделке внутренних частей храма. Лишь в очень редких случаях зодчие пытались идти самостоятельными путями. Таков был колоссальный храм Зевса в Акраганте, самый большой из всех храмов Сицилии и после эфесского Артемисиона, вероятно,

из всех греческих храмов вообще, который строился вплоть до разрушения города карфагенянами (406 г.) и вследствие этой катастрофы остался неоконченным. Здесь, именно ввиду огромных размеров здания, колоннада была заменена стеною, украшенной полуколоннами, фасад имел, вместо обычного четного числа колонн, семь полуколонн; внутри громадные фигуры гигантов служили опорами для балок корабля. Еще смелее уклонились от традиции строители храма Афины Полиас, т.н. Эрехтейона, на Акрополе в Афинах. Здесь также нет колоннады; вместо нее мы находим три портика, из которых в одном колонны заменены статуями, изображающими девушек. В это же время был изобретен круглый храм. Самым знаменитым образчиком этого вида храмов был „фолос", построенный в половине IV века младшим Поликлетом в священной области Асклепия близ Эпидавра. Это было круглое святилище, снаружи окруженное перистилем из ионийских колонн, внутри украшенное коринфскими колоннами, — по тщательной отделке деталей, быть может, самое совершенное создание греческой архитектуры. Круглый же храм, но меньших размеров, представлял собой Филиппейон в Олимпии, воздвигнутый Александром в честь его отца и украшенный статуями обоих великих царей Македонии, царицы Олимпиады и родителей Филиппа. Это был ионийский периптер, внутри украшенный коринфскими полуколоннами. В форме небольших круглых храмов строились, вероятно, и монументы, воздвигавшиеся в память одержанных в театре побед; таков памятник Лисикрата (от 335/334 г.), который еще теперь стоит в Афинах у подошвы Акрополя, — одно из немногих зданий коринфского стиля, какие уцелели от той эпохи.

Но рядом с постройкою храмов к архитектуре предъявлялись теперь все в больших размерах и требования иного рода. Каждый греческий город хотел иметь свой каменный театр, возможно более великолепный. Самым красивым зданием этого рода считался театр, который построил в священном округе Эпидавра, рядом со своим „фолосом", младший Поликлет и который, за исключением сцены, почти вполне сохранился до наших дней. Афины не хотели отстать

и приступили к перестройке своего старого театра внизу Акрополя, которая и была закончена во время правления Ликурга при Александре. Тогда же был заложен панафинейский стадий в южной части города, по ту сторону Илиса. Теперь все более входило в обычай созывать Народное собрание в театре. Однако и тут участники собрания ничем не были защищены против непогоды; вследствие этого в наиболее благоустроенном городе этого времени — Мегалополе — напали на мысль устроить крытое помещение для заседаний аркадского союзного собрания, т.н. „десяти тысяч". Это Ферсилейон, названный так по имени своего основателя, представлял собой прямоугольную залу с пилястрами, на которых покоилась крыша; в общем он походил на храм Деметры в Элевсине, но был еще несколько больше его, вмещая около шести тыс. человек. Но, по-видимому, этот пример не нашел подражателей.

Новые задачи поставила зодчеству монархия, которая в течение IV столетия все более упрочивалась в Греции и в конце концов сделалась господствующей формой правления. Вернее, это были те старые задачи, на которых греческая архитектура развилась в микенский период, — постройка дворцов и гробниц. Особенно славился дворец любителя искусств Архелая в Пелле, преимущественно, впрочем, благодаря фрескам Зевксиса. которыми были украшены его стены; замечательным архитектурным памятником был, вероятно, и дворец Дионисия в Сиракузах. Богатые частные люди старались подражать государям, и потому греческие города начали украшаться великолепными постройками, часто оставлявшими в тени общественные здания. Может быть, совершеннейшим и во всяком случае знаменитейшим произведением искусства этой эпохи была гробница, построенная по поручению Мавсола Карийского в Галикарнасе зодчими Пифеем и Сатиром для него самого и для его жены Артемисии. На мощном фундаменте, где находилась усыпальница, возвышался ионический храм, крыша которого была украшена четырехконной колесницей. Первые художники того времени соперничали в украшении мавзолея скульптурными

работами, и в продолжение всей древности он считался одним из чудес света.

Более самостоятельности, чем архитектура, обнаруживает по отношению к искусству предшествующего периода пластика этого времени. Художники V столетия считали главною своей задачей выработку типов богов, и то, что было создано ими в этой области, осталось образцом для всех позднейших эпох. Но софистическое движение, поколебавшее старую веру в богов, нанесло смертельный удар и религиозному искусству. Характерно для духовного направления нового времени, что теперь почти совсем уже не создают статуй из золота и слоновой кости, которые представляли зрителям божество во всем его неземном величии. И теперь еще в большом количестве изготовлялись мраморные и бронзовые статуи богов; но если художники и считали свои статуи изображениями богов, это были уже не боги, а только возведенные в совершенство человеческие образы. Афродита Книдская Праксителя, быть может, знаменитейшее скульптурное произведение всего этого периода, представляла собою не что иное, как изображение идеально красивой женщины; уже полная нагота богини должна была устранять всякое чувство благоговения. Мало того, изображения богов в эту эпоху очень часто превращаются в простые жанровые картины; таков Гермес Праксителя в Олимпии, играющий с младенцем Дионисом, таков Аполлон-Сврактон того же мастера, где могучий бог, умертвивший своими стрелами Пифийского дракона, обратился в мальчика, который пытается пронзить ящерицу. Таким образом искусство этой эпохи в смысле величия далеко уступает искусству Фидия и его современников, но взамен так же далеко превосходит его умением выражать в лице и позе движения души. Такого произведения, как группа Ниобид, V век не мог бы создать.

Чрезвычайно плодотворное поле деятельности открыл пластике все более распространявшийся теперь обычай воздвигать статуи заслуженным людям. Демократия V века была очень скупа на эту почесть; в Афинах ее были удостоены только тираноубийцы Гармодий и Аристогитон. Конон, победитель при Книде, восстановивший морское владычество

Афин, был первым, кому оказан был этот почет. Раз таким образом старый принцип был нарушен, Афины быстро пошли вперед по этому пути; подобно Конону, и его сын Тимофей, и полководцы Ификрат и Хабрий были почтены постановкою статуй; того же отличия удостаивались дружественные государи, как Эвагор Кипрский, боспорские тираны, македонские цари Филипп и Александр; наконец дошло до того, что Деметрию из Фалер, который в 317—307 гг. управлял Афинами именем Кассандра, был воздвигнут целый ряд статуй. Остальная Греция не отставала от Афин; Сиракузы воздвигли статую еще Гелону, и вскоре почетные статуи сделались там настолько многочисленными, что при финансовых затруднениях во время Тимолеона правительство нашло выгодным расплавить их, чтобы употребить добытые отсюда средства на государственные потребности. В конце концов начали воздвигать статуи и выдающимся литературным деятелям, например, в Афинах трагику Астидаму и вскоре после того — трем творцам трагедии, Эсхилу, Софоклу и Еврипиду. Приблизительно в это же время Сиракузы воздвигли статую своему великому поэту Эпихарму. На этих работах портретная пластика развилась до такой тонкости характеристики, которая далеко оставляла за собою все, что было достигнуто в этой области предшествовавшим периодом.

Одно из первых мест между пионерами нового направления в скульптуре принадлежит Скопасу, происходившему со знаменитого своим мрамором острова Парос. Его отец Аристандр работал в Пелопоннесе рядом с Поликлетом на исходе V и начале IV века, и сам Скопас руководил там реставрацией храма Афины в Тегее. Позднее, около 350 г., мы находим его в числе художников, которым поручена была внутренняя отделка Мавсолейона в Галикарнасе. Среди остальных его произведений одним из самых знаменитых была мраморная группа, изображавшая Ахилла и его мать Фетиду, окруженных нереидами, тритонами и другими мифическими морскими существами. Он ли или Праксителъ был творцом группы Ниобид, было уже в древности спорным вопросом; вероятность говорит более в пользу Скопаса. Дошедшая до

нас копия этой группы, украшающая теперь музей Уффици во Флоренции, есть, правда, лишь бездарное произведение времен императорского Рима, которое едва дает представление о художественных приемах творца оригинала; но и в ней мы удивляемся могучему пафосу и потрясающему выражению душевных мук на лице матери, перед глазами которой ее дочери одна за другой падают под стрелами Аполлона и Артемиды.

Между афинскими скульпторами Кефисодот является первым крупным представителем нового направления. О характере его творчества может дать нам представление т.н. Левкофея в Мюнхене, копия его статуи богини мира с младенцем Плутосом, воздвигнутой в Афинах в 374 г. по случаю заключения мира. Его сыном или братом был великий Пракситель, рядом с Фидием, Поликлетом и Лисиппом самый знаменитый из греческих ваятелей (около 350 г.). Из многочисленных произведений, созданных им, преимущественно из мрамора, одно дошло до нас в подлиннике, именно та статуя Гермеса из Гереона в Олимпии, нахождение которой уже одно вознаградило бы за труды и издержки по раскопке святилища на Алфее. Мы удивляемся совершенству мраморной техники, какого не достигал ни один из известных нам ваятелей древности или позднейшего времени, нас неодолимо влечет к себе мечтательный взор, который вперил в пространство молодой бог, машинально играя с сидящим у него на руке младенцем Дионисом. Между тем эта группа вовсе не принадлежит к числу лучших произведений Праксителя. Поэтому мы можем понять восторг, который возбуждала его Афродита Книдская, можем понять — почему любители отовсюду стекались в Феспии только для того, чтобы взглянуть на праксителева Эроса, которого подруга ваятеля, гетера Фрина, поставила там, в своем родном городе, в храме бога любви.

Кроме упомянутых, Афины произвели в этот период еще немало замечательных ваятелей, как, например, Тимофея, изготовившего рельефы для храма Асклепия в Эпидавре, Бриаксиса и Леохареса. Все трое работали вместе со Скопасом в галикарнасском Мавсолейоне; изображения войны

амазонок, украшавшие этот памятник, и теперь составляют одну из главных драгоценностей Британского музея, дают нам представление об их художественных приемах. Кроме того, до нас дошла копия одного из знаменитых произведений Леохареса — группа, изображающая похищение Ганимеда, которая теперь находится в Ватиканском музее. В Афинах работали и иностранные художники, как Эвфранор, который славился столько же в качестве живописца, как в качестве скульптора, и, по преданию, достиг большого совершенства особенно в изображении героев.

Наряду с этими знаменитыми художниками в Афинах подвизалось большое количество менее выдающихся скульпторов, имена которых большею частью забыты и из которых многие были, вероятно, простыми каменотесами; но им мы обязаны почти всем, что дошло до нас из оригинальных произведений греческой скульптуры этого времени. Их работы часто были, разумеется, весьма посредственными художественными произведениями, как раз по карману состоятельным частным людям, которые давали заказы таким мастерам. Но отблеск несравненной прелести и красоты, которыми дышали создания великих художников, озаряет и эти скромные произведения и сообщает им то обаяние, которого лишены претенциозные произведения позднейших эпох. Многие из этих памятников возвышаются даже до степени истинно художественных созданий. До нас дошли преимущественно рельефы, служившие для украшения гробниц; мертвый изображен обыкновенно в кругу своей семьи или занятый исполнением какой-нибудь повседневной работы; если он пал на войне, то его изображали также вооруженным или в схватке с врагом. Все дороги, ведшие от ворот Афин, были на далеком протяжении окаймлены такими памятниками, и ни один человек, посетивший Афины, не забудет той несравненной улицы гробниц перед Дипилоном, где памятники до сих пор или теперь снова стоят на своих старых местах.

Однако средоточием плодотворного развития пластики суждено было стать Пелопоннесу; творцом нового направления является Лисипп из Сикиона. По профессии простой

ремесленник, он стал художником благодаря силе собственного таланта. Разумеется, он находился под влиянием господствовавшей в его отечестве арголидской школы; он сам любил называть своим учителем поликлетова Копьеносца. Но благодаря непосредственному изучению природы и стремлению к реалистической правде он вскоре далеко опередил своего учителя. Он изобрел новую систему пропорций: он делал голову меньше и туловище стройнее, чем до тех пор было принято; он говорил, что его предшественники изображали людей такими, каковы они есть в действительности, он же — какими они кажутся зрителю. Сюда присоединялась необыкновенно тщательная отделка деталей, особенно более свободное изображение волос. Благодаря этому фигуры Лисиппа приобретали такую легкость и изящество, каких до сих пор еще не достигало греческое искусство. Статуя молодого атлета, счищающего с себя пыль палестры, т.н. Апоксименос в Ватиканском музее, мраморная копия бронзового оригинала Лисиппа, лучше всего другого знакомит нас с характером его творчества; трудно представить себе бóльшую противоположность, чем та, которая существует между этим произведением и дюжим Копьеносцем Поликлета.

Начав свою деятельность литейным мастером, Лисипп всю жизнь работал почти исключительно в бронзе. Его плодовитость изумительна: из его мастерской вышло, по преданию, 1500 статуй, в том числе колоссальная, в 40 локтей вышиною, статуя Зевса, поставленная в Таренте. Женских фигур он не создал почти ни одной, зато особенно охотно изображал Геракла; идеальный образ этого героя, сделавшийся типическим для позднейшего искусства, был создан Лисиппом. Его реалистическое направление должно было привести его к портретному ваянию, и в этой области он достиг, может быть, наибольшего совершенства и во всяком случае далеко превзошел всех своих предшественников и современников. Так, Александр позволял изображать себя только Лисиппу, и последний создал целый ряд статуй великого царя, всех возрастов, от ребенка до владыки мира. Лисиппу же было поручено и изготовление памятника, который

Александр воздвиг в Дионе после победы при Гранике; он изображает тех 25 всадников македонской лейб-гвардии, которые пали в этой битве, и представляет собою самую большую композицию Лисиппа и вместе с тем, вероятно, первую скульптурную группу исторического содержания. И в этой области Лисипп наметил путь для искусства позднейшего времени.

Но еще несравненно бóльшие успехи, чем пластика, сделала в это же время живопись. И это искусство, благодаря великим художникам эпохи Пелопоннесской войны, владело теперь, если еще и не вполне совершенной, то все же очень замечательной техникой, и гораздо более, чем скульптура, было в состоянии дать то, чего прежде всего требовала эта эпоха, — естественность и тонкость психологической характеристики. Особенное внимание обращали теперь на колорит. Была создана или по крайней мере разработана особенная техника, энкавстика, состоявшая в том, что восковые краски растоплялись и смешивались раскаленной металлической палочкой: благодаря этому краска получала такой блеск, какого невозможно было достигнуть другим способом, так как древность не знала масляных красок. Но живопись восковыми красками была очень кропотливой работой, отнимавшей много времени, и потому этим способом можно было писать только небольшие картины. Да и вообще фресковая живопись теперь все более вытеснялась живописью на досках, допускавшею более тщательную отделку деталей. Такие картины часто употреблялись как жертвенные дары, и таким образом при многих знаменитых храмах начали возникать картинные галереи. Но и богатые частные лица начинают теперь собирать картины, вследствие чего цены поднимаются все выше. Так, Зевксис за свои фрески во дворце Пеллы получил от царя Архелая, по преданию, 400 мин; об Аристиде рассказывают, что он за каждую фигуру на своих дощатых картинах брал по 10 мин, так что одна его картина, изображавшая сражение из цикла греко-персидских войн и содержавшая 100 фигур, обошлась покупателю в тысячу мин, а Апеллес за портрет Александра получил от города Эфеса, по преданию, даже 20 талантов золотом или более

двухсот серебряных талантов. Эти и подобные им показания, несомненно, сильно преувеличены, но все-таки они показывают, как высоко уже в эту эпоху ценились картины лучших художников.

Ряд великих живописцев этого времени открывается Аристидом из Фив (ок. 380—340 гг.). Он был, по преданию, первым живописцем, которому удалось сообщить живое выражение лицам своих фигур. Его называют и в числе основателей энкавстической живописи; правда, его колорит отличается еще некоторой жесткостью. Его сын Никомах также был выдающимся живописцем, хотя его и затмила слава отца. Учеником Аристида называют коринфянина Эвфранора, о котором мы уже говорили как о ваятеле. Местом его деятельности были Афины; здесь, в стоа Зевса Освободителя, он нарисовал знаменитый цикл фресок: собрание двенадцати богов, Тесея между Демократией и Демосом, и конное сражение перед битвою при Мантинее (выше, с.195), в котором пал сын Ксенофонта Грилл. Его лучшим учеником был афинянин Никий, живший во время Александра; он славился мастерством в изображении световых эффектов и пластической рельефностью своих фигур; наибольшей известностью пользовались его женские фигуры — Ио, Калипсо, Андромеда.

Другим центром греческой живописи в эту эпоху был цветущий промышленный город Сикион. Здесь Эвпомп в начале IV века основал нечто вроде академии живописи, благодаря его ученику Памфилу из Амфиполя (около 360 г.) эта школа приобрела известность во всей Греции. Особенное внимание обращали здесь на правильность рисунка, и с этой целью от учеников требовали математической подготовки; но при этом не оставляли в пренебрежении и колорит — напротив, именно в этой школе была усовершенствована энкавстическая техника. Первым выдающимся мастером восковой живописи был ученик Памфила Павсий из Сикиона, славившийся преимущественно своими картинами из детской жизни и изображениями цветов; наибольшей известностью пользовалась его „Веночница“, по преданию — портрет его возлюбленной Гликеры. Большие картины на досках

он редко писал, но и здесь достигал блестящих эффектов в области колорита.

Но всех своих современников затмил Апеллес из Колофона, наиболее прославленный живописец всей древности. Первоначальное художественное образование он получил на своей ионийской родине; затем, будучи уже известным художником, он отправился в Сикион, чтобы здесь под руководством Памфила закончить свое образование. Отсюда он был приглашен царем Филиппом в Пеллу. Позднее он пользовался большим благоволением со стороны Александра; когда последний освободил Ионию от персидского владычества, Апеллес вернулся туда и поселился в Эфесе, где и создал свои знаменитейшие произведения. В виртуозности техники он не имел соперников; в красоте композиции некоторые живописцы превосходили его, как он сам охотно признавал, но что́ возвышало его над всеми художниками, это — несравненная грация, которою дышали все его создания. Его лучшим произведением, вызывавшим безграничное удивление в современниках и потомстве, было изображение выходящей из моря Афродиты, которое он написал для храма Асклепия в Косе, — достойная пара Афродите Книдской Праксителя:

Апеллес видел, как любви богиня
Из недр морских всплыла, еще круго́м
Сребристою окутанная пеной,
И в блеске красоты изобразил,
Иль нет, — живую нам ее представил.
Все дивно в ней. Струей морскую влагу
Из тяжких кос богиня выжимает,
И взор ее горит огнем желанья.
И страсть волнует девственную грудь.
Владычица небес и ты, Афина,
Ваш голос слышу: „Мы сдаемся, Зевс“.

Впрочем, знатоки ставили еще выше картину, изображавшую Артемиду в кругу ее нимф, где Апеллес, по преданию, превзошел знаменитое изображение Гомера. Но наибольшего совершенства он достиг в портретной живописи;

особенно он много раз изобразил Александра Великого. Ни один из современных ему и из позднейших художников не превзошел его в этой области и даже не сравнился с ним.

Художественная живопись должна была, разумеется, повлиять и на промышленную отрасль этого искусства — живопись на вазах. Сосуды с красными фигурами на черном фоне, которые массами изготовлялись в Афинах и вывозились в V веке, уже не соответствовали вкусу нового времени, и фабрикация их со времени Пелопоннесской войны начала быстро клониться к упадку. Взамен их теперь начинают выделывать т.н. „лекифы", длинные сосуды с тонким горлышком из белой глины, с разноцветными изображениями, — без сравнения, самое красивое, что́ было создано греками в области живописи на вазах. Эти сосуды обыкновенно клали в гроб мертвым, употреблялись они только в Аттике и соседних странах, как, например, Эвбее и вывозились лишь в малом количестве. Дело в том, что Нижняя Италия, представлявшая до сих пор главный рынок для сбыта аттических ваз, начала теперь освобождаться от этой зависимости. Здесь также обнаруживается стремление к многоцветности; правда, художники удержали черный фон, на котором фигуры выделяются своим бледно-красным цветом глины, но старались усилить эффект изображений посредством прибавления других красок, белой, темно-красной или желтой. Притом, эти сосуды часто были громадных размеров и украшавшие их изображения заключали в себе множество фигур, хотя по изяществу далеко уступали изображениям на аттических вазах. Это производство также служило преимущественно культу мертвых; его сосредоточием был Тарент. Но высшего своего расцвета оно достигло лишь в эпоху после Александра.

Более успешно развивались другие виды художественной промышленности и мелкие отрасли искусства. Гравировка на бронзе достигла большого совершенства; греческие изделия этого рода послужили образцом для этрусских зеркал и латинских бронзовых ящичков, которых так много найдено в могилах Средней Италии. Золотые изделия, сохранившиеся особенно в греческих и скифских могилах юж-

ной России, дают нам понятие о той высокой ступени, какой достигла эта отрасль художественной промышленности в IV веке. Глиптика этого периода может претендовать на название искусства, хотя мы еще не можем составить себе ясного представления о ходе ее развития; из видных ее представителей назовем Пирготела, единственного художника, которому, по преданию, Александр позволил вырезать свой портрет на геммах. Гораздо больше сведений мы имеем об успехах монетной чеканки, так близко соприкасающейся с искусством резьбы по камню. В этой области первое место занимают Кимон и Эвайнет, работавшие в Сицилии в конце V и начале IV века. Изготовленные ими штемпеля для сиракузских декадрахм представляют собою высшие образцы, какие когда-либо были созданы в этой области. В греческой метрополии чеканка не достигла такого совершенства, и уже во второй половине IV столетия во всем греческом мире начинают обнаруживаться в этой отрасли художественной деятельности первые признаки упадка.

Подведем итоги развитию греческого искусства за этот период. Куда бы мы ни взглянули, в художественной деятельности этого времени господствуют стремление к реализму и борьба против всяких уз условности. Эта борьба начинается еще в эпоху Перикла в области трагедии и музыки вообще, в лице Еврипида и великих дифирамбиков; вскоре затем она охватывает все другие отрасли искусства, и повсюду старое уступает место новому. Можно спорить об абсолютной ценности новых идеалов, можно ставить Софокла выше Еврипида, Ласоса и Пиндара выше Фриниса и Тимофея, Полигнота выше Апеллеса, Фидия выше Праксителя; но именно нам, в чей век реализм снова сделался лозунгом искусства, менее всего подобает осуждать это новое направление. Ибо в конце концов и в искусстве — и здесь даже более, чем в других областях, — „человек есть мера всех вещей“; и кто судит беспристрастно, тот не может отрицать, что в общем художественные произведения IV века вполне выдерживают сравнение с памятниками предшествующего периода.

И все-таки искусство уже не являлось теперь, как еще в

эпоху Перикла, центром всех духовных интересов. Семя, брошенное великими софистами, теперь созрело; все в большем числе лучшие таланты отдавались молодой науке, и на ней главным образом покоится значение IV века для всемирно-исторического развития.

ГЛАВА X

Расцвет греческой науки

В эпоху Пелопоннесской войны наука пережила кризис, грозивший гибелью всему, что́ было достигнуто ранее. Ибо как ни был велик контраст между миросозерцанием Сократа и миросозерцанием великих софистов, — в одном пункте они сходились: в скептицизме относительно возможности истинного познания природы. Вследствие этого греческая философия на время совершенно отвернулась от изучения природы, и на первый план выступила этика. Даже школа Демокрита, величайшего естествоиспытателя древности, не избегла влияния этих идей. И в нее после смерти ее основателя все более стали проникать гносеологические сомнения; Метродор Хиосский, самый знаменитый из учеников Демокрита, вообще отрицал возможность всякого истинного познания и, следовательно, мог признавать атомистическую теорию, которую он, правда, удержал лишь правдоподобной гипотезой. Ученик Метродора, Анаксарх, занимался уже преимущественно исследованиями в области этики; в лице его ученика, Пиррона из Элиды, учение Демокрита слилось со скепсисом.

В сократовской школе этика с самого начала стояла на первом плане. Но основанная на теологии этика, разработку которой начал Сократ и продолжал Платон, не могла удовлетворять тех, для кого научное мышление было потребностью. Ввиду этого некоторые из даровитейших учеников Сократа отказались от доктрины своего учителя и сделали попытку основать автономную этику, к чему уже до них стремились Протагор и Демокрит. Таково учение Аристиппа из Кирены. Так как объективное познание невозможно и истинны одни лишь наши ощущения, то благо, говорил он, может заключаться только в приятных ощущениях, т.е. в наслаждении. Следовательно, наилучшим для нас является то, что доставляет нам наиболее сильное наслаждение; поэтому Аристипп ставит телесное наслаждение выше духовного. Но полное наслаждение невозможно без благоразумия; мы

должны быть всегда готовы в случае надобности отказаться от наслаждения и должны стоять выше наших страстей. „Я владею наслаждением, а не оно владеет мною“, — сказал однажды, по преданию, Аристипп. Именно в этом он видит добродетель мудреца; таким образом, Аристипп все-таки пришел к софистико-сократовскому принципу, что добродетель и благоразумие тождественны. Правда, его учение представляет собою, безусловно, индивидуалистическую этику, т.е. точную противоположность социальной этике Демокрита; поэтому Аристипп относится к общественной жизни совершенно безучастно. Так же равнодушен он и к религии, ибо уже Протагор показал, что существование богов не может быть доказано и, следовательно, они для нас не существуют. О распространении своих идей Аристипп мало заботился; поэтому его учение почти не выходило за пределы его родины Кирены, пока спустя немного поколений оно слилось с эпикуреизмом.

Диаметрально противоположную дорогу избрал другой ученик Сократа, Антисфен из Афин. Счастье и несчастье, учил он, основаны на субъективных ощущениях, следовательно, в нашей власти быть счастливыми: для этого мы должны сделать себя независимыми от всех внешних вещей. То, что́ нам действительно нужно, легко приобрести: плащ, хотя бы потертый и изорванный, кусок ячменного хлеба для утоления голода, воды для утоления жажды; жилище в греческом климате почти не нужно, найдется, вероятно, и какая-нибудь непотребная женщина, на которую больше никто не хочет смотреть. При этом не следует обращать внимания на хорошее или дурное мнение людей: честь и слава — вздор, всякое условное стеснение смешно. Существует лишь одно благо — добродетель, одно зло — порок. Кто так мыслит и живет, тому не страшны никакие удары судьбы, и даже ничтожнейшие удовольствия будут доставлять ему большее наслаждение, чем какое другой может купить за все свои сокровища. Вообще телесные удовольствия — ничто в сравнении с духовными радостями; а человек, которому так мало нужно для жизни, всегда располагает досугом для научных занятий. Действительно, научная деятельность Антисфена

была обширна и плодотворна; в то же время он путем преподавания и еще более личным примером старался улучшать людей и особенно ухаживал за людьми нравственно павшими, ибо во враче, говорил он, нуждаются больные. В киносаргском гимнасии, в котором он учил, он и его ученики носили имя киников, и отчасти это имя было очень метко, так как они действительно жили наподобие собак и иногда любили выставлять напоказ истинно собачье презрение к самым элементарным требованиям пристойности. Правда, ввиду того строгого образа жизни, которого требовал Антисфен, он сумел собрать вокруг себя лишь небольшое число учеников. Самым выдающимся между ними был Диоген из Синопа, который ничтожностью своих потребностей еще превзошел учителя. На некоторых это учение производило магическое обаяние; так, фиванец Кратес раздал свое крупное состояние, чтобы жить аскетической жизнью своего учителя Диогена и, подобно ему, в лохмотьях и с сумой за спиною, скитаться по свету, проповедуя добродетель. Позднее эта школа пришла в упадок и в конце концов была поглощена стоической философией, которая многим обязана ей.

От этих крайностей, как они выразились в кинической и киренейской этике, остался свободен ученик Платона Аристотель, когда, переросши теологическое направление своего учителя, он сам приступил к созиданию этической системы на автономной основе. Правда, и он убежден, что высшее благо заключается в счастье, ибо целью всякой человеческой деятельности является добро, последней же целью может быть лишь то, к чему стремятся ради него самого, — а таково именно, по единогласному мнению всех людей, счастье. Для достижения его необходимо обладать внешними благами; но счастье состоит вовсе не в пользовании этими благами, а в разумной деятельности, которая всегда влечет за собою внутреннее удовлетворение. Высшее счастье доставляет нам занятие наукой; только оно способно возвысить человека над самим собой и сделать его причастным блаженству богов. Второе место после научных занятий принадлежит практической деятельности, которая является главной сфе-

рой человеческой деятельности и потому основным предметом этики. Но наша душа состоит из разума и воли; разум учит нас познавать добро в отличие от зла, но одного этого познания недостаточно: наша воля должна посредством упражнения быть приучена повиноваться разуму. Только этим путем можно приобрести „добродетель“, т.е. то состояние души, которое делает нас способными поступать правильно. Главное же условие правильной деятельности состоит в том, чтобы правильно находить середину между крайностями, к которым влекут нас наши желания. Но и всего этого еще недостаточно для счастливой жизни, ибо, как говорит Аристотель, „никто не захочет жить без друзей, хотя бы он обладал всеми другими благами“. Итак, лишь дружба делает счастье полным. Рассуждение об этом предмете приводит Аристотеля к исследованию государственной жизни, которое для него теснейшим образом связано с этикой.

Политические идеалы Аристотеля в общем тождественны с политическими идеалами его учителя Платона. Только образованные люди способны быть гражданами в идеальном государстве, и так как ручная работа и образованность взаимно исключают друг друга, то в идеальном государстве земледелием и ремеслами должны заниматься рабы и метеки, а граждане, совершенно так же, как у Платона, должны посвящать себя исключительно военной службе, правительственным делам и в часы досуга научным занятиям. Разумеется, и Аристотель требует, чтобы воспитание граждан было вверено государству; по политическим правам все граждане должны быть равны между собою, но доступ к государственным должностям должен быть открыт лишь тем, кто достиг более зрелого возраста. Однако, если в молодости Аристотель и был убежден в осуществимости подобного политического идеала, то позднее он понял, что искусственно создать государственный строй вообще невозможно, так как политические формы зависят от данных условий: например, монархия возможна лишь там, где один род влиянием и богатством далеко превосходит все остальные, аристократия — лишь там, где масса относится еще с почтением к знатным, „полития“ — лишь там, где существует многочислен-

ное и сильное среднее сословие. Очевидно, именно это соображение и побудило Аристотеля либо совсем не разработать в деталях план идеального государства, либо позднее выбросить эти страницы, так что в дошедшей до нас „Политике“ уцелели лишь глава об основных условиях существования государства и часть отдела о воспитании. Несравненно большая часть сочинения посвящена описанию существующих конституций. При этом спартанская и критская конституции, которые Платон ставил выше всех остальных, подвергаются резкой критике, что́, впрочем, в данную минуту, после крушения Спартанской державы вследствие удара, нанесенного ей при Левктрах, было довольно банально. В общем, по мнению Аристотеля, и существующие конституции могут быть хороши, если только правители пользуются своей властью не в интересах одного только правящего класса, а в интересах всех граждан; сосредоточена ли эта власть в руках одного человека, или меньшинства, или всех граждан — это имеет лишь второстепенное значение. Таким образом, Аристотель различает шесть форм государственного устройства — три правильные, где целью является благо всех: монархию, аристократию и политию, и три извращенные: тиранию, олигархию и демократию, рассчитанные лишь на доставление выгод господствующему классу. Однако это схематическое деление не может быть проведено со строгой последовательностью. Ибо ограниченную конституцией монархию Аристотель совсем не признает монархией; между тем неограниченная монархия, в силу врожденных человеку свойств, неизбежно превращается в господство личной воли правителя, чего свободные эллины не потерпели бы, разве явился бы человек, который личными достоинствами настолько превосходил бы всех, что казался бы богом среди людей; такому человеку действительно следовало бы беспрекословно повиноваться, и это был бы лучший из всех возможных видов государственного устройства. Может быть, философ имел при этом в виду Филиппа и Александра. Столь же трудно, быть может, даже труднее, осуществить аристократию, „господство нравственно достойнейших“, и в конце концов практически единственно правильной полити-

ческой формой остается „полития", господство среднего сословия. Но и извращенные конституции отнюдь не должны быть отвергнуты безусловно; напротив, они могут быть очень сносны, если приближаются к соответствующим „правильным" конституциям: тирания к монархии, если лицо, насильственно захватившее власть, заботится об общем благе; олигархия к аристократии, если правительство заботится о низших сословиях, наконец демократия к политии, если произвол толпы ограничивается. Этого требует и выгода самих правителей, как подробно доказывается в обстоятельном исследовании о причинах, которыми обусловливаются перемены в области политического устройства. При этом Аристотель излагает основы теории государственного права, устанавливает деление государственной власти на ее три отрасли, законодательную, исполнительную и судебную, и рассматривает отдельные ведомства. Этим главам преимущественно и обязана „Политика" своим непреходящим значением. Правда, воззрения той эпохи, в конце которой жил Аристотель, еще сохраняют полную власть над ним; и он еще понимает под государством отдельный город (*πόλις*) с его округом; он не замечает, что эта политическая форма пережила себя, что повсюду возникают федерации, где суверенитет городов ограничивается в пользу центральной власти; он не видит, как перед его глазами растет Македонская держава, хотя к ней принадлежал и его родной город Стагира и хотя как раз в те годы, когда он писал свою „Политику" или придавал ей ее теперешнюю форму, вся Эллада была объединена под главенством Македонии и объединенная нация победоносно выступила на завоевание Азии; а если и встречаются у него разрозненные намеки на более правильное понимание вещей, то они не оказывают никакого влияния на его систему. Точно так же Аристотель не сумел возвыситься над господствовавшим в его время среди народной массы мнением, что рабство есть необходимый институт; мало того, он старается доказать нравственную законность рабства и при этом запутывается в целую сеть ложных выводов и противоречий. Таким образом, в этом отношении учение Аристотеля представляет решительный регресс не толь-

ко сравнительно с учениями великих софистов, но даже сравнительно с учением Платона, который по крайней мере признавал безнравственным порабощение эллинов эллинами.

В противоположность всем прежним работам этого рода политическая доктрина Аристотеля основана на изучении очень обширного индуктивного материала, собранного отчасти им самим, отчасти, под его руководством, его учениками. Позднее он издал эти материалы для всеобщего пользования. Они представляли собою описание конституций 158 общин, разумеется, почти исключительно эллинских; однако среди них нашли место также Карфаген и Ликийский союз. Как показывает дошедшая до нас „Афинская полития", впереди давался краткий очерк политической истории, затем следовало подробное изображение господствовавшего в данное время политического строя; однако критическая проверка материала оставляла желать многого. Ученик Аристотеля Теофраст составил потом подобное же собрание законов, которое с тех пор служило такой же эмпирической основой для истории права, как собрание „Политий" — для политической истории и государственного права.

Появление такой колоссальной коллекции было бы, разумеется, невозможно, если бы уже ранее не существовало обширных подготовительных работ в области политической истории. Первые исследования этого рода были посвящены Афинам. После того, как Гелланик около 400 г. своей „Аттидой" указал этот путь, постепенно возникла целая литература по истории и древностям Афин; в особенности следует упомянуть здесь сочинения Клидема (около 370—360 гг.) и Андротиона, который был современником Демосфена, несколько старше его, и много лет играл выдающуюся роль в политической жизни Афин. Основою для всех этих работ служили сохранившиеся в афинских архивах документы; авторы располагали свой материал анналистически, отказываясь от всяких риторических прикрас. Подобная „Аттида", быть может, „Аттида"Андротиона, лежит в основе аристотелевой „Афинской политии". Такие же исследования существовали, без сомнения, и для других городов, хотя мы имеем

об этом очень скудные сведения; правда, расцвет этого вида литературы относится уже к следующему веку.

И вообще историография, наряду с войнами и политическими событиями, начала обращать все больше внимания на внутреннее состояние государства. Здесь дорогу указал Фукидид в удивительном введении к своей „Истории“. К сожалению, в своем повествовании он остается далеко позади поставленного им самим идеала и ограничивается в общем описанием военных событий. Еще в гораздо большей степени сказанное сейчас применимо к Ксенофонту, который продолжал оставшееся неоконченным сочинение Фукидида и довел рассказ до битвы при Мантинее; его сочинение представляет собою в сущности не что иное, как довольно неполное собрание материалов. Гораздо успешнее исполняет он менее крупные задачи; его описание в „Анабасисе“ похода младшего Кира против его брата Артаксеркса и отступления греческих наемников после смерти Кира справедливо всегда считалось образцовым как по замечательной ясности, с какою он изображает военные операции, так и по изящной простоте слога, свободного от всякой риторической напыщенности.

Большое сочинение по ассиро-персидской истории написал в начале IV столетия Ктесий Асклепиад с Книда, бывший с 415 по 398 гг. медиком при персидском дворе. Он писал в манере Геродота, причем, подобно последнему, простодушно принимал за чистую монету все россказни своих восточных чичероне. В результате получилась, конечно, карикатура, которая, однако, в существенных чертах осталась на будущее время закономерной для античной историографии. Да в конце концов вопрос о том, как назывались ассирийские цари и какие военные подвиги они совершили, действительно имел и имеет ничтожное значение. Зато там, где он рассказывает как очевидец, Ктесий оказывается хорошим наблюдателем, и надо поставить ему в заслугу, что он показал греческому обществу верную действительности картину персидских порядков во всей их ужасающей дикости. Чтобы по достоинству оценить Ктесия, стоит только сопоставить его сочинение с идеализированным изображением тех же

порядков, которое дал Ксенофонт в своей „Киропедии“ и отчасти в „Анабасисе“.

Если Ктесий и даже Ксенофонт вернулись к старой логографической манере, то достойного преемника Фукидид нашел в лице Филиста, министра и полководца обоих Дионисиев. Он написал историю своего родного острова, причем особенное внимание уделил событиям своего собственного времени, в которых сам играл выдающуюся роль. Такой человек, разумеется, не был в состоянии дать вполне объективное изображение; могучий образ первого Дионисия является центром всего сочинения, и Филист никогда не скрывает своего удивления к своему великому другу. Если краски его иногда и слишком ярки, то его сочинение все-таки проникнуто истинно политическим духом и занимает одно из первых мест в исторической литературе древности.

Но Элладе еще недоставало связного изложения всего хода ее истории от древнейших времен, и потребность в таком сочинении теперь настойчиво давала себя чувствовать. За исполнение этой задачи в эпоху Филиппа приблизительно одновременно взялись два представителя обеих главных риторических школ, последователь Поликрата Анаксимен из Лампсака и ученик Исократа Эфор из эолийской Кимы. Анаксимен начал с Теогонии и в довольно сжатом изложении (12 книг) довел рассказ до битвы при Мантинее; в двух дальнейших частях он более подробно изложил историю своего времени, т.е. царствований Филиппа и Александра. Его сочинение считалось классическим, но не сумело удержать за собою расположение читающей публики по выходе в свет более пространной „Истории“ Эфора, — тем более что направление Поликрата и вообще было вытеснено исократовской школою.

Эфор благоразумно опустил мифический период и начал свой рассказ с возвращения Гераклидов в Пелопоннес, которое он считал первым достоверным историческим событием; однако в отдельных случаях он, разумеется, не раз принужден был возвращаться к событиям более ранней эпохи. Конечным пунктом его повествования должен был служить, вероятно, переход Александра в Азию, но он успел

довести рассказ только до занятия Дельф Филомелом. Затем уже его сын Демофил прибавил описание Священной войны и дальнейших событий до осады Перинфа Филиппом, вероятно, на основании оставленных отцом материалов. Из существовавшей в его время исторической и географической литературы Эфор черпал щедрой рукою, обыкновенно очень близко держась своих источников, так что, например, его изображение Персидских войн было почти сплошным эксцерптом из Геродота. Охотно пользовался он также поэтическими произведениями и надписями. При этом он, по крайней мере теоретически, руководился совершенно правильными критическими принципами; для отдаленных эпох следует, по его мнению, предпочитать те источники, которые сообщают голые факты, потому что детали событий не могут так долго удерживаться в памяти. Однако на практике необходимость сделать свое повествование удобочитаемым часто заставляла его далеко отступать от этих принципов. Вообще было бы очень несправедливо требовать от грека того времени, чтобы он относился к традиции так же непредубежденно, как мы; этому требованию не сумел удовлетворить даже Фукидид, и если вспомнить, что он, например, Троянскую войну считает вполне достоверным историческим фактом, то в сравнении с его повествованием метод Эфора во всяком случае должен быть признан крупным шагом вперед. Правда, в других отношениях Эфор далеко уступает Фукидиду. Последний был практическим государственным деятелем и воином, Эфор — ритором, плохо разбиравшимся в фактах политической и военной истории. Но этот недостаток не повредил успеху его сочинения, потому что читатели, на которых оно было рассчитано, имели, разумеется, еще меньше познаний в этих областях, чем автор. А Эфор давал именно то, что нужно было тогдашней публике: обильный и удобно расположенный материал в популярном, приноровленном ко вкусу общества изложении. Поэтому его сочинение сделалось источником, откуда все образованные люди черпали свои исторические сведения, и древнейшая греческая история с тех пор продолжала жить в сознании нации в таком виде, как изобразил ее Эфор.

Как в изображении древней истории Эфор, так в изображении современной истории Анаксимена затмил другой ученик Исократа, Теопомп с Хиоса (род. около 380 г.). Его отец Дамасистрат, принадлежавший к богатой и знатной фамилии, был изгнан за приверженность к Спарте, когда Хиос после восстания Фив в союзе с Афинами начал войну против Спарты, — и сын, еще ребенок, вместе с отцом отправился в изгнание. Однако мир со Спартою, заключенный вскоре после того, дал возможность Теопомпу вернуться на родину, тем более что Дамасистрата уже не было в живых. Затем юноша в Афинах под руководством Исократа изучил ораторское искусство. Будучи вполне обеспеченным человеком, он не имел надобности обращать свой талант в источник пропитания; зато торжественные речи, произнесенные им во всех крупнейших городах греческого мира, доставили ему славу во всей Элладе. На конкурсе, который объявила карийская царица Артемисия на панегирик ее покойному супругу Мавсолу, Теопомп одержал победу над первыми ораторами своего времени. Он принимал деятельное участие и в политической жизни своего родного города, как вождь олигархической партии; его противником в демократическом лагере был здесь Феокрит, тоже талантливый оратор исократовского направления, человек из бедной и незнатной семьи, собственными силами добившийся могущества и богатства. Так как Александр при завоевании Ионии опирался на демократию, то Теопомп попал в ряды оппозиции и в конце концов был изгнан; тогда он обратился к Александру со своими знаменитыми „Хиосскими письмами“, где с неустрашимой смелостью раскрыл те злоупотребления, которые были допущены правителями государства во время похода царя в Индию. По реституционному указу Александра, вероятно, и ему разрешено было вернуться на родину; но во время смут после смерти Александра он снова принужден был бежать и после долгих скитаний, наконец, нашел приют у Птолемея, царя Египта.

Такой человек должен был испытывать неодолимое влечение к историографии. Вначале он пошел по стопам Фукидида; он написал продолжение его „Истории“, оставшейся

незаконченною, и довел рассказ до битвы при Книде, т.е. до того рокового дня, когда Эллада принуждена была покориться персидскому влиянию. Потом, когда Филипп наконец осуществил мечту всех истинных эллинских патриотов, когда Греция была объединена и борьба с варварами возобновилась, — Теопомп задумал в обширном сочинении представить современникам и потомкам картину той великой эпохи, в которую он сам жил и виднейших деятелей которой знал лично. Руководящей нитью повествования была, разумеется, деятельность Филиппа; но рамки картины раздвинулись до размеров всемирной истории, охватившей все выдающиеся события, какие совершились в эту эпоху на всем протяжении греческого мира от Кипра и Египта до Сицилии. При этом он отнюдь не обращал внимания исключительно на военную историю, как поступил еще Фукидид: внутренняя история не в меньшей степени привлекает его внимание; особенно славился и в позднейшее время часто служил источником его этюд об афинских демагогах. Большое значение придавал он психологическому анализу, и в этой области он сильнее, чем какой-либо из предшествовавших ему историков. Если он при этом не раз впадал в тон проповедника, то это было естественно в такую эпоху, когда в области философии на первом плане стояли вопросы этики; столь же естественно и то, что ему приходится при этом больше порицать, чем хвалить. Его живой темперамент увлекал его иногда до невероятной брани и преувеличений; но он по крайней мере искренно старался равномерно распределять свет и тени и не менее беспощадно говорил всю правду или то, что казалось ему правдою, о своем герое Филиппе, которого как политика ставил чрезвычайно высоко, чем о любом из своих политических противников. В свое сочинение он вставил, конечно, множество речей; не пренебрегал он также и аллегорическими мифами в манере Платона. Этот материал был изложен со всем блеском исократовской стилистики, но таким пламенным языком, каким никогда не обладал учитель. Даже по немногим уцелевшим отрывкам можно понять, что это было одно из самых выдающихся, может быть, даже лучшее произведение греческой историографии.

Историю своего времени написал и Каллисфен из Олинфа, родственник Аристотеля и его ученик в философии и риторике. Он начал свое сочинение с Анталкидова мира и довел рассказ до Фокейской войны; на этом месте он прервал свою работу, получив от Александра приглашение сопутствовать ему в азиатском походе. Каллисфен тотчас, еще во время похода, начал записывать великие события, которых он был свидетелем. Его сочинение превратилось, разумеется, в восторженный панегирик македонскому царю; однако, когда Александр после завоевания Азии начал все более пристращаться к персидским обычаям и требовать себе божеских почестей, Каллисфен мужественно восстал против этого и заплатил за свою смелость жизнью (327 г.). Он писал как ритор, и позднейшие критики признавали его цветистый язык напыщенным, тогда как в современниках его слог вызывал безграничное удивление; при всем том Каллисфен умел очень правильно описывать военные операции, и упреки, которые делали ему и в этом отношении, в общем неосновательны. Во всяком случае, при всех своих недостатках, Каллисфен остается одним из самых крупных греческих историков, и его сочинение оказало очень сильное влияние на характер традиции о походах Александра.

Описательное землеведение искони шло рука об руку с историографией. Так, уже Гекатей, наряду с историей Греции в древнейший период, написал трактат по географии; в исторических сочинениях Геродота и Гелланика рассеян обильный географический и этнографический материал; Ктесий первый описал страну чудес — Индию, причем, правда, без разбора смешал в своем сочинении верные сведения и басни. В начале IV века Дамаст из Сигея и Филеас из Афин составили описания земли в манере Гекатея, но с гораздо бóльшим количеством подробностей. Наконец, Эфор посвятил географии две книги своего обширного исторического труда, которые отчасти дошли до нас в стихотворной обработке т.н. Скимна Хиосского. Извлечением из какого-то географического сочинения этого времени является описание берегов (перипл*)* т.н. Скилакса из Карианды, которое, впрочем, не содержит ничего, кроме голого перечня геогра-

фических названий и сведений о расстояниях между различными пунктами; Авиэн, написавший в конце IV столетия по Р. Х. географию в стихах, также положил в основу своего описания берегов Средиземного моря какой-то труд IV века до Р. Х.

Внешний объем географических познаний в период времени от Гекатея до Эфора не увеличился значительно; лишь завоевание Азии Александром послужило в этой области началом новой эпохи. Тем большее значение имело то обстоятельство, что в течение IV века пифагорейское учение о шаровидности земли достигло наконец всеобщего признания. Оно и легло в основу научного землеведения, разработке которого оказали значительные услуги математик Эвктемон из Афин в эпоху Пелопоннесской войны, Эвдокс с Книда и пифагореец Архит из Тарента во времена Платона. В этот период начали определять географическую широту известных пунктов на земной поверхности и затем пытались по расстоянию двух лежащих на одном меридиане пунктов известной широты определять окружность земли. При несовершенстве существовавших тогда инструментов эти попытки должны были, разумеется, вначале оказываться очень неудачными; окружность земли определяли в 400 000 стадий (около 74 000 км), т.е. почти вдвое против ее действительной длины. Тем не менее замечательно уже то, что наука вообще принялась за решение этой задачи.

В это же время начали все более распространяться астрономические учения пифагорейцев. Правда, гипотеза о центральном огне и противоземле (см. выше, т.I, с.469) теперь уже не могла быть защищаема научно, и она действительно была отвергнута пифагорейцем Экфантом из Сиракуз и заменена учением о вращении земли вокруг ее собственной оси, причем земля рассматривалась как центр вселенной. Платон под конец жизни примкнул к этой теории, и его ученик Гераклид из понтийской Гераклеи не только последовал за ним в этом пункте, но даже установил, что обе внутренние планеты, Меркурий и Венера, вращаются вокруг солнца, т.е. предвосхитил систему Тихо де Браге. Но значительное большинство астрономов отказывалось принять эти

теории. Эвдокс Книдский снова признал землю неподвижным средоточием мира; вокруг нее, по его учению, вращаются остальные планеты на 27 концентрических сферах, которые все вместе совершают полный пробег вокруг земли в 24 часа, но, кроме того, обладают еще каждая своим собственным движением. Самую отдаленную из этих сфер занимают неподвижные звезды; каждая из пяти планет приводится в движение четырьмя, солнце тремя сферами, луна — тоже тремя. Как ни была остроумна эта система, она не давала возможности объяснить все неправильности видимых орбит; поэтому афинский астроном Каллипп прибавил еще 7 сфер, а Аристотель довел число сфер даже до 56. Несмотря на эти недостатки, система Эвдокса признавалась почти всеми до тех пор, пока Аполлоний из Перги выступил со своим учением об эпициклах; однако она была окончательно оставлена, лишь начиная с Гиппарха. И в других отраслях Эвдокс оказал астрономии большие услуги; деление звездного неба на созвездия, которого еще мы придерживаемся, в основных чертах было создано им.

Эти успехи астрономии в значительной степени являются результатом крупных успехов, достигнутых в это время математикой. Она была единственной наукой, о которую разбивались все атаки скептицизма, ибо в то время еще никому не приходило в голову, чтобы возможно было существование четвертого измерения и метаматематики. Правда, Сократ, всюду искавший только непосредственной практической пользы, полагал, что геометрия хороша лишь постольку, поскольку она служит для измерения полей, — взгляд, достойный простака Стрепсиада в „Облаках“ Аристофана; и его точку зрения разделяли даже многие из философов. Зато Платон ревностно занимался математикой, с которою еще в ранней молодости ознакомил его Феодор из Кирены и интерес к которой позднее значительно усилился в нем благодаря его сношениям с пифагорейцами. Он вполне оценил и пропедевтическое значение математики; она была для него приблизительно тем же, чем для современных филологов является латинская грамматика. Таким образом, Академия сделалась одним из центров математических изы-

сканий; в этом отношении, как и во многих других, она явилась наследницей угасавшей тогда пифагорейской школы. Впрочем, сам Платон, по-видимому, не создал в области математики ничего замечательного; тем большие услуги оказали этой науке его ученики. Леодамант Фасосский открыл, по преданию, аналитический метод; Феайтет Афинский разработал учение об иррациональных величинах, Менехм дал одно из лучших решений знаменитой проблемы удвоения данного куба; выдающимися математиками называют также академиков Кизикена Афинского, Гермотима Колофонского и Филиппа из Менды. Тем не менее платоновская школа сделала, по-видимому, более для распространения, чем для углубления математических познаний; оба замечательнейших математика этого времени, Эвдокс Книдский и Архит Тарентский, хотя и находились в близких отношениях с Платоном, однако не принадлежали к Академии.

Медицина также не была задержана в своем развитии тем приговором умозрительной философии, которым всякое истинное познание природы признавалось невозможным. Правда, неосновательность тех философских систем, какие до сих пор были выставлены для объяснения явлений природы, должна была быть особенно ясна для врачей, в силу своей профессии принужденных постоянно производить наблюдения. Действительно, гиппократовская школа очень резко полемизировала против натурфилософии в том виде, в каком она являлась, например, у Эмпедокла. Но она была далека от мысли отвергать вместе с ложным и ту долю истины, которая заключалась в прежних теориях; она боролась только против произвольных, недоказуемых гипотез, но не против принципа, на котором были основаны эти гипотезы. Так, в книге „О старой медицине“ говорится: „Если кто-нибудь произносит какое-либо суждение о небесных телах или о том, что происходит после нашей смерти, то ни он сам, ни его слушатели не знают, правильно ли это суждение или нет. Медицина же издревле располагает всем — как принципом, так и методом, которым уже в течение долгого времени было сделано много важных открытий и будет найдено также все остальное, если способные люди, усвоив содержание

своей науки, будут продолжать ее разработку на этой основе". Этим был намечен единственный путь, на котором возможно было плодотворное развитие науки.

Сама медицина, правда, на первых порах принимала в этом движении сравнительно малое участие. Здесь гений Гиппократа затормозил развитие. Учение Гиппократа сохраняло каноническое значение для его учеников, почему последние получили у позднейших историков медицины общее название догматиков. Между ними было, разумеется, немало хороших практических врачей; таковы сыновья Гиппократа Фессал и Дракон, его зять Полиб, его правнуки (от Фессала) Горгий, Дракон и Гиппократ. Более выдающимися медиками были Праксагор из Коса и Диокл из Кариста, жившие в эпоху Александра и первых диадохов; они деятельно подвизались и в научной области. Авторитет Гиппократовой школы оставлял в тени Книдскую школу. Знаменитейшими представителями последней были в это время Эвдокс, обязанный своей известностью, впрочем, более своим исследованиям в области математики и астрономии, чем своей врачебной деятельности, и его ученик Хрисипп. Обе школы продолжали стоять в оппозиции друг к другу и в александрийский период; из двух великих врачей конца IV и начала III века, положивших начало новой эпохе в области медицины, один — ученик Праксагора Герофил — примкнул к Гиппократу, другой — ученик Хрисиппа Эрасистрат — резко восстал против гиппократовского учения. В конце концов победа осталась, как известно, за школой Гиппократа.

Точно так же и анатомия в общем не сумела освободиться от уз гиппократовского учения, несмотря на целый ряд частичных приобретений, которыми она была обязана преимущественно Праксагору. Врачи все еще боялись вскрывать человеческие трупы, и лишь Эрасистрат и Герофил сумели преодолеть этот предрассудок. Поэтому более правильные воззрения очень медленно пролагали себе путь; еще Праксагор учил, что нервы выходят из сердца, и даже Аристотель не признавал мозга органом мышления.

Бóльших успехов достигла зоология. С тех пор, как Алкмеон и Демокрит основали эту науку, был накоплен огром-

ный запас наблюдений, который затем был разработан Аристотелем в его „Истории животных“ и в трактатах „О частях животных“ и „О возникновении животных“ и др. В этих сочинениях Аристотель дал курс сравнительной анатомии, курс физиологии, где особенное внимание обращено на воспроизводительный процесс, и очерк основных законов психологии животных. Естественная система животного царства, предложенная им здесь, в своих основных чертах удержалась до настоящего времени, а в отделе о низших животных оказывается более совершенной, чем даже система Линнея.

Аристотель занимался и ботаникой, хотя гораздо менее обстоятельно, чем зоологией. Лишь его ученик Теофраст после смерти учителя в своих двух обширных сочинениях „История растений“ и „Причины растений“ подвел итоги познаниям по ботанике, какие накопились до его времени. Правда, его работы далеко уступают исследованиям Аристотеля в области зоологии. Это объясняется не меньшей гениальностью Теофраста, а тем, что в области ботаники науке приходилось решать гораздо более трудные проблемы, ибо в то время, как аналогия с человеком дает нам ключ к пониманию органов остальных видов животного царства, растительное царство совершенно чуждо нам. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что медицина обстоятельно изучала животных, растениями же занималась лишь постольку, поскольку они были пригодны для фармацевтических целей. Так, важнейшие органы растений — половые органы— Теофраст совсем не признал за таковые; точно так же он ничего не знал о семядолях. Вследствие этого он не пошел дальше первых начал морфологии и физиологии растений. Его систематика также носит совершенно внешний характер; он ограничивается делением растительного царства на деревья, кустарники, полукустарники и травы. Эти недостатки до известной степени искупаются обилием сообщаемых им сведений по ботанической географии и по истории культуры, причем кропотливое трудолюбие, тонкая наблюдательность и критическое чутье автора равно достойны удивления.

Ввиду этих успехов естествознания для философии ста-

новилось все менее возможным сохранять то отрицательное отношение к нему, в какое она стала со времени софистов и Сократа. Уже Платон под старость должен был признать это; но, к сожалению, он подпал влиянию пифагорейского учения, с которым близко познакомился во время своих поездок в Сицилию. Он сделал попытку сочетать мистику чисел, учение о гармонии и астрономию со своим учением об идеях, и в результате получилась, конечно, неимоверная путаница, смущавшая самого Платона. Его племянник Спевсипп, грубый и умственно ничтожный человек, который после смерти учителя (347 г.) именно из-за этого родства с ним был избран главой школы, совершенно отверг учение об идеях и всецело отдался мистике чисел. Напротив, его преемник Ксенократ из Калхедона (с 339 г.) удержал связь между идеями и пифагорейским учением о числах, но при этом создал дикую теологическую систему, где нашли себе место добрые и злые демоны и даже животным приписывалось сознание существования божества. Таким образом, Академия все более приходила в упадок, пока ее учение в лице Аркесилая не слилось со скептицизмом.

В этой атмосфере духовной косности мыслящие люди не могли дышать свободно. Таков был величайший ученик Платона, Аристотель. Он родился в 384/383 г. в Стагире на Халкидском полуострове и принадлежал к одной из тех фамилий, в которых врачебное искусство наследовалось из рода в род. Его отец Никомах был лейб-медиком при дворе македонского царя Аминты; без сомнения, и Аристотель предназначался для отцовской профессии и первоначально изучал медицину. Это наложило неизгладимую печать на все его позднейшее мышление; именно эта естественно-научная подготовка дала ему возможность освободиться от уз платоновского умозрительного метода. Однако медицина не удовлетворила Аристотеля, и так как он рано потерял отца, то, едва достигнув совершеннолетия, по восемнадцатому году (367/366 г.), он отправился в Афины, чтобы изучать риторику и философию. Здесь Платон стоял в это время на вершине своей славы; Аристотель вступил в самые близкие отношения с ним и оставался членом академического кружка до

смерти учителя (347 г.). В то же время он получал ценные указания от Исократа, хотя и не был его учеником в собственном смысле слова. Когда Платон умер и во главе Академии стал неспособный Спевсипп, Аристотелю более нечего было делать в Афинах; поэтому он отправился к Гермию, владетелю Атарнея и Асса в Малой Азии, с которым он близко сошелся еще в Академии. Здесь Аристотель прожил несколько счастливых лет, пока Гермий не пал жертвою измены персидского полководца Ментора (ниже, гл.XV). После этого Аристотель уехал в Митилену и вскоре затем (343/342 г.) принял приглашение македонского царя Филиппа, который поручил ему воспитание своего сына Александра, в то время тринадцатилетнего мальчика. Однако это обучение продолжалось недолго, так как Александр уже в 340 г. был привлечен к делам правления. Поэтому отношения между учителем и учеником никогда не были особенно близкими; зато во время своего пребывания в Македонии Аристотель сблизился с министром Филиппа Антипатром. Но как ни было блестяще положение, которое он занимал в Македонии, — его неудержимо влекло в его духовное отечество — Афины, в единственный город, где он мог найти то обширное поприще для научной деятельности, о котором он мечтал. И вот, как только политические условия позволили это, — тотчас после разрушения Фив и покорения Афин Александром, — Аристотель вернулся в Афины (335/334 г.). Во главе Академии он нашел своего друга Ксенократа; но сам он успел уже слишком перерасти платоновское учение, чтобы снова вступить в старый кружок. Поэтому он открыл собственную школу в ликейском гимнасии. Здесь Аристотель учил 12 лет, собирая вокруг себя с каждым годом все бóльшее число учеников, пока восстание Афин против Македонии после смерти Александра не вынудило его покинуть место своей деятельности и искать убежища в Халкиде, где он вскоре затем (322 г.), лишь 62 лет, умер от болезни. После его смерти руководство школою перешло к его любимому ученику Теофрасту из Эреса.

В эти годы своего второго пребывания в Афинах Аристотель развил изумительную деятельность. Его лекции ох-

ватывали почти всю сумму тогдашнего знания — логику, риторику, метафизику, естественные науки, этику, политику, эстетику, — и по всем этим отраслям знания он составил учебники; характерно, что только математикой, игравшей такую выдающуюся роль в Академии, и отцовской наукой, медициной, он не занимался специально. Разумеется, он сумел совершить такой грандиозный труд только благодаря содействию своих учеников; правильная организация научной работы, начало которой положили уже Демокрит и Платон, была впервые систематически осуществлена Аристотелем. Были приняты меры также к тому, чтобы снабдить школу научными пособиями, и особенно собрана очень значительная по тогдашним условиям библиотека.

Однако для детальной разработки этих учебных книг краткого срока, проведенного Аристотелем в Афинах, оказалось, разумеется, недостаточно; он оставил лишь черновые наброски, которые после его смерти были просмотрены и дополнены его учениками, а многие из сочинений, носящих имя Аристотеля, даже целиком написаны его учениками. Но на всю эту совместную работу дух учителя наложил неизгладимую печать; и даже после того, как Аристотель покинул круг своих учеников, они продолжали работать в его духе. Правда, ни один из них не сумел совместить в своем уме, подобно учителю, всю совокупность человеческого знания; это стало невозможным уже вследствие колоссального увеличения научных данных, которым главные отрасли знания были обязаны самому Аристотелю. Таким образом, единая наука неизбежно должна была распасться на ряд специальных наук; эта дифференциация началась, правда, еще до Аристотеля, но только им была доведена до совершенства.

В своей философской системе Аристотель вполне является учеником Академии. Вместе с Платоном он полагал, что только общее может быть предметом истинного знания; но он был слишком естествоиспытателем, чтобы удовлетворяться платоновским дуализмом, где наряду с чувственным миром, но совершенно особняком от него стоит сверхчувственный мир чистых понятий. Соединить мостом оба эти ми-

ра Аристотель считал своей главной задачей. Эту работу он начал с исследования форм и законов научной аргументации. Источником всякого знания является опыт, из которого мы извлекаем общие принципы; задача науки состоит в том, чтобы посредством правильных умозаключений выводить из этих принципов частное. Учение о выводах, „силлогистика“, и составляет главное содержание аристотелевой логики. Как бы мы ни оценивали достоинства этой логики, во всяком случае из всех созданий Аристотеля она имела наиболее глубокое влияние на историю человеческого мышления.

К сочинениям по логике примыкает теория риторики, т.е., по учению Аристотеля, теория доказательства вероятного. Далее, Аристотель исследовал и теорию искусств, но вполне обработал из нее только часть поэтики, причем в основу последней положил литературно-исторические исследования, продолженные затем его учениками.

Если в этой области Аристотель следовал по пути, указанному Платоном, то в своих естественно-научных исследованиях он совершенно независим от своего учителя. Мы уже видели, как подробно он изучал органический мир, особенно животное царство. Столь же тщательно изучал он физические и химические явления. Он исходил здесь из того принципа, давно получившего право гражданства в греческой философии, что абсолютного возникновения и исчезновения нет, а существует лишь изменение уже существующих вещей и что всякое изменение обусловливается движением. Но Аристотель далек от мысли объяснять естественные явления, подобно Демокриту, исключительно механическими причинами. Прежде всего, не существует ничего неограниченного, ибо неограниченное вообще немыслимо; не существует и пустого пространства, а время есть не что иное, как „мера движения“, т.е. само по себе не существует. Из всего этого следует, что мир пространственно ограничен, во времени не имеет ни начала, ни конца и вечно находится в движении. Невозможно также допустить, что материя качественно едина, ибо в таком случае все вещи должны были бы быть подчинены закону тяготения, тогда как в действительности воздух и огонь стремятся не к центру земли, а

вверх, т.е. лишены тяжести. Исходя из этой точки зрения, Аристотель вернулся к учению Эмпедокда о четырех элементах. Правда, и эти элементы не неизменны; при известных условиях они могут даже переходить один в другой, чем, впрочем, уничтожается само понятие элемента. Но рядом с этими четырьмя земными элементами существует еще пятый — эфир, из которого образованы планеты; ему присуще наиболее совершенное движение, именно круговое, тогда как остальные элементы движутся по прямой линии, либо к центру Земли, либо вверх от него. Таким образом, вселенная, которую Аристотель, подобно пифагорейцам, представляет себе в форме наиболее совершенного тела, шара, распадается на две части — небо, где все совершенно и неизменно, и Землю, где все несовершенно и вечно меняется. В своих астрономических представлениях Аристотель следует учению Эвдокса о сферах, которое он, однако, без надобности усложняет умножением количества сфер (выше, с. 291—292); но при этом он признает планеты одушевленными существами — верование, коренившееся в греческой народной религии и разделявшееся также Платоном. Вообще Аристотель рассматривает неорганический мир по аналогии с органическим; даже элементам он приписывает род души, так что вся природа представлялась ему живым целым, действующим целесообразно, хотя и бессознательно. Таким образом, физические причины являются лишь посредствующими звеньями, истинные же причины суть телеологического свойства. Так в чертах естествоиспытателя Аристотеля мы в конце концов узнаем ученика Сократа.

На этом фундаменте построена метафизика Аристотеля. Все вещи состоят из материи и формы, причем существенной частью является форма, ибо бесформенная материя немыслима, тогда как форму мы можем представить себе и без вещества. Таким образом вещество, лишенное формы, существует лишь как возможность, и только приняв форму, оно становится реальным. Процесс, которым совершается этот переход материи из возможности в действительность, есть становление. Таким образом, платоновские „идеи“ переносятся из трансцендентального мира в реальный, ибо аристо-

телевская „форма“ есть в сущности не что иное, как платоновская „идея“, сообразно с чем Аристотель для обозначения ее сохраняет и платоновский термин *(эйдос),* наряду с которым он употребляет, впрочем, и термин *(тиорфе).* Как естествоиспытатель, Аристотель хорошо знает, что только определяемая формою отдельная вещь имеет реальное бытие; но вместе с тем он настолько проникнут духом платоновского учения, что считает нужным приписать и видам метафизическую реальность. Отдельная вещь существует лишь постольку, поскольку в ней проявляется вид, и наоборот, вид существует, лишь поскольку он воплощается в отдельных вещах.

Однако вещество противодействует стремлению формы воплотиться в нем, как учил уже Платон; поэтому существуют двоякого рода причины возникновения вещей — целесообразные причины, исходящие от формы, и механические, исходящие от материи. Но формы, как и платоновские идеи, — не одинакового достоинства: движение низших форм обусловливается высшими, и таким образом мы в конце концов доходим до „первого двигателя“, который, сам оставаясь неподвижным, вызывает всякое существующее движение. Это — чистая форма, совершенно лишенная вещества, вечная, неизменная, — совершенное бытие; она занята самой совершенной деятельностью — мышлением, и именно мышлением самого себя, как единственного достойного себя предмета. Движение же вызывается страстным желанием всех вещей принять вид этого высшего существа. Этот „первый двигатель“ для Аристотеля — божество.

Эту систему можно было бы назвать монотеизмом, — и действительно, онтологическое доказательство существования божества в значительной степени заимствовано из аристотелевых определений природы высшего существа. Между тем дело обстоит совершенно иначе. Высшее существо, лишенное всяких этических свойств, нисколько не заботящееся о том, что́ совершается во вселенной, и занятое только мышлением самого себя, уже не есть божество, какое нужно религии. Именно здесь, может быть, наиболее резко обнаруживается глубокое различие между платоновской и аристо-

телевой системой. Оба они ставят во главе одну какую-нибудь идею; но у Платона это — идея добра, у Аристотеля — идея чистого разума.

Так же далек Аристотель и от платоновской эсхатологии. Душа есть, по Аристотелю, „форма“ тела; поэтому душа так же не может быть отделена от тела, как и вообще форма от своего вещества. Следовательно, душа не может вселяться в любое тело, как полагали пифагорейцы. Далее, наша душа состоит, по Аристотелю, из трех частей: „питающей“, какою обладают и растения, „чувствующей“, которая присуща и животным, и, наконец, разума (*нус*), присущего только человеку. Этот „разум“ несложен, неизменен, не подчинен никаким страданиям и вообще совершенно бесплотен; следовательно, он не может быть плодом зачатия, а входит в тело „извне“ и, значит, также не погибает вместе с телом. А все то, что составляет нашу индивидуальность, — память, фантазия, чувства приятного и неприятного и сама воля — является продуктом низших частей души или возникает из их сочетания с „разумом“, и потому должно погибнуть, как только эта связь расторгается смертью, и низшие части души, возникшие при зачатии, вместе с телом прекращают свое существование. Таким образом, о личном бессмертии, по учению Аристотеля, не может быть и речи; мертвые не чувствуют ни счастья, ни несчастья, ибо разум, который один продолжает существовать после смерти, вообще не способен испытывать ощущения.

Так Аристотель в этой области, как и во всех остальных, освободился от уз тех теологических предположений сократо-платоновской школы, которым он сам был подвластен в своей молодости; в его учении сохранились только рудименты их, не имеющие значения для системы как целого. Напротив, метафизические положения, унаследованные им от его учителя, гораздо более сохранили власть над ним. Аристотелева система является именно компромиссом между сократо-платоновской дедуктивной философией и опытным естествознанием. Аристотель решил эту задачу, насколько она вообще могла быть решена; но остался, разумеется, некоторый неустранимый остаток. Кроме того, Аристотель

лишь постепенно выработал свое миросозерцание, причем все более удалялся от Платона; окончательно завершить свою систему ему и вообще не удалось. Вследствие этого в дошедших до нас сочинениях Аристотеля встречаются всевозможные пробелы и противоречия. Но именно на том, чем система Аристотеля обязана Платону, покоится в наибольшей мере ее всемирно-историческое значение.

ГЛАВА XI

Общество и его организация

Наука одержала верх; атака, которую теология и скепсис в конце V века предприняли против естествознания, была отбита. Те самые люди, которых взрастили Сократ и Платон, по большей части отреклись от миросозерцания своих учителей, хотя, быть может, и полагали, что остаются верны духу сократовского учения. Ибо работою одного столетия был накоплен огромный запас положительных знаний, который отныне служил несокрушимой преградой как против необузданного умозрения, так и против бесплодного отрицания.

И не только в глубину разрослась наука, но и вширь. Горсть одиноких мыслителей, которая в эпоху Перикла посвятила свои силы исканию истины, непонятая, а часто и гонимая образованной и необразованной массой, с течением времени приобретала все больше последователей; ее усилиями была создана обширная специальная литература, обнимавшая все отрасли тогдашнего знания.

Ввиду этих условий изменилось и отношение общества к науке. Со времени Сократа уже ни один философ не был гоним в Афинах за свое учение; если Аристотель после смерти Александра принужден был покинуть Афины, то это было обусловлено политическими причинами, и обвинение в оскорблении религии служило лишь предлогом. Правда, ни Афины, ни — насколько мы знаем — какая-либо другая греческая республика ничего не сделали в эту эпоху для поощрения науки. Школы, основанные Демокритом в Абдере, Платоном в Академии близ Афин и позднее Аристотелем в Ликее, были вполне частными учреждениями, которые содержались либо на средства самих основателей, либо на взносы учеников. Требование Платона, чтобы государство приняло на себя заботу об обучении юношества математике, астрономии, теории гармонии и философии, осталось благим желанием; когда афинское правительство в эпоху Филиппа начало следить за элементарным обучением детей, то это

было уже очень много. Зато монархия признала поощрение науки одной из задач государства. Оба сиракузских Дионисия, отец и сын, и македонский царь Пердикка II привлекали к своим дворам философов и сами принимали деятельное участие в их исследованиях; Филипп поручил Аристотелю воспитание своего сына Александра, а Клеарх Гераклейский, сам ученик Платона, был первым государем, основавшим библиотеку.

Распространение образования на все более широкие круги общества не могло не повлиять и на нравственный уровень последнего. Ибо если софистическо-сократовское положение, что добродетель основана на знании, в этой безусловной форме и неверно, то невозможно отрицать, что в общем образованные народы стоят в нравственном отношении выше необразованных, а в пределах одного и того же народа — образованные классы выше необразованных. Не будь этого — было бы жаль каждой копейки, истраченной государством на дело народного образования. Правда, современники обыкновенно не замечают этического прогресса: тем сильнее чувствуются недостатки существующего, а между тем люди во все времена были склонны идеализировать прошлое. Так, уже Гесиод оплакивает нравственный упадок своего времени; совершенно так же аттическая комедия противопоставляет современной испорченности доброе старое время марафонских бойцов, а у ораторов сопоставление добродетелей отцов с деморализацией современного им поколения становится общим местом. Разумеется, все эти пессимистические рассуждения в известном смысле справедливы: в них выражается сознание, что современный строй далек от идеала, ложен обыкновенно лишь вывод, что прошлое было лучше.

Притом этический прогресс вовсе не совершается по прямой восходящей линии, как и прогресс во всех других областях. Каждый успех в одной сфере покупается ценою потери в другой. Как только экономическое развитие народа достигает такой высоты, что ущерб, который профессиональная деятельность населения терпит от войны, уже не уравновешивается стоимостью военной добычи, — воинст-

венность народа обыкновенно исчезает. В той части греческого мира, где экономическое развитие достигло наиболее высокого уровня, — в Ионии — это явление обнаружилось очень рано; отчасти им был обусловлен неуспех великого восстания против Дария, а в начале IV века ионийские отряды за немногими исключениями были совершенно непригодны для военных действий. Со времени Пелопоннесской войны и в Аттике начало обнаруживаться отвращение к военной службе, особенно к походам за море; и мы, действительно, не можем порицать афинских граждан за то, что они не имели охоты рисковать жизнью в пограничных стычках с фракийскими князьями и в других войнах подобного рода, имевших целью лишь защиту колониальных владений. Даже Пелопоннесский союз был вынужден около 380 г. предоставить всем желающим право откупаться от военной службы в случае экспедиций вне пределов собственно Эллады. Но в горных округах Пелопоннеса и других частей греческого полуострова старый воинственный дух продолжал жить и теперь; там во всякую минуту можно было набрать любое число наемников. А в некоторых отдаленных местностях, как например в Этолии, старая склонность к войне и грабежу удержалась до тех пор, пока на Грецию не легла тяжелая рука римлян.

Да и вообще чувство солидарности естественно ослабевает, по мере того как индивидуум приобретает все более самостоятельности. Этот процесс наступил и в Греции; характерным симптомом его является то обстоятельство, что прямые личные повинности в пользу государства, „литургии", во второй половине IV века в Афинах большею частью были уничтожены или обращены в налоги. Точно так же граждане все более уклонялись от занятия безвозмездных почетных должностей, что, впрочем, отчасти было результатом недовольства существующим строем, которое даже такого человека, как Платон, заставило совершенно отстраниться от общественной жизни. Затем, в конце века, Эпикур выставил положение: *лате биосас* — живи мирно про себя и как можно меньше связывайся с политикой.

Однако не следует слишком преувеличивать размеры

подобных явлений. Если в рутине будничной жизни и ввиду неисцелимого зла политического дробления и мелочной партийной борьбы иные и становились нерадивыми в исполнении своих общественных обязанностей, то в минуту нужды греки этой эпохи так же мало задумывались приносить свое имущество и жизнь на алтарь отечества, как их отцы и деды. Когда Афины перед Херонеей вели свою последнюю решающую борьбу с Филиппом, в их военную казну отовсюду стекались добровольные взносы, хотя многие из жертвователей резко осуждали ту политику, которая привела государство к этой войне. И несмотря на все свое отвращение к военной службе, граждане греческих городов всегда с радостью шли в бой, когда надо было защитить отчизну. Оборона Афин против Деметрия, обороны против Антигона и еще против Суллы не уступают подвигам, совершенным эллинами в Персидских войнах и Пелопоннесской войне; история остальных греческих областей также представляет немало примеров подобного героизма.

Тем бóльшие успехи сделала под влиянием возраставшей образованности гуманность. Жестокости вроде тех, какие совершались над побежденными врагами еще во время Пелопоннесской войны (выше, т.I, с.466), были бы невозможны уже спустя немного лет. В течение IV века уже очень редко случалось, что при взятии города победитель избивал взрослых граждан, да и то лишь в таком случае, когда это были возмутившиеся против него подданные. Обыкновенно же пленным позволяли откупаться; лишь тех, которые не могли уплатить выкупа, сообразно старому военному праву, продавали в рабство; но и в этом случае часто поступали человечнее. Мы видели, что даже провинившиеся в ограблении святыни фокейцы благодаря заступничеству Филиппа спаслись от мести своих врагов и сохранили жизнь и свободу. Агесилай во время своих походов в Малой Азии строго наказывал своим войскам и в пленном варваре уважать человека и обходиться с ним гуманно. Правда, эллины попрежнему были убеждены в своем превосходстве над варварами, и почти никто не оспаривал укоренившегося и при тогдашних условиях вполне справедливого взгляда, что элли-

ны предназначены природою для господства, а варвары — для рабства; но уже начинали догадываться, что это превосходство основывается не столько на происхождении эллинов, сколько на их образовании, и что варвар, усвоивший греческую культуру, имеет право считаться греком.

Даже в отрезанный от жизни гинекей мало-помалу начало проникать просвещение, ибо, если женское образование находилось еще в очень жалком состоянии, то тем сильнее действовало влияние отца и позднее мужа. Арете, дочь Аристиппа, так обстоятельно ознакомилась с его философской системой, что позднее сумела обучить ей своего сына, младшего Аристиппа. В кружке, образовавшемся в конце столетия в Лампсаке вокруг Эпикура, участвовали и женщины, как Фемисто, жена Леонтея, и ее дочь Леонтион, которая позднее вышла замуж за любимого ученика Эпикура, Метродора. Гиппархия, девушка из знатной семьи в Маронее, вскоре после смерти Александра прибыла со своим братом Метроклом в Афины, где киник Кратес произвел на нее такое глубокое впечатление, что она отвергла всех других искателей своей руки и не задумалась пойти за своим избранником, чтобы в качестве жены делить его нищенскую жизнь. В эту эпоху снова начинают появляться и женщины-поэты, как в VI веке; таковы Эринна из Теноса (около 350 г.), несколько позднее Носсис из Эпизефирских Локр и Анита из Тегеи в Аркадии.

Как ни мало типичны эти примеры, тем не менее они являются характерными симптомами той глубокой перемены, которая в эту эпоху начала совершаться в положении греческой женщины. Возможность браков по любви, каким был брак Гиппархии с Кратесом, заставляет предполагать, что и девушки начали вращаться в мужском обществе. Родители, разумеется, не одобряли связи с нищенствующим философом; но им и в голову не приходило принудить свою дочь к другому браку, и в конце концов они дали свое согласие. При этих условиях тот грубый взгляд, согласно которому единственною целью брака является рождение детей, все более уступал место пониманию брака как духовного общения, где обе части в силу различия своих свойств взаимно

дополняют друг друга. В этом смысле высказывается Аристотель, который сам был очень счастлив в своем браке с сестрой своего друга Гермия; а Ксенофонт в своей „Ойкономии“ нарисовал картину идеального брака, которая в общем соответствует еще и нашим представлениям. Само собой разумеется, что действительность мало походила на этот идеал; брак по расчету, где главную роль играло приданое, все-таки оставался преобладающим явлением. Поэтому комедия неистощима в своих жалобах на женщин; правда, и мужья, в уста которых вложены эти жалобы, большею частью сами настолько пошлы, что их жены еще слишком хороши для них. Но и Еврипид, изучавший женскую душу более пристально, чем кто-либо до него, нарисовавший в своей Алкестиде идеальный образ жены и хозяйки, был в общем очень дурного мнения о женщинах своего времени. Даже такой человек, как Платон, не имеет ни малейшего представления об этическом значении семейной жизни, которую он поэтому совершенно исключает из строя своего идеального государства; он и сам, как известно, умер холостяком. Правда, он впадает при этом в противоположную крайность, совсем отрицая физическое и духовное превосходство мужчины, как делают и современные социалисты, его последователи; оба пола должны получать одинаковое образование, но зато потом должны иметь и одинаковые права и обязанности, причем женщины должны даже, подобно мужчинам, нести военную службу.

Ввиду этих условий гетеры и теперь сохраняли то первенствующее положение, которое они в эпоху Перикла заняли в греческом и особенно в афинском обществе. Аттическая комедия, приблизительно со времени Коринфской войны, вертится главным образом вокруг этих дам полусвета, и в числе их поклонников мы встречаем, за немногими исключениями, всех выдающихся людей этого периода — поэтов и художников, ученых и государственных деятелей. Самой знаменитой гетерой в начале IV века была Лаиса, которая, по преданию, семилетней девочкой была взята в плен при завоевании афинянами сиканского города Гиккары в 415 г., она попала сначала в Коринф и наконец в Афины, где очаро-

вала всех своей красотою. Впоследствии она впала в бедность, и поэт Эпикрат не мог отказать себе в дешевом удовольствии выставить в своей комедии „Антилаис“ развенчанную царицу афинского общества на осмеяние публики. Еще бóльшую известность приобрела в эпоху Филиппа и Александра Фрина из Феспий. По преданию, она вдохновила Праксителя на создание его Афродиты Книдской; она находилась в близких отношениях и с Гиперидом, и его красноречию была обязана своим оправданием, когда была привлечена к суду по обвинению в кощунстве (выше, с.7). Ее статуя, работы Праксителя, стояла в Дельфах между статуями царей Филиппа и Архидама — почет, возбуждавший сильнейшее негодование в проповедниках нравственности вроде киника Кратеса. Другая знаменитая гетера этого времени, афинянка Пифионика, последовала за министром финансов Александра Гарпалом в Вавилон; она пользовалась там почти царским почетом, и когда она умерла, ее друг воздвиг ей великолепный памятник в том месте, где Священная дорога из Элевсина в Афины спускается на равнину и взору путника впервые открывается Акрополь. Это был, без сравнения, самый величественный надгробный памятник в окрестностях Афин; чужеземец, проходивший этой дорогой, наверное, думал, что здесь погребен один из знаменитейших людей города, пока, прочитав надпись, не узнавал, кому воздвигнут этот памятник.

Влияние просвещения и гуманности, проникавших все в более широкие круги, должно было отражаться и в политической области. Контрасты начали сглаживаться; вопрос о том, чтó лучше: демократия или олигархия, — отошел на второй план. Общественное мнение требовало создания правового государства, из которого был бы устранен всякий произвол.

Ввиду этого государственное право этой эпохи старалось выработать такую конституцию, которая занимала бы середину между демократией и олигархией и таким образом обеспечивала бы обеим частям общества — зажиточным и неимущим — неприкосновенность их интересов. Для этого право голоса в Народном собрании должно быть предостав-

лено всем гражданам, но для занятия государственных должностей необходимо требовать известных гарантий пригодности, критерием которой при данных условиях мог служить только имущественный ценз. Мы видим здесь тот же политический строй, какой существовал в Афинах в VI веке со времени Солона и еще после Клисфеновой реформы, — с той лишь разницей, что теперь хотели искусственно воскресить то, что́ тогда было создано естественным развитием. В теории подобная „смешанная конституция", или, как обыкновенно говорили, просто „государственное устройство" (*полития*), выглядела очень недурно, но прочно она могла держаться лишь там, где сохранилось сильное среднее сословие, которое по количеству не уступало бы пролетариату и владело бы такой большой долею народного богатства, чтобы не только количественно, но и экономически иметь перевес над богатыми; во всех остальных странах этот строй должен был спустя короткое время выродиться либо в демократию, либо в олигархию. Это суждено было испытать уже Ферамену, когда он сделал попытку ввести такую „смешанную конституцию" в Афинах; да и та смешанная конституция, которую ввел Тимолеон в освобожденных им Сиракузах, лишь на малое число лет пережила своего творца.

Более действительным, чем эти попытки реформ, оказывалось влияние общественного мнения на применение существующих правовых норм. Так, Афинское народное собрание после восстановления демократии в 403 г. осуществляло свою судебную компетенцию лишь в исключительных случаях, и политические процессы обыкновенно передавались на рассмотрение суда присяжных; такое беспорядочное судебное разбирательство, какое имело место при осуждении стратегов, одержавших победу у Аргинусских островов, с тех пор более не повторялось. Точно так же со времени изгнания Гипербола в 417 г. остракизм вышел из употребления, хотя закон об остракизме никогда не был отменен. Положение, согласно которому всякое постановление Народного собрания, противоречащее существующему закону, недействительно, было снова подтверждено при восстановлении демократии в 403 г., и — что́ важнее — оно в общем по-

стоянно соблюдалось на практике. Судебная компетенция, которою до сих пор пользовался Совет при принятии от должностных лиц отчета об их деятельности, была ограничена, и разрешена апелляция на решение Совета к суду присяжных. Этими и другими подобными мероприятиями были предотвращены по крайней мере некоторые из худших зол демократии, но о действительных гарантиях законности при тогдашнем составе судов присяжных все-таки не могло быть речи.

Именно ввиду этого греческие политики того времени не решались приступать к коренной реформе действующего права, как ни была она необходима во многих отношениях. Ибо уважение к законам, жившее в народе, в значительной степени основывалось на их древности и на пиетете, которым пользовались имена их творцов. Поэтому в Афинах не решались отменять законы Дракона и Солона и, самое бóльшее, исправляли их в отдельных пунктах. После падения Четырехсот с этой целью была избрана комиссия; правительство Тридцати пошло дальше по этому пути, стараясь в особенности устранить неясность старых законов более точным изложением их текста. Восстановленная демократия продолжала и довела до конца этот пересмотр. В Сиракузах при Тимолеоне также ограничились только пересмотром старых законов Диокла, с главной целью устранить те выражения, которые стали непонятными; поэтому коринфяне Кефал и Дионисий, которым было поручено это дело, считались не законодателями, а лишь „толкователями законов“. Даже вновь основанные города иногда не вырабатывали сами законов для себя, а предпочитали просто заимствовать законы у какой-нибудь другой общины; так, в Фуриях были введены законы Харонда. Естественным результатом всех этих условий было то, что оставались в силе многие законодательные постановления, приуроченные к совершенно иным экономическим и социальным порядкам, так что, например, в эолийской Киме удержался даже институт соприсяжников в уголовном процессе. Правда, это были исключения; но и в Афинах право жалобы в уголовных делах все еще принадлежало исключительно пострадавшему или его родственни-

кам, а тот, кто одерживал верх в гражданском процессе, и теперь должен был сам осуществлять свое право посредством захвата какой-нибудь части имущества своего противника.

Большие перемены произошли в области администрации. Самым больным местом последней было финансовое ведомство, ибо греческие государства этого времени постоянно терпели нужду в деньгах, отчасти ввиду беспрерывных войн, отчасти ввиду крупных и все более возраставших расходов, каких требовали в демократических государствах плата за отправление политических обязанностей и особенно раздачи денег народу. При таких обстоятельствах увеличение государственных доходов было неизбежной необходимостью. Новые подати было очень трудно вводить, так как уже в V веке была создана, по тогдашним условиям почти полная, система косвенных налогов, и греческие республики упорно держались правила взимать с граждан прямые налоги лишь для покрытия чрезвычайных нужд. Изредка прибегали, правда, к введению монополий; так, византийцы однажды предоставили одному предпринимателю исключительное право на производство банковских операций в их городе, а в эпоху Александра Пифокл выступил в Афинах с проектом, чтобы государство закупило весь свинец, добытый в Лаврийских рудниках, по существовавшей до тех пор цене в 2 драхмы за талант, и затем установило цену в 6 драхм. Но все это были случайные попытки, предпринимавшиеся лишь в минуты финансовых кризисов без всякой последовательности; притом, не существовало ни одного предмета роскоши, потребляемого в больших количествах, который мог бы служить объектом прочной и доходной монополии, а соляная монополия в стране с такой развитой береговой линией, какою обладала Греция, не могла принести больших барышей. Следовательно, единственным действительным средством для увеличения государственных доходов оставалось повышение либо преобразование существующих уже налогов. Так, в Афинах пошлина в 1 % со стоимости ввозимых и вывозимых товаров, взимавшаяся в V веке, — во время Декелейской войны была увеличена вдвое и удержана в этом

виде и после заключения мира; гербовая пошлина, которую государство взимало при продажах, также была увеличена вдвое. Все это были, правда, еще довольно умеренные нормы, и не только по воззрениям нашего времени; но крупный торговый город, как Афины, не мог чрезмерно отягощать коммерческий оборот, чтобы не подорвать своих собственных жизненных интересов. Реформы же в области косвенных налогов затруднялись тем, что государство все еще не решалось взять в свои руки взыскание этих сборов и продолжало держаться откупной системы, сознавая, что взимание их самим государством откроет широкий простор хищениям. Оставалось, следовательно, только следить за тем, чтобы откупная сумма возможно более приближалась к действительной сумме сборов, и уничтожать монополии крупных товариществ, обративших откуп косвенных налогов в правильное торговое дело. Чего можно было достигнуть в этой области, показывает деятельность афинского политика Каллистрата в Македонии во время его изгнания (выше, с.235).

Больших улучшений можно было достигнуть в области прямых налогов. Их взыскание производилось в V веке отчасти еще довольно грубым способом; затем, когда со времени Пелопоннесской войны в Афинах и, без сомнения, также в других государствах пришлось облагать граждан такими податями через короткие промежутки, то надо было позаботиться о более справедливой раскладке их. И вот, при возобновлении войны со Спартою, в архонтство Навсиника (378/377 г.), в Афинах была произведена оценка всей недвижимой и движимой собственности всех граждан и союзников, результаты которой в течение человеческого поколения и, вероятно, еще дольше служили основою прямого обложения. Податная норма была по нашим понятиям очень высока: имущественный налог в 1—2 % считался умеренным, хотя налог в 8 %, по мнению Демосфена, афиняне едва ли снесли бы. Однако Дионисий Сиракузский в трудную годину карфагенских войн взимал, по преданию, даже 20 % с имущества. Но при этом не следует забывать, что имущество в то время приносило в среднем втрое бóльший доход, чем

теперь, и что подать с имущества была чрезвычайным налогом, к которому прибегали почти исключительно в военное время. Несмотря на это, в течение 10 лет, проведенных Демосфеном под опекой, т.е. приблизительно с 376/375 по 367/366 гг., было взыскано с имущества в целом 10 %, т.е. ежегодно в среднем 1 % или около 8—10 % с фондированного дохода. С оседлых иностранцев Афины во 2-й половине IV века, правда, взимали прямой имущественный налог, но лишь в скромных размерах 10 талантов, которые предназначались на покрытие расходов по постройке арсенала в Пирее.

Систему „литургий", т.е. личных повинностей на удовлетворение государственных нужд, уже в эпоху Пелопоннесской войны невозможно было применять в полном объеме. Правительство было вынуждено раскладывать расходы по триерархии каждый раз на двух граждан (выше, т.I, с.363—354), из которых, разумеется, только один мог командовать кораблем; затем, разрешено было вообще отдавать всю повинность в подряд предпринимателям, причем тот, на кого падала повинность, избавлялся от всех хлопот по снаряжению корабля, но оставался ответственным за все неисправности. Но и теперь триерархия была тяжелым бременем; поэтому в Афинах, при начале союзнической войны 357/356 г., была произведена реформа, благодаря которой эта повинность для большинства подлежавших ей граждан совершенно потеряла свой прежний характер и превратилась в прямой налог. Именно, 1200 наиболее состоятельных граждан были разделены на известное число товариществ, т.н. „симморий", из которых каждое в случае войны должно было снаряжать один или несколько кораблей. Благодаря этому названная повинность распределялась гораздо равномернее, чем раньше; но и эта реформа не устранила той несправедливости, которая являлась коренным недостатком системы „литургий", — именно, что все, на кого падала эта повинность, должны были платить одну и ту же сумму, несмотря на различие их имущественного положения. Напротив, теперь это зло еще усилилось, так как реформа, чтобы уменьшить по возможности бремя, падавшее на отдельных граж-

дан, значительно расширила круг лиц, подлежавших литургии. А богачи, стоявшие во главе симморий и руководившие всеми делами, сплошь и рядом старались свалить бремя на плечи своих менее состоятельных товарищей. Это зло было устранено во время последней войны против Филиппа законом Демосфена, установившим известную градацию обложения в пределах симморий соответственно состоятельности отдельных членов, так что теперь иной богатый человек должен был нести расходы по снаряжению двух или даже более кораблей, тогда как раньше на него падала лишь часть расходов по снаряжению одного корабля; сообразно с этим была уменьшена доля, падавшая на беднейших членов симморий. Эта реформа была вполне справедлива и разумна; можно было только спросить, почему государство, раз оно пошло уже так далеко, не взяло и всего дела в свои руки, т.е. не надумало покрывать эти издержки доходами с прямой военной подати; ибо, не говоря уже о тяжелом личном бремени, которое еще и теперь несли представители симморий, — явной нелепостью было то, что командирами военных судов являлись люди, в большинстве случаев не имевшие ни малейшего представления о морском деле.

Остальные прямые повинности, которые государство налагало на своих граждан, по величине обусловливаемых ими расходов далеко уступали триерархии. Притом, здесь путем внешнего блеска можно было приобрести такую популярность, какой не доставляло самое тщательное снаряжение военного корабля; и всегда находились люди, которые готовы были жертвовать на это часть своего имущества. Тем не менее и для этих повинностей, по крайней мере в Афинах, со времени Пелопоннесской войны стало не хватать пригодных кандидатов. Пришлось ограничить число хоров, выступавших на общественных представлениях, и в некоторых случаях делить бремя издержек между двумя лицами. Наконец, вскоре после Александра хорегия в старой форме была совсем отменена, и государство взяло обзаведение и обучение хоров на себя.

Но как бы государство ни напрягало податные силы населения, как бы ни заботилось оно о финансовых реформах,

— в те дни, когда нужда в деньгах достигала чрезвычайных размеров, все это оказывалось недостаточным. А накоплять значительные наличные суммы не удавалось в это время благодаря беспрестанным войнам ни одному греческому государству; единственной державой, располагавшей государственным фондом, была Персия. И вот, по необходимости начали расходовать на нужды государства храмовые сокровища. По преданию, уже Гекатей Милетский во время ионийского восстания советовал прибегнуть к этому средству; но предложение представителя просвещения было отвергнуто его благочестивыми согражданами, и богатые сокровища Бранхид после подавления мятежа достались в добычу персам. Показать нации пример секуляризации храмовых имуществ суждено было тому городу, который любил называть себя самым благочестивым в Элладе, — Афинам. Во время Архидамовой войны храмовые сокровища Аттики были почти без остатка истрачены на военные нужды, притом не только казна Афины Полиас, которая составилась главным образом из остатков союзнической дани и по существу была не чем иным, как поставленным под охрану богини-покровительницы города государственным фондом, но и сокровища остальных богов страны. Это было сделано в форме подлежащих росту займов, и по заключении мира государство честно старалось исполнить принятые им на себя обязательства. Но возобновление войны в 415 г. принудило его снова прибегнуть к займам из храмовых касс; когда они были исчерпаны, — расплавили все золотые и серебряные жертвенные дары, какие оказались налицо. Только золотого одеяния Афины-девственницы не тронули и теперь, несмотря на крайнюю нужду в деньгах. После крушения державы, конечно, уже нельзя было думать об уплате этих долгов; заемные записи, высеченные на камне, остались на Акрополе, и обломки их еще нам свидетельствуют о финансовом банкротстве Афин.

Примеру Афин вскоре последовали и другие государства. В Сиракузах Дионисий покрывал расходы по своим войнам с карфагенянами в значительной доле конфискацией храмовых сокровищ; в Сикионе Эвфрон секуляризовал хра-

мовое имущество (368 г.); даже благочестивые аркадцы ограбили храмовую казну в Олимпии, чтобы уплатить жалованье своему войску (364 г.). Поэтому, когда фокейцы во время своей войны с амфиктионами брали взаймы деньги у Дельфийского храма, то это уже отнюдь не было неслыханным поступком; правда, огромные размеры забранных ими сумм и чрезвычайная святость ограбленного храма придавали секуляризации в этом случае особенно неблаговидный характер.

Храмовых сокровищ в большинстве случаев хватало, разумеется, ненадолго, и вскоре приходилось отыскивать новые источники дохода. Очень часто правительство обращалось к гражданам и оседлым чужеземцам с просьбою о добровольных пожертвованиях на нужды государства, и такие воззвания всегда увенчивались успехом; но суммы, которые можно было собрать этим путем, всегда были, конечно, сравнительно невелики. Итак, оставался один выход — займы; но каким кредитом могли пользоваться самостоятельные мелкие государства, всегда стоявшие на границе банкротства и не представлявшие кредитору никаких законных гарантий, которые давали бы ему возможность принудить их к уплате долга? Поэтому, особенно в эпохи кризисов, часто не было никакой возможности достать денег взаймы, или же приходилось платить непомерно высокий процент, разве только какой-нибудь богатый гражданин или метек соглашался ссудить деньги государству на сносных условиях, побуждаемый к тому либо патриотизмом, либо желанием заслужить благодарность народа. Если такого доброхотного заимодавца не оказывалось, то прибегали к принудительным займам или к выпуску кредитных денег с принудительным курсом; напротив, на опасный путь ухудшения монеты греческие государства вступали лишь в очень редких случаях. Наконец, когда не помогали никакие меры, последним средством спасения являлась конфискация имуществ; для этого богатых граждан или метеков под каким-нибудь предлогом предавали суду и осуждали. Искушение пользоваться этим средством было тем сильнее, что суммы, которыми оперировали бюджеты греческих общин, бóльшею

частью были очень невелики, так что часто было достаточно конфисковать имущество одного человека, чтобы покрыть весь дефицит казны. Аттические ораторы говорят о таких конфискациях как о совершенно естественном явлении, и Демосфен даже ставит себе в заслугу, что никогда не прибегал к этому средству.

Однако подчас все эти источники оказывались недостаточными, и государство терпело крайнюю нужду. Даже в Афинах суд иногда переставал функционировать, так как не хватало денег на уплату жалованья присяжным. Такое положение вещей отражалось пагубным образом особенно на военных операциях; полководцев часто посылали на войну без гроша денег, да и позднее крайне скупо снабжали их деньгами, и они должны были сами изыскивать необходимые средства на содержание своих войск. Поэтому им по необходимости приходилось кормить войну войною. Результатом было, конечно, угнетение союзников и обложение контрибуциями нейтральных общин; афинские стратеги забирали в плен всякое судно, которое не заплатило им за защиту. О систематическом осуществлении плана экспедиции при таких условиях часто нельзя было и думать; полководцы вели свое войско туда, где могли надеяться легче всего прокормить его. Эти финансовые затруднения являются главной причиной неуспешности афинских военных действий со времени окончания Пелопоннесской войны, и ничто не сделало имя Афин в такой степени ненавистным в Греции, как беспрестанные вымогательства, обусловливаемые этой системою.

При этих условиях должностные лица, заведовавшие финансами, должны были играть все более видную роль в управлении государством. Это наиболее характерным образом обнаруживается в том, что демократия в этой области, и только в ней одной, отступила от принципа ежегодного замещения государственных должностей. Так, в Афинах магистраты, заведовавшие кассою, из которой производилась выдача пособий народу, избирались каждый раз на четыре года, причем срок их службы начинался с Великих Панафиней, которые праздновались в третьем году каждой олимпиады

тотчас после середины лета. Когда незадолго до сражения при Херонее была учреждена должность военного казначея, то и для нее установили четырехлетний срок от одних Панафиней до других и при этом отказались даже от принципа коллегиальности, поручив заведование военной казною *одному* должностному лицу.

Вместе с тем финансовое искусство развилось в особую отрасль политической деятельности. Уже Клеон и Клеофонт достигли в этой области крупных успехов; Агиррий, который сам в течение многих лет стоял во главе компании откупщиков таможенного сбора, был, вероятно, первым специалистом финансового дела, достигшим руководящего положения в Афинах. Его племянник Каллистрат также был замечательным финансистом; он организовал финансовое управление Второго Афинского морского союза[1], и податная реформа, произведенная в Аттике в архонтство Навсиника, также, по всей вероятности, была в значительной степени делом его рук; даже как изгнанник он обнаружил в Македонии замечательные финансовые способности. Но величайшим финансовым гением, какого произвели Афины, был, без сомнения, Эвбул, который после союзнической войны спас Афины от банкротства и снова привел финансы в цветущее состояние. Исключительно эти заслуги и доставили ему первое место в государстве, потому что он не был ни выдающимся оратором, ни знатоком военного дела, так что никогда не занимал должности стратега. Достойным его преемником был Ликург, который после Херонейской битвы преобразовал финансовое управление государства, причем ему, впрочем, далеко не пришлось бороться с такими трудностями, как некогда Эвбулу. Наконец, ученик Аристотеля Деметрий из Фалер замыкает собою ряд великих финансистов Афин.

В этот же период начинается и теоретическая разработка финансового дела, хотя в большинстве случаев она остается крайне дилетантской. Таков особенно сохранившийся

[1] В оригинале труда К.Ю.Белоха и в переводе этот союз назван Третьим Афинским морским союзом, что расходится с общепринятой точкой зрения. *(Ред. 2008).*

под именем Ксенофонта трактат „О государственных доходах“, написанный около середины IV столетия; он не содержит ни одной мысли, которая могла бы быть осуществлена на практике. Правда, еще гораздо ниже стоит 2-я книга псевдоаристотелевой „Ойкономии“, составленная приблизительно в начале III века; она не содержит ничего более, кроме описания всевозможных, подчас очень насильственных, мер к устранению финансовых кризисов. По вложенному в нее духовному содержанию она немногим отличается от „Стратегем“ Полиэна или от тех сборников чудесных историй, которые приписывались Аристотелю и Антигону из Кариста.

В области военного дела произошли еще более коренные перемены, чем в области финансового управления. Эти реформы были обусловлены опытом, приобретенным в Пелопоннесской войне. Здесь впервые обнаружилось, что старый способ ведения войны тяжеловооруженными отрядами, который некогда доставил грекам победу над персами, более не удовлетворяет требованиям нового времени. При Спартоле афинские гоплиты были разбиты легковооруженными отрядами халкидцев; на Сфактерии спартанские гоплиты, считавшиеся непобедимыми, принуждены были сдаться легким войскам Клеона и Демосфена. Перед Сиракузами Гилипп достиг такого успеха, каким до него не мог гордиться ни один греческий полководец: он принудил к сдаче целое войско без настоящей битвы, только искусно маневрируя своими конными и легковооруженными отрядами и пользуясь выгодами, какие представляла местность.

Поэтому наряду с гоплитами стали уделять больше внимания и другим родам оружия. Уже при Перикле Афины сознали необходимость организовать у себя конное войско, на первых порах, впрочем, лишь для того, чтобы в случае неприятельского нападения иметь в своем распоряжении легкоподвижный отряд для защиты страны. Во время Пелопоннесской войны, когда аттический флот беспрестанно грозил берегам Лаконии, Спарта последовала этому примеру, поданному ее врагом; в течение IV века уже почти все государства греческого полуострова организовали у себя конные отряды. Около этого же времени начали убеждаться в беспо-

лезности тех полчищ недисциплинированной легкой пехоты, которые до сих пор сопровождали на войну регулярное войско и, не принося никакой пользы в битвах, ложились лишним бременем на продовольствие армии. Теперь к гоплитам присоединяли только небольшие отряды хорошо обученных стрелков из лука, копейщиков и пращников. Но вскоре убедились, что одного этого еще недостаточно и что следует саму линейную пехоту сделать более подвижной, облегчив ее вооружение. Эту реформу впервые провел Ификрат в своем наемном войске во время Коринфской войны. Он заменил металлический панцирь холщевым, обитый медью щит — легким кожаным, какой употреблялся во Фракии и в Северной Греции; зато копье было удлинено наполовину и введен более длинный меч. Кроме того, для боя на расстоянии воины были снабжены дротиками. Эти так называемые пелтасты, обученные для битвы как в строю, так и врассыпную, благодаря своей легкости в маневрировании вскоре сделались грозою для тяжеловооруженных армий, особенно после того, как Ификрату удалось со своими наемниками разбить лакедемонский отряд и большую часть его уничтожить (выше, с.144 и след.). Ввиду этого введенное Ификратом вооружение вскоре было усвоено всеми наемными войсками. Но гражданские ополчения обыкновенно не были достаточно обучены и дисциплинированы, чтобы иметь возможность пользоваться преимуществами нового вооружения; притом, едва ли можно было обучить ополченцев, которые большею частью были, разумеется, уже людьми зрелого возраста, тем новым приемам борьбы, какие обусловливались изменившимся характером вооружения. Правда, Спарта могла бы сделать этот шаг, но легко понять, что как раз она должна была особенно остерегаться вносить изменения в старую испытанную тактику, которой государство было обязано своим могуществом. Поэтому греческие гражданские ополчения и теперь продолжали держаться старого тяжелого вооружения. Только македонские цари — быть может, уже Аминта, быть может, только его сыновья — начали вооружать всю свою линейную пехоту по образцу, созданному Ификратом. Здесь реформам не мешали, как в Южной Гре-

ции, военные традиции; напротив, исконное вооружение македонской дружины представляло большое сходство с новым вооружением; оставалось только преобразовать иррегулярную пехоту в правильную линейную инфантерию. Введенное Ификратом вооружение было вначале принято, повидимому, без изменений, и в одной части пехоты — в отряде т.н. гипасписто в гетайров — оно удержалось до конца. Но большая часть пехоты была снабжена копьями в пять метров длиною, т.н. сариссами, так что копья первых шести рядов при нападении выступали за линию фронта и образовали несокрушимую преграду. При этом, правда, пришлось пожертвовать другим преимуществом — большей подвижностью; вооруженные таким образом полки могли действовать лишь сомкнутой массой в открытой местности; зато здесь никто не мог устоять перед ними. Лучшие войска Греции, фиванцы при Херонее и лакедемоняне при Мегалополе, были сокрушены их натиском, и еще Эмилий Павел сказал, что никогда в жизни он не видел ничего более страшного, чем македонская фаланга.

При всем том тактика в общем развивалась, конечно, медленно. Великие сражения Пелопоннесской и Коринфской войн носят еще всецело старый характер. Войска выстраивались длинной линией, большею частью в восемь рядов, и затем наступали друг на друга; до рукопашной дело доходило редко, так как обе стороны ставили свои лучшие отряды на правом крыле, вследствие чего левое крыло врага при приближении неприятеля обыкновенно без боя обращалось в бегство. Тогда оба победоносных правых крыла еще раз сходились, чтобы решить участь битвы; победа доставалась той стороне, которая при преследовании разбитого врага наилучше сохраняла порядок. Исход сражения зависел при этом исключительно от тяжеловооруженной пехоты; легкие отряды и конница, если она вообще была налицо, схватывались с легкими отрядами и конницей врага, но не принимали никакого участия в борьбе с неприятельскими гоплитами и служили в общем лишь для преследования побежденного неприятеля, которое, впрочем, редко отличалось настойчивостью.

Если недостатки этой тактики обнаружились уже и в

Пелопоннесской войне, то ввиду задач, которые пришлось разрешить наемному войску Кира при его отступлении из Вавилонии, она оказалась совершенно непригодной. Здесь тяжеловооруженная фаланга не могла по своей воле выбирать удобные места для сражений, а принуждена была вступать в битву с неприятельской конницей и легкими отрядами на полях, пересеченных горами и реками, когда этого хотелось врагу. Ввиду этого Ксенофонт, руководивший этим отступлением, уничтожил старую сомкнутую боевую линию и разбил свою пехоту на небольшие батальоны по 100 человек, которые выстраивались настолько близко один к другому, что могли взаимно поддерживать друг друга, но в общем должны были действовать самостоятельно. Это был по существу тот же манипулярный строй, который позднее так много содействовал покорению мира римлянами. Но если этот батальонный строй оказался вполне пригодным в борьбе с азиатскими варварами, то против натиска сомкнутой тяжеловооруженной греческой фаланги подобное войско не могло устоять, вследствие чего эта система, которой предстояла блестящая будущность, в ближайшее время не оказала глубокого влияния на характер войны.

Гораздо большее значение имели реформы, произведенные в области тактики Эпаминондом. Вместо того чтобы нападать всем фронтом, как делалось до сих пор, он выдвигал против неприятеля только одно крыло, удерживая другое позади; при этом в наступление он посылал свое левое крыло, чтобы направить натиск против лучших войск врага и тем сразу решить участь битвы. Ввиду этого левое крыло должно было, разумеется, быть возможно более многолюдным; далее, чтобы достигнуть большой силы натиска, Эпаминонд располагал войска, предназначенные для наступления, глубокой колонной, что́, впрочем, практиковалось у фиванцев уже задолго до его времени. Этому т.н. „косому боевому строю“ Эпаминонд обязан своей победой при Левктрах, и с тех пор этот строй, безусловно, господствовал в греческой тактике, хотя и изменяясь сообразно потребностям времени. Ибо и Эпаминонд еще ни на шаг не отступал от старой тактики, опиравшейся всецело на тяжелую пехоту,

и почти совсем не умел пользоваться в битве легковооруженными отрядами и даже своей превосходной беотийской конницей, так что при Левктрах он даже прикрытие флангов своей наступательной колонны поручил отряду тяжелой инфантерии.

Лишь Филипп и Александр предоставили коннице подобающую роль в сражениях; правда, как владыки Македонии и Фессалии, они имели в своем распоряжении такую многочисленную конницу, какой не располагал до них ни один греческий полководец. Уже в первом своем военном деле, в войне с иллирийским царем Бардилисом, Филипп решил участь битвы атакой своей конницы на неприятельскую пехоту; этим же способом он позднее одержал свою большую победу над Ономархом; а Александр своими победами над персами был обязан главным образом искусному пользованию конницей. Великие македонские цари или начальник их генерального штаба Парменион впервые научили также выставлять позади передней боевой линии в виде опоры другой корпус войск. Далее, они ставили себе целью не только разбить, но и совершенно истребить неприятельское войско. Боевой план Филиппа всегда состоял в том, чтобы окружить врага, отрезать ему отступление и таким образом принудить его к сдаче; в битве на „Крокусовом поле“ против Ономарха и в сражении под Херонеей он блестяще разрешил эту задачу. То же сделал Александр в битве при Гранике; но при Иссе и Арбеле численный перевес врага был так велик, что оцепить неприятельскую армию не было никакой возможности; однако Александр сумел рассеять ее другим способом, именно путем упорного преследования. Впрочем, уже Дионисий, следуя примеру Гилиппа, умел достигать полного уничтожения неприятельских войск; так, перед Сиракузами он истребил карфагенское осадное войско, при Элепоре — войско италийских греков, при Кабале — войско Магона; а эти успехи заставляют предполагать, что и он уже умел пользоваться своей конницей приблизительно так же, как позднее Филипп и Александр.

Совершенно изменился и характер осадной войны. В течение нескольких столетий греки не знали другого средст-

ва для взятия укрепленных пунктов, как блокаду, которая, обусловливая истощение запасов, в конце концов принуждала неприятеля к сдаче, если еще раньше какой-нибудь изменник не открывал ворота или смелый штурм не отдавал города во власть осаждающих. Наконец в V веке успехи механики привели к постройке осадных орудий. Во время войны против Самоса Перикл поручил инженеру Артемону из Клазомен построить тараны (т.н. „бараны“) и навесы (т.н. „черепахи“), и в этой войне впервые были употреблены подобные машины. Однако ввиду прочности самосских стен эта инженерная атака ни к чему не привела, и в первые годы Пелопоннесской войны попытки брать укрепленные города посредством машин оставались большею частью столь же бесплодными. Только карфагеняне во время своей сицилийской кампании в 408 г. начали с успехом пользоваться осадными орудиями. К стенам подкатывались высокие возвышавшиеся над верхним краем стен деревянные башни; стоявшие на них стрелки и пращники должны были своими стрелами и камнями отгонять защитников; под прикрытием этих башен тараны пробивали брешь или под стену подводили подкопы, вследствие чего она обрушивалась. Затем неприятель неотступно штурмовал город, пока не проникал в него. Именно этому совершенству осадной техники карфагеняне более всего были обязаны своими быстрыми и блестящими успехами в 408—405 гг. Сицилийские греки, разумеется, тотчас усвоили эти новые приемы и вскоре превзошли своих учителей. В Сиракузах впервые начали строить т.н. катапульты — орудия, которые могли выбрасывать длинные стрелы на далекие расстояния и, будучи поставлены на осадные башни, гораздо основательнее, чем стрелки своими выстрелами, очищали стены от защитников. Только чрезвычайно крепкий панцирь мог на близком расстоянии выдержать удар стрелы даже катапульты самого малого калибра. Вскоре начали строить машины для метания камней и свинцовых пуль. Метательная сила в этих орудиях создавалась натяжением эластичных канатов, сплетенных из волос или жил. Так как перевозка и особенно установка таких машин представляла большие трудности, то ими можно было поль-

зоваться только в осадной войне или на кораблях; в качестве полевых орудий их начали употреблять уже гораздо позднее.

На греческом Востоке эти усовершенствования в области осадного искусства прививались сравнительно медленно. Здесь еще долго держались старой системы обложения, и наибольшим консерватизмом в этой области, как и в других, отличались спартанцы. Однако Афины уже в середине IV века имели катапульты. Но лишь Филипп впервые начал применять здесь в обширных размерах новую осадную технику; в этом деле ему помогал его инженер, фессалиец Полиид, ученики которого, Диад и Харий, сопровождали затем Александра в его азиатском походе. Началом новой эпохи в истории осадной войны у греков послужили особенно осады Перинфа и Византии в 340 г.

Фортификационное искусство, разумеется, старалось не отставать от успехов осадного искусства. Очень много сделал в этой области особенно Дионисий. Искусно воспользовавшись выгодами местоположения Сиракуз, он обратил свою столицу в неприступную крепость; замок Эвриал на вершине Эпипол, служивший ключом ко всей системе укреплений, был защищен против нападений высеченными в скале рвами, а подземные ходы, также высеченные в камне, давали возможность гарнизону производить внезапные вылазки. Совершенно таким же образом Дионисий укрепил свою пограничную с карфагенскими владениями крепость Селину, только здесь, ввиду рыхлости почвы, пришлось укрепить рвы каменной кладкой. Аттика была защищена цепью пограничных крепостей, тянувшейся от Элевсина через Панактон и Филу до Рамна; кроме того, важный Лаврийский горнозаводской округ был огражден против нашествий рядом укреплений. Несравненно грандиознее была система укреплений, созданная Хабрием вдоль восточной границы Египта; об эти твердыни дважды разбился натиск персов.

Изобретение орудий повлияло также на характер морской войны. Боевые корабли V века, триеры, были настолько малы, что на их палубе невозможно было устанавливать не только башни, на которые поднимались бы орудия, но и сами машины. Поэтому теперь начали строить суда больших

размеров, т.н. тетреры и пентеры, — впервые в Сиракузах при Дионисии во время приготовлений к освободительной войне против карфагенян. Правда, при этом пришлось отказаться от одного из преимуществ трехъярусных судов — от большей подвижности, но зато, ввиду более прочной конструкции новых судов, удары неприятельских орудий были теперь менее опасны. Сообразно с этим изменился и характер морских сражений; если в эпоху Пелопоннесской войны участь битвы зависела от опытности кормчих в лавировании, то теперь не менее важную роль стало играть действие орудий. Однако первые пробы с судами нового типа оказались неудачными; при Катане маневрировавшие по старому способу карфагеняне разбили флот Дионисия. Государства греческой метрополии на первых порах отклонили и эти новшества. Афины лишь во времена Александра начали строить тетреры и пентеры; зато с этих пор искусство кораблестроения и здесь начало быстро развиваться, и на флотах эпохи диадохов триеры все более уступают место судам четырех- и пятиярусным.

Все это давало стратегии возможность разрешать такие задачи, которые раньше были ей совершенно не под силу. Укрепления в значительной степени утратили свое прежнее значение, с тех пор как сделалось возможным посредством осадных машин в течение нескольких месяцев принудить к сдаче даже сильно укрепленный город, тогда как раньше для этого требовалась часто многолетняя блокада, а укрепления, свободно сообщавшиеся с морем, и совсем не могли быть взяты. Благодаря этому военные операции сделались более энергичными. Теперь перестали остерегаться предпринимать походы в неблагоприятное время года. Уже спартанский царь Клеомброт вторгся в Беотию среди зимы, правда — ввиду исключительных обстоятельств; точно так же Эпаминонд несколько лет спустя вторгся в Лаконию зимою, а Филипп при своих походах вообще обращал мало внимания на время года. В значительной степени этим усовершенствованиям в области тактики и стратегии Филипп был обязан покорением Греции, Александр — завоеванием Азии.

Новое военное искусство предъявляло к полководцам

очень высокие требования. Поэтому со времени Пелопоннесской войны начал образовываться класс профессиональных военачальников — прежде всего в наемных армиях. Афины и в этой области выказали себя духовной столицей Греции; знаменитейшие вожди наемников в первой половине IV века — Ксенофонт, Ификрат, Хабрий, Тимофей, Диофант, Фокион — были афиняне; из неафинян можно назвать разве только Харидема из Орея, которому позднее были дарованы в Афинах права гражданства, и братьев Ментора и Мемнона из Родоса. Военные успехи Афин со времени Коринфской войны объясняются в немалой мере тем, что государство всегда имело в своем распоряжении таких первоклассных полководцев, и надо поставить в великую честь афинским кондотьерам, что они всегда были готовы служить отечеству с величайшим самоотвержением, хотя совершенно не могли рассчитывать на материальное вознаграждение и, напротив, могли ждать суда и смерти, если вследствие недостатка в денежных средствах их труды не увенчивались успехом. Поэтому было вполне справедливо, что афинский народ по крайней мере не скупился на почести для своих полководцев — воздвигал им статуи, освобождал их от литургий, даровал им право участвовать в обедах, которые на счет государства устраивались в здании Совета. Но, с другой стороны, не следует забывать, что почти все эти люди приобрели свои первые военные лавры именно на воинской службе. Если потом дома нечего было делать, то они в качестве вождей наемных войск вступали на службу к иноземным государям, с которыми Афины как раз в ту минуту находились в хороших отношениях, — к персидскому царю или его сатрапам, к египетским или фракийским царям. Здесь их осыпали почестями и золотом. Уже Ксенофонт, если бы захотел, мог сделаться зятем фракийского царя Севта II; Ификрат действительно женился на дочери Котия I, то же сделал позднее Харидем, который благодаря этому после смерти Котия I сделался фактически владыкою царства одрисов. Харес достиг княжеской власти в Сигее на Геллеспонте.

Исключением является лишь Ксенофонт, старейший из этих кондотьеров. Силою вещей, почти против своей воли, и

во всяком случае против своего ожидания, он был поставлен во главе наемной армии; в качестве ее вождя он достиг более блестящих успехов, чем какой-либо полководец до него в таком же положении; но он пренебрег этой карьерою, которой был обязан своей эллинской славой. Ему не было суждено послужить своими трудами отчизне. Уже своим политическим поведением во время олигархической реакции он навлек на себя подозрения афинских демократов. Затем он с остатком своих наемников вступил на спартанскую службу; правда, в это время Афины еще находились в союзе со Спартою; но он остался верен избранному знамени и после того, как Афины отложились от Спарты и примкнули к персидскому царю, потому что по своим убеждениям он мог видеть в этой политике Афин лишь измену интересам Эллады. Вследствие этого он был изгнан из отечества; а в Спарте чужеземцу нечего было делать. Поэтому он свои лучшие годы провел в Скиллунте близ Олимпии, в поместье, которое подарил ему его друг царь Агесилай, пока крушение Спартанской державы после битвы при Левктрах не заставило его удалиться оттуда. Правда, теперь, когда Афины снова вступили в дружественные отношения к Спарте, он получил возможность вернуться на родину; но вследствие долгого изгнания он стал чужим в Афинах, притом он был уже слишком стар, чтобы снова выступить на военное поприще, которое он оставил более четверти века назад. Недостаток практической деятельности он постарался возместить литературным трудом, и в этой области также достиг замечательных успехов. Если современники усердно читали его книги ради их содержания, то позднейшие поколения видели в них неподражаемые образцы классического стиля; поэтому Ксенофонт принадлежит к числу немногих писателей древности, чьи сочинения дошли до нас в полном виде.

Уже софисты теоретически разрабатывали военное искусство; но лишь Ксенофонт дал своим соотечественникам первое руководство военной науки, в форме исторического романа, содержащего жизнеописание старшего Кира. „Анабасис“ Ксенофонта также представляет собою не столько историческое повествование, сколько военно-научный трак-

тат. Недолго спустя, около 350 г., тактик Эней, других сочинений которого мы не знаем, написал систематическое сочинение о военном искусстве; оно читалось долгое время, и еще Кинеас, министр царя Пирра, составил извлечение из него, да и до нас дошла еще часть этого трактата.

Развитие военного искусства, разумеется, не могло не повлиять коренным образом на политику. Еще Перикл мог быть одновременно и государственным деятелем, и полководцем; но уже при его ближайших преемниках эти функции сделались несовместимыми. Это понял уже Клеон; он стремился исключительно к руководству внутренней и внешней политикой, и только стечение обстоятельств, совершенно против его воли, заставляло его выступать в роли полководца. Поколением позднее развитие военного искусства достигло такого высокого уровня, что человек, не обладавший специальными знаниями в этой области, не мог уже и думать о том, чтобы стать во главе войска. Агиррий был в Афинах, вероятно, последним неспециалистом военного дела, который пытался руководить военной кампанией в качестве главнокомандующего; Каллистрат, хотя еще и носил звание стратега, занимался только административными делами, связанными с этой должностью, и только один раз, вместе с Ификратом и по его желанию, принял участие в походе. Из афинских государственных деятелей позднейшего времени большинство, как Эвбул, Демосфен, Ликург, Гиперид, даже не добивались звания стратега. Правда, профессиональный полководец и теперь еще мог играть политическую роль, в особенности если за ним числились крупные военные успехи; но обыкновенно опыт показывал ему, что гораздо легче иметь дело с наемниками, чем с Советом и Народным собранием. Даже таким людям, как Ификрат и Тимофей, никогда не удавалось занять или по крайней мере удерживать за собою первое место в государстве. Таким образом, карьеры военачальника и политика разделились; оба они зависели друг от друга, но, как обыкновенно бывает, ни один не мог угодить другому, и благодаря этому между ораторской кафедрой и главным штабом возникла оппозиция, имевшая часто гибельные последствия для греческих республик этого

времени. Эпаминонду в Фивах приходилось не меньше страдать от этой оппозиции, чем Ификрату и Тимофею в Афинах.

Неудобства такого положения вещей чувствовались очень сильно. Демосфен не раз высказывался, что тайна успехов Филиппа в значительной степени кроется в том, что он сам был своим полководцем и министром и благодаря этому мог без всякой помехи принимать решения и приводить их в исполнение, причем ему не было надобности сообразоваться с какими-либо конституционными формальностями и нечего было опасаться, что неспособные генералы, осуществляя его планы, исказят их. Чем менее республиканский строй, — в виде ли демократии или олигархии — оказывался пригодным как для защиты государства извне, так и для поддержания порядка внутри, тем более мыслящие люди должны были приходить к сознанию, что только монархия может исцелить те язвы, которые истощали силы нации. Именно это убеждение привело Платона в Сицилию ко двору Дионисия, именно оно побуждало Исократа призывать к осуществлению своих национальных планов последовательно всех выдающихся государей своего времени — Ясона, Дионисия, Архидама, Филиппа. Его „Никокл“ есть попытка расположить общественное мнение в пользу монархии. Около того же времени Ксенофонт в своей „Киропедии“ показал нации идеальный образ не только полководца, но и государя; в своем „Гиероне“ он указывает средства, которыми человек, достигнувший трона даже путем насильственного переворота, может приобрести любовь народа. Аристотель также считает монархию теоретически наилучшею формой правления, — правда, лишь при идеальном государе.

Впрочем, до практического осуществления этих мыслей было еще далеко. Ибо порядки, господствовавшие в великой державе Востока, повелитель которой у греков того времени носил просто имя „царя“, были далеко не такого свойства, чтобы возбуждать пристрастие к монархии; а призрачная царская власть, какая сохранилась в Спарте и у молоссов, являлась монархией разве еще только по имени. В прочем же монархию в греческом мире, исключая некоторые погранич-

ные страны, искони знали только в форме водворенного путем революции насильственного правления, „тирании“. На такого „тирана“ общественное мнение смотрело как на бессовестного кровопийцу, который способен на всякую низость, на всякое нарушение божеского и человеческого права, которого следует убить, как бешеную собаку или как грабителя и убийцу. Краски для этой картины заимствовались из старых легенд о жестокости Фалариса, Периандра и Поликрата, и греки тем тверже верили в подлинность этих рассказов, что имели мало случаев практически ознакомиться с тиранией. Ибо именно благодаря этой глубоко укоренившейся ненависти к тирании последняя, в период от Персидских войн до смерти Александра, в наибольшей части греческого мира ни разу не сумела утвердиться, и попытки водворить ее обыкновенно были подавляемы уже в зародыше. А где такая попытка удавалась, — она, разумеется, только усиливала господствующее отвращение к монархии, ибо насильственная перестройка существующего порядка невозможна без кровопролития. Что демократические и олигархические перевороты носили такой же кровавый характер и влекли за собою такие же глубокие изменения в области имущественных отношений, — это греки легко забывали; и действительно, кровопролитие особенно гнусно, когда оно совершается от имени и по приказанию отдельного лица. Эти кровавые родины погубили и величайшую, самую блестящую тиранию, какую когда-либо видела Эллада,— владычество Дионисия в Сицилии. Ее крушение показало, что от революционной монархии нельзя ждать политического возрождения нации. Только законная монархия могла вернуть Греции внутренний мир. Объединить Элладу могло только то государство, в котором в одном старая, насажденная Зевсом монархия сохранилась в полной силе, — молодая страна к северу от Олимпа, которую династия Аргеадов некогда в упорной борьбе отвоевала у фракийцев и иллирийцев.

ГЛАВА XII

Новая северная держава

Страны, лежащие в северной и северо-западной Греции, позади Пинда и Олимпа, до IV века составляли обособленный мир. Здесь почва все еще на необозримые пространства была покрыта девственным лесом, который на юге греческого полуострова давно уже был вытеснен земледелием; в этих лесах еще встречались и дикий бык, и даже лев. Промеж лесистых гор в далеко раскинутых открытых деревнях жило редкое население; укрепленных поселков было немного, и за исключением халкидских и коринфских колоний у берегов, на всем огромном пространстве от Ионического моря до Стримона не было ни одного сколько-нибудь значительного города. В языке и нравах сохранилось множество остатков старины; гомеровские звуки, которых в остальной Греции давно уже нельзя было услышать, здесь еще жили в устах народа. Здесь меч все еще был неразлучным спутником мужчины, здесь еще господствовал старый обычай есть сидя, и, подобно гомеровским героям, македоняне и эпироты умели пить на славу.

Государственное устройство также в главных чертах оставалось тем же, что и в героическую эпоху. Из всех греческих стран, исключая Спарту и Кипр, только здесь старая наследственная монархия сохранилась до IV века — у молоссов в Эпире, правда, очень ограниченная в своей компетенции, но у македонян — в полной силе, так как беспрестанные войны с фракийцами и иллирийцами требовали здесь твердой государственной власти. Царь был неограниченным главнокомандующим на войне и по собственному усмотрению руководил внешней политикой государства. Но внутри его власть была значительно ограничена законом и обычаем, и в особенности право осуждать гражданина на смерть принадлежало собранию способных нести оружие мужчин. Ибо в Македонии сохранилось многочисленное сословие свободных крестьян, которые на войне составляли ядро пехоты; кроме того, здесь существовала могуществен-

ная знать, владевшая очень значительной земельной собственностью, — „военные товарищи“ (ἑταῖροι) царя, как старым гомеровским термином называли себя члены этого сословия.

Около времени Пелопоннесской войны эллинская культура начала проникать и в эти края. В Эпире царь Фарип, сам воспитанный в Афинах, с успехом старался распространять просвещение среди своего народа. В том же направлении действовал царь Архелай в Македонии (выше, с.94). Во время смут, охвативших страну после его убийства, правительству было, разумеется, не до забот о духовных интересах народа; но лишь только под властью Пердикки порядок был восстановлен, монархия снова вступила на путь, указанный Архелаем. Ученик Платона, Эвфрей из Ореоса, сделался самым влиятельным человеком при македонском дворе и до такой степени ввел здесь в моду научные занятия, что, как говорят, люди, незнакомые с философией и математикой, не допускались к царскому столу. Это, разумеется, гипербола, но она показывает, что македонские вельможи следовали примеру своего царя. Поэтому многие из полководцев Филиппа и Александра были высокообразованными людьми, и некоторые из них, как Антипатр и Птолемей, даже сами подвизались на литературном поприще. Филипп также продолжал действовать в этом направлении; как высоко он ценил риторическое и философское образование, лучше всего доказывается тем, что в воспитатели своего сына Александра он пригласил Аристотеля.

В то же время и политическое устройство было преобразовано по образцу передовых греческих государств. Внешним образом эти стремления выразились в том, что вместо неуклюжего местного наречия официальным языком был сделан аттический диалект. При Пердикке афинский эмигрант Каллистрат преобразовал финансовое управление государства. Преобразование военного ведомства начал уже Архелай; его преемники усвоили в полном объеме те нововведения в области вооружения и тактики, которые ввел особенно Ификрат, и еще более усовершенствовали их (выше, с.322), пока, благодаря организаторскому таланту Фи-

липпа, македонская армия сделалась лучшею армией в свете; и она удержала за собою эту славу до тех пор, пока наконец при Пидне была сломлена более совершенной тактикой римлян.

Когда таким образом государства Северной Греции открылись для эллинской культуры, — и здесь начала обнаруживаться потребность в более строгой политической концентрации. Еще в эпоху Пелопоннесской войны каждая из мелких народностей Эпира составляла обособленное государство; только молоссам уже тогда удалось подчинить своему владычеству своих северных соседей, атинтанов. Затем в первые десятилетия IV века хаоны и феспроты, обитавшие на берегу Ионического моря, также вступили в союз с молоссами. Молосские цари стояли во главе федерации и командовали ее армией во время войны; избираемый на год „президент“ (*простат*) молоссов являлся вместе с тем эпонимом — правителем союза; в прочем же каждый из „союзных народов Эпира“ имел одинаковые права и пользовался обширной автономией во внутренних делах, тогда как общие вопросы разрешались союзным собранием.

Гораздо полнее было осуществлено объединение в Македонии. Здесь наиболее плодородная и наиболее густо населенная часть страны — обширная равнина по нижнему Галиакмону и Аксию — составляла единое государство еще с того времени, когда македонские цари отвоевали этот край у туземных фракийцев; здесь новых поселенцев побуждали к более тесному сплочению и сам характер местности, и еще более чувство самосохранения ввиду опасности, которою беспрестанно грозили им воинственные варварские племена с востока и севера. Напротив, в верхней Македонии, которая высокими горными цепями разделена на ряд долин и благодаря этому была лучше защищена против неприятельских нападений, отдельные округа сохранили свою самостоятельность; таковы: Элимиотида на верхнем Галиакмоне, Орестида у устьев этой реки, Линкестида в плодоносной котловине на среднем Эригоне, Тимфея в горах у эпирской границы. Все эти государства, хотя и признавали верховную власть македонских царей, были вполне самостоятельны, управля-

лись собственными князьями и не раз пытались вести самовольную политику и освободиться от верховенства Македонии. Эти порядки существовали еще во время войны между Спартою и Олинфом (выше, с.156); лишь царю Аминте III в его последние годы или его сыну Пердикке удалось подчинить областных князей и слить горные округа в одно государство с Нижней Македонией. Но старый партикуляризм держался здесь еще целые века; когда римляне незадолго до битвы при Киноскефалах вторглись в Македонию, Орестида одна из всех провинций государства примкнула к врагу.

Таким образом, в течение первой половины IV века в ряды греческих государств вступили две новые державы. Правда, Эпир, при своей слабой союзной организации, не мог иметь значительного влияния на международные дела, и вследствие этого молосским князьям по необходимости приходилось искать поддержки у других держав — сначала у Афин, потом у Ясона Ферского и, наконец, у Македонии. Тем более важное значение имела Македония. Занимая пространство более чем в 30 000 кв. километров, она являлась величайшим объединенным государством тогдашней Греции, и если народонаселение ее, особенно в северных округах, и было сравнительно редко, то по абсолютному количеству жителей она превосходила все остальные греческие государства, исключая разве Афины. Но и Афины уступали Македонии в смысле удобств для осуществления политических целей благодаря двум ее преимуществам: монархическому строю и несравненной военной организации[1].

Политические цели, к которым должны были стремиться македонские цари, были ясны с самого начала; надлежало,

[1] В середине IV века народонаселение Аттики и ее клерухий (Скирос, Лемнос, Имброс, Самос, фракийский Херсонес) равнялось приблизительно 300—400 тыс. при протяжении ровно в 5000 кв. км. Из двух остальных великих держав греческой метрополии Беотия (включая Ороп — около 2700 кв. км) имела приблизительно 150—200 тыс. Спарта (включая оставшуюся за нею часть Мессении — около 6500 кв. км) —200—300 тыс. жителей. Все показания согласны в том, что Македония и особенно северные округа ее — более половины всей страны — имели очень редкое население; но, считая в среднем даже только по 15 человек на 1 кв. км, мы все-таки получим сумму в 450 тыс. жителей.

с одной стороны, приобрести побережье, с другой — подчинить своему влиянию соседнюю с юга страну, Фессалию. Но попытки, направленные к покорению прибрежных городов, встретили энергичное сопротивление со стороны Афин и быстро развивавшего свои силы Олинфийского союза; мало того, важная Пидна, искони принадлежавшая к Македонии, подчинилась Афинам (выше, с.187). Столь же бесплодными остались, как мы видели, попытки Архелая и Александра подчинить своей власти Фессалию.

Лишь Филиппу удалось разрешить те задачи, о которые разбились усилия его предшественников. Один из современных ему историков называет его величайшим человеком, какого до тех пор произвела Европа; во всяком случае более замечательный государственный человек никогда еще не сидел на престоле. Прежде всего он владел царственным искусством выбирать себе нужных людей и каждого ставить на то место, для которого он был наиболее пригоден; при этом он был достаточно благороден, чтобы без зависти признавать заслуги своих помощников. Он сам, при своей мужественной красоте, тонкой образованности и незаурядном даре красноречия, имел в себе нечто величественное. По дипломатическому таланту у него не было соперников; но те, кто в переговорах с ним терпел неудачу, конечно, негодовали на вероломство царя, вместо того чтобы обвинять самих себя в неспособности; между тем Филипп добросовестно исполнял все обязательства, какие ему приходилось брать на себя. Своих соотечественников-эллинов он знал насквозь и умел пользоваться их слабостями; полной горстью разбрасывал он золото, и эта система подкупов немало способствовала его успехам. Притом он душой и телом был воин; полжизни он провел в походах, деля со своими солдатами все труды и лишения и в случае надобности бесстрашно рискуя жизнью; это доказывают многочисленные раны, полученные им в сражениях. Правда, его едва ли можно назвать великим полководцем, и если его военная деятельность была почти непрерывным рядом побед, то не следует забывать, что он располагал войском, какого до тех пор не видел свет, и что ему

помогали первоклассные полководцы, как Антипатр и Парменион.

Таким образом, Филиппу удалось спасти Македонию от анархии, которая воцарилась в ней после смерти его брата Пердикки. Далее, он сумел, искусно пользуясь политическим положением, вытеснить афинян из страны, хотя бóльшая часть побережья по-прежнему оставалась во власти Халкидского союза. Его попытка вмешаться в фессалийские дела привела, как мы видели, к кровавому поражению (выше, с.219). Но Филипп принадлежал к числу тех людей, которые, раз начав дело, во что бы то ни стало доводят его до конца, а ресурсы Македонии далеко еще не были исчерпаны. Он воспользовался зимою, чтобы преобразовать свое войско; с наступлением весны он снова мог вторгнуться в Фессалию (352 г.). Здесь он присоединил к своей армии контингенты Ларисы и остальных союзных с ним городов и двинулся затем в Пагасы, все еще занятые македонским гарнизоном. Теперь и Ономарх выступил в поход со всеми своими боевыми силами, поддерживаемый афинской эскадрой под начальством Хареса, присланной для того, чтобы принять участие в осаде Пагас. Филипп должен был во что бы то ни стало помешать соединению Ономарха с его союзниками, тиранами Фер; с этой целью он двинулся навстречу врагу и в ожидании его расположился на Крокусовом поле — на той обширной равнине, которая между фтиотийскими Фивами и Галосом открывается к Пагаситскому заливу. По количеству войска — около 20 тыс. человек на каждой стороне — оба противника были почти равны; но македонская и фессалийская конница Филиппа — 3000 всадников — далеко превосходила фокейскую, и выбранное Филиппом поле битвы было отлично приспособлено для того, чтобы дать возможность этому преимуществу проявиться в сражении. А Ономарх не мог уклониться от битвы, если хотел освободить Феры; и вот, полагаясь на свое испытанное войско, полный самоуверенности ввиду блестящих побед, одержанных им в предшествовавшем году, он решился принять сражение и в неудобной местности. Он сам вел правое крыло, опиравшееся на море, — левым командовал его брат Фаилл. Против этого

крыла, которое стояло без всякого прикрытия среди обширной равнины, Филипп и направил свою атаку; под натиском его превосходной конницы войска Фаилла обратились в бегство, и тут Филипп напал на Ономарха с боку и с тыла и оттеснил его к берегу, где отчасти перебил, отчасти принудил к сдаче его войско. Сам Ономарх с 6 тыс. своих наемников легли на поле битвы; пленных, числом 3000, победитель велел бросить в море как святотатцев, ограбивших храм. Остатки разбитой армии Фаилл отвел назад к Фермопилам.

Ближайшим результатом победы была капитуляция Фер; Ликофрон и Пифолай передали город Филиппу, выговорив себе свободное отступление. Так было достигнуто то, что не удалось Эпаминонду на вершине его могущества: тирания, тяготевшая над Фессалией в течение полувека, была низвергнута. Сколько крови было пролито с тех пор, как первый Ликофрон в 404 г. одержал победу над гражданами Ларисы! С того дня гражданская война в Фессалии, собственно, никогда не прекращалась. Теперь страна могла, наконец, вздохнуть свободно; перед ней открывалась эра мирного развития. Фессалийцы никогда не забыли благодеяния, оказанного им Филиппом; отныне он пользовался среди них такою же беспредельной популярностью, как в Македонии, и они оставались непоколебимо верны не только самому Филиппу до его смерти, но и позднее его сыну Александру.

Но чтобы упрочить свои приобретения, он должен был окончательно сломить силы фокейцев, а в Фессалии, разумеется, никто не думал о том, чтобы отнять у Филиппа начальство над армией, которою он командовал с таким успехом. Итак, он остался главнокомандующим фессалийского союзного войска; для покрытия военных издержек ему был предоставлен доход с рыночных и портовых пошлин; в Пагасах и в укреплениях Магнесии остались македонские гарнизоны для защиты этих пунктов на случай, если бы тираны сделали попытку вернуть себе власть. Затем Филипп двинулся к Фермопилам, чтобы нанести врагу решительный удар. Но Фаилл успел тем временем оправиться от поражения и снова сделать свое войско пригодным к бою; повышение платы, для которого нужные средства предоставила ему дельфийская

храмовая казна, привлекло к Фаиллу новых наемников и удержало в строю старых солдат. Государства, находившиеся в союзе с Фокидой, также сознали необходимость всеми силами остановить дальнейшее наступление Филиппа. Спарта прислала отряд в тысячу человек, ахейцы — в 2000; Афины, которым грозила ближайшая опасность, выставили почти все свое гражданское ополчение — 5000 гоплитов и 400 всадников под начальством стратега Навсикла. Изгнанные тираны Фер также привели на помощь Фаиллу своих 200 наемников. Таким образом, у Фермопил собралось войско, по количеству не уступавшее тому, которое Ономарх весною привел в Фессалию. Этих боевых сил было более чем достаточно, чтобы защитить против всякого нападения проходы, ведущие из Фессалии в Фокиду. Действительно, Филипп даже не сделал попытки атаковать крепкую позицию врага; он хорошо понимал, что неудача подвергла бы величайшей опасности плоды всех достигнутых успехов. Даже Фтиотида была далеко не вполне покорена, и особенно Галос твердо держался, опираясь на афинский флот. У Филиппа были более важные дела, чем тратить время на осады, которые и в лучшем случае могли принести ему лишь незначительную выгоду; а новых наступательных действий в Фессалии со стороны фокейцев нечего было опасаться после страшных поражений, понесенных ими в предыдущую кампанию.

Итак, Фокида была спасена, и Фаилл мог обратиться против фиванцев, которые, по-видимому, после поражения Ономарха сделали попытку вернуть к покорности отпавшие союзные города Беотии. Однако фокейское войско было еще слишком расстроено, чтобы с успехом действовать в открытом поле; в целом ряде стычек — при Орхомене, на Кефисе, у Коронеи — победа досталась беотийцам, но Фаиллу все-таки удалось достигнуть своей главной цели — обеспечить против нападений те укрепленные пункты, которыми он владел в Беотии.

Между тем и Пелопоннес был вовлечен в войну. Здесь Спарта, как мы знаем, никогда не признала порядка, установленного Эпаминондом; когда остальные греки после битвы при Мантинее заключили мир на условии сохранения ка-

ждым государством его наличных владений, она отказалась присоединиться к этому договору и своевольно стала продолжать пограничную войну с Мегалополем и Мессеною, причем ей, впрочем, не удалось достигнуть сколько-нибудь важных успехов (выше, с.196). Но когда Ономарх одержал в Фессалии свои блестящие победы над Филиппом и затем отнял у фиванцев Орхомен и Коронею, — спартанская партия в Пелопоннесе снова подняла голову. Мантинея, Элида, Ахея, Флиунт снова примкнули к Спарте, и это дало последней возможность перейти к энергичным наступательным действиям против фиванских союзников, прежде всего — против Мегалополя. Стесненный город обратился за помощью в Афины; но афиняне, разумеется, не имели охоты во время войны с Филиппом и при своих натянутых отношениях с Фивами ссориться еще и со Спартою, единственным союзником, которым Афины еще располагали, исключая Фокиды. Таким образом, вначале Мегалополю приходилось довольствоваться поддержкой своих пелопоннесских союзников, Аргоса, Мессены и Сикиона; но вскоре и Фивы, которым победа Филиппа над Ономархом развязала руки, прислали в Пелопоннес войско в 3000 гоплитов и 500 всадников под начальством Кефисиона. В свою очередь и Фаилл прислал на помощь лакедемонянам 3000 наемников. Теперь спартанцы перешли в наступление; в то время, как враги для защиты области Мегалополя сосредоточили свои войска у истоков Алфея, царь Архидам III двинулся к союзной Мантинее и оттуда вторгся в Арголиду, где занял Орнеи и наголову разбил аргосское ополчение, явившееся на выручку города. Другое сражение — против соединенных боевых сил фиванцев и их союзников — осталось нерешенным; после нескольких дальнейших битв военные действия были, наконец, прекращены перемирием. Замыслы Спарты о восстановлении ее старой гегемонии в Пелопоннесе потерпели крушение, и беотийские войска могли вернуться на родину. Здесь Фивы в последний раз деятельно вмешались в пелопоннесские дела.

В это время, когда значительная часть боевых сил Беотии была занята войной в Пелопоннесе, Фаилл вторгся в

Эпикнемидскую Локриду и покорил всю страну, кроме укрепленного Нарикса. Теперь и беотийцы выступили в поход; близ Аб на фокейской границе они ночью напали на Фаилла и обратили его в бегство, после чего на далекое пространство опустошили Фокиду. Но когда затем беотийцы сделали попытку освободить Нарикс, который все еще осаждали фокейцы, — счастье изменило им; Фаилл отбросил врагов и благодаря этой победе сумел взять город приступом. Вскоре после этого он заболел и, прохворав довольно долго, умер; верховное начальство в Фокиде перешло к сыну Ономарха Фалеку, только что вышедшему из младенчества юноше. После этого война продолжалась с переменным успехом еще несколько лет; в открытом поле победа оставалась обыкновенно за фиванцами, и им не раз удавалось вторгаться в Фокиду, опустошать открытую страну и овладевать каким-нибудь небольшим городом; но они не были в силах наносить врагу решительные удары или даже только вернуть под свою власть отпавшие от них союзные города Орхомен, Коронею и Корсии. Хотя дело и не доходило до крупных сражений, но беспрестанные мелкие стычки стоили обеим сторонам немалого числа людей, и если фокейцы легко могли возмещать эти потери посредством набора новых наемников, то фиванцам приходилось вести войну отрядами из граждан. Правда, дельфийская храмовая казна с каждым годом все более истощалась, а в тот день, когда она была бы вполне исчерпана, фокейское разбойничье государство неминуемо должно было рухнуть, и фиванцам легко досталась бы победа.

Таким образом, у фокейцев было дел по горло; Афины в ближайшее время также не имели возможности предпринять поход против Филиппа. Несчастная война с союзниками сильно пошатнула финансовое положение государства, и Афины настойчиво нуждались в нескольких годах мира, чтобы собраться с силами. Вообще среди образованных и зажиточных классов начало все более распространяться убеждение, что роль великой державы не по силам государству и что оно поэтому должно отказаться от той политики широких начинаний, которую вело до этих пор. Мир поставил

людей этого образа мыслей у кормила правления. Их вождем был Эвбул из Пробалинфа, человек уже пожилых лет, приобретший известность особенно своей неутомимой деятельностью в области финансового управления. В Великие Панафинеи 354 г. он принял на четыре года заведование теориконом, той кассой, которая питалась излишками государственных доходов и назначение которой заключалось в том, чтобы обеспечивать правильную выплату пособий, раздаваемых народу во время больших празднеств. С этой должностью издавна был соединен известный контроль над всем финансовым ведомством, без чего она и не могла бы отвечать своей цели; благодаря влиянию Эвбула эта компетенция была значительно расширена, руководство общественными постройками возложено на заведовавших кассой теориконом и им вверено почти все финансовое управление. По всей вероятности, Эвбул оставался в этой должности и весь следующий финансовый период, т.е. с 350 по 346 гг., а может быть, и долее. Если наряду с ним и стояло несколько равноправных товарищей, то его превосходное знакомство с делом, равно как и его политический авторитет должны были сделать его самым влиятельным членом коллегии и, следовательно, фактически руководителем финансового управления Афин в эту эпоху.

Эвбул принадлежал к хорошей фамилии и был далек от демагогии в низменном смысле этого слова; но при тогдашних условиях государственный деятель, достигший власти в Афинах, мог удержать ее за собою только в том случае, если опирался на городскую чернь, располагавшую большинством голосов в Народном собрании. Уже Перикл был принужден создать себе такую опору путем предоставления толпе материальных выгод, и почти все афинские государственные люди, действовавшие после него, следовали его примеру. Естественно, что Эвбул не уклонился от установившейся практики, а блестящие результаты его финансового управления давали ему возможность ассигновать пособия народу чаще и в бóльшем размере, чем когда-либо до него. Но при этом он не оставлял в пренебрежении и прочие нужды государства. Он выплатил неуплаченные военные издержки, по-

полнил арсеналы, преобразовал конницу, значительно увеличил флот, построил в гавани множество новых портовых зданий, начал постройку большого арсенала в Пирее и целого ряда других общественных зданий. И все это он сумел сделать, не отягощая граждан прямыми налогами.

Эти блестящие успехи были, разумеется, в значительной степени обусловлены теми реформами, которые Эвбул произвел в финансовом ведомстве; но главной причиной было то, что Эвбулу удалось в течение нескольких лет удерживать Афины от крупных войн. При многообразных интересах Афин, которые неизбежно затрагивались всяким политическим осложнением, какое возникало в бассейне Эгейского моря и далеко за его пределами, это была очень трудная задача, — тем более что близорукая оппозиция неустанно восставала против этой политики, называя ее трусливой и недостойной Афин. Между тем эти упреки были совершенно несправедливы, ибо повсюду, где жизненным интересам Афин грозила действительная опасность, Эвбул, не колеблясь, пускал в ход все силы государства, как например, когда Филипп после победы над Ономархом подступил к Фермопилам, и позднее в Олинфийской войне. Он старался предотвращать только бесполезное дробление сил. Так, он не поддался соблазну вмешаться в пелопоннесские распри, когда там снова вспыхнула война между Спартою и союзниками Фив (выше, с.342). Ту же сдержанность сумел он сохранить и по отношению к азиатским делам, как ни была соблазнительна представлявшаяся там, по-видимому, возможность вернуть Афинам по крайней мере часть могущества, утраченного в союзнической войне.

Демократии в отложившихся союзных городах скоро пришлось поплатиться за разрыв с Афинами. Морская война и здесь потребовала очень тяжелых финансовых жертв и повлекла за собою невыносимое отягощение богатых людей. Доведенные до отчаяния, зажиточные классы на Родосе, Косе и Хиосе восстали, и с помощью Мавсола им удалось свергнуть демократию и захватить власть в свои руки. Для охраны нового строя в городах были размещены карийские гарнизоны, так что Мавсол сделался фактически властели-

ном предлежавших его государству островов. Афины проглотили эту обиду, удовольствовавшись слабым протестом, так как в эту минуту были совершенно не в силах предпринять войну против могущественного повелителя Карии. Когда вскоре затем Мавсол умер, оставив престол своей жене Артемисии, на Родосе вспыхнуло восстание; остров на короткое время вернул себе свободу, и родосцы отважились даже напасть на саму столицу Галикарнас. Но смелое предприятие потерпело неудачу, и Артемисия вернула себе власть над Родосом. После этого изгнанные демократы обратились за помощью в Афины; здесь в Народном собрании многие настаивали на необходимости заступиться за них, но влияние Эвбула оказалось достаточно сильным, чтобы и на этот раз удержать Афины от вмешательства в карийские дела.

С Персией, правда, невозможно было установить добрых отношений, но, к счастью, царь был всецело поглощен своими собственными делами, и афинская политика с успехом старалась воздвигать перед ним всевозможные препятствия, насколько это было возможно без открытых враждебных действий. Афинянин Диофант, предводитель наемников, принял начальство над египетским войском, и ему главным образом персы были обязаны тем, что поход, предпринятый около этого времени Артаксерксом III Охом в Нильскую долину, окончился неудачей. Когда затем Оронт, сатрап ионийско-эолийской береговой провинции, вторично восстал против царя, Афины вступили в тесные отношения с ним (349/348 г.). При этом случае им удалось вернуть себе Митилену, которая, как мы знаем, после союзнической войны отложилась от Афин (выше, с.214). Вследствие этого демократия была здесь низвергнута и на место ее установлено олигархическое правление, которое затем в свою очередь сменила власть тирана Каммеса. Теперь тиран был изгнан, и город снова вступил в Афинский морской союз; значительная часть мелких общин на Лесбосе последовала этому примеру.

Более серьезные трудности представляло улаживание спора с Филиппом; оно и послужило тем подводным камнем,

о который, наконец, разбилась политика Эвбула. Правда, владыка Македонии обнаруживал большую готовность примириться с Афинами, но условием мира он ставил отказ от Амфиполя, о чем Афинское народное собрание не хотело и слышать. Ввиду этого приходилось продолжать войну. Однако для наступательных действий против Македонии, которых требовали ораторы оппозиции, Афины не имели средств, а блокада македонского побережья, как ни была она стеснительна для Филиппа, разумеется, не могла привести к положительным результатам. Правда, общая опасность, грозившая со стороны Филиппа, сблизила теперь Афины с Керсоблептом Фракийским; старые противники заключили дружбу и союз, и фракийский Херсонес, самое уязвимое место Афинского государства, был, казалось, обеспечен против неприятельских нападений. Естественным последствием сближения между Афинами и Керсоблептом было то, что противник последнего, Амадок, примкнул к Македонии; его примеру тотчас последовали Византия и Перинф, враждовавшие с Керсоблептом из-за пограничных дел. И вот, после своей победы над Ономархом Филипп вторгся во Фракию, чтобы защитить своих новых союзников, и Керсоблепт оказался не в силах отразить это нападение. Филипп беспрепятственно проник до Пропонтиды и приступил к осаде Гиерон-Тейхоса, главной крепости фракийского царя. Тщетно Керсоблепт ждал помощи из Афин; ему не оставалось ничего другого, как покориться Филиппу и послать своего сына заложником в Македонию. Харидем принужден был оставить Фракию и вступил на службу Афин, которые уже раньше даровали ему у себя право гражданства. Только тяжкая болезнь, постигшая Филиппа, спасла Херсонес от македонского нашествия.

Таким образом, Филипп повелевал теперь от Геллеспонта до Фермопил; по размерам территории, народонаселению, военным и финансовым ресурсам его держава далеко превосходила все другие греческие государства[1]. Вся Эллада —

[1] Македония и Фессалия занимали пространство в 45000 кв. км с лишним, т.е. по протяжению превосходили всю часть греческого полуострова, лежащую к югу от Фермопил. Сюда надо прибавить соседние облас-

одни с надеждою, другие с тяжким опасением — взирала на новую державу, достигшую такого могущества в течение немногих лет. Разумеется, нигде эти опасения не были так сильны, как в соседней с Македонией Халкидике. Много лет назад она вступила в союз с Филиппом, чтобы вытеснить афинян с македонского побережья; эта цель была достигнута, и халкидцы сполна получили свою долю в плодах победы; но еще в гораздо большей мере возросло могущество Филиппа. Если во время заключения союза оба союзника были приблизительно равносильны, то теперь это равенство исчезло, и Халкидика была нулем в сравнении с Македонской державой. Поэтому халкидцы начали искать опоры против Филиппа в Афинах. Уже непосредственно после фессалийских побед Филиппа между обоими государствами был заключен мир на условии сохранения каждою из договаривающихся сторон ее наличных владений; Афины отказались от Потидеи, а Олинф взамен признал права Афин на Амфиполь. Это было явным нарушением союзного договора между Филиппом и халкидцами, в силу которого обе стороны могли заключить мир с Афинами не иначе как совместно. Филипп сначала оставил нарушение договора безнаказанным; он хорошо понимал, что, открой он враждебные действия против Олинфа, Халкидский союз целиком бросится в объятия Афин. Притом, в халкидских городах и даже в самом Олинфе существовала сильная партия, справедливо полагавшая, что истинные интересы Олинфа требуют заключения самого тесного союза с Филиппом, хотя бы для этого Олинфу пришлось отказаться от своей самостоятельности. Ввиду этого Филипп ограничился пока военной демонстрацией на халкидской границе; его расчет оказался верным: его приверженцы в Олинфе получили перевес, и Аполлонид, глава противной партии, был изгнан. Теперь Филипп решил,

---

ти Фракию и Пэонию. — Уцелевшая к 350 г. территория Афинского морского союза (Киклады, Эвбея, Северные Спорады, Фасос, Самофракия, Энос, Проконнес, Тенедос, Икарос, Астипалея) занимала около 8 тыс. кв. км, да Аттика с клерухиями составляла 5000 кв. км, так что в общем под властью Афин находилось около 13 тыс. кв. км. Правда, народонаселение было здесь гораздо гуще, чем во владениях Филиппа.

что настало время действовать. Он потребовал от Олинфа выдачи своего сводного брата Арридея, претендента на македонскую корону, которому халкидцы дали убежище у себя. Но ввиду этого дерзкого требования настроение в Олинфе изменилось; решено было не выдавать Арридея и объявить Филиппу войну. Филипп тотчас вступил в Халкидику (349 г.), и как 30 лет назад, во время войны со Спартою, так и теперь обнаружилось, насколько шаток был фундамент, на котором покоилось господство Олинфа. Один за другим халкидские союзные города перешли на сторону Филиппа, особенно общины Паллены и Боттиеи; Стагир, пытавшийся оказать сопротивление, был взят приступом.

Между тем олинфяне обратились к Афинам и предложили им союз против Филиппа; афиняне, разумеется, с радостью приняли это предложение. В Олинф была послана вспомогательная эскадра в 30 триер с двумя тыс. наемников под командой Хареса; за нею вскоре последовали еще 18 кораблей с четырьмя тыс. наемников под начальством Харидема. Этих сил было, правда, далеко недостаточно, чтобы изгнать неприятеля из Халкидики; во всяком случае они могли по крайней мере на некоторое время приостановить успехи Филиппа. Керсоблепт Фракийский воспользовался удобным случаем, чтобы восстать против своего сюзерена Филиппа, так что против последнего образовалась очень сильная коалиция. Это было тем опаснее, что и в Фессалии начала поднимать голову оппозиция.

Но Филипп сумел отвлечь внимание Афин. Еще непосредственно после своих фессалийских побед он сделал попытку вызвать на Эвбее восстание против Афин. Теперь посеянное тогда семя начало всходить; в Эретрии народ изгнал тирана Плутарха, который господствовал в городе под эгидою Афин (начало 348 г.). На Эвбею тотчас был послан афинский гражданский отряд под командою Фокиона; близ Тамин в Эретрийском округе это войско соединилось с Плутархом и его наемниками. Но в эту минуту против Афин восстали и Халкида и Орей, Фалек послал на помощь восставшим часть своей наемной армии, и Фокион вскоре был окружен неприятельскими силами более значительными,

чем какими сам располагал. Хотя ему и удалось разбить врага и тем спастись от грозившей ему опасности, но справиться с Эретрией он оказался не в силах. Поэтому он увел свое войско обратно в Афины, оставив в помощь Плутарху небольшой отряд в Заретре близ Стиры, в самом узком месте острова. Но этот отряд вскоре попал в руки неприятеля благодаря измене Плутарха, и Эвбея была потеряна для Афин. Оборот, который приняла между тем Олинфийская война, равно как и полное истощение афинской государственной казны, заставили афинян отказаться от дальнейших попыток к покорению острова; Афины принуждены были уплатить за военнопленных граждан выкуп в 50 талантов и признать независимость Эвбеи. Только Карист, самый южный город острова, остался верен Афинскому союзу.

Дело в том, что участь войны, происходившей на Халкидике, была тем временем решена. Филипп энергично продолжал войну в течение зимы, причем овладел важной Тороной и даже Мекиберной, портом Олинфа. Олинфяне были разбиты в двух сражениях, и Филиппу удалось — как говорили тогда, благодаря предательству гиппархов Ласфена и Эвфикрата — отрезать от города и взять в плен 500 всадников, составлявших ядро неприятельской конницы. Затем он приступил к осаде города; не явись тотчас помощь, Олинф неминуемо должен был пасть. Действительно, афиняне снарядили новую экспедицию в Халкидику — 2000 гражданских гоплитов, 300 всадников и 17 триер под начальством Хареса. Но было уже поздно; когда афинское войско прибыло к Олинфу, город уже находился в руках Филиппа (осень 348 г.). Победитель осуществил военное право во всей его строгости; Олинф был сравнен с землею, граждане уведены в царские домены для каторжных работ или поселены колониями внутри Македонии, территория города частью роздана македонским сановникам. Напротив, остальные города Халкидского союза были приняты в состав Македонской державы, притом на равных правах со старыми провинциями; их конница образует отныне составную часть македонской кавалерии, „гетайров“ царя.

Неудачи, которые потерпело афинское оружие на Эвбее

и в Халкидике, должны были сильно поколебать положение руководящих лиц в Афинах. Оппозиция воспользовалась благоприятным случаем, чтобы привлечь к ответственности всех, кто был причастен к последним событиям; даже двоюродный брат Эвбула, стратег Гегесилей, один из влиятельнейших членов господствующей партии, командовавший некогда при Мантинее против Эпаминонда, был привлечен к суду по обвинению в выдаче врагу афинского отряда при Эретрии и присужден к большому денежному штрафу. Сам Эвбул пользовался, однако, еще слишком большим расположением со стороны массы, чтобы оппозиция решилась напасть на него; но и без того она значительно упрочила свое положение.

Наиболее выдающимся вождем ее был теперь Демосфен из Пеании, один из первых адвокатов и ораторов афинских, выступивший на политическое поприще во время союзнической войны (выше, с.251—252). Молодой, одушевленный мыслью о величии своего родного города, он совершенно не в состоянии был понять и оценить ту политику концентрации сил, посредством которой Эвбул старался залечить раны, нанесенные государству несчастной войной. Поэтому Демосфен при каждом удобном случае резко выступал против правительства, как по вопросу о союзе с Мегалополем, по делу Родоса, при обсуждении фракийских дел; но главным образом он неустанно требовал энергичных военных действий против Филиппа, в котором он раньше большинства своих сограждан увидел опаснейшего врага Афин. Будучи новичком на политическом поприще, он, разумеется, не мог одержать верх над всемогущим государственным деятелем, пока, наконец, заключение союза между Олинфом и Афинами не свело Эвбула и Демосфена на пути к одной и той же цели. Теперь Демосфен потребовал, чтобы в Македонию было послано гражданское войско и чтобы деньги, предназначенные на устройство празднеств, были употреблены на ведение войны; но когда оба эти предложения были приняты, Олинф находился уже в руках Филиппа. Против посылки войска в Эвбею он восставал, как против бесцельного дробления наличных сил: исход дела и тут оправдал его предска-

зание. Все это должно было в такой же мере возвысить авторитет Демосфена в глазах граждан, в какой неудачный исход войны ослабил влияние его противников; и если ему еще далеко было до того, чтобы самому взять в руки бразды правления, то уже теперь было ясно, что он призван играть видную роль в событиях ближайших лет.

Но как настойчиво ни требовал до сих пор Демосфен энергичного продолжения войны, — теперь и он не мог не сознавать, что Афины настоятельно нуждаются в покое. Финансовые ресурсы государства были совершенно истощены; дело дошло до того, что правительство не могло даже платить жалованье судьям, так что некоторое время суды оставались закрытыми. Между тем вовне Афины были почти совсем изолированы. Тщетно пытались они под потрясающим впечатлением разрушения Олинфа призвать эллинов к национальной войне против Филиппа; ни одна рука не поднялась на защиту Афин. При таких условиях продолжение войны могло вести только все к новым потерям, потому что Македония была неуязвима для Афин, тогда как Филиппу ничто не мешало двинуть свое войско против Херсонеса, обладание которым составляло для Афин вопрос жизни.

Отношения Афин к Фокиде также в последние годы становились все более натянутыми; в конце концов дело дошло до того, что Фалек открыто поддержал восстание Эвбеи против Афин (348 г.). Между тем дельфийская храмовая казна стала истощаться, наемники начали обнаруживать непокорность и оппозиция одержала верх в стране. Фалек был, наконец, смещен с должности и высшее начальство вручено трем стратегам, Дейнократу, Каллию и Софану. Одновременно было открыто следствие относительно употребления священных сумм; казначей Филон, заведовавший финансовым управлением, был допрошен под пыткою и казнен вместе со своими соучастниками, которых назвал под пыткою; имущество осужденных было конфисковано (347 г.). Затем были отправлены послы в Афины и Спарту с предложением передать этим государствам фермопильские укрепления. Там, разумеется, с радостью приняли это предложение; стратег Проксен, крейсировавший с аттической эскадрой в Эвбей-

ском проливе, получил приказ занять Фермопилы; затем было постановлено призвать к оружию всех граждан до 50-летнего возраста и отправить это ополчение в Фокиду (начало 346 г.). Туда же двинулся с отрядом в тысячу гоплитов царь Архидам. Между тем в Фокиде произошел переворот; Фалек снова захватил в свои руки верховное начальство и вовсе не имел желания отдаться во власть Афин и Спарты. Поэтому фокейские послы по возвращении их из Афин были брошены в темницу, и Проксену, когда он явился перед Фермопилами, предложено уйти назад; царю Архидаму посоветовали заняться собственными делами, вместо того чтобы соваться в Фокиду.

Под влиянием этих событий общественное мнение все более склонялось в пользу соглашения с Филиппом. Последний также желал положить конец войне. Если ему и нечего было опасаться, чтобы Афины причинили какой-нибудь ущерб его государству, то и он, со своей стороны, не был в состоянии наносить врагу решительные удары. Ибо Афины располагали приблизительно 350 триерами, тогда как Филипп, хотя в последние годы и приступил к созданию флота, еще мало успел подвинуть это дело вперед; его небольшой флот мог время от времени предпринимать удачные нападения, но должен был остерегаться вступать в открытое сражение с афинянами. Таким образом, Филипп был столь же бессилен против афинского флота, как афиняне — против македонского сухопутного войска; а о сухопутном походе в Аттику нечего было и думать, пока Фокида не была покорена. Притом интересы Филиппа требовали вовсе не уничтожения Афинской державы, а, наоборот, установления добрых отношений и по возможности заключения союза с прежним врагом, потому что Филипп, без сомнения, уже теперь лелеял в уме те великие планы, которые позднее были осуществлены им самим и его сыном Александром, — план объединения Греции под главенством Македонии и завоевания Персидского царства. А необходимым условием для достижения обеих этих целей было владычество на море, которое в свою очередь могло быть достигнуто лишь путем союза между Македонией и Афинами. Этой цели македон-

ская политика не упускала из виду вплоть до той минуты, когда персидская монархия была сокрушена.

Еще до падения Олинфа Филипп через посредство своих эвбейских союзников предложил Афинам мир; но в то время переговоры остались безуспешными. После победы он снова сделал попытку сблизиться с Афинами, и на этот раз здесь не отвергли протянутой руки. Особенно усердно хлопотал о мире Демосфен, который в середине лета 347 г. вступил в совет и теперь, вместе со своими друзьями Филократом из Гагна и Тимархом из Сфетта, пользовался в Совете руководящим влиянием. Наконец в начале 346 г. все формальности были улажены, и афинское посольство отправилось в Македонию. В числе послов находились сам Демосфен и Филократ, затем Эсхин из Кофокид, младший друг Эвбула, вследствие своего выдающегося ораторского таланта казавшийся особенно пригодным для роли посла (выше, с.253).

Филипп с почетом принял послов, но с первой же минуты ясно дал им понять, что о возвращении Амфиполя не может быть речи. Тем большую уступчивость обнаружил он по остальным пунктам. Он предложил афинянам союз и в награду за последний обещал доставить им крупные выгоды. Фокейский вопрос он предложил решить по соглашению обеих держав. Во Фракии Филипп, правда, сохранял за собою свободу действий, но обещал не трогать афинских владений на Херсонесе. При этом он рассчитанной ласковостью обращения сумел вполне расположить в свою пользу послов, а его могучая личность произвела на них глубокое впечатление, от которого не мог отделаться даже сам Демосфен.

Итак, послы, недолго пробыв в Пелле, уехали обратно, вполне довольные результатом переговоров. Почти непосредственно вслед за ними отправилось в Афины македонское посольство, чтобы там окончательно заключить мир; во главе его стояли первые сановники государства, Антипатр и Парменион. Условия мира, предложенные ими афинянам, конечно, совпадали с теми, которые Филипп поставил в Пелле и на которые в принципе согласились афинские послы. В этом смысле Филократ и выработал текст договора,

содержавший следующие пункты: мир между Афинами и Филиппом и их обоюдными союзниками на условии сохранения каждою из сторон ее наличных владений, т.е. со стороны Афин — отказ от Амфиполя и Потидеи, — заключение оборонительного союза, которым обе стороны гарантировали друг другу целость владений, затем ряд постановлений о свободе торговых сношений и об искоренении морского разбоя. Фокида и Галос в Фессалии были категорически, Керсоблепт — молчаливым соглашением — исключены из договора.

Проект Филократа в совете прошел без сопротивления; тем более сильную оппозицию встретил он в Народном собрании. Народу постоянно старались внушить, что Филипп всеми своими успехами обязан исключительно измене, что его видимое могущество внутри гнило, что он гораздо более нуждается в мире, чем Афины; можно ли было после этого удивляться, если народ отказывался понять, почему теперь хотят купить мир ценою таких жертв? Но послы Филиппа оставались непреклонны и, когда, наконец, выступил Эвбул и предложил народу на выбор — либо отказаться от сумм, предназначенных на празднества, платить подати и сесть на корабли, либо принять мир, — оппозиция умолкла. Единственное, чего ей удалось добиться, было уничтожение пункта, касавшегося Фокиды; эта поправка ни к чему не обязывала Филиппа, так как фокейцы в государственно-правовом смысле не были союзниками Афин, но зато открывала широкое поприще для позднейших разногласий. Сделанная еще в последнюю минуту попытка включить в договор Керсоблепта Фракийского, как союзника Афин, была отклонена Демосфеном. Таким образом, 19 элафеболиона (приблизительно в конце марта) 346 г. договор был принят народом и в ближайшие дни клятвенно подтвержден афинскими властями и представителями Союзного совета. Четырнадцать дней спустя, 3 мунихиона (в апреле) то же посольство, которое вело в Пелле предварительные переговоры о мире, вторично отправилось в Македонию, чтобы принять присягу царя и его союзников на соблюдение договора.

Между тем Филипп выступил в поход против Керсоб-

лепта, который после падения Олинфа продолжал войну с помощью афинян. Занятые еще афинскими наемниками фракийские береговые укрепления были одно за другим взяты, сам Керсоблепт заперт в Гиерон-Оросе на Пропонтиде и уже 23 элафеболиона принужден к сдаче. Победитель оставил ему его владения, как вассалу Македонии.

Спустя два месяца Филипп вернулся в Пеллу. Вся Греция знала, что он собирается нанести решительный удар Фокиде, и все крупные державы и многие второстепенные государства прислали послов, чтобы отстоять свои интересы при предстоявшей реорганизации политического положения в Средней Греции; казалось, что Филипп уже теперь повелевал Элладою. Афинским послам также было предписано по мере разумения отстаивать интересы своего государства; поэтому они не могли оставаться безучастными зрителями, тем более что в силу только что заключенного союза Афины и Филипп должны были действовать совместно. Эсхин предложил следующую программу: обойтись с Фокидою как можно мягче и ограничить неизбежную кару провинившимися вождями, отпавшим от Фив беотийским городам оставить их независимость, а в случае сопротивления со стороны Фив усмирить их вооруженной рукою. Филипп был готов принять эту программу, которая вполне отвечала его интересам и которую он действительно осуществил восемь лет спустя, после битвы при Херонее: Фивы наряду с Македонией были единственной крупной сухопутной державой Греции и при случае могли грозить Филиппу очень серьезной опасностью, став во главе враждебной ему коалиции. Ввиду этого Филипп доверительно обещал Афинам в награду за их участие в фокейском походе еще и другие выгоды — возвращение Эвбеи, а в том случае, если бы дело дошло до войны с Фивами, также возвращение Оропа и восстановление Платей. Официально он, разумеется, не дал никаких обещаний, так как и послы не были уполномочены на заключение формального договора. Притом Филипп имел полное основание не доверять афинянам, так как один из послов, и именно тот, чей голос имел наибольшее влияние на народ, — Демосфен — открыто выступил против политики, пред-

ставителем которой являлся Эсхин. Он содействовал заключению мира, потому что Афины нуждались в покое и потому что продолжение войны сулило лишь новые потери; но союза между Афинами и Филиппом он отнюдь не желал. Он хорошо понимал, что при перевесе могущества на стороне Филиппа такая политика неизбежно должна поставить Афины в подчиненное положение, и эта мысль была одинаково невыносима как для его патриотизма, так и для его республиканской гордости. Поэтому он принял мир лишь в качестве перемирия, чтобы иметь время собраться с силами для решительной борьбы, которую он во что бы то ни стало намеревался вызвать в подходящую минуту. Но для того, чтобы вести эту борьбу с надеждою на успех, Афинам нужен был могущественный союзник, и при данном положении вещей таким союзником могли быть только Фивы, ибо мелкие государства не имели значения, Фокиде грозила близкая гибель, а Спарта была занята пелопоннесскими делами. Итак, целью Демосфена было заключение союза с Фивами; ради нее он готов был пожертвовать даже старыми притязаниями Афин на Ороп и Платеи и тем более, разумеется, не поколебался бы предоставить фокейцев их участи. Было ясно, что дружба между Филиппом и Фивами кончится в ту минуту, когда будет разрешен фокейский вопрос, — и тогда сама сила вещей должна была бросить Фивы в объятия Афин. Таким образом, политика Эсхина должна была представляться Демосфену прямой изменой самым святым интересам отчизны. Ввиду этого он потребовал, чтобы послы, не пускаясь в дальнейшие переговоры, ограничились принятием от Филиппа и его союзников клятвы на соблюдение мира и затем немедленно уехали обратно домой.

При таких условиях Филипп должен был позаботиться о том, чтобы обеспечить себе полную свободу действий во всех отношениях. В остальном он обнаружил величайшую предупредительность по отношению к афинскому посольству. Он обещал без выкупа освободить пленных афинян и отослать их домой к Великим Панафинеям, главному празднеству Афин, до которого оставалось немногим более месяца. Кроме того, в официальном письме к гражданам Афин он

выразил готовность оказать им и всякие другие дружеские услуги, не унижающие его достоинства. Договор о мире он ратифицировал в том виде, в каком он был принят Афинским народным собранием, т.е. без прямой оговорки относительно Фокиды; затем он проводил послов до Фер и здесь заставил своих фессалийских союзников присягнуть на верность договору. После этого послы устроили еще мир между Филиппом и Галосом и затем выехали обратно в Афины, куда прибыли приблизительно в конце июня, 13 скирофориона.

Здесь Демосфен тотчас начал оговаривать перед советом своих товарищей по посольству и в конце концов добился того, что посольству было отказано в обычной награде — венке. Однако он был далек от мысли потребовать занятия Фермопил; он понимал, что Фокиду все равно уже невозможно спасти, не говоря уже о том, что Фалек не имел никакой охоты делать афинян своими спасителями. Поэтому противники Демосфена легко одержали верх в Народном собрании. Филократ и Эсхин доложили о тайных переговорах с Филиппом, возражения Демосфена прошли незамеченными, и по предложению Филократа было постановлено распространить союз с Филиппом и на его потомков и потребовать от фокейцев передачи Дельфийского святилища амфиктионам под угрозою объявления Афинами войны Фокиде (16 скирофориона).

Но в этом вмешательстве уже не было надобности; фокейская держава рухнула благодаря собственной гнилости. Правда, Фалек все еще имел в своем распоряжении около 8 тыс. закаленных в бою ветеранов, которые смело могли выдержать сравнение с любым войском в мире и которые позднее блестяще доказали свою стойкость и мужество при Кримисе, под руководством Тимолеона. Но у него уже не было средств, чтобы платить жалованье войску; Дельфийская сокровищница была окончательно исчерпана, страна обращена в пустыню продолжительной войной. При таких условиях нечего было думать о сопротивлении Филиппу. Действительно, Фалек уже весною завязал переговоры в Пелле, и теперь, получив известие о решении, принятом Афинским народным собранием, поспешил заключить мир с

Филиппом. Уже 23 скирофориона (в начале июля) капитуляция была подписана. Фалеку и его наемникам было предоставлено свободное отступление, за что он в свою очередь передал Филиппу все укрепленные пункты в Фокиде. „Священная война“, в течение десяти лет опустошавшая Среднюю Грецию, была окончена без боя.

Уже при выступлении к Фермопилам Филипп пригласил своих союзников-афинян со всеми силами двинуться в Фокиду и соединить свои войска с македонскою армией; позднее он вторично обратился к ним с этим воззванием. Для него было крайне важно иметь в лице Афин оплот против фиванцев, которые двинули в поход все свое ополчение, решив упорно отстаивать свои интересы при реорганизации Фокиды. Но в Афинах, по обыкновению, ничего не было готово, а при Фермопилах дело было решено с такой поразительной быстротой, что Афины при всем желании не успели бы вовремя доставить на место свои войска. Когда Филипп стоял уже по эту сторону ущелий и соединился с фиванцами, в Афинах снова вспыхнуло старое недоверие против царя; Демосфену и его друзьям без труда удалось объяснить народу, что Филипп может захватить афинское войско и удержать его в залог верности Афин договору. Сюда присоединилось обычное нерасположение граждан к личной военной службе; афиняне остались дома, удовольствовавшись отправкой посольства. Ввиду такого поведения Афин Филипп, разумеется, принужден был опереться на фиванцев и исполнить если не все, то важнейшие их требования, тогда как Афины остались ни с чем.

Филипп вел войну с Фокидою как исполнитель приговора амфиктионов; поэтому водворение нового порядка в Фокиде он предоставил Совету амфиктионов, который теперь впервые по истечении десяти лет снова собрался в Дельфах. Нетрудно представить себе, какие чувства одушевляли делегатов; было вполне естественно, чтобы они потребовали примерного наказания фокейцев, которые с неслыханной дерзостью осквернили высшее святилище Греции и навлекли неизмеримые бедствия на все соседние страны. Действительно, этейцы предложили казнить всех взрослых

мужчин в Фокиде как осквернителей храма. Филипп сумел предотвратить такие жестокости; благодаря его заступничеству побежденные сохранили жизнь, свободу и имущество; лишь наиболее провинившиеся были осуждены на изгнание. От фокейцев потребовали возвращения разграбленных ими храмовых сокровищ, что́ было, конечно, вполне справедливо; весь долг они должны были выплатить ежегодными взносами в 60 талантов. Так же справедливо было и то, что фокейцев лишили возможности вторично осквернить Дельфийское святилище; страна была обезоружена, укрепления разрушены и постановлено, чтобы население отныне жило небольшими группами в открытых деревнях; кроме того, на первое время страна, для поддержания порядка, была занята македонскими и беотийскими войсками. Наконец, фокейцы были лишены обоих голосов, которыми они до сих пор располагали в Совете амфиктионов, и эти голоса переданы Филиппу в награду за то, что он снова водворил амфиктионов в Дельфах. Спартанцы также были исключены из амфиктионии, так как они оказали союзную помощь фокейцам. Афины, провинившиеся не менее Спарты, остались членом амфиктионии, потому что они еще в последнюю минуту отреклись от Фокиды. Независимость Дельф и Амфиссы была, разумеется, восстановлена, и фиванцам возвращены те города, которые во время войны отложились от Беотийского союза и примкнули к Фокиде.

Между тем в Афинах мрачные предсказания Демосфена и его друзей вызвали панику; народу уже мерещилось, что войско Филиппа подступает к границе Аттики, и потому решено было для безопасности перевести в город население открытых деревень со всем его движимым имуществом. Однако очень скоро обнаружилось, что эти опасения были совершенно напрасны; Филиппу и в голову не приходило нарушать подтвержденный клятвою мир; напротив, он прислал письмо афинским гражданам, где оправдывал свой образ действий в Фокиде.

Несмотря на это, в Афинах все еще не могли решиться признать совершившийся факт. В конце лета этого года должны были праздноваться Пифии; решено было справить

празднество на этот раз с особенной пышностью под председательством самого Филиппа. Со всей Греции стеклись участники к играм — только Афины не прислали обычного посольства. Это был формальный протест против принятия Филиппа в амфиктионию, и царь не намерен был молча проглотить оскорбление. Ему стоило дать знак, и против Афин вспыхнула бы священная война, и он вступил бы в Аттику во главе союзной армии амфиктионов, потому что общественное мнение в Фессалии и Беотии было в высшей степени раздражено против Афин из-за помощи, оказанной ими фокейцам, а в Аргосе, Мегалополе и Мессене Афины ненавидели как союзника Спарты. Однако Филипп не хотел доводить дело до крайности; он все еще не терял надежды достигнуть искреннего соглашения с Афинами. Поэтому он ограничился тем, что отправил в Афины посольство с требованием удовлетворения.

Однако немногого недоставало, чтобы все-таки вспыхнула война. Толпа в Афинах была доведена радикальными крикунами до крайнего озлобления против Филиппа, Эвбул и остальные вожди умеренной партии потеряли всякое влияние, Эсхин принужден был сойти с трибуны при буйных криках собрания. Тогда перед народом выступил Демосфен. Он более всех содействовал усилению в Афинах нерасположения к Филиппу, но он был достаточно проницательным политиком, чтобы понять, что он хватил через край и что теперь во что бы то ни стало необходимо сохранить мир. И действительно, благодаря своей популярности и своему красноречию он сумел убедить народ, что не стоит из-за „тени в Дельфах“ вовлекать Афины в войну с половиной Эллады. Итак, Филипп был признан членом Совета амфиктионов, и отныне Афины снова стали посылать своих делегатов на собрания в Дельфах и у Фермопил. Опасность была устранена — правда, ценою нового унижения, которого при некотором благоразумии можно было избегнуть.

Филипп достиг всего, ради чего он взялся за оружие. Он владел Фермопилами, т.е. воротами в Среднюю Грецию, перед которыми афиняне шесть лет назад преградили ему путь. Отныне он каждую минуту мог в случае надобности двинуть

свои войска в Беотию или Аттику. Разрушение фокейского разбойничьего государства, чего Фивы не сумели добиться путем десятилетней борьбы, было достигнуто без единой битвы. Афины были унижены; они принуждены были уступить по всем спорным пунктам. В Совете амфиктионов Филипп, как владыка Македонии и Фессалии, располагал большинством голосов; и если до сих пор этот совет политически имел ничтожное значение, то под руководством такого государственного человека „тень в Дельфах“ должна была облечься в плоть. Если со времени своих побед над Ономархом и Олинфом Филипп был неограниченным властелином Северной Греции, то теперь он приобрел руководящее влияние и в Средней Греции. Он уже теперь был, без сравнения, самым могущественным государем эллинского мира; теперь он мог приступить к осуществлению более высокой цели — к объединению всей нации под своим главенством.

ГЛАВА XIII

Объединение Греции

Партикуляризм был врожденным грехом греческого народа. Каждый город, как бы мал он ни был, хотел устраивать свои дела вполне самостоятельно по собственному усмотрению, и всякое ограничение этого суверенитета чувствовалось как невыносимый гнет. Грек V века совершенно не был в состоянии представить себе, чтобы могло существовать государство — по крайней мере свободное греческое государство, — которое состояло бы из нескольких городов; даже политическая теория еще следующего века, даже Аристотель рассматривают город и государство как тождественные понятия (выше, с.286). Правда, с течением времени становилось все более очевидным, что самовластная единичная община совершенно не в состоянии осуществлять даже только главную цель государства — защищать свою территорию против внешних нападений, и таким образом естественный ход вещей заставлял города соединяться друг с другом. Но эти союзы, основывались ли они на равноправии всех членов или на подчинении всех остальных наиболее могущественному городу, оставались механическими агрегатами государств, были лишены внутреннего единства и при первом случае готовы распасться на свои составные части. Даже аттическое государство не пошло дальше первых шагов к истинно органическому слиянию объединенных в нем общин.

Со времени Пелопоннесской войны начало все шире распространяться сознание, что такой порядок вещей долее не может держаться. Все более обнаруживается стремление соединять соседние мелкие города в более крупные общины. Так, города, расположенные на Родосе и близлежащих островах Халке и Телосе, около 408 г. сплотились в одно государство; жители всех этих мест считались отныне родосцами, как обитатели местечек и деревень Аттики — афинянами. Таким же образом в 370 г. округа юго-западной Аркадии соединились в новую общину Мегалополь (с.178). Византия в эпоху союзнической войны даровала свое право граждан-

ства соседним городам Селимбрии и Калхедону. Аргосцы сделали было попытку включить Коринф в состав своего государственного союза; правда, Спарта по Анталкидову миру заставила их отказаться от этой мысли, но характерно уже то, что такая попытка оказалась возможной и потерпела неудачу только вследствие постороннего вмешательства.

Такой „синойкизм", как называли его греки, при котором участвующие города всецело поглощались новой общиной, был применим, разумеется, только в областях, занимавших небольшую территорию, так как иначе бóльшая часть граждан была бы фактически лишена возможности осуществлять свои политические права. Притом, население греческих городов можно было склонить к полному отказу от общинной автономии лишь при особенно благоприятных обстоятельствах, и направленные к этой цели попытки обыкновенно встречали очень упорное сопротивление. Поэтому в большинстве случаев довольствовались учреждением строго централизованного союзного государства (*хоινóν*), основою которого являлись старые областные союзы, имевшие целью устройство общих празднеств и общую оборону. Первый пример такого объединения представляет собою, насколько нам известно, организация Беотии после битвы при Коронее (446 г.). Союз имел исполнительный орган — коллегию из 11 беотархов, где Фивы были представлены двумя, каждая из остальных общин — одним членом; законодательная власть принадлежала четырем советам. Уничтоженный по Анталкидову миру, этот союз после возвышения Фив был восстановлен на демократической основе в еще более строгих формах. По образцу этого нового Беотийского союза было организовано после битвы при Левктрах Аркадское союзное государство. Несколько лет перед тем (около 372 г.) Ясоном Ферским был восстановлен Фессалийский союз — насколько нам известно, в старых формах, но с более строгой централизацией. В Фокиде и пелопоннесской Ахее старые, слабо сплоченные племенные союзы также в первой половине IV века были преобразованы в прочные союзные государства. Такова же была организация Халкидского союза с Олинфом во главе, образовавшегося во время

Пелопоннесской войны. Наконец, со своеобразным отличием — увенчанная монархической властью — та же государственная форма существовала со времени царя Фарипа в Эпире.

Конституции, действовавшие во всех этих союзных государствах, были в главных чертах тождественны. Повсюду, насколько мы можем судить, существовал общий союзный индигенат, заключавший в себе право брака, право поселения и приобретения недвижимой собственности, право выбора в союзные должности и право участия в союзных собраниях[1]. По отношению к другим государствам каждый из этих союзов составлял одно целое, облеченное правом решать вопросы о войне и мире и заключать договоры. Во главе союза стоял общий исполнительный орган, верховная власть принадлежала Союзному собранию и его постоянной делегации, совету. Для покрытия общих издержек отчислялись известные статьи доходов, например, портовые пошлины; если этих сумм не хватало, то производилась раскладка между отдельными общинами. Монета чеканилась в большинстве случаев общая для всего союза, что́ заставляет предполагать и существование общей меры и веса[2]. Напротив, во внутренних делах каждый союзный город был совершенно самостоятелен; однако союз уже самим своим существованием естественно способствовал установлению в союзных общинах возможно однообразных политических форм; олигархическим и демократическим общинам трудно было уживаться в одном и том же союзном государстве.

Итак, в половине IV века федерация была господствующей политической формой в большей части греческого полуострова. Но за пределами последнего мы находим лишь зачатки подобного строя. Так называемый Второй Аттический морской союз был еще более шатким соединением

---

[1] В олигархических союзах последнее право было предоставлено, конечно, только зажиточным гражданам, или же совсем не существовало союзного собрания, которое заменялось одним или несколькими советами.

[2] Союзную монету чеканили Беотия, Фокида, Аркадия, Халкидика, — Ахея лишь во время Александра, Фессалия лишь в римский период (196—146).

самостоятельных государств, чем первый. Столь же непрочным оставался и союз греко-италийских городов. Зато в колониальных областях, где грекам приходилось отстаивать свое существование против соседних варваров, отдельные города сплотились в жизнеспособные государства, часто в форме военной монархии; такую организацию создали на Кипре Эвагор, в Сицилии Дионисий, на Киммерийском Боспоре дом Спартокидов.

Однако образование такого большого числа крепких областных государств служило само по себе крупным препятствием для всякой попытки национального объединения, и потому Спарта, которая в первые десятилетия IV века одна во всей Греции отстаивала идею объединения, постоянно старалась противодействовать этому движению. Именно с этою целью в Анталкидов мир была внесена оговорка об автономии отдельных государств. Но стремление к поместному объединению оказалось сильнее могущества Спарты и персидского царя, и спартанская гегемония была сокрушена в этой борьбе. Если с виду это была победа партикуляризма, то в действительности федеративное движение косвенным образом сильно способствовало торжеству национальной идеи. Оно научило народную массу смотреть далее стен своего города, показало ей, что город может входить равноправным членом в состав более крупного политического целого, и тем указало путь, который один мог привести к прочному объединению нации.

В духовной области это объединение уже давно осуществилось, и с тех пор, как Афины сделались умственным центром Эллады, оно с каждым годом становилось все теснее и глубже. Вследствие этого аттическое наречие сделалось общим литературным языком, а следовательно, и языком всех образованных людей. Прочие диалекты еще некоторое время держались только в специальных науках; врачи гиппократовой школы продолжали писать по-ионийски, как их учитель, а пифагорейцы и вообще математики греческого Запада остались верны дорийскому наречию. Однако, как местный разговорный язык, диалекты еще долго продолжали

жить, и одна только Македония решилась сделать аттическое наречие своим государственным языком.

В конце V и начале IV века нация выработала себе и однообразное письмо. Ионийский алфавит, самый совершенный из всех греческих алфавитов, сделался в Аттике около времени Пелопоннесской войны преобладающим в неофициальной письменности и постепенно начал проникать также в официальное делопроизводство; наконец, при восстановлении демократии в 403 г. он был официально введен в обиход афинской государственной канцелярии. То же сделали около этого времени все остальные греческие государства, вследствие чего старые алфавиты повсюду были забыты — несомненно, знаменательный признак овладевшего эллинами стремления к объединению нации.

Это движение не могло не отразиться и в политической области. Сознание, что нация необходимо должна объединиться, что иначе Элладе грозит опасность истощить свои силы во внутренних распрях и в конце концов сделаться добычей варваров, начало со времени Пелопоннесской войны проникать все в более широкие круги. Аттическая комедия неустанно в течение всей войны напоминала народу, что кровь, проливаемая им на полях битвы, есть кровь братьев эллинов. Совершенно так же думал Платон; на войну эллинов с эллинами он смотрел как на гражданскую войну и как на признак того, что нация больна. Но более всего распространению объединительной идеи способствовали ораторы. Уже великий основатель искусства красноречия, Горгий из Леонтин, отдал свои силы на служение этому делу. Ему суждено было видеть, как сначала Спарта с помощью персов сокрушила Афинскую державу, как затем афиняне и фиванцы, также с персидской помощью, сокрушили Спартанскую державу, и как вследствие этого малоазиатские греки снова подпали под персидское иго, от которого их некогда освободили предки. И вот, в 392 г. он выступил на Олимпийском празднестве перед собравшимися эллинами, пламенным словом призывая их к единению и борьбе с варварами, которая одна лишь достойна Греции и одна может залечить язвы политического раздробления. В том же смысле говорил он в

Афинах, в речи, произнесенной им в память граждан, павших в Коринфской войне; печальным победам над братьями-греками он противопоставлял дни Марафона и Саламина, единственные истинно славные страницы в истории Афин. И слова Горгия не отзвучали бесследно. Примирение эллинов между собою, национальная война против Персии для освобождения заморских братьев сделались отныне излюбленной темой ораторов, выступавших на панэллинских празднествах, — знак, что этим идеям был обеспечен успех у слушателей. Подобные же призывы иногда раздавались и с политической трибуны. Даже Демосфен однажды назвал персидского царя „исконным врагом всех эллинов" и считал источником всех бедствий, постигших Элладу, внутренние раздоры и вызванное ими вмешательство персов; эллины, говорит он, нуждаются в посреднике, который водворил бы между ними согласие. Правда, это были лишь красные слова, которые очень скоро были снова забыты.

Но никто не трудился так долго и неутомимо в пользу объединения Греции, как Исократ. Когда постыдный мир Анталкида выдал малоазиатских греков варварам и Эвагор Кипрский начал борьбу за жизнь и смерть с могущественной Персией, тогда великий оратор выступил со своим Панегириком, — совершеннейшим образцом античного торжественного красноречия, предназначенным воодушевить эллинов к национальной войне против Персии. Одну минуту действительно казалось, что эти надежды близки к осуществлению (выше, с.153); но вскоре Исократу пришлось убедиться, что люди, стоявшие во главе греческих республик, менее всего заботились о достижении великих национальных целей. Тогда Исократ обратил свои взоры на монархию, прежде всего — на Ясона Ферского, владыку Фессалии. Действительно, Ясон охотно согласился стать во главе похода против персов, но убийство его в 370 г. внезапно расстроило этот план. Когда вслед затем Дионисий Сиракузский сблизился с Афинами и начал принимать деятельное участие в греческой политике, Исократ увидел в нем грядущего спасителя нации; в самом деле, кто мог быть более способен вести эллинов против Персии, чем вождь, объединивший Сицилию

и остановивший успехи карфагенян? Но у Дионисия были более неотложные заботы дома; правда, он еще раз взялся за оружие, но опять лишь против Карфагена, а вскоре смерть отозвала престарелого тирана с политической арены. Затем обстоятельства неожиданно сложились так, что Исократ мог, казалось, снова надеяться на осуществление своей заветной мечты: Афины в союзе со Спартой обратились против Персии, старый царь Агесилай II еще раз перешел в Азию и затем победоносно защитил Египет против персов, наконец Афины в союзнической войне открыто порвали с Персией и Харес одержал ряд блестящих побед над малоазиатскими сатрапами. В это время Исократ обратился к спартанскому царю Архидаму III, призывая его последовать примеру его великого отца, Агесилая, и стать во главе освободительной войны против Персии. Но внимание Архидама было поглощено более неотложными задачами; он надеялся в союзе с Фокидой вернуть Спарте ее прежнее положение в Пелопоннесе и вовсе не был склонен связывать себе руки обширным заморским предприятием. Тщетно Афины призывали эллинов к борьбе против Персии; они остались изолированными и должны были позаботиться о том, чтобы как-нибудь добиться мира с царем (выше, с.214).

Но Исократ и теперь не потерял надежды. Чего он тщетно ждал от старых греческих государств, то осуществит, может быть, македонский царь, завоевавший себе в течение немногих лет такое положение, какого не занимал до него ни один греческий государь. Исократ лелеял этот план уже во время войны из-за Амфиполя; он готовил речь, которая должна была убедить афинян в необходимости примириться с македонским царем и в союзе с ним предпринять войну против персов. И вот — раньше, чем Исократ мог надеяться, — был заключен мир; он немедленно отправил к царю открытое послание, где изложил свою политическую программу. Ближайшая задача, говорит он, — водворить мир в Элладе; если Филипп серьезно возьмется за осуществление этой цели, то общественное мнение тотчас станет на его сторону и он во всей Греции займет такое же положение, какое занимают цари в Спарте или он сам по отношению к маке-

донской знати. Затем пусть он ведет силы объединенной нации против Азии. Война с персами не представит затруднений, раз они не будут иметь союзников в Греции, и завоевание всей персидской монархии вполне возможно. Если же этот план окажется неисполнимым, то достославной целью было бы по крайней мере вырвать из рук персидского царя Малую азию и основать здесь ряд колоний, в которых могли бы найти новое отечество все те, кого теперь бедность гонит в наемники; таким образом, эти люди были бы избавлены от нужды и превратились бы в полезных членов общества, тогда как в настоящее время они являются истинным бичом Эллады.

Не звучит ли в этих словах Исократа пророческое предвидение будущего? Правда, объединить Грецию было не так легко, как ему казалось; еще много крови будет пролито, прежде чем удастся сломить сопротивление партикуляризма, и ни Исократ, ни сам Филипп не увидят полного осуществления тех идеалов, которым они посвятили свою жизнь, один как полководец и политик, другой как оратор и публицист. Роль, которую Исократ, простой афинский интеллектуал, играл рядом с могущественным царем, была с внешней стороны, разумеется, очень скромна; но это не умаляет в наших глазах значения его деятельности для торжества той идеи, которой они оба служили. В то время риторика была в Греции крупной силой, и Исократ был самым прославленным из преподавателей риторики. Его произведения читались от одного конца греческого мира до другого; а к влиянию литературному присоединялось еще личное влияние на целый ряд даровитейших юношей, которые отовсюду стекались в Афины к стопам знаменитого учителя и которые позднее сделались духовными вождями нации. Голос такого человека влиял на общественное мнение, как ничей другой, и если Филиппу удалось объединить Элладу, если Александр смог открыть далекую Азию для греческой культуры и греческой предприимчивости, то это в значительной степени было заслугой Исократа, который проторил им путь совершенно так же, как деятели 1848 г. подготовили почву для объединения Германии.

Но пока внимание Филиппа II было поглощено более неотложными задачами. В Македонии надо было после долгой войны многое привести в порядок; прежде всего опять необходимо было усмирить соседние варварские племена на западе и севере, иллирийцев и дарданов. Для защиты пограничных областей были основаны колонии; энергично продолжалась постройка флота, начатая еще во время войны. Благодаря блестящему политическому положению, которое Филипп своими победами доставил Македонии, она начала теперь развиваться и в экономическом отношении, и доходы царской казны достигли небывалой высоты.

Еще более дела предстояло в Фессалии. Полномочие, которым Филиппу вручено было верховное начальство против Фокиды, с окончанием Священной войны утратило законную силу; теперь победитель был избран пожизненным архонтом Фессалийского союза, что́ обеспечивало ему руководящее влияние во внутренних делах. Сторонники Филиппа в качестве „тетрархов“ стали во главе четырех провинций страны, внутренние споры в отдельных городах решались отныне царскими указами, доходы и военные силы союза находились в распоряжении Филиппа; в Феры, где еще живы были воспоминания о блеске эпохи тиранов, был поставлен царский гарнизон. Правда, несмотря на все это, Филипп отнюдь не был в Фессалии неограниченным властелином или даже только верховным правителем, каким он был в Македонии; во всех важных правительственных действиях он зависел от согласия Союзного собрания, которому принадлежало и право войны и мира. Притом, звание архонта не было наследственным: по смерти архонта преемник ему каждый раз избирался Фессалийским союзным собранием. Правда, фактически верховная власть над Фессалией отныне и до битвы при Киноскефалах оставалась соединенной с македонской короной; но, по крайней мере формально, македонские цари всегда соблюдали конституционные права страны, хотя в действительности воля царя мало-помалу приобрела в Фессалии такое же безусловное значение, как в самой Македонии.

И к югу от Фермопил Филипп успешно старался рас-

пространить свое влияние. Состоятельные классы всюду обращали теперь свои взоры к царю; они ожидали от него поддержки своим интересам, какой уже не могла оказывать Спарта. И Филипп оправдал эти надежды. В Элиде незадолго перед тем была свергнута господствующая олигархия и часть зажиточного класса принуждена была уйти в изгнание; теперь изгнанники с македонской помощью вернулись на родину и олигархия была восстановлена. После этого Элида, разумеется, вступила в тесный союз с Филиппом. Но и демократические государства Пелопоннеса, Аргос, Мегалополь, Мессена, бросились теперь в объятия Филиппа, который один в состоянии был оказывать им действительную помощь против Спарты. Едва ли кому приходило здесь в голову, что царь когда-либо может явиться в Пелопоннес; между тем ему уже теперь воздвигли бронзовую статую в Мегалополе.

Только одного Филиппу не удалось достигнуть, именно того, что́ было для него наиболее важно: установления добрых отношений с Афинами. Мы видели, как Демосфен, искусно пользуясь обстоятельствами, сумел тотчас после заключения мира и союза с Филиппом сделать отношения между обеими державами настолько натянутыми, что война едва не возобновилась, и самому Демосфену пришлось употребить все свое влияние, чтобы удержать народ от необдуманного шага (выше, с.361). Но кто мог поручиться, что настроение массы в ближайшую минуту снова не изменится? Поэтому Демосфен должен был позаботиться о том, чтобы не упустить благоприятного момента, пока общественное мнение еще было возбуждено против Филиппа и против тех, кто ратовал за союз с царем.

Эсхин сильно скомпрометировал себя своим донесением о дружественных намерениях Филиппа; ему и должен был достаться первый удар. При рассмотрении отчета послов Демосфен возбудил против него обвинение в том, что он, будучи подкуплен Филиппом, изменил интересам Афин. Эсхину грозила страшная опасность, потому что, хотя обвинитель не мог привести в пользу своего доноса даже тени доказательства, но при господствовавшем теперь в Афинах

настроении можно было почти с уверенностью предсказать, что присяжные вынесут обвинительный приговор.

Но Эсхин знал, как отразить удар. Демосфен внес свое обвинение совместно с одним из своих единомышленников, влиятельным политическим деятелем Тимархом из Сфетта, который более тридцати лет подвизался на политическом поприще и занимал всевозможные должности. Когда-то он был красавцем и пользовался большим успехом в обществе, тем более что охотно принимал поклонение своих почитателей и был неравнодушен к подаркам. Но человек, который вел такой образ жизни, был по афинскому праву политически обесчещен, не мог занимать никакой общественной должности, ни выступать перед судом в качестве обвинителя или защитника. И вот Эсхин ответил на обвинение Демосфена и Тимарха встречным обвинением, в котором доказывал, что Тимарх, ввиду своего грязного прошлого, не имеет права защищать перед судом интересы государства, и потому подписанное им обвинение недействительно. Пришлось предварительно рассмотреть этот вопрос; процесс против Эсхина был покуда приостановлен, и хотя можно было предвидеть, что Демосфен во всяком случае проведет свое обвинение, но и выигрыш во времени был уже важным шансом.

Теперь разыгрался скандальный процесс самого пикантного свойства; отовсюду стекались любопытные на судебные разбирательства. Действительно, ожидания публики не были обмануты; речь Эсхина была образцовым ораторским произведением, а его разоблачения отрезали обвиняемому все пути к оправданию. Сам Демосфен не решился ни единым словом защитить своего друга, и Тимарх беспрекословно подчинился приговору судей, в силу которого он лишался всех политических прав. Эсхин был спасен, Демосфен тяжело скомпрометирован во мнении общества (зимою 346/345 г.).

Филипп признал эту минуту удобною для попытки установить более дружественные отношения с Афинами, и вскоре он нашел случай на деле доказать афинянам свое расположение. Граждане Делоса всегда тяготились афинским господством; теперь они надеялись, что Филипп осво-

бодит их, и представили свое дело на рассмотрение Совета амфиктионов в Дельфах, в котором, как мы знаем, царь безусловно располагал большинством голосов. В Афинах не осмеливались оспаривать компетентность этого судилища и доводить дело до священной войны. Представителем афинских интересов сначала предполагалось послать в Дельфы Эсхина, но Ареопаг вмешался и назначил вместо Эсхина Гиперида, лучшего адвоката, какого имели тогда Афины, но вместе с тем политического противника Филиппа. Однако царь, как искусный дипломат, был гибок; приговором амфиктионов права Афин на господство над Делосом были признаны законными.

Однако эта предупредительность не принесла пользы Филиппу; Демосфен по-прежнему сохранял руководящее влияние в Афинах и пользовался им для того, чтобы всячески противодействовать Филиппу. Прежде всего необходимо было вывести Афины из того изолированного положения, в которое они попали благодаря своей политике в Фокейской войне. С этой целью Демосфен отправился послом в Пелопоннес, чтобы привлечь на сторону Афин Мессену, Аргос и Мегалополь (344 г.). Восемь лет назад Мегалополь сам предложил свой союз Афинам, и Демосфен тщетно старался тогда склонить своих сограждан принять это предложение (выше, с.341—342 и след.); то, что́ тогда было упущено, следовало теперь вернуть. Но за эти годы положение дел совершенно изменилось. Враждебные Спарте государства нашли могущественного защитника в лице Филиппа, и Афины ничего не могли предложить им взамен этой опоры; они не были даже готовы к тому, чтобы порвать свой союз со Спартою. Тщетно Демосфен пускал в ход всю мощь своего красноречия; его слова пропадали даром или, вернее, достигли лишь того, что Филипп и находившиеся в союзе с ним пелопоннесские государства стали жаловаться на оскорбительный язык афинских послов и на беспрестанно оказываемую Афинами Спарте поддержку. Афиняне со своей стороны потребовали, чтобы мирный договор был в некоторых пунктах исправлен, и Филипп не отклонил этого требования; так, он изъявил готовность передать афинянам небольшой остров

Галоннес к северу от Эвбеи, отнятый им у шайки морских разбойников. Но Демосфен резко отверг это предложение; не уступить, говорил он, а вернуть должен царь этот остров, на который Афины имеют старые права. Напрасно Филипп предлагал передать спорные пункты на третейский суд нейтрального государства; Демосфен не хотел слышать о соглашении, и переговоры были, наконец, прерваны.

Теперь надо было позаботиться о том, чтобы закрыть рот оппозиции в Афинах. На этот раз за дело взялись умнее и первый удар направили против Филократа, который первым подписал свое имя под договором о мире. Привлеченный к суду Гиперидом по обвинению в государственной измене и понимая, что при данном положении дел его неминуемо ждет осуждение, он не стал дожидаться приговора и отправился в добровольное изгнание, после чего заочно был приговорен к смерти (343 г.). Теперь Демосфен счел своевременным возобновить обвинение против Эсхина, которое он два года назад, после своего поражения в процессе Тимарха, оставил, не доведя до конца. Он заявил, что Эсхин, будучи подкуплен Филиппом, своим поведением во время второго посольства погубил Керсоблепта и фокейцев и, следовательно, повинен во всех бедствиях, какие мир навлек на Афины; ввиду этого обвинитель требовал, чтобы Эсхин был присужден к смерти или по крайней мере к лишению почетных гражданских прав. Правда, обвинение было очень скудно обосновано. Демосфен не может привести ни малейшего факта в доказательство того, что Эсхин был подкуплен Филиппом, да и другие пункты обвинения совершенно голословны. В самом деле, послам было дано прежде всего чисто формальное полномочие принять от Филиппа присягу на верность уже заключенному миру; в условиях мира уже ничего нельзя было изменить, а как мы знаем, Керсоблепт не был включен в мир и Филипп категорически заявил, что он и фокейцев не признает союзниками Афин в том смысле, как этот термин понимался в договоре. Далее, Керсоблепт капитулировал в Гиерон-Оросе спустя четыре дня после того, как мир был заключен в Афинах, и еще раньше, чем послы выехали в Пеллу. Что же касается Фокиды, то уже во время

заключения мира вся Греция знала, что Филипп готовится к походу в Дельфы; значит, афиняне знали об этом гораздо раньше, чем вернулись их послы. Притом, Афины только сейчас заключили союз с Филиппом, следовательно, Эсхина невозможно было упрекать за то, что он старался установить возможно более дружественные отношения с царем. А если из всех выгод, какие Эсхин в своем докладе сулил народу, не осуществилась ни одна, то вина в этом падала, разумеется, не на послов, а на тех людей, которые в решительную минуту помешали Афинам рука об руку с Филиппом принять участие в фокейской экспедиции. Вопрос был только в том, насколько все эти обстоятельства повлияют на приговор афинских присяжных, так как осуждение Филократа являлось грозным прецедентом и Демосфен был опасным противником. Его речь — совершеннейший образец сикофантского искусства; она мастерски рассчитана на то, чтобы возбудить страсти народной массы, а слабость юридической аргументации тщательно замаскирована в ней. Но и на этот раз Демосфен не достиг своей цели. Защита Эсхина по риторическому совершенству не уступала речи обвинителя, и скромный язык истины произвел глубокое впечатление на присяжных. Еще более подействовало, может быть, то обстоятельство, что некоторые лица, пользовавшиеся крупным влиянием и безупречной репутацией, как Эвбул и стратег Фокион, выступили на суде в качестве защитников обвиняемого, и особенно то, что сами фокейцы, которых будто бы предал Эсхин, свидетельствовали в его пользу и что между ними не нашлось ни одного, который согласился бы поддержать Демосфена. Таким образом, Эсхин был оправдан, хотя и малым большинством голосов.

Около того времени, когда в Афинах разбирались эти процессы, Филиппу удалось подчинить своему влиянию значительную часть Эвбеи. В Эретрии с помощью македонских войск была свергнута демократия и установлен олигархический режим, во главе которого стал Клитарх, игравший пять лет назад видную роль в восстании против Афин. Такой же переворот произошел в Орее; город был занят Парменионом по соглашению с олигархической партией, вождь кото-

рой, Филистид, и стал во главе правления. Однако попытки царя приобрести и Халкиду оказались безуспешными; халкидцы стремились к тому, чтобы соединить все эвбейские общины в одно союзное государство и тем спасти их от опасности стать игрушкою в руках соседних держав. Так как Филипп не соглашался поддержать этот план, то халкидцы обратились в Афины, где Демосфен стал горячо поддерживать их предложение; действительно, ему удалось склонить своих сограждан к отказу от их старых притязаний на господство над Эвбеей и добиться заключения равноправного союза с Халкидою. Даже к Мегаре Филипп протянул свою руку. Здесь Птоодор, самый богатый и наиболее влиятельный из граждан города, надеялся с помощью царя захватить власть; но предприятие не удалось и повело лишь к тому, что Мегара вступила в союз с Афинами (343 г.).

Зато вскоре после этого Филипп достиг очень крупных успехов в Эпире. Там после смерти царя Алкета совместно правили его сыновья Неоптолем и Арибба; затем Неоптолем умер, оставив одного несовершеннолетнего сына Александра, над которым опеку принял Арибба. Из двух дочерей Неоптолема на одной, Троаде, женился Арибба, другую, Олимпиаду, он в 357 г. выдал замуж за Филиппа Македонского, надеясь найти опору в лице этого могущественного соседа. Однако ему вскоре пришлось убедиться, что эта надежда была ложною; напротив, Филипп энергично вступился за права своего шурина Александра, который воспитывался при македонском дворе. Уже после победы Филиппа над Ономархом между Филиппом и Ариббою вспыхнула из-за этого война; когда затем Александр достиг совершеннолетия и Арибба отказался предоставить своему племяннику следовавшую ему долю власти, Филипп вторично предпринял поход в Эпир, изгнал Ариббу и его сыновей из страны и возвел на престол Александра (343/342 г.). Вследствие этого Эпир вступил в самые тесные отношения с Македонией, и Филипп тотчас доставил своему шурину крупное приобретение, заставив Кассопию — страну, лежавшую при входе в Амбракийский залив, — вступить в Эпирский союз. Он надеялся достигнуть еще большего, именно овладеть и коринфской

колонией Амбракией, самым большим и самым могущественным городом Эпира, обладание которым было для эпирских царей таким же жизненным вопросом, как обладание Халкидикой — для македонских царей. Но здесь его успехам был на время положен предел.

Правда, Коринф совершенно не был в состоянии собственными силами защитить подвластную ему колонию, поэтому он обратился с просьбой о помощи в Афины, предлагая им свой союз, и его предложение было охотно принято. Соседние с Эпиром мелкие государства, Керкира и Акарнания, также начали опасаться за свою самостоятельность и снова примкнули к Афинам. То же сделала Ахея, которая во время Священной войны стояла на стороне Фокиды и теперь, когда Филипп сделался владыкой Эпира, опасалась, что он отнимет у нее Навпакт. Этому примеру последовали и Мантинея, и союзные с нею общины в северной Аркадии; даже Мессена, Мегалополь и Аргос заключили союзные договоры с Афинами, не порвав, впрочем, своих отношений с Филиппом (342 г.). Изгнанный царь эпирский Арибба также обратился в Афины и встретил там почетный прием. Для охраны своих новых союзников афиняне послали в Акарнанию отряд войска с поручением защищать Амбракию против Филиппа и, если окажется возможным, вернуть Ариббе его престол.

Таким образом, Афины сразу вышли из той обособленности, которая до сих пор парализовала их деятельность. Если союз с мелкими государствами и не представлял больших выгод в военном отношении, то во всяком случае этот первый шаг открывал широкие перспективы: Афины являлись теперь признанным средоточием всех стремлений, направленных против Филиппа. Ввиду этого царь счел нужным на время отступить и дать успокоиться общественному мнению в Греции, — тем более что он отлично знал, как мало он может полагаться на помощь Фив. Он отказался от похода против Амбракии и ограничился тем, что заключил союз с этолийцами, старыми врагами акарнанцев и ахейцев, обещав при случае завоевать для них Навпакт. Затем он отправился во Фракию, где Керсоблепт позволил себе совершить наси-

лия над прибережными греческими городами (весною 342 г.). На этот раз надо было рассчитаться с ним окончательно. С военной точки зрения это была нетрудная задача, так как фракийское ополчение во всех отношениях уступало регулярным войскам царя; но покорение обширной страны требовало продолжительного времени и огромных человеческих жертв. Так прошло лето; Филипп принужден был провести зиму в долине Гебра и лишь в следующем году достиг цели. Керсоблепт был свергнут с престола, его царство обращено в македонскую провинцию и обложено правильной данью; фракийские племена с этих пор поставляли контингент в македонскую армию. Для упрочения своей власти в завоеванной области Филипп основал во Фракии целый ряд укрепленных городов, — прежде всего Филиппополь, ставший с тех пор важнейшим городом в долине верхнего Гебра и сохранивший доныне имя своего основателя; затем — колонию Калибу невдалеке от Византии. Царь гетов, Кофел, владения которого простирались между Гемом и Дунаем, поспешил теперь вступить в дружеские отношения с Филиппом; мелкие греческие города побережья, как Аполлония на Черном море, также заключили союз с Македонией. Но оборот, который приняли дела, возбуждал беспокойство в могущественной Византии; со стороны клонившегося к упадку царства одрисов ей нечего было опасаться, между тем как водворение македонского владычества во Фракии грозило независимости Византии серьезной опасностью. Уже весною 341 г. натянутые отношения между Филиппом и его союзницей Византией до того обострились, что каждую минуту можно было ожидать начала открытых военных действий.

В Афинах также следили с напряженным вниманием за ходом дел во Фракии, потому что теперь Филипп имел возможность во всякое время двинуть свои войска в пределы афинских владений на Херсонесе и этим поразить Афины в самое больное их место. А если бы дело и не дошло до этого, во всяком случае царь из занятой им позиции мог оказывать сильное давление на Афины. Поэтому Демосфен решил предупредить противника и вызвать войну раньше, чем могущество Филиппа еще более усилится. Правда, это была нелег-

кая задача. Дело в том, что большинство афинского населения было очень мирно настроено; отвращение к военной службе было всеобщим, перспектива платить военные налоги и отбывать триерархию возбуждала ужас в состоятельных классах, а неимущая масса хорошо знала, что на праздничные деньги и жертвенные пиршества гораздо легче можно рассчитывать в мирное время, чем даже во время самой счастливой войны. Да и сам Филипп хотел избегнуть войны или во всяком случае отсрочить ее начало на возможно долгий срок. Он соблюдал условия договора с величайшею добросовестностью, стараясь не дать Демосфену ни малейшего повода к войне.

Итак, нужно было создать причину, которая сделала бы неизбежным разрыв между Афинами и Филиппом, даже против желания обеих сторон. Орудием для достижения этой цели Демосфен избрал стратега Диопейфа из Суния, который командовал херсонесской армией. Правда, Диопейф имел в своем распоряжении лишь немного военных кораблей; но он сумел добыть средства для содержания отряда наемников, задерживая в Геллеспонте нейтральные купеческие суда и пропуская их лишь после уплаты денежной пени — т.н. „доброй воли“. С составленной таким образом армией он напал на Кардию, которую Афины по последнему договору прямо признали союзницей Филиппа; мало того, он стал предпринимать набеги даже во фракийские владения Филиппа.

Царь ограничился тем, что дипломатическим путем заявил в Афинах протест. В юридическом отношении дело было совершенно ясно; Диопейф грубо нарушил мир, и обязанность Афин отозвать и наказать виновного военачальника не подлежала никакому сомнению. Но Демосфен со всей силой своего влияния вступился за Диопейфа; он предложил народу на выбор: либо одобрить совершившийся факт, либо смириться перед Филиппом и пожертвовать храбрым офицером. Его расчет оказался верен: требования Филиппа были отвергнуты. Диопейфа оставили в должности и прислали ему денег и подкрепления.

Теперь Демосфен мог открыто выступить со своими

планами. В сильной речи, известной под названием „третьей филиппики", он развил свою программу: обширные приготовления на суше и на море и политическая агитация в нейтральных государствах. Он сам немедленно отправился послом в Геллеспонт и добился там союза с Византией и Абидосом (летом 341 г.); Родос же и Хиос, куда отправлен был для переговоров Гиперид, хотя и отказались заключить союз с Афинами, однако обещали Византии свою помощь. К сожалению, Демосфен не ограничился привлечением эллинских государств к борьбе с Филиппом, но отправил посольство и к персидскому царю с поручением добиться его вмешательства в пользу Афин. Тут обнаружилось, как мало заслуживали веры все эти громкие слова о свободе и независимости эллинов, которые при каждом удобном случае были на устах Демосфена. Этот шаг не принес Афинам никаких выгод; царь Артаксеркс III успел уже заключить союз с Македонией и в оскорбительной форме отказал Афинам в просимой денежной помощи. Впрочем, некоторые из наиболее влиятельных афинских политических деятелей получили будто бы крупные суммы, и, как говорили, в числе их был и сам Демосфен. Во всяком случае он с этих пор считался главным агентом персидского царя в Элладе, что́ немало способствовало осуществлению планов Филиппа.

В это самое время начались военные действия на Эвбее. Афинское войско, подкрепленное отрядами из Халкиды и Мегары, подступило к Ореосу; тиран Филистид пал в бою, а освобожденный город вступил в Эвбейский союз (в середине лета 341 г.). Вскоре затем Клитарх был изгнан Фокионом из Эретрии (341/340 г.), которая также присоединилась к Эвбейскому союзу. Таким образом, влияние Филиппа на Эвбее было совершенно уничтожено, и остров, служивший до сих пор постоянной угрозой Афинам, превратился в их передовое укрепление. Союзные халкидцы и афиняне обратились теперь против Магнесии, где еще свежа была память о блестящей эпохе ферской тирании и где население сильно тяготилось верховенством Фессалийского союза и Филиппа; действительно, им удалось завладеть мелкими городами на Пагаситском заливе. В то же время жители Пепарефоса напали

на соседний Галоннес и взяли в плен македонский гарнизон. Таким образом, военные действия начались, хотя формально мир и союз между Афинами и Филиппом еще оставались в силе.

В Афинах эта политика, пренебрегавшая всеми нормами международного права и неудержимо увлекавшая государство на путь войны, встретила, разумеется, сильную оппозицию. Но долголетней агитацией против Филиппа народ был доведен до такого озлобления, что не в состоянии был спокойно обсудить положение вещей. К тому же Демосфен не брезгал никакими средствами, чтобы закрыть рот своим противникам. Всякого, кто осмеливался высказываться за сохранение мира, он объявлял наемником македонского царя. Народу повсюду мерещились шпионы. Когда Анаксин, влиятельный гражданин Ореоса, приехал в Афины, чтобы сделать некоторые покупки для царицы Олимпиады, Демосфен велел арестовать и казнить его как агента Филиппа. Теперь были пущены в ход все средства, чтобы открыть заговор против господствующей конституции, в котором главную роль должен был играть Эсхин: явились подложные письма, арестовывали и подвергали пытке мнимых шпионов; но все оказалось напрасным: обвинение провалилось вследствие собственной нелепости. Однако Демосфену удалось по крайней мере основательно застращать противную партию, и теперь уже никто не осмеливался восставать против его политики ни в Народном собрании, ни в суде.

Тем временем Филипп спокойно довел до конца покорение Фракии. Как только он утвердил свою власть внутри страны, летом 340 г., он обратился против Византии и находившегося в тесном союзе с нею Перинфа. Так как афинская эскадра в Геллеспонте, по-видимому, собиралась преградить путь македонскому флоту, то царь вторгся в Херсонес, но при этом по возможности пощадил имущество афинских колонистов и воздержался от всяких нападений на укрепленные пункты, а достигнув своей цели, т.е. благополучно проведя свой флот в Пропонтиду, немедленно очистил афинские владения. Затем он приступил к осаде Перинфа; были пущены в ход все средства, какие представляло высокоразвитое

осадное искусство этого времени, и скоро в стенах были пробиты бреши; после этого македоняне принялись без устали штурмовать город. Между тем македонский флот выслеживал суда, направлявшиеся в Перинф; но хотя он и захватил немалое число их, однако отрезать городу сообщение с морем ему не удалось. Из Византии подвозились войска и военные запасы; Арсит, сатрап малой Фригии, также прислал на помощь осажденным отряд наемников. Благодаря этому македоняне, проникнувшие уже в город, снова были вытеснены, и Филипп был принужден прекратить атаку. Половину своего войска он оставил под Перинфом, а с другой половиной двинулся к Византии, надеясь посредством внезапного нападения овладеть этим городом.

Афины оставили Перинф без поддержки. Они все еще не осмеливались сделать решительный шаг, который должен был повлечь за собою открытую войну с Филиппом. Поэтому они ограничились тем, что заявили протест против вступления македонских войск в Херсонес и против захвата афинских торговых судов; в ответ на это обвинение Филипп сам выступил в роли обвинителя: он прислал Совету и народу афинскому письмо, где указал на все те правонарушения, в которых провинились Афины в течение последних лет. Но когда царь вслед затем подступил к Византии и отрезал Афинам сообщение с Понтом, — Афины долее не могли оставаться безучастным зрителем. По предложению Демосфена народ объявил, что Филипп нарушил мир; мраморная доска, на которой вырезан был текст договора, была разбита, и решено послать флот в Геллеспонт (около середины лета 340 г.).

Между тем Византия оказывала царю энергичное сопротивление. Прибывший вскоре под начальством Хареса афинский флот в 40 триер дал возможность осажденным вздохнуть свободнее; от Хиоса, Родоса и Коса также пришла помощь, а Афины прислали еще и вторую эскадру под начальством Фокиона и Кефисофона. Благодаря этой поддержке византийцы успешно отражали все атаки неприятеля; руководивший осадными работами инженер Филиппа, фессалиец Полиид, тщетно напрягал все свое искусство; царю не

оставалось ничего другого, как снять осаду и увести свое войско внутрь Фракии. Лишь с трудом ему удалось провести свой флот через проливы мимо гораздо более многочисленного неприятельского флота (осень 340 г.).

Неудача, которую Филипп потерпел под Византией, грозила уничтожить плоды всех успехов, достигнутых им во Фракии в течение трех последних лет. Поэтому он еще всю зиму провел в завоеванной стране, а весною (339 г.) предпринял поход через Гемос против племен, обитавших на правом берегу нижнего Дуная, которые в последнее время возобновили свои разбойничьи набеги во Фракию. Скифы, сидевшие у устьев Дуная, были разбиты наголову; их царь Атеас пал, и македонянам досталось в добычу большое число скота и рабов. Обратный путь Филипп избрал через страну трибаллов, в нынешней Болгарии. И здесь ему пришлось вынести ожесточенную борьбу, причем он сам был ранен в бедро; но войско проложило себе путь в Македонию. Честь оружия была восстановлена: Фракия была ограждена от набегов и северным варварам доказано, что македоняне в открытом поле непобедимы. До смерти Филиппа мир в балканских странах уже более не был нарушен.

Между тем как царь был занят на севере, Демосфен имел достаточно времени не спеша приготовиться к войне. Блестящие военные успехи, достигнутые на Эвбее и у Геллеспонта, доставили ему в Афинах безграничную популярность, и это дало ему возможность устранить множество вопиющих беспорядков в области администрации, не раз парализовавших активную силу государства. Прежде всего он заставил избрать себя „комиссаром для флота“ (*ἐπισάτης τοῦ ναυτικοῦ*) и в силу этого полномочия преобразовал триерархию, причем бремя, падавшее на средний класс, было облегчено, а повинности, приходившиеся на долю богатых, значительно увеличены. Теперь он мог, наконец, сделать последний шаг к осуществлению своего финансово-политического идеала — отменить раздачу праздничных денег на время войны; суммы, предназначавшиеся до сих пор для пополнения кассы теорикон, были направлены в военную казну, чем

устранена была язва, так долго истощавшая афинские финансы. Отменены были и все другие не безусловно необходимые траты, и особенно приостановлена до заключения мира постройка общественных зданий.

Однако результаты военных действий были далеко не блестящи. Дело шло так же, как в предыдущую кампанию; благодаря своему превосходству на море Афины с успехом блокировали неприятельские побережья, но для энергичного наступления против Македонии им совершенно не хватало сил. Дело в том, что второстепенные государства, с которыми Афины вступили в союз в течение последних лет, — Эвбея, Мегара, Коринф и Ахея, — в военном отношении имели ничтожное значение. Афины и теперь не были в состоянии выставить сухопутное войско, которое могло бы помериться с войском Филиппа в открытом поле.

Все зависело от поведения Беотии. Пока это государство оставалось нейтральным, Аттика была вполне обеспечена против нападений Филиппа; стань оно на сторону Афин, последние были бы равносильны царю и на суше, а вступи оно в союз с Филиппом, Аттика до самых стен столицы была бы открыта для неприятельского нашествия. Между тем, как мы знаем, Афины уже более четверти века находились в крайне натянутых отношениях с Фивами; если между обоими соседними государствами дело и не дошло до открытой войны, то афинская политика при всяком удобном случае противодействовала интересам Беотии, и если планы Эпаминонда в конце концов потерпели крушение, то вина в этом падала в значительной степени на Афины. С другой стороны, Филипп оказал Фивам очень важные услуги. Он смирил фокейцев, которые в течение десяти лет победоносно сопротивлялись всем силам Фив, ему Фивы были обязаны восстановлением своего господства в Орхомене и Коронее, которых они собственными силами не были в состоянии вернуть к покорности. Притом, царь располагал в беотийской столице очень влиятельными личными связями еще с того времени, когда он юношей в качестве заложника несколько лет прожил в Фивах. Правда, в последнее время добрые отношения между Фивами и Филиппом начали портиться. Фивы не могли про-

стить царю, что он удержал в своих руках ключ к Фермопилам, крепкую Никею, которою до Священной войны владели Фивы, а главное, они все более чувствовали, что усиление Филиппа низвело Беотию на уровень второстепенной державы. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что Демосфен, руководивший в данную минуту афинской политикой, был фиванским проксеном и уже много лет добивался установления дружественных отношений между обеими соседними демократиями. Это семя начало теперь всходить.

Ввиду этого Филипп и его сторонники в Фивах постарались создать такое положение дел, которое сделало бы неизбежным разрыв между Беотией и Афинами. Лишь только Афины объявили войну Филиппу, он приступил к делу. Удобный повод был найден без труда: во время Священной войны Афины возобновили в Дельфах старый жертвенный дар, посвященный богу после битвы при Платее, с такой надписью: „Из добычи, взятой у мидийцев и фиванцев, когда они пошли войною против эллинов“. А по ортодоксальным представлениям воздвигнуть такой памятник, пока святилище находилось во власти грабителей-фокейцев, значило совершить кощунство. Поэтому решено было на ближайшем собрании амфиктионов, осенью 340 г., потребовать наложения на Афины штрафа в 50 талантов; роль обвинителя взяли на себя локрийцы из Амфиссы, которые благодаря Филиппу и фиванцам освободились от владычества фокейцев и поэтому всецело находились под беотийским и македонским влиянием. Если бы — чего с уверенностью можно было ожидать — Афины не подчинились приговору и отказались уплатить штраф, против них должна была быть объявлена священная война, в которой Фивам, как наиболее пострадавшей стороне, неизбежно пришлось бы принять участие.

Но, к счастью, представителем Афин в Дельфах был на этот раз подходящий человек. В числе послов, отправленных Афинами на священное собрание, находился Эсхин, и ему, при его близком знакомстве с амфиктионовым правом и дельфийской историей, без труда удалось ранить противника его собственной стрелой. Ибо сами локрийцы совершили тяжкое религиозное преступление, вспахав округ Крисы,

который, согласно состоявшемуся полтораста лет назад постановлению амфиктионов, вечно должен был оставаться невозделанным в память кары, постигшей тогда этот город за совершенное им ограбление храма. Блестящей речью Эсхин увлек собрание, и тотчас решено было подвергнуть Амфиссу экзекуции. Когда же локрийцы встретили силу силою и даже оскорбили священных амфиктионов, в Фермопилах было созвано экстраординарное собрание для решения вопроса о наказании святотатцев.

Эсхин мог гордиться своим успехом; он отвратил от Афин опасность священной войны. И какая перспектива открывалась перед Афинами, если бы они воспользовались новым положением вещей и отважились принять участие в походе против Амфиссы! Афины могли смыть пятно, лежавшее на них еще со времени Священной войны, и даже война с Филиппом легко могла бы быть прекращена на почве общего уважения к дельфийскому святилищу и при посредничестве фессалийцев. Тогда афиняне и македоняне могли бы совместно обратить свое оружие против оплота персидского царя в Элладе — против Фив, которые Филипп должен был видеть у своих ног, прежде чем приступить к осуществлению своих национальных планов.

Одну минуту казалось, что дело примет именно такой оборот. Афиняне одобрили образ действий Эсхина и в минуту первого энтузиазма были готовы извлечь меч на защиту дельфийского бога. Демосфен, конечно, воспротивился этому всею силою своего влияния, и при отвращении афинян к походам ему легко удалось убедить народ, что наилучшая политика в амфисском деле — политика нейтралитета. Ввиду этого Афины не приняли участия в упомянутом выше экстраординарном собрании амфиктионов; то же сделали Фивы, находившиеся в тесной дружбе с Амфиссою; таким образом был сделан первый шаг к сближению между обеими великими демократиями.

Между тем остальные амфиктионы собрались и решили объявить священную войну против Амфиссы; верховное начальство было вверено председателю Совета амфиктионов, Коттифу из Фарсала. Действительно, амфиктионово войско

выступило в поход, но не сумело покорить Амфиссу; поэтому на собрании амфиктионов поздним летом 339 г. было постановлено передать начальство царю Филиппу, который только что вернулся из своего скифского похода.

Филипп не мог отказаться от поручения, возложенного на него амфиктионами, как ни было оно для него неудобно в данную минуту, ибо при тесных отношениях, какие существовали между Фивами и Амфиссой, экзекуция против последней неминуемо должна была толкнуть Беотию в объятия Афин. Поэтому прежде всего надо было попытаться достигнуть соглашения с Фивами. Между тем как часть македонского войска направилась к Амфиссе и заняла Китинион в Дориде, — сам царь с главной армией двинулся через Фермопилы в Фокиду и занял крепкую позицию у Элатеи. Отсюда он отправил послов в Фивы, суля последним соблазнительные выгоды, в случае если Беотия примет участие в войне против Афин или по крайней мере разрешит македонскому войску пройти в Аттику. Македонское войско, стоявшее в полной готовности у границы, служило яркой иллюстрацией к словам послов.

В Афинах известие о занятии Элатеи произвело впечатление грома из ясного неба. В воображении народ уже видел Филиппа и фиванцев под стенами; пританы велели тотчас трубить тревогу, и так как известие получено было в сумерки, — посредством сигнальных огней сообщить сельскому населению о грозящей опасности. Всю ночь город находился в лихорадочном возбуждении; когда утром народ собрался на Пниксе, все взоры обратились на Демосфена. По его предложению было решено отправить посольство в Фивы во главе с самим Демосфеном, чтобы предложить им союз против Филиппа; вместе с тем гражданское ополчение было призвано к оружию и двинуто к границе, в Элевсин.

Судьба Афин находилась теперь в руках Фиванского народного собрания. Известие о взятии Элатеи произвело, разумеется, и здесь глубокое впечатление. Фиванцы ясно рисовали себе все ужасы войны, которая ждала их в том случае, если бы они отвергли требования Филиппа, тогда как, примкнув к царю, Беотия была бы ограждена от всякой

опасности. Кроме того, союз с царем дал бы Фивам возможность, наконец, основательно рассчитаться с Афинами, чего желал уже Эпаминонд и что еще теперь для многих фиванцев являлось высшею целью их стремлений. Но, с другой стороны, было ясно, что, содействуя крушению Афинской державы, Фивы сами разрушили бы единственный оплот, который они имели против Филиппа; такая политика должна была привести к тому, что Фивы попали бы в положение зависимого союзника Филиппа. Напротив, если бы Фивы приняли предложения Демосфена, — их ждала в случае победы блестящая награда — восстановление беотийской гегемонии в Фокиде и Фессалии; тогда Фивы сразу вернули бы себе все могущество, которым они располагали до Священной войны. Эти надежды одержали верх над всеми опасениями; Фивы отвергли предложения Филиппа и вступили в союз с Афинами. Разумеется, они воспользовались критическим положением Афин, чтобы продать свою помощь возможно дороже. Афины впервые формально признали гегемонию Фив в Беотии и тем отказались как от восстановления союзной Платеи, так и от владычества над Оропом. Верховное начальство на суше было, по крайней мере фактически, предоставлено Фивам, так как война должна была вестись в их области или на ее границах; военными действиями на море должны были руководить обе стороны совместно, тогда как военные издержки должны были падать на Афины двумя, на Фивы одной долею. Эти условия многим в Афинах казались недостойными и давали врагам Демосфена обильный материал для обвинений; но при данном положении вещей союз с Фивами был куплен все-таки дешевой ценой.

Действительно, заключением этого союза политика Демосфена достигла блестящего успеха, который и не замедлил произвести сильное впечатление в Элладе. Теперь, наконец, Демосфену удалось сплотить в более тесный союз второстепенные государства, союзные с Афинами,— Эвбею, Мегару, Коринф, Ахею, Керкиру — и добиться от них согласия на уплату правильных взносов в общую военную кассу, на каковые средства должно было быть снаряжено наемное войско в 15 000 человек и 2000 лошадей. Даже пелопоннес-

ские союзники Филиппа отказали царю в присылке вытребованных им войск и решили оставаться нейтральными в предстоящей войне.

Филипп также был смущен оборотом, который приняли дела. Он надеялся беспрепятственно пройти до афинских стен и теперь вместо этого принужден был начинать серьезную борьбу против равных, если не превосходящх сил: одна неудача могла погубить плоды многолетних трудов. Ввиду этого он попытался возобновить переговоры. Фиванское правительство, ясно сознавая всю важность обстоятельств, было готово принять его предложения, да и в Афинах опытные полководцы, как Фокион, советовали не отталкивать протянутой руки. Но Демосфен был убежден, что решительной войны с Филиппом рано или поздно невозможно будет избегнуть, и справедливо полагал, что более благоприятных условий для этой войны, чем те, какие существуют в данную минуту, Афины никогда не найдут. Он грозил потащить за волосы в темницу всякого, кто осмелится говорить о мире с Филиппом, и этим заставил замолчать оппозицию в Афинах; в крайнем случае он был готов продолжать войну и без Фив. Его уверенность в победе увлекла, наконец, и колебавшихся беотархов. Предложения Филиппа были отклонены, и началась война.

Афинское ополчение тотчас двинулось в Беотию и, соединившись с фиванцами, вторглось в Фокиду; в то же время в Амфиссу было послано наемное войско в 10000 человек под начальством афинянина Хареса и фиванца Проксена. В двух битвах — у реки Кефиса и в т.н. „зимнем сражении“ — союзники одержали верх, и Филиппу был прегражден путь в Беотию. Благодаря этим успехам популярность Демосфена возрастала с каждым днем; он два раза был почтен золотым венком; его слово безусловно господствовало не только в Афинском, но и в Фиванском народных собраниях; стратеги и беотархи беспрекословно исполняли его приказания. Между тем все успехи, достигнутые до сих пор, сводились лишь к тому, что наступательное движение царя было остановлено; Филипп все еще занимал свою крепкую позицию близ

Элатеи, и союзники не сделали даже попытки вытеснить его оттуда.

В то время, как в Афинах и Фивах праздновали победу, Филипп приготовился нанести решительный удар. Сам враг своими стратегическими ошибками облегчил его задачу. Харес и Проксен со своими наемниками стояли у Амфиссы совершенно изолированные, в двух дневных переходах от главной армии; несмотря на это, они так мало ждали нападения, что даже не позаботились загородить проходы, ведущие из долины верхнего Кефиса в Локрийскую равнину. Такая небрежность, граничащая с предательством, не могла остаться безнаказанной, раз приходилось иметь дело с полководцем вроде Филиппа. Весною царь с частью своего войска покинул свою позицию у Элатеи, беспрепятственно спустился к Амфиссе и внезапно напал на врага, который благодаря неожиданности и численному перевесу македонян был разбит наголову. Сама Амфисса сдалась теперь без дальнейшего сопротивления; в наказание за противодействие решению амфиктионов город был лишен своих стен и виновные вожди граждан осуждены на изгнание. Филипп блестяще исполнил поручение, возложенное на него амфиктионами, и в то же время страшным ударом обескуражил своих врагов. После этого победитель двинулся далее, к ахейскому Навпакту, и внезапным нападением принудил и этот город к сдаче; согласно своему прежнему обещанию, он передал Навпакт своим союзникам-этолийцам, во власти которых он и оставался с тех пор.

Теперь Филипп снова направился в Фокиду. Он обошел врага, занимавшего сильную оборонительную позицию у прохода Парапотамиой, и тем принудил союзников отступить к Херонее. Здесь они должны были принять сражение, чтобы не открыть Филиппу путь в Беотию. Роковая битва произошла 7 метагейтниона, в августе 338 г. Боевые линии союзников протянулись поперек узкой равнины, лежащей между высотами Херонеи и Кефисом; почетное место, правый фланг, занимали, опираясь на реку, беотийцы под начальством Феагена, в центре стояли коринфяне, ахейцы и контингенты остальных второстепенных государств, нако-

нец, левое крыло у Херонеи занимали афиняне под командой Хареса, Лисикла и Стратокла. В македонской армии на правом фланге стоял сам царь Филипп, тогда как левым крылом, против беотийцев, командовал восемнадцатилетний наследник престола Александр. Македонское войско заключало в себе около 30 тыс. человек; союзная армия была приблизительно так же велика, но у нее не было полководца, который мог бы сравниться с Филиппом, и в отношении боевой ценности гражданские ополчения далеко уступали закаленным в битвах полкам Филиппа. Только беотийцы могли считаться равными противниками ветеранов Филиппа; фиванская фаланга все еще была окружена ореолом победы при Левктрах, и десятилетняя Фокейская война послужила отличной школой для беотийского войска. Поэтому Филипп, как некогда Эпаминонд при Левктрах, направил свою атаку на правое крыло неприятеля, тогда как его собственное правое крыло начало медленно отступать. Афиняне рьяно устремились в погоню, не обращая внимания на то, что́ происходило в других местах поля битвы; они уже считали свою победу обеспеченной. Но в это время Александр после кровопролитной сечи прорвал беотийскую линию; полководец Феаген пал, отборный фиванский полк, „священный отряд“, лег на поле битвы до последнего человека. После этого центр союзников обратился в бегство, и победитель получил возможность напасть на афинян с тыла. Афинское войско пришло в полное расстройство; кто мог, спасался бегством; 2000 человек, около трети всего отряда, были взяты в плен, 1000 пала. Тяжко пострадали также контингенты второстепенных государств и беотийцы. Еще теперь в нескольких минутах ходьбы к востоку от Херонеи, у дороги, ведущей в глубь Беотии, видны обломки каменного льва, которого фиванцы поставили стражем над останками своих павших братьев.

Беотия была теперь беззащитна, путь в нее открыт победителю. Здесь все были точно поражены параличом, и даже Фивы не думали о сопротивлении; действительно, откуда можно было ждать помощи, если бы Филипп подступил к городу и начал осаду? Не оставалось другого выхода, как принять те условия, которые предлагал царь, как ни были

они тяжелы. Беотийский союз был расторгнут, разрушенные Платея и Орхомен восстановлены, в Кадмею вступил македонский гарнизон, изгнанники вернулись, демократическая конституция была отменена, противники Филиппа казнены или изгнаны. Фивы были вычеркнуты из числа самостоятельных греческих держав.

В гораздо более благоприятном положении находились Афины. Правда, известие о поражении при Херонее и здесь вызвало панику, и здесь многие, считая все потерянным, бежали с семьями за границу. Но огромное большинство граждан, и в особенности вожди, не потеряли присутствия духа. После битвы при Херонее, разумеется, уже нельзя было думать о продолжении войны на суше, ни даже об обороне Аттики, исключая укрепленные пункты. Но морское владычество Афин еще не было поколеблено, и, опираясь на него, можно было, в случае надобности, решиться вынести осаду. Два года назад Филипп не сумел взять даже Византии и Перинфа, так как оказался не в состоянии отрезать им сообщение с морем; итак, можно ли было ожидать, что нападением со стороны суши удастся одолеть такую первоклассную крепость, как Афины? Ввиду этого город был приведен в оборонительное состояние, сельское население с его наиболее ценным имуществом перевезено для безопасности в город, все граждане до 60 лет призваны к оружию; мало того: по предложению Гиперида было решено даровать всем союзникам, которые будут сражаться за Афины, право гражданства, всем рабам свободу, призвать обратно изгнанников, вернуть права тем, кто по приговору суда был лишен политических прав. Руководство обороною предположено было вручить старому вождю наемников Харидему, непримиримому врагу Филиппа, который не мог простить царю, что он сверг с престола его шурина Керсоблепта Фракийского.

Но когда минули первые минуты ужаса, афиняне начали приходить в сознание. Они были готовы, если бы это понадобилось, продолжать войну до последней капли крови; но действительно ли Филипп был намерен довести дело до крайности? Было очень вероятно, что Афины устоят против атаки Филиппа: но открытую страну во всяком случае при-

шлось бы оставить на произвол врага, а что́ это значило — афиняне хорошо знали по рассказам отцов и дедов. Сюда присоединился страх за участь двух тыс. афинян, взятых в плен при Херонее, — все людей из среднего сословия, отчасти из высших кругов столицы. Вследствие этого партия мира снова взяла верх; осуществление мер, предложенных Гиперидом, было отсрочено, избрание Харидема в главнокомандующие предотвращено с помощью Ареопага. Вместо Харидема руководителем обороны был назначен Фокион, который всегда высказывался за соглашение с Филиппом и поэтому не получил команды при Херонее. Демосфен чувствовал, что узда ускользает из его рук; чтобы не быть свидетелем того, чему он не мог помешать, он взял военный корабль и уплыл из Пирея, под предлогом необходимости собрать деньги с союзников и обеспечить городу снабжение провиантом.

Филипп также готов был войти в соглашение с афинянами. Он не имел никакой охоты испытать под Афинами то же, что испытал перед Византией, а главное — он хорошо понимал, что продолжение войны неминуемо приведет Афины в объятия персидского царя. И вот сам победитель тотчас после сражения протянул побежденному руку для мира.

Среди взятых в плен при Херонее находился один выдающийся афинский политический деятель, Демад, сын Демея из Пеании. Происходя из низшего класса, он в молодости не имел случая приобрести риторическое и философское образование; всеми своими успехами на политическом поприще он был обязан своему незаурядному прирожденному дару красноречия и школе Народного собрания. В этой школе он сделался реалистом; он знал своих сограждан насквозь и потому не заблуждался насчет того, что время крупной политики прошло для Афин. Как раз такой человек был теперь нужен царю; по поручению последнего Демад отправился в Афины, чтобы начать переговоры.

При том настроении, которое теперь, после избрания Фокиона, господствовало в городе, Афины охотно приняли предложения Филиппа; виднейшие члены партии мира, Фо-

кион, Эсхин и сам Демад, были отправлены послами к царю. И действительно, вскоре состоялось соглашение. Афины сохранили полную самостоятельность и всю свою территорию, включая внешние владения; только фракийский Херсонес они должны были уступить Македонии, взамен чего получали обратно Ороп. Правда, морской союз должен был быть расторгнут и Афины должны были вступить в общий эллинский союз, который Филипп имел в виду организовать. Зато царь обещал не переходить со своим войском аттической границы и тотчас после принятия мира народом без выкупа отпустить на свободу херонейских пленников.

На такие выгодные условия никто в Афинах не смел надеяться, и они действительно были беспрекословно утверждены Народным собранием. После этого Филипп отослал военнопленных и приказал своему сыну Александру и двум своим славнейшим генералам, Антипатру и Алкимаху, перевезти в Афины останки павших при Херонее. В благодарность за это афиняне воздвигли царю статую на рынке и даровали ему и Александру свое право гражданства, а обоим остальным послам — сверх того еще и проксению, которую царю и наследнику престола было бы неприлично предложить. Установление дружеских отношений между Афинами и Филиппом, к чему последний так давно стремился, казалось наконец достигнутым.

Теперь, разумеется, и второстепенные государства поспешили заключить мир с победителем. В Халкиду, Амбракию и Акрокоринф вступили македонские гарнизоны; в прочем же царь постарался избегнуть ненужной жестокости и даже разрешил фокейцам восстановить их города, разрушенные после Священной войны. Только Спарта отказалась вступить в эллинский союз и обязаться военной помощью Филиппу. Поэтому царь вступил в Лаконию и опустошил всю долину Эврота до Гифея, которая со времени Эпаминонда ни разу не видела врага. Спартанцы были слишком слабы, чтобы решиться на открытое сражение для защиты своей страны; но они и теперь отвергали всякую мысль о подчинении. Царь оставил их в покое; он не хотел разрушить славный издревле город и, вероятно, считал выгодным

для себя, чтобы соседние со Спартою пелопоннесские государства и впредь видели свою единственную опору в Македонии. Зато он отнял у спартанцев все пограничные земли, которые они в прежние времена отвоевали у своих соседей. Аргос получил Кинурию и вообще все прибрежье своего залива да Заракса; Мессения получила Денфелиатиду на западном склоне Тайгета; Тегея и Мегалополь — Скиритиду и устья Эврота. Владения Спарты были ограничены собственно Лаконией, областью между Тайгетом и Парноном. Правда, она никогда не признала эти мероприятия Филиппа законными и при всяком удобном случае пыталась вооруженной силой вернуть себе утраченные округа; но если эти попытки иногда и увенчивались успехом, в общем пограничные линии, установленные Филиппом, оставались с тех пор без перемен.

Теперь царь мог приступить к политическому преобразованию Греции. По его приглашению в Коринфе собрался конгресс делегатов всех государств, расположенных к югу от Фермопил, и всех островов, входивших доныне в состав Аттического морского союза; в конгрессе не приняла участия одна Спарта. Прежде всего был провозглашен всеобщий мир. Все греческие государства должны быть свободны и независимы и беспрепятственно пользоваться существующими конституциями. Насильственные перевороты внутри отдельных государств не должны быть более терпимы, частная собственность должна быть неприкосновенна. Для руководства общими делами и как высшая судебная инстанция для всех союзных тяжб было учреждено общеэллинское союзное собрание, в которое каждая из общин, участвовавших в союзе, присылала по одному представителю и которое заседало в Коринфе. Между Македонией и Эллинской федерацией был заключен оборонительный и наступательный союз, и высшее военное начальство на суше и на море вверено Филиппу. Далее, было определено, сколько войска и кораблей должна выставлять каждая община; других повинностей союз не наложил на своих членов, и в особенности им была категорически гарантирована свобода от всякой денежной дани. Всякий гражданин союзного города, который в качест-

ве наемника на службе чужой державы обнажил бы оружие против союза или Филиппа, должен был, как изменник, подвергнуться изгнанию и конфискации имущества. Было ясно, что этот пункт направлен против Персии, которая благодаря ему лишалась возможности вербовать наемников в Элладе. Ибо если формально между Филиппом и Персией еще существовал мир, то никто не сомневался в том, что македонский царь намерен повести объединенную Грецию на национальную войну против варваров.

Таким образом, наконец, было достигнуто то, к чему так долго стремились лучшие люди Эллады. Престарелый Исократ благословил свое долголетие, позволившее ему увидеть зарю нового дня, наступлению которого он сам так много содействовал. Еще никогда не была объединена такая большая часть Греции, как теперь, и никогда еще объединение не было осуществлено менее насильственно. После победы при Херонее Филипп, по преданию, сказал, что он хочет лучше долгое время был любимым Элладою, чем короткое время властвовать над ней; и во всяком случае он поступал согласно с этим принципом. Обеспечить каждой общине полную автономию и в то же время предотвратить усобицы между отдельными областями и внутренние перевороты, так долго истощавшие лучшие силы Эллады, наконец, сплотить против иноземцев все силы нации, — такова была его цель, и он осуществил ее наиболее совершенным образом, поскольку это было возможно при тогдашних условиях. Гарантия неприкосновенности существующих конституций, каковы бы они ни были, повсюду обеспечила новому строю поддержку господствующей партии, а гарантия неприкосновенности частной собственности обеспечила ему симпатии достаточных классов. При этом Филиппу был совершенно чужд тот эгоизм, который до сих пор побуждал все греческие республики без исключения пользоваться своим руководящим положением для собственной выгоды. Подчинив общины македонского побережья, он не обратил их членов в подданных, как сделали бы Спарта, Афины или Фивы, а принял эти общины на равных правах в состав македонского государственного союза, чем неразрывно связал их со своей державой

и удвоил силы последней (выше, с.350). Но такого рода приобретения вскоре должны были встретить естественный предел; Фессалия не могла войти в состав Македонии, как Халкидика, — Средняя Греция или Пелопоннес еще тем менее. И вот здесь место включения в Македонское государство заняла личная уния или же оборонительный и наступательный союз, тогда как Эпир был прикреплен к Македонии тесными династическими узами. Но каждому отдельному эллину всегда был открыт доступ в македонскую государственную службу, а способным людям из хороших фамилий Филипп даровал право гражданства в одном из македонских городов и принимал их в число своих „гетайров", где им были доступны высшие военные посты, многие же, и не будучи македонскими гражданами, занимали должности по администрации.

Однако исключительно моральными средствами невозможно сплотить в одно политическое целое нацию, раздробленную в течение целых столетий. Поэтому Филиппу после победы при Херонее по необходимости пришлось занять гарнизонами целый ряд пунктов, важных в стратегическом или политическом отношениях, хотя в применении этой системы он был гораздо более умерен, чем некогда Афины или Спарта. Да это и понятно — ибо Филипп обладал тем, чего недоставало этим государствам и еще более Фивам, — именно собственным могуществом, которое в состоянии было нести всю тяжесть возведенного им политического здания. Афинская и Спартанская державы рухнули, когда после поражений при Сиракузах и Левктрах верность союзников поколебалась; Фивы вообще не успели основать прочной державы. Македония же с тесно связанными с нею соседними странами Фессалией и Фракией была достаточно сильна, чтобы в случае надобности вынести борьбу со всей остальной Грецией. Благодаря этому политическое создание Филиппа благополучно перенесло ряд страшных кризисов и просуществовало более столетия, пока не было разрушено превосходными силами римлян.

В сравнении с такой державой те государства, которые доныне пользовались руководящим влиянием в Греции, —

Спарта, Афины и Фивы — неизбежно должны были низойти на степень второклассных государств. Вполне понятно, что они до последних сил противились установлению над собою гегемонии Филиппа, и даже после того, как спор был решен, пользовались всяким случаем, чтобы свергнуть с себя македонское владычество. Мы не откажем побежденным при Херонее в нашем сочувствии, и не только потому, что они — побежденные; но ограниченная точка зрения афинянина, а тем более фиванца ни в каком случае не может служить для нас критерием при оценке греческой истории. В самом деле, что произошло бы, если бы союзники одержали при Херонее такую же полную победу, какую в действительности одержал Филипп? История предшествующей эпохи ясно показала, что ни Афины, ни Фивы не были в силах объединить нацию; а коалиция между обеими державами должна была порваться, как только по достижении общей цели снова обнаружилась бы старая противоположность интересов. Тогда снова начались бы смуты политической разрозненности, — повторилось бы то же, что произошло после сражения при Мантинее, исход которого внушил Ксенофонту мрачные слова, какими он кончает свою „Греческую историю“: „И в Элладе воцарилась после сражения бóльшая анархия и смута, чем до него“.

Правда, после битвы при Херонее осуществилось не все, на что тогда можно было надеяться. Снова обнаружилась старая язва нации — партикуляризм, и обусловленные им внутренние распри в конце концов открыли путь завоевателю-чужеземцу. Но немногих лет объединения, следовавших за победой Филиппа при Херонее, оказалось достаточно для освобождения азиатских эллинов от ига варваров; их оказалось достаточно для того, чтобы эллинская нация сумела покорить всю неизмеримую территорию Персидского царства и тем приобрела возможность расселиться, без чего она неминуемо погибла бы экономически. Мало того. Если греческая культура сделалась всемирной культурой, если она преодолела преграды, отделявшие нацию от нации, если предрассудок о противоположности между эллинами и варварами, который разделяли еще Платон и даже Аристотель,

уступил место сознанию общности всего человечества, — одним словом, если идея гуманности, сначала в кругу образованных, одержала верх, то это стало возможно лишь благодаря завоеванию Азии, которое подготовил Филипп и Александр осуществил.

ГЛАВА XIV

Борьба западных эллинов за свободу

Еще более настойчиво, чем метрополия, нуждался в восстановлении порядка греческий Запад. С тех пор как Дион сокрушил державу Дионисия, здесь междоусобная война не прекращалась. Наконец, как мы видели, Дионисию удалось снова захватить власть над Сиракузами (выше, с.224). Вожди побежденной партии бежали в Леонтины, которые когда-то служили самым прочным оплотом Диону и где теперь властвовал старый сподвижник Диона, сиракузец Гикетас. Отсюда они обратились за помощью в метрополию — Коринф, и к их просьбе присоединился и Гикетас.

Коринфяне не хотели отказаться от почетной обязанности восстановить порядок в Сицилии. Они снарядили небольшую эскадру и решили начальство над нею вручить Тимолеону, тому самому, который когда-то велел убить своего собственного брата за то, что он сделал попытку провозгласить себя тираном своего родного города (выше, с.189). Его прошлое служило для сикелиотов (греков Сицилии) гарантией, что будут употреблены все старания для окончательного искоренения тирании. Правда, боевые силы, которыми располагал Тимолеон, были очень незначительны — всего 700 наемников, большею частью ветераны Фокейской войны, и 7 военных кораблей, к которым присоединились еще 3 триеры от коринфских колоний Левкады и Керкиры; но коринфяне рассчитывали на то, что в Сицилии нужен только вождь, вокруг которого могла бы сплотиться республиканская партия. Успех показал, что они не ошиблись в расчете.

Карфаген не мог отнестись безучастно к известию о вмешательстве коринфян. Он воспользовался анархией в греческой части Сицилии, чтобы подчинить себе греческие города побережья — Акрагант, Гелу и Камарину; в остальном он предоставил вещам идти своим порядком, довольствуясь тем, что со времени распадения великой Сиракузской державы карфагенским владениям более не грозило никакой опасности. Теперь необходимо было воспрепятствовать из-

менению этого, столь выгодного для Карфагена, порядка вещей. И вот карфагеняне выслали эскадру из 20 триер в Мессинский пролив, чтобы помешать Тимолеону переправиться на остров; одновременно в Лилибее был высажен отряд войска.

Между тем в Сиракузах положение дел изменилось. Гикетасу удалось нанести решительное поражение Дионисию; его войска вместе с бегущим врагом проникли в город и взяли бóльшую часть его. Дионисий удержал за собою только сильно укрепленный остров Ортигию и был здесь заперт Гикетасом.

Приблизительно в это самое время Тимолеон прибыл в Регий, не обратив внимания на протест карфагенян, которые выслали ему навстречу посольство в Метапонтий. Точно так же ему удалось обмануть бдительность карфагенской эскадры, крейсировавшей в проливе, и достигнуть гавани Тавромения, где Андромах, владыка города, встретил его с раскрытыми объятиями как спасителя Сицилии. Но Гикетас теперь, после своей победы над Дионисием, считал возможным обойтись без коринфской помощи; поэтому он заключил с Карфагеном союз против Тимолеона и, получив известие о его удачной высадке, тотчас выступил в поход с лучшей частью своих войск. Но он ошибся в оценке врага; близ Гадранона, у западного склона Этны, Тимолеон неожиданно напал на войско тирана, которое, несмотря на свой количественный перевес, потерпело полное поражение. Теперь на сторону Тимолеона перешли тиран Катаны Мамерк и свободный город Тиндарис. Но, без сравнения, важнейшим последствием победы было то, что и Дионисий примкнул к Тимолеону. Со времени своей несчастной битвы с Гикетасом тиран находился в отчаянном положении: тесно обложенный в своей крепости, без всякой надежды на чью-либо помощь, он нигде не видел для себя убежища на случай, если бы ему пришлось сдаться. А насчет участи, которая ждала его, раз он попал бы в руки Гикетаса и сиракузцев, он не мог заблуждаться. Поэтому он избрал единственный выход, какой остался ему, чтобы почетно удалиться с политической арены. Тимолеон, разумеется, с радостью принял его предложение;

он обязался дать Дионисию приют в Коринфе и позволил ему взять с собою дорогую обстановку своего дворца и остальные свои сокровища. Сама крепость с ее гарнизоном из двух тыс. наемников и громадным количеством военных запасов была передана Тимолеону.

После этого карфагеняне решили долее не медлить. Они отправили в Сиракузскую гавань под начальством Магона эскадру из 150 судов с десантом, который и был принят в город Гикетасом. Остров Ортигия был заперт со стороны моря; но так как тем временем наступил период осенних бурь, то оказалось невозможным поддерживать полную блокаду, и Тимолеон мог из Катаны доставлять припасы в крепость. Ввиду этого Гикетас и Магон правильно рассудили, что прежде всего необходимо отнять у врага этот его операционный базис; но в то время, когда они выступили против Катаны, коринфянин Неон, командовавший в Ортигии за Тимолеона, предпринял вылазку, при которой ему удалось овладеть важнейшей частью города, Ахрадиной. Правда, Гикетас и Магон поспешно вернулись, но взять назад Ахрадину им уже не удалось.

При известии о вмешательстве Карфагена коринфяне отправили к Тимолеону подкрепление в 2000 человек и 10 военных судов; это дало Тимолеону возможность открыть военные действия против Сиракуз и на суше. Между тем в Сиракузах Магон не ладил с Гикетасом; семит не доверял греку и находился в вечном страхе, как бы Гикетас за его спиною не вошел в соглашение с Тимолеоном. Теперь, когда Тимолеон подступил к городу, Магон посадил свое войско на корабли и отправился в карфагенскую провинцию в западной части острова. Ввиду этого Гикетас принужден был очистить Сиракузы и удалиться в Леонтины.

Итак, Тимолеон был теперь владыкой Сиракуз. В знак того, что эпоха рабства минула, он велел разрушить укрепленный дворец тиранов и на его месте построить здание суда. Дионисий был отослан в Коринф, где он еще много лет прожил частным человеком, являя современникам пример превратности человеческой судьбы. Затем Тимолеон двинулся против тиранов, которые еще держались внутри ост-

рова. Нападение на Леонтины было, правда, отбито Гикетасом; зато Тимолеону удалось покорить Лептина, властителя Аполлонии и многих соседних городов; и он, как Дионисий, был сослан в Коринф. Гиппон, тиран Мессены, еще раньше перешел на сторону Тимолеона и был оставлен на своем посту. В карфагенскую провинцию был послан отряд войска, что побудило Энтеллу и другие города этой области перейти на греческую сторону.

Если до сих пор Карфаген надеялся, пользуясь анархией в греческой части Сицилии, ловить рыбу в мутной воде, то теперь он увидел себя вынужденным взяться за оружие для защиты своих собственных владений. В Испании, Галлии и Лигурии были набраны наемники, от подданных в Ливии и самом Карфагене вытребованы военные контингенты, и составленная таким образом армия высажена в Лилибее.

Ввиду этой опасности враги Тимолеон и Гикетас примирились; последний был признан владыкой Леонтин и за то предоставил свои войска в распоряжение коринфского стратега для войны с Карфагеном. Таким образом Тимолеону удалось собрать войско в 12000 человек, с которым он тотчас перешел в наступление, чтобы решить спор на карфагенской почве. Неподалеку от Сегесты он встретил гораздо более многочисленное неприятельское войско, как раз в то время, когда оно переправлялось через реку Кримис. Не медля ни минуты, Тимолеон повел свои войска в атаку; расстроенная и разрезанная рекою на две половины карфагенская армия не могла оказать ему энергичного сопротивления, а разразившаяся во время битвы гроза, благодаря которой река обратилась в бурный поток, еще усилила смятение в рядах варваров. Таким образом, те части карфагенского войска, которые уже успели переправиться, были перебиты или принуждены к сдаче, — в том числе „священный отряд“, состоявший из знатнейших и богатейших граждан Карфагена. После этого все остальное карфагенское войско обратилось в бегство; неприятельский лагерь также был взят греками, причем им досталась несметная добыча. Такой удар еще никогда не постигал Карфагена — не столько в смысле

тяжести самого поражения, сколько по громадному числу карфагенских граждан, сложивших головы на поле битвы.

Остатки побежденного войска нашли убежище за стенами Лилибея; теперь Тимолеон был господином всей открытой части карфагенской провинции. Правда, об осаде прибрежных укреплений — Панорма, Гераклеи, Лилибея — он не мог думать, так как карфагенский флот все еще господствовал на море. А вскоре за его спиной начались отложения. Только страх перед Карфагеном заставил Гикетаса из Леонтин, Мамерка из Катаны и Гиппона из Мессены примкнуть к Тимолеону; теперь, после победы, они стали опасаться и, вероятно, не без основания, что Тимолеон ждет лишь благоприятной минуты, чтобы свергнуть их. Вследствие этого они заключили между собою союз для взаимной защиты и обратились за помощью в Карфаген. Во исполнение их просьбы в Мессенскую гавань вошел карфагенский флот из 70 кораблей и высадил отряд греческих наемников. Благодаря этому подкреплению Мамерку удалось истребить отряд наемников Тимолеона, а в то же самое время войска, оставленные Тимолеоном в западной части острова, были истреблены карфагенянами у Иет, вблизи Панорма. После этого Гикетас решился вторгнуться в сиракузскую область; но когда он, обремененный добычею, возвращался в Леонтины, он был настигнут Тимолеоном и с большим уроном обращен в бегство. Вследствие этого в войске Гикетаса вспыхнул мятеж; тиран был своими собственными людьми взят под стражу и затем выдан Тимолеону, который в наказание за его измену национальному делу велел казнить его. Вскоре после этого Тимолеон нанес Мамерку и его карфагенским союзникам решительное поражение, при котором они потеряли более двух тыс. человек.

Теперь в Карфагене начали серьезно подумывать о мире. Попытка посредством оказания поддержки сицилийским тиранам парализовать деятельность Тимолеона не удалась, а еще раз помериться с греческой армией в открытом поле карфагеняне после поражения при Кримисе уже не решались. С другой стороны, положение Тимолеона было еще слишком непрочно, чтобы он мог желать продолжения вой-

ны. Ввиду этих обстоятельств соглашение было скоро достигнуто. Карфаген сохранил свою старую провинцию к западу от Галика и за то отказался от своих завоеваний на восток от этой реки. Таким образом, снова был установлен тот порядок, какой существовал до экспедиции Диона.

Итак, Тимолеон избавился от своего опаснейшего врага, и полное искоренение тирании было еще только вопросом времени. Правда, Мамерк сделал еще попытку получить подкрепление со своей италийской родины, но был при этом покинут экипажем своих собственных кораблей и принужден был искать убежища у Гиппона в Мессене, тогда как Катана открыла ворота Тимолеону. Последний немедленно прогнал кампанцев, которых Дионисий Старший некогда поселил в Этне, и сверг тиранов, какие еще держались в городах внутренней Сицилии, как Никодама, тирана Кентории, и Аполлониада, тирана Агириона. Затем он двинулся к Мессене и начал осаду. Вскоре город попал в его руки, а Гиппон был схвачен во время бегства и казнен в театре, в присутствии всех граждан; призвали даже школьников, чтобы они видели казнь тирана. Мамерк, также попавший в плен, кончил жизнь в Сиракузах под рукою палача. Великий план был осуществлен; Сицилия была освобождена от тирании (337 г.). Только для одного тирана Тимолеон сделал исключение — для Андромаха из Тавромения, который при его высадке в Сицилии первый перешел на его сторону и с тех пор оставался непоколебимо верен ему. Зато позднее сын Андромаха, историк Тимей, явился восторженным глашатаем подвигов Тимолеона.

Еще во время войны Тимолеон неустанно старался залечить раны, нанесенные острову долгой анархией. Он начал с того, что призвал в Сицилию колонистов из греческой метрополии и вообще из всего эллинского мира; и они стали приходить толпами, привлекаемые надеждою приобрести землю в плодоносной Сицилии. Не меньшее значение имело восстановление мира и спокойствия в стране; заброшенные поля вскоре снова были возделаны прилежными руками, и опустевшие города наполнились обитателями.

Столь же неотложной необходимостью было политиче-

ское преобразование острова. Тимолеон принадлежал к влиятельной аристократической фамилии и достиг могущества при олигархическом строе; поэтому нельзя было ожидать, что он восстановит ту неограниченную демократию, которая существовала в Сиракузах перед тиранией. Режим, установленный Тимолеоном, по-видимому, соответствовал тому, что греки этого времени называли „смешанной конституцией". Высшим должностным лицом сделался жрец (*амфион*) олимпийского Зевса, который ежегодно избирался жребием из числа трех кандидатов, выбранных народом среди представителей определенных родов; именем этого жреца Сиракузы отныне обозначали год. Святость его сана должна была служить известной гарантией против революционных стремлений. Рядом с ним стоял, вероятно, „президент" (*проагор*), как руководитель заседаний Совета и Народного собрания. Труднейшей задачей было упорядочение военного ведомства, потому что только со стороны счастливого полководца можно было опасаться попытки к восстановлению тирании. Правда, без коллегии стратегов невозможно было обойтись, но их компетенцию ограничили военным делом; в случае новой войны с варварами решено было пригласить главнокомандующего из Коринфа. Наиболее влиятельным органом в государстве был, по-видимому, Совет из шестисот членов, в который могли избираться только состоятельные граждане; однако последней инстанцией для решения всех важнейших вопросов оставалось Народное собрание. Аналогичный строй был установлен и в остальных городах Сицилии.

Между тем необходимо было не только обеспечить сицилийским общинам внутреннюю свободу, но также дать им возможность защищаться против внешних нападений. С этой целью все неподвластные Карфагену города острова были сплочены в один союз во главе с Сиракузами. Однако это федеративное устройство ни в каком отношении не должно было ограничивать автономию участвующих в союзе общин; какое бы то ни было верховенство Сиракуз над союзными государствами было исключено с самого начала. Поэтому для того, чтобы союз не распался при первом же

кризисе, надо было настолько усилить Сиракузы, чтобы самый перевес реальных сил принудил остальные города подчиняться руководящей общине. С этой целью Тимолеон убедил граждан Леонтин переселиться в столицу Сицилии; граждане Агириона получили сиракузское право гражданства, и их область была соединена с сиракузской. Из числа колонистов, прибывших в Сицилию из Греции, огромное большинство также было поселено в сиракузской области, благодаря чему число граждан последней возросло до 60 тыс., что соответствует народонаселению приблизительно в 200 тыс. человек. Правда, все это не могло возместить недостатка прочной союзной организации.

Окончив политическое и экономическое преобразование Сицилии, Тимолеон сложил с себя диктаторскую власть, которою он пользовался уже почти восемь лет. Внешним поводом к этому была болезнь глаз, которая постигла его во время войны с Гиппоном и Мамерком и благодаря которой он спустя короткое время совершенно ослеп. На старую родину его не влекло; его связывали с нею только мрачные воспоминания, а те места, которые были ему знакомы с детства,— великолепный Коринф с его высокой цитаделью, оба моря и широкий венец гор кругом, — теперь он все равно уже не мог их видеть. Поэтому он решил провести остаток своих дней в Сиракузах, среди народа, который он освободил от тирании и спас от иноземного ига. Но и удалившись с политического поприща, он продолжал неустанно следить за ходом событий и по-прежнему оберегал от ошибок и напастей страну, ставшую его второй родиной. Когда предстояло обсуждение важных дел, он по просьбе друзей приезжал в театр, где был собран народ, и тогда толпа в благоговейном молчании внимала словам слепого старца, и его совет беспрекословно принимался собранием. Вечер жизни Тимолеона был ясен; грех братоубийства был искуплен, и Тимолеон мог спокойно ждать, пока пробьет его последний час. Когда он умер, весь город шел за его гробом, и могильный памятник его был воздвигнут на середине рынка.

И Тимолеон заслужил эти почести; из глубокого упадка он поднял греческую Сицилию до нового блеска и после

долгого рабства вернул ей свободу. С ничтожными средствами он совершил великое дело, не потому, что он был гениальным политиком и полководцем, а потому, что он был цельной натурой, потому что всецело отдался своему делу. Правда, его создание было недолговечно, потому что при тогдашних условиях независимость сицилийских греков могла быть обеспечена не слабым соединением автономных городских общин, а лишь строгой военной монархией, — и время ее было близко. Но если боги, по мнению современников, явно споспешествовали Тимолеону, то не последнею их милостью к нему было то, что они отозвали его раньше, чем разразилась буря, которая должна была разрушить его творение.

Немногим лучше, чем положение сицилийских греков в момент прибытия Тимолеона, было около этого же времени положение греческих городов на материке Италии. Кима еще около 420 г. пала под натиском кампанцев; недолго спустя, в конце V и начале IV века, Посейдония, Пикс и Лаос перешли в руки луканцев. Затем последние проникли и в нынешнюю Калабрию, где родственные им обитатели внутренней части страны, платившие до сих пор дань грекам, тотчас же примкнули к ним. Соседство их скоро сделалось для эллинов настолько опасным, что Дионисий около 385 г. задумал провести через Скиллетийский перешеек укрепленную линию, чтобы оградить от грабежей варваров по крайней мере те города, которые были расположены к югу от перешейка. Это предприятие не было доведено до конца, но цель все-таки была достигнута, и дальнейшее наступление луканцев остановлено. Но когда Сицилийская держава рухнула вследствие похода Диона, запруженный поток прорвался с тем большей силой. Обитатели долин лесистой Силы чувствовали себя уже достаточно сильными, чтобы расторгнуть старый союз с луканцами. Они образовали собственный союз, столицей которого сделалась Консенция в долине верхнего Крафиса; участвовавшие в союзе племена называли себя общим именем бруттийцев. Новый союз победоносно защищал свою независимость против луканцев и все более раздвигал свои границы насчет прибрежных греков: Сибарис

на Треисе, Терина, Гиппоний и ряд более мелких городов один за другим перешли в руки воинственных горцев, и вскоре на всем огромном пространстве от Катанзарского перешейка до Сириса из греческих общин оставались целы еще только Кротон и Фурии.

Тарент также со времени крушения Сиракузской державы сильно страдал от нападений своих соседей мессапийцев и луканцев. Не будучи в состоянии собственными силами защищаться против этих врагов, он обратился за помощью к своей метрополии Спарте, по примеру Сиракуз, которые только что, и с таким блестящим успехом, обратились с такою же просьбою к своей метрополии Коринфу. Со времени неудачного окончания Фокейской войны Спарта была в Греции совершенно изолирована и перевесом Македонии осуждена на полное политическое бездействие; поэтому энергичный царь Архидам III охотно воспользовался случаем, который давал ему возможность открыть себе на Западе более обширную арену деятельности и по примеру своего великого отца бороться с варварами за эллинов. Если простой коринфский гражданин, никогда не командовавший войском, сумел со столь малыми средствами достигнуть в Сицилии столь крупных успехов, то какое блестящее поприще ждало там спартанского царя! Итак, Архидам набрал отряд наемников, подобно Тимолеону — преимущественно из остатков фокейской армии, и с этим войском переправился в Италию (343 г.). Но его надежды не оправдались. После нескольких лет борьбы с воинственными италийскими племенами он погиб вместе со своим войском в сражении с луканцами при Мандонии, по преданию, в тот самый день, в который беотийцы и афиняне были побеждены Филиппом при Херонее (338 г.).

Тем не менее Архидам на некоторое время избавил тарентинцев от гнета; но вскоре италийские племена снова начали теснить их. Спарта, занятая войною с Македонией, более не могла поддерживать свою колонию, и тарентинцам не оставалось другого выхода, как обратиться к своему могущественному соседу, царю эпирскому Александру. Он охотно принял их предложения в надежде, что ему удастся на

Западе создать себе державу, какую в это же время готовился создать на Востоке его племянник Александр Македонский. Он располагал гораздо более значительными силами, чем Архидам, и потому сумел достигнуть гораздо более крупных успехов. Победоносно прошел он Япигию вверх до Арпи и взял порт последнего, Сипонтум; педикулов он заставил заключить с собою союз, мессапов покорил. Он прошел через всю Луканию от Тарентского залива до Пестума; затем он в долине Силара повернул к северу и здесь наголову разбил соединенное войско луканцев и самнитов. Александр дал почувствовать свою силу и бруттийцам: он взял их главный город Консенцию и снова освободил Терину, которую они лишь за несколько лет перед тем отняли у греков. Покоренные племена принуждены были дать царю заложников, которых он отослал в Эпир. Еще никогда греческое оружие не проникало в Италию так далеко на север; от Гаргана в Апулии, от мыса Минервы в Кампании вся южная часть полуострова находилась во власти Александра. Его влияние простиралось уже и за эти границы. Даже римляне, которые за несколько лет перед тем утвердились в Кампании и через это вступили в антагонизм с самнитами, заключили с эпирским царем союз и дружбу.

В Таренте эти неожиданные успехи его союзника начали, наконец, возбуждать сильную тревогу. Со стороны нового владыки Нижней Италии свободе Тарента грозила гораздо большая опасность, чем когда-либо со стороны луканцев и мессапов. После опытов последнего полустолетия каждому мыслящему человеку должно было быть ясно, что только военная монархия может послужить для италийских греков надежным оплотом против нападений воинственных племен изнутри страны; но грек искони видел в городской автономии высшее благо, и Тарент чувствовал себя слишком сильным, чтобы добровольно отказаться от нее. Вследствие этого он решил расторгнуть свой союз с Александром; таким образом, и здесь началась та пагубная борьба между республиканским партикуляризмом и монархией, носительницей идеи объединения, — борьба, которая в конце концов повергла Грецию к ногам Рима.

Александр был достаточно силен, чтобы не бояться этой борьбы; притом, уклонись он от нее, ему пришлось бы проститься со всем, что́ дали ему его победы. В союзниках у него не было недостатка. Второстепенные греко-италийские города, как Фурии и Метапонтий, были непоколебимо верны ему, ибо хорошо понимали, что собственными силами они не в состоянии обороняться против своих италийских соседей и что от Тарента им нечего ждать сколько-нибудь деятельной помощи. На первых порах прежнее счастье оставалось верным Александру. Он завоевал тарентскую колонию Гераклею; Союзное собрание италийских греков, собиравшееся до тех пор в Гераклее, было переведено в Фурии. Но пока греки были заняты междоусобной войною, италийские племена начали отпадать от Александра. Он занял против них позицию при Пандосии в долине Крафиса повыше Фурий; здесь на него напали луканцы и бруттийцы, и во время битвы он был сзади сражен одним луканским изгнанником, который служил в его войске (зимою 331/330 г.). Верные фурийцы выручили у неприятеля труп царя и отослали пепел в Эпир.

Тарент пожал плоды своей победы; еще никогда он не был так могуществен, как теперь. Греко-италийские города снова попали в прежнюю зависимость от Тарента; мессапы отныне были подвластны ему. Притом, в ближайшие двадцать лет луканцы были поглощены совсем другими делами; ибо как раз в это время между римлянами и самнитами вспыхнула та борьба за обладание Кампанией, которая в своих дальнейших стадиях оказала решающее влияние на судьбы Италии и вместе с тем всего мира.

ГЛАВА XV

Завоевание Азии

Завоевание персидской монархии, о каком мечтал Филипп, казалось в середине IV века сравнительно легким предприятием. Персы уже двести лет властвовали над Азией, но и теперь они были не менее чужды своим подданным, чем в первый день своего господства; они ничего не сделали, чтобы сплотить тот конгломерат народов, который повиновался скипетру персидского царя, в единое государство, и только грубая сила теперь, как и вначале, не давала распасться обширной державе. А сама господствующая народность осталась тем же, чем она была во времена Кира, и под лоском вавилонской полуобразованности, усвоенным к этому времени руководящими классами, старое варварство казалось тем более отвратительным. Особенно отталкивающее впечатление производило оно в области уголовного права; осужденного преступника калечили, или с него сдирали кожу, или его закапывали живым, не говоря уже о других утонченных изобретениях персидских палачей. При этом жизнь и имущество подданных не были ничем обеспечены; все зависело от произвола царя и придворных сановников, в провинциях — от произвола правителей.

Правда, с течением времени персы не могли не убедиться в интеллектуальном и особенно военном превосходстве эллинов. В эпоху Пелопоннесской войны сатрапы приморских провинций начали принимать к себе на службу греческих наемников; поход Кира Младшего и его десяти тысяч наглядно доказал центральному правительству негодность восточной пехоты по сравнению с греческими гоплитами. С тех пор греческие наемники сделались постоянной частью персидской армии, и число их все более возрастало; над этими греческими отрядами приходилось ставить командирами, разумеется, греческих же генералов. Но с остальной армией эти отряды связывались совершенно механическим образом: персидские войска оставались тем же, чем они были раньше, и правительство не делало даже попыток преоб-

разовать их по греческому образцу в смысле вооружения или тактической выучки. Притом, греческих офицеров всегда оставляли на второстепенных постах, где воля персидских полководцев, которым они были подчинены, постоянно стесняла свободу их действий; а персидские сановники, которым вручалось высшее начальство над царскими армиями, были почти все без исключения совершенно неспособны к военному делу, обыкновенно завидовали друг другу и еще более греческим офицерам, что́ очень часто делало невозможными плодотворные совместные действия различных частей армии. Естественным результатом этих условий было то, что персидские армии, несмотря на громадные средства, которыми располагал царь, большею частью или совсем ничего не достигали, или осуществляли намеченный план лишь после несоразмерно долгого времени.

Если при таких условиях держава не распадалась, то этим она была обязана вечному разладу среди эллинов и рабскому духу большинства подвластных ей племен, особенно семитов бассейна Евфрата и Тигра. Только Египет в конце V века нашел в себе силу свергнуть чужеземное иго, и с тех пор в береговых провинциях монархии почти не прекращались восстания против царя. Но так как почти все эти мятежи были делом рук сатрапов, народы же оставались безучастными, то центральное правительство рано или поздно подавляло все возникавшие смуты.

Гораздо большего напряжения требовала борьба с Египтом, где сопротивление против царя черпало силы в национальной идее и характер страны в значительной степени облегчал оборону. Поэтому все усилия, какие были употреблены для покорения Египта в течение долгого царствования Артаксеркса, остались бесплодными; мало того, египтяне даже сами сумели перейти в наступление против Сирии, впрочем, со столь же малым успехом, с каким персы действовали против Египта.

Когда затем царь Артаксеркс III Ох наследовал своему отцу и утвердился на престоле, он возобновил попытки к покорению Нильской долины. Сам царь стал во главе своей армии; но афинянин Диофант и спартанец Ламий так хорошо

организовали оборону Египта, что ему пришлось вернуться ни с чем (около 351 г.).

Это поражение тем сильнее поколебало престиж Персии в пограничных с Египтом провинциях, что понес его сам царь. Вследствие этого против персидского владычества восстали финикийские города, и во главе их богатый Сидон со своим царем Тенном. Персидские чиновники были умерщвлены, заготовленные для египетской войны запасы сожжены, царские сады опустошены. Затем финикийцы заключили союз с царем Египта Нектанебом, и он тотчас прислал им вспомогательный отряд из четырех тыс. греческих наемников под начальством родосца Ментора, который после бегства своего шурина Артабаза из Фригии вступил в египетскую службу. Сатрапы Сирии и Киликии, прибывшие, чтобы подавить восстание, были разбиты Ментором и принуждены удалиться из Финикии.

После этого и Кипр примкнул к восстанию. Там Эвагор Саламинский был в 374/373 г. убит, кажется, по наущению своего собственного сына Никокла, который и унаследовал после него престол. Новый государь был, подобно отцу, очень образованным человеком (он поддерживал близкие отношения с Исократом), но вместе с тем жестоким и развратным деспотом. В конце концов и он пал от руки убийцы; престол занял его сын Эвагор, который затем был изгнан другим принцем из царского дома, Пнитагором. Эвагор бежал к персидскому царю, и, может быть, именно это обстоятельство побудило Пнитагора примкнуть к восстанию. Его примеру последовали мелкие государства, и вскоре весь Кипр был охвачен восстанием против персидского владычества.

Так как после отложения Финикии у царя не было собственного флота, то вернуть остров к покорности было поручено Идриею Карийскому. Он отправил к Кипру 40 триер и 8000 греческих наемников под командою афинянина Фокиона и изгнанного царя саламинского Эвагора; из Сирии и Киликии пришли подкрепления, и мелкие города скоро удалось покорить. Но осада Саламина оставалась безуспешной, и в конце концов царь принужден был признать Пнитагора

властелином города. Так окончилось кипрское восстание (350 г.).

После этого сам Артаксеркс III Ох во главе большой армии выступил против Финикии. Благодаря измене своего царя Тенна и предводителя наемников Ментора Сидон был взят; когда неприятель уже ворвался в город и надежды на спасение больше не было, граждане сами подожгли свои дома и большею частью побросались в огонь. Царя Тенна Артаксеркс в награду за измену велел казнить, а Ментора принял в свою службу и вверил ему высокий пост. Страшная кара, постигшая Сидон, заставила остальные города Финикии изъявить покорность (около 345 г.). Таким образом, царь развязал себе руки для нового похода против Египта.

Артаксеркс III еще до падения Сидона обратился к дружественным ему греческим государствам с просьбою о присылке вспомогательных войск; теперь Фивы прислали тысячу, Аргос три тыс. гоплитов, а Афины и Спарта обещали по крайней мере соблюдать нейтралитет. Подкрепленное этими отрядами, персидское войско двинулось в Египет. Страна была отлично укреплена и 100 тыс. человек стояли наготове для обороны, в том числе 20 тыс. греческих наемников; но вместо того, чтобы поручить руководство военными действиями какому-нибудь способному греческому полководцу, царь Нектанеб II сам принял на себя верховное начальство, что́ было ему совершенно не по силам. Первое нападение фиванцев на пограничную крепость Пелусий у устья восточного рукава Нила было, правда, отражено благодаря храбрости греческого гарнизона. Но вскоре аргосскому стратегу Никострату удалось провести в реку царскую эскадру из восьмидесяти триер и высадить свои войска на берег в тылу врага. Полководец Нектанеба, Клиний из Коса, поспешивший с 7 тыс. человек навстречу неприятелю, был разбит Никостратом, причем и сам пал вместе с большею частью своего войска. После этого царь Нектанеб счел необходимым покинуть свою позицию на восточном берегу Дельты и с ядром своего войска вернулся в свою столицу Мемфис, последствием чего была сдача Пелусия фиванцам. Тем временем Ментор и царский евнух Багой с главной персидской

армией беспрепятственно подвигались вверх по течению Нила. От имени Артаксеркса они провозглашали амнистию всем, кто добровольно покорится, и этим побудили важную крепость Бубастис сдаться; примеру ее тотчас последовали многие другие города. Ввиду повсеместных отложений Нектанеб не решился довести дело до осады Мемфиса; собрав свои сокровища, он сел на корабль и бежал в Эфиопию. Царь Артаксеркс беспрепятственно вступил в Мемфис, и вскоре весь Египет лежал у его ног (приблизительно весною 344 г.). Старое царство фараонов было уничтожено навсегда. С тех пор и до наших дней на берегах Нила властвовали чужеземцы.

Покоренная страна, конечно, тяжко поплатилась. Важнейшие города были лишены стен, многие богатые святилища ограблены, да и вообще религиозные чувства побежденных подверглись разного рода оскорблениям. Греческие союзники царя, которым он главным образом и был обязан своей победою, были щедро награждены и отпущены на родину. Оба главнокомандующих царской армии, Багой и Ментор, были осыпаны всевозможными почестями. Багой был назначен начальником царской гвардии, хилиархом, как говорили греки; занимая этот пост, он являлся по рангу первым лицом после царя и, пока жил Артаксеркс, да и после его смерти он фактически был властелином монархии. Ментор, который во время похода вступил в неразрывную дружбу с Багоем, был назначен главнокомандующим в приморских провинциях. Его брат Мемнон и шурин Артабаз были по его просьбе прощены и получили разрешение вернуться из изгнания; однако своей старой сатрапии Артабаз уже не получил.

Эти события сразу изменили политическое положение. Персидская монархия, которая до сих пор употребляла все свои силы на то, чтобы вернуть себе свои собственные владения, теперь снова получила возможность действовать вовне; а главное, благодаря покорению Финикии, Кипра и Египта, она снова сделалась великой морской державой. Если Филипп после Филократова мира серьезно замышлял освободительную войну против Персии, и именно с этой це-

лью добивался соглашения с Афинами, то осуществление этого плана приходилось теперь отложить до лучших времен. Напротив, теперь надо было позаботиться о том, чтобы Персия не вмешалась в греческие дела. Ввиду этого Филипп постарался сблизиться с персидским царем, в чем ему помогли его дружественные отношения с Артабазом, шурином Ментора, и с братом последнего Мемноном. В конце концов между Македонией и Персией был заключен мирный и союзный договор. Филиппу была предоставлена в Европе полная свобода действий, взамен чего он порвал с мятежными династами Малой Азии, особенно с Гермием, тираном Атарнея и Асса в Эолии. Покинутый союзниками, Гермий должен был теперь искать мира с царем; он принял предложение Ментора — на личном свидании уладить существующие разногласия, но был при этом изменнически взят в плен и отправлен к царю, который велел распять его. После этого принадлежавшие ему укрепления сдались Ментору. Остальные князьки, которые еще сопротивлялись персидскому владычеству, также один за другим были приведены к покорности, и вскоре авторитет персидского царя был восстановлен на всем полуострове, за исключением горных округов Тавра, мисийского Олимпа и части черноморского побережья. Никогда со времен Дария и Ксеркса персидская монархия не была столь могущественна.

Артаксеркс был доволен этими успехами и, не желая рисковать плодами своих побед, не имел в виду предпринимать похода против европейских греков, как ни были благоприятны для такого предприятия политические условия. Когда Филипп явился на Геллеспонте и осадил Перинф, малоазиатские сатрапы, правда, прислали подкрепления осажденным, и персидские отряды вторглись даже в македонские владения во Фракии; но это было сделано против воли персидского царя, и с тех пор Персия соблюдала по отношению к войнам, происходившим в Греции, строжайший нейтралитет. Византия не получила помощи и просьба афинян о поддержке против Филиппа была резко отвергнута. Таким образом, македонский царь мог без помехи со стороны Персии довести до конца объединение европейской Греции.

Теперь, наконец, Филипп мог снова подумать об осуществлении своего великого плана завоевания Персии. В Коринфе был созван конгресс союзных греческих государств и здесь решено предпринять национальную войну против варваров для освобождения азиатских братьев (осенью 337 г.). Ближайшей весною (336 г.) в Малую Азию отправилось войско из десяти тыс. человек под начальством Пармениона и Аттала, чтобы прежде всего склонить греческие города к отложению; за ним по окончании приготовлений должен был последовать сам царь с главной армией.

Нашествие застало Персию совершенно неподготовленной. Ибо около того самого времени, когда Филипп в Коринфе провозглашал национальную войну, Артаксеркс III умер, как говорили — от отравы, подосланной ему его всемогущим министром Багоем (337 г.). Багой казнил и старших сыновей царя и возвел на престол его младшего сына Арса. Теперь Багой еще полновластнее царил в стране, чем раньше, и когда Арс сделал попытку избавиться от этой опеки, Багой устранил с пути и его вместе с его детьми (335 г.) и возвел на престол одного принца из побочной линии дома Ахеменидов — Кодомана, принявшего при воцарении имя Дария. Некогда юношей он отличился в войне Артаксеркса против кадусиев и получил награду за храбрость; в общем же он ничем не возвышался над средним уровнем восточных царей. Однако, если Багой надеялся найти в Дарии III послушное орудие, то он жестоко ошибся. Первым действием нового царя было избавиться от человека, которому он был обязан престолом; Багою пришлось самому выпить тот яд, который он, по преданию, предназначил для Дария III.

При таких условиях центральное правительство страны могло уделять малоазиатским событиям лишь немного внимания. Малоазиатским сатрапам приходилось самим думать о том, как спасти свою шкуру; и так как Ментор, главнокомандующий в приморских провинциях, именно около этого времени умер, то энергичная оборона против врага на первых порах была невозможна. Те из греческих городов, у которых руки не были связаны персидскими гарнизонами, приветствовали македонские войска как освободителей, —

особенно Кизик, могущественный торговый центр на Пропонтиде, и Эфес, величайший из всех греческих городов Малой Азии. Владетель Карии, Пиксодар, последний из братьев Мавсола, остававшийся в живых, также надеялся с помощью Филиппа свергнуть верховенство персидского царя. Несколько лет назад (340 г.) он сверг с престола свою сестру Аду, которая наследовала власть после смерти (344 г.) своего брата и мужа Идриея; теперь он предложил свою дочь в жены сыну Филиппа Арридею. Но тем временем в Македонии произошли события, совершенно изменившие все положение вещей.

При дворе Филиппа господствовал тон, немногим отличный от того, какой можно было наблюдать, например, в главной квартире какого-нибудь наемного войска. Царь любил шумные пиршества в кругу своих соратников, — пиршества, до которых македоняне искони были охотники и которые сплошь и рядом превращались в дикие оргии, где дым стоял коромыслом; хуже не вели себя даже кентавры и лестригоны, говорит один современный историк. Филипп был очень падок и до женских прелестей; он держал при себе немалое число наложниц, к глубокому огорчению царицы Олимпиады, гордой и властолюбивой женщины, которая не могла заставить себя смотреть сквозь пальцы на грешки мужа. Единственным связующим звеном между супругами был наследник престола Александр, к которому и отец был искренно привязан. По его желанию Аристотель дал Александру отличное образование; затем, отправляясь в Геллеспонт, Филипп поручил шестнадцатилетнему юноше управление Македонией, а спустя два года при Херонее предоставил ему начальство над наступательным крылом и вместе с тем честь решить исход битвы. Таким образом, Филипп приложил все старания, чтобы подготовить Александра к тому высокому положению, которое ему со временем суждено было занять.

До сих пор удавалось избегнуть открытого разрыва в царской семье. Но по возвращении из своего греческого похода Филипп влюбился в одну девушку из очень знатной македонской фамилии, Клеопатру, дядя которой, Аттал, занимал один из высших постов в государстве. Ввиду ее высо-

кого общественного положения царь не мог сделать ее своей любовницей, — и вот он сделал ее своей законной женой. Вследствие этого Олимпиада и Александр покинули страну; царица вернулась в свое отечество — Эпир, а наследник ушел даже к исконным врагам Македонии, иллирийцам. Филипп решил уступить, и состоялось соглашение, в силу которого по крайней мере Александр вернулся ко двору; брата Олимпиады, Александра Эпирского, Филипп склонил к миру, обещав выдать за него свою дочь Клеопатру. Свадьбу справляли с большой пышностью летом 336 г. в древней столице Эгах; вслед затем Филипп хотел выступить в поход против персов. Но во время торжественной процессии он был убит одним из своих телохранителей Павсанием. В суматохе убийца едва не успел спастись, но в конце концов был настигнут и изрублен погонею.

По преданию, Павсания побудили к убийству мотивы личного свойства; будучи тяжело оскорблен Атталом, дядею молодой жены Филиппа, Клеопатры, он будто бы не сумел добиться правосудия от Филиппа и поэтому решил вымести на нем свою обиду. Но в таком случае почему он не отомстил самому Атталу? Очевидно, что убийство Филиппа было обусловлено политическими причинами. Действительно, тотчас после смерти Филиппа распространился слух, что убийца был подослан Олимпиадой и что дело не обошлось без участия Александра; и, принимая во внимание глубокий разлад, господствовавший в царском доме и улаженный лишь формально, надо признать это подозрение вполне естественным. Притом, Олимпиада действительно имела полное основание опасаться устранения Александра от престолонаследия, так как Клеопатра только что родила сына[1], и можно было с большой вероятностью предполагать, что влияние молодой супруги окажется достаточно сильным, чтобы впоследствии доставить ее сыну корону Македонии.

Как бы то ни было, плоды преступления пожал Александр. Он был признанным наследником престола; притом,

[1] По другим данным, у Клеопатры родилась дочь, которая была названа Еропой. См., например: Шахермайер Ф. Александр Македонский. М., 1984. С.62— 63. *(Ред. 2008).*

из сыновей Филиппа он один успел обнаружить на деле свои военные способности. Только под его скипетром Македония могла благополучно перенести тот кризис, который по всем признакам должна была повлечь за собою внезапная смерть Филиппа. Ввиду этого большинство старых полководцев Филиппа немедленно признали Александра царем — впереди всех Антипатр, который был наиболее близок к Филиппу. Благодаря их поддержке смена на престоле совершилась без затруднений. Юный сын Клеопатры был убит и тем предотвращена опасность какого-либо восстания в его пользу. Точно так же были казнены Геромен и Аррабей, сыновья Аэропа из низвергнутой линкестидской династии, побочной линии македонского царского дома, которые могли стать опасными в качестве претендентов; предлогом к казни послужило их мнимое участие в заговоре Павсания против Филиппа. Их брат Александр уцелел, так как он был зятем Антипатра и так как он тотчас после убийства Филиппа изъявил покорность новому царю.

Таким образом, в Македонии Александр утвердил свою власть; тем не менее положение дел было очень серьезно. В Азии командовал Аттал, дядя Клеопатры и, следовательно, смертельный враг Александра. Кроме того, покоренные народы поднялись повсюду, готовясь свергнуть иго, под которое согнула их головы железная рука Филиппа. В Амбракии вспыхнуло восстание, и македонский гарнизон был изгнан; то же готовились сделать и Фивы; в Этолии и Пелопоннесе также началось брожение.

Все эти стремления нашли себе естественный центр в Афинах. Здесь за энтузиазмом в пользу мира, вызванным неожиданной снисходительностью, которую обнаружил после своей победы Филипп, вскоре последовала реакция. Сторонники союза с Македонией тщетно пытались вытеснить Демосфена из его руководящего положения; из всех возбужденных против него процессов он вышел победителем. Так же безуспешны оказались все нападения на политического друга Демосфена, Гиперида. Его декрет о поголовном вооружении народа, изданный после битвы при Херонее, был явно противен конституции и привел бы Афины к анархии,

если бы был осуществлен; несмотря на это, Гиперид был оправдан, когда Аристогитон, самый даровитый из ораторов противной партии, привлек его к суду за этот проступок. А когда затем осенью наступил в Афинах праздник поминовения мертвых и возник вопрос, кому поручить произнесение надгробной речи в честь павших при Херонее, — эта почетная обязанность, несмотря на все усилия противников, была возложена на Демосфена. Этим было торжественно засвидетельствовано, что большинство граждан и теперь продолжало видеть в Демосфене своего руководителя, несмотря на все бедствия, какие постигли государство в период его правления.

Тем временем друзья Демосфена употребляли все усилия, чтобы свалить ответственность за поражение на полководцев, командовавших при Херонее. Харес занимал слишком высокое положение, чтобы обвинение против него могло обещать успех, а главное — он находился в хороших отношениях с ведущими ораторами. Ввиду этого козлом отпущения явился Лисикл. Обвинителем выступил Ликург из Бутад, человек уже пожилых лет, который, однако, лишь теперь достиг руководящего положения. Он принадлежал к одной из сравнительно немногочисленных старых аристократических фамилий, которые сумели сохранить свое богатство, а следовательно, и влияние; сам он видел свою главную задачу в том, чтобы воскресить в своих согражданах добродетели доброго старого времени. Как и подобало, он начал с самого себя; босой и без рубахи, в одном шерстяном плаще ходил он по улицам мирового города. Его политическим идеалом была Спарта, а новое просвещение было ему омерзительно, что́, впрочем, не помешало ему получить риторическое образование. Охотнее всего он употребил бы силу, чтобы наставить людей на путь истинный; телесное наказание, говорил он, — весьма полезная вещь; но так как в Афинах того времени это средство было неприменимо, то он старался достигнуть своей цели при помощи суда, с истинной страстью исполняя обязанности прокурора. Тут он не брезгал никаким средством; в извращении истины и грубых преувеличениях он смело мог выдержать сравнение с любым

сикофантом. При этом он, как все фанатики, не знал пощады относительно своих жертв; он удовлетворялся одной карой — смертью; в Афинах говорили, что его речи писаны кровью, как некогда законы Дракона. И он сплошь и рядом достигал своей цели: это был один из лучших ораторов своего времени, человек безупречной личной честности; притом, старосветская набожность, которую он выставлял напоказ, и усвоенный им назидательный, проповеднический тон сильно импонировали массе. С таким обвинителем Лисикл не мог справиться; несчастный полководец был осужден на смерть и казнен, согласно требованию Ликурга.

Более плодотворна была деятельность Ликурга в области внутреннего управления. Непосредственно перед битвой при Херонее он был избран в заведующие кассою теорикона, причем Демосфен был его товарищем по службе; его шурин Габрон из Баты в это самое время заведовал военной казною. Таким образом, Ликург приобрел руководящее влияние на оба высших финансовых поста в государстве, и когда в 334 г. окончился четырехлетний финансовый период, на который он сам и его шурин были избраны, — он еще целых два срока, до 326 г., оставался руководителем афинских финансов. На этом посту он оказал государству великие услуги; он снова упорядочил расстроенное войною государственное хозяйство и довел доходы до такой высоты, какой они раньше никогда не достигали. Правда, не надо забывать, что эти годы были для Афин эпохой глубокого внутреннего и внешнего мира, каким государство после Персидских войн еще ни разу не пользовалось столь продолжительное время.

Вместе с тем правительство усердно работало над преобразованием военного ведомства. Действительно, такая реформа была крайне необходима, потому что как выучка, так и дисциплина гражданских войск были равно далеки от совершенства. Правда, по закону каждый афинский гражданин, принадлежавший к одному из трех высших имущественных классов, был обязан по достижении совершеннолетия прослужить в строю два года; но фактически большинство граждан находило средства уклоняться от этой повинности. Правильного строевого учения для гоплитов в мирное

время совсем не существовало; для кавалерии такие сборы, правда, были предписаны законом, но на них являлись лишь те, кому была охота, и офицеры не решались строго наказывать манкировавших. Военные круги давно требовали реформы в этой области; но так как войны велись обыкновенно наемными войсками и граждане лишь в исключительных случаях призывались к оружию, а полное гражданское ополчение вообще ни разу не было собрано со времени битвы при Мантинее, то правительство не принимало никаких мер против этих беспорядков, пока сражение при Херонее не доказало наглядно необходимость реформы. Теперь правительство стало строго следить за тем, чтобы все — не только члены зажиточных классов, но и все граждане вообще — исправно отбывали обязательную воинскую повинность. Для поддержания дисциплины была учреждена особая коллегия — софронисты, и содержимые государством учителя обучали рекрутов гимнастике, обращению с оружием и машинами. А так как, кроме того, Афины теперь более, чем когда-нибудь, подвергались опасности осады, то по предложению Демосфена летом 337 г. была предпринята обширная перестройка городских укреплений сообразно с условиями нового осадного искусства; на эти работы было истрачено свыше ста талантов.

Однако, подготовляя реванш за Херонею, Афины в то же время усердно старались поддерживать добрые отношения с Филиппом. На том празднестве в Эгах, которому суждено было окончиться так печально, присутствовало и афинское посольство; оно привезло золотой венец и народное постановление, в котором Афины заявляли о своем решении выдать всякого, кто осмелился бы посягнуть на жизнь царя. И вдруг прибыло известие об убийстве Филиппа. Демосфен свободно вздохнул; в праздничном платье, с венком на голове, явился он в Совет и принес богам благодарственную жертву, забыв о словах Гомера, что безбожно ликовать над трупом павшего врага. Он полагал, что со стороны того „мальчишки“, который воцарился теперь в Пелле, Афинам нечего опасаться.

Однако Александр быстро положил конец всем попыт-

кам к отложению. Скорее, чем можно было ожидать, явился он со своим войском в Фессалию и заставил Союзное собрание вручить себе ту же верховную власть над союзом, которою располагал его отец Филипп. Затем он двинулся к Фермопилам, созвал амфиктионов и так же беспрекословно был признан защитником Дельфийского святилища. Отсюда он пошел далее в Беотию, и его появления перед Фивами оказалось достаточно, чтобы предупредить взрыв революционного движения. После этого и афиняне прислали посольство приветствовать Александра, и он решил удовольствоваться этим, не требуя других ручательств за мирное поведение Афин. Тем временем в Коринфе собралось Союзное собрание; здесь договор, заключенный с Филиппом, был возобновлен, и Александр вместо своего отца избран главнокомандующим. Затем царь вернулся в Македонию, где вспыхнувшие среди соседних варваров восстания настойчиво требовали его присутствия.

Аттал, командовавший македонским войском в Азии, после воцарения Александра завязал сношения с Демосфеном; в то же время он старался вызвать в Македонии восстание с целью возвести на престол законного наследника, сына Пердикки Аминту. Теперь, после того как вся Эллада покорилась без боя, он стал искать мира с Александром. Но он зашел уже слишком далеко, чтобы царь мог простить его. Однако открыто идти против него Александр не решался, так как Аттал пользовался большой популярностью в войске; поэтому царь сделал вид, что готов вступить в переговоры, и отправил в Азию своего приближенного Гекатея из Кардии с поручением убить Аттала, что и было исполнено. Парменион, командовавший в Малой Азии наряду с Атталом, принял участие в этом кровавом деле, несмотря на то, что Аттал был женат на его дочери; всю свою долгую жизнь он верой и правдой служил царской фамилии, и теперь он не поколебался принести в жертву своего зятя, раз тот стал изменником. Это убийство освободило Александра от самой тяжелой его заботы; теперь он мог приступить к осуществлению в Македонии тех мер, которые он считал необходимыми для упрочения своей власти. Аминта, несчастный пре-

тендент против своей воли, был казнен; та же участь постигла всех родственников Аттала и Клеопатры, а также всех сводных братьев Александра, из которых был пощажен один слабоумный Арридей.. Вдовствующую царицу Клеопатру позднее, во время одной из отлучек Александра, Олимпиада принудила к самоубийству.

С содроганием читаем мы об этих кровавых поступках; но мы не должны забывать, что греческие республики при подавлении революций обыкновенно поступали не лучше и очень часто проливали даже гораздо больше крови. Во всяком случае Александр достиг своей цели; пока он был жив, мир в Македонии более ни разу не был нарушен. Греция также, по-видимому, покорилась вполне; оставалось еще только наглядно доказать варварским племенам севера, что Македония и теперь столь же могущественна, как при Филиппе. С этой целью Александр весною (355 г.) выступил из Амфиполя; спустя десять дней он стоял у подошвы Гемоса, обитатели которого никогда не признавали македонского владычества. Тщетно пытались они загородить царю проход через теснины; Александр проложил себе путь и в знак своей победы принес на вершине горного хребта жертву фракийскому Дионисию. Затем он спустился в страну трибаллов, побежденных, но не покоренных Филиппом (выше, с.384). Александр разбил их наголову, но не сумел взять дунайский остров Пеуке, куда они перевезли своих жен, детей и наиболее ценное имущество. После этого он с частью своего войска переправился через реку и разбил гетов, которые хотели помешать его переправе, но тотчас же вернулся на южный берег; у него были более важные дела, чем завоевывать северные страны. Теперь трибаллы изъявили покорность, и Александр, поднявшись беспрепятственно вверх по течению Дуная, через восточные ущелья Гемоса вернулся в Пеонию.

Ему пора было вернуться, ибо в то время, как он стоял на Дунае, восстал иллирийский царь Клит, сын того Бардилиса, который некогда пал в борьбе с Филиппом. К восстанию примкнули и независимые еще тавлантии, обитавшие у Адриатического моря в области Эпидамна, и жившие к северу от них автариаты. Александр немедленно пошел против

нового врага и проник далеко вглубь иллирийских гор. Здесь, при осаде крепкого Пелиона, он попал в очень опасное положение; некоторое время его армия была заперта со всех сторон, и только благодаря строгой дисциплине, господствовавшей в македонском войске, ему удалось в конце концов разбить Клита и заставить его бежать из его царства в страну тавлантиев.

Между тем захват Малой Азии македонянами, наконец, убедил персидское центральное правительство в том, что государству с запада грозит опасность, — хотя оно, разумеется, далеко еще не сознавало всей величины этой опасности. Поэтому персы прибегли к старому средству, которое в подобных случаях всегда оказывалось успешным, именно постарались вызвать раздор среди греческих государств. Персидский царь разослал письма, в которых призывал греков к восстанию против Македонии и обещал им для этой цели обильные субсидии. Но одна только Спарта приняла эти предложения; в Афинах и прочих союзных с Македонией государствах покуда превозмог еще страх перед Александром, и они отвергли персидские деньги. Таким образом, персидские послы должны были удовольствоваться тем, что передали Демосфену крупную сумму — как говорили, 300 талантов — с поручением по собственному усмотрению употребить их в интересах персидского царя.

В эту минуту в Греции распространился слух, что Александр пал в Иллирии и что его войско уничтожено. В Фивах тотчас вспыхнуло восстание, грозившее разразиться еще после смерти Филиппа. Как некогда во времена предков, изгнанники вернулись из Афин; вожди македонской партии, Тимолай и Анемэт, были убиты, гарнизон Александра осажден в Кадмее. Затем было восстановлено демократическое устройство и избраны беотархи, которые, правда, пока были лишены всякой власти вне Фив. Из Афин Демосфен прислал восставшим оружие, купленное на персидские деньги. Теперь повсюду в Греции начали поднимать голову противники македонского владычества. Афины начали готовиться к войне, Мантинея и союзные с нею аркадские города послали

войско к Истму, и в Элиде и Этолии также готовились идти на помощь фиванцам.

Вдруг, неожиданно для всех, Александр явился со своим войском в Беотию. Получив известие о восстании Фив, он форсированным маршем двинулся из Иллирии в Грецию; на седьмой день после выхода из Пелиона он достиг Пелиннея в Фессалии, а еще спустя семь дней стоял перед столицей Беотии. Он охотно даровал бы прощение фиванцам, уже в собственных интересах, так как для него было в высшей степени важно по возможности скорее водворить мир в Греции. Но изгнанники, стоявшие теперь у кормила власти в Фивах, не хотели слышать о подчинении, за которое расплачиваться пришлось бы, конечно, преимущественно им самим. Разве некогда Фивы при совершенно тождественных обстоятельствах не отразили победоносно спартанских сил, и разве дух, одушевлявший сподвижников Эпаминонда, угас? Они не понимали или не хотели понять, что они имеют дело с гораздо более страшным противником и что деятельной помощи им неоткуда ждать. И вот Фивы пошли навстречу своей гибели.

Македонский гарнизон все еще держался в Кадмее. Кремль лежал в южной части города, у ворот Электры, через которые вела дорога в Афины; стены кремля составляли часть городских укреплений. Поэтому фиванцы постарались прежде всего окружить Кадмею валом, чтобы отрезать ей сообщение со стоявшей под стенами македонской армией. Против этой фортификационной линии Александр и направил свою атаку. Пердикка, командовавший македонянами из Орестиды и Линкестиды, первый прорвался за окопы; тяжелораненый, он упал, но македонские полки наступали один за другим, и вскоре фиванцы были оттеснены к городским стенам. Неприятель неотступно следовал за ними и вместе с ними проник в ворота; другая часть македонского войска вступила в Кадмею и оттуда вместе с гарнизоном спустилась в город. Тщетно защитники на рынке еще раз вступили в битву с врагом; они были обращены в бегство, и вскоре Фивы находились во власти победителя.

Фивы постигла та же участь, какой подвергались все

взятые приступом города; и еще бóльшую свирепость, чем македоняне, обнаружили фокейцы и контингенты второстепенных городов Беотии, мстившие теперь за все обиды, которые они раньше потерпели от Фив. По преданию, при взятии города погибло шесть тысяч человек. Затем Александр созвал союзников для суда над побежденными. По приговору Союзного собрания Фивы, в наказание за измену интересам Эллады и за переход на сторону персидского царя, были осуждены на ту же кару, какой они сами в пору своего могущества подвергли Платею и Орхомен; согласно с этим решением город был разрушен, и пленные обитатели его, числом более 30 тыс., отведены в Македонию или проданы в рабство. Земля, принадлежавшая городу, была роздана соседним общинам, а в Кадмее по-прежнему остался македонский гарнизон.

Столь страшная катастрофа еще никогда не постигала Элладу, и она произвела потрясающее впечатление. Город, основанный Кадмом, чьи стены были воздвигнуты Амфионом и Зефом, где родились Дионис и Геракл, — город, так долго занимавший одно из первых мест в ряду греческих городов, сокрушивший при Левктрах и могущество Спарты, — он перестал существовать, и плуг вспахал землю, на которой он стоял. Потрясение было так велико, говорит один современный оратор, точно Зевс сорвал месяц с неба; правда, еще светило солнце Эллады — Афины, но после того, что случилось, кто мог предсказать грядущее?

И действительно, вся Греция была парализована ужасом, и уже никто не думал о сопротивлении Александру. Аркадцы осудили на смерть тех, по чьему совету было послано вспомогательное войско в Фивы; элейцы вернули изгнанных сторонников Александра; этолийцы поспешили заверить царя в своей преданности. В Афины известие о падении Фив прибыло как раз в то время, когда в Элевсине праздновались великие мистерии; будучи вполне уверены, что Александр немедленно вступит в Аттику, афиняне прервали празднества, поспешно перевезли сельское население в город и приготовились к обороне. Многочисленные изгнанники, прибывшие из Фив, были приняты как друзья и

снабжены всем необходимым. Но в то же время правительство отправило к Александру посольство во главе с Демадом, чтобы поздравить царя с возвращением из Иллирии и с быстрой победой над фиванскими мятежниками.

Александр очень хорошо знал, что фиванское восстание было подготовлено в Афинах и что Афины собирались примкнуть к Фивам; но катастрофа разразилась так быстро, что Афины не успели начать открытую войну против царя. Поэтому Александр мог простить Афины, и он тем более готов был сделать это, что всякое враждебное действие с его стороны неминуемо заставило бы Афины броситься в объятия персов. Он счел нужным поставить только два требования: чтобы Афины изгнали беглых фиванцев и выдали тех людей, на которых падала ответственность за поведение государства при последних событиях, в том числе Демосфена, Ликурга, Гиперида, Харидема и Хареса. Первое требование было единогласно отвергнуто; зато в Афинах оказалось немало людей, вполне готовых принять второе требование, исполнение которого сразу избавило бы умеренную партию от ее опаснейших противников. Действительно, Фокион настойчиво потребовал принятия этого условия; но Демосфену удалось с помощью Демада добиться того, что и второе требование Александра было отвергнуто Народным собранием, и в конце концов сам Фокион согласился вместе с Демадом отвезти народное постановление Александру. Но для последнего было слишком важно восстановить дружеские отношения с Афинами, чтобы он стал настаивать на своем ультиматуме. В конце концов состоялось соглашение, в силу которого один только Харидем, самый непримиримый из противников Александра, должен был уйти в изгнание, на что Афины тем легче могли согласиться, что Харидем не был урожденным афинянином. Он уехал в Азию и поступил на персидскую службу; за ним вскоре последовало туда несколько других выдающихся офицеров, как Эфиальт и Фрасибул. Харес отправился в свое княжество Сигейон на Геллеспонте.

Теперь, наконец, Александр мог подумать о походе против Персии. Да и пора было, потому что война в Малой Азии

приняла тем временем очень опасный оборот. Мемнон, занявший после смерти своего брата Ментора пост главнокомандующего в прибрежных провинциях, вначале располагал против Аттала и Пармениона лишь крайне недостаточными боевыми силами; он едва сумел при Магнесии преградить врагу путь к Сардам. Но вскоре был убит Филипп, и враждебный образ действий Аттала против Александра затормозил операции македонского войска, тогда как персидские боевые силы благодаря новым вербовкам возрастали изо дня в день. Вследствие этого Мемнон получил возможность перейти в наступление и с помощью олигархической партии в Эфесе занять этот город; однако его попытка взять Кизик оказалась безуспешной. Между тем Александру удалось избавиться от Аттала; но все эти события сильно расстроили македонскую армию, и Парменион, оставшийся теперь единоличным военачальником, не был в состоянии энергично действовать против Мемнона. Он принужден был прекратить осаду Питаны в Эолии и затем был отозван Александром в Македонию. Его преемник по командованию, Калас, был разбит в Троаде Мемноном и принужден отступить к Геллеспонту, где отстоял Рэтейон и Абидос. Во всех остальных частях Малой Азии персидское владычество было восстановлено. Пиксодар Карийский также отказался от мысли о союзе с Македонией и выдал свою дочь, бывшую невесту Арридея, за одного знатного перса, Оронтобата. В следующем же году Пиксодар умер, и его зять вступил в управление сатрапией.

С наступлением весны 334 г. Александр выступил в поход к Геллеспонту. Он вел с собою половину македонского ополчения, 12000 фалангистов и 1500 всадников, затем союзные контингенты, именно 1500 всадников из Фессалии, 7000 человек и 600 коней из остальной Греции, 900 легковооруженных всадников из Фракии и Пэонии, 6000 человек легкой фракийской и иллирийской пехоты, и наконец 5000 тяжеловооруженных наемников — всего около 30 тыс. пехотинцев и четырех тыс. пятисот всадников. Эту армию сопровождал флот в 160 военных кораблей, из которых 20 были выставлены Афинами. В качестве военного советника при

молодом царе находился Парменион, лучший полководец македонской армии и, вероятно, всей этой эпохи, который в течение всего царствования Филиппа исполнял важнейшие военные поручения, которому Филипп в значительной степени был обязан своими победами и которому, без сомнения, принадлежит главная военная заслуга в деле завоевания Азии. Из второстепенных военноначальнических постов два важнейших были вверены сыновьям Пармениона: старший, Филотас, командовал македонской конницей, второй, Никанор, отборным полком македонской пехоты, т.н. „гипаспистами гетайров". Управление Македонией и Грецией на время отсутствия царя было вверено Антипатру.

Персам стоило только собрать в Геллеспонте свой более многочисленный флот, и Александр должен был бы отказаться от мысли о переходе в Азию. Действительно, еще год назад приморским городам монархии было приказано привести в готовность их военные корабли. Но в Персидском царстве искони был обычай ничего не делать вовремя; поэтому флот далеко еще не был готов к плаванию, когда Александр достиг Геллеспонта. Таким образом, переправа через пролив не представила никаких затруднений. Ею руководил Парменион, а царь тем временем посетил священные места в Трое и могилу своего предка Ахилла; затем войско двинулось вдоль берега на восток.

Персидские сатрапы провинций, лежавших по сю сторону Тавра, — сатрап Лидии Спифридат, сатрап Малой Фригии Арсит, сатрап Великой Фригии Атизий и сатрап Каппадокии Мифробузан, — получив известие о выступлении Александра, стянули к Пропонтиде все наличные боевые силы и соединились здесь с войсками Мемнона. Образовавшаяся таким образом армия по количеству всадников превосходила врага, но значительно уступала ему по числу и главное по качеству пеших войск; ввиду этого Мемнон полагал, что не следует принимать сражения в открытом поле, а надо отступить в глубь материка, опустошить страну на далекое пространство и тем по возможности затруднить врагу наступление, пока подоспеет флот, а затем перенести театр военных действий в Элладу и тем принудить Александра к

возвращению в Грецию. Это был тот же план, какой некогда доставил персам победу над Агесилаем; однако теперь положение дел было совершенно иное, и сомнительно, привел ли бы этот маневр к успеху. Как бы то ни было, предложение Мемнона было отвергнуто военным советом; Арсит, сатрап Малой Фригии, не хотел отдать свою страну в жертву врагу, и остальные сатрапы, полагаясь на превосходство своей конницы, присоединились к его мнению. Итак, решено было идти навстречу неприятелю и дать сражение.

Войска встретились у Граника, одной из речек, стекающих с северного склона Иды в Пропонтиду. Александр тотчас повел свою конницу и легкие войска через реку и атаковал возвышенности на правом берегу, где длинной линией выстроилась персидская конница. Здесь произошло жаркое конное сражение; вначале персы, благодаря своему численному превосходству и выгодам своей позиции, имели перевес, но в конце концов победа осталась за более стойкими и лучше вооруженными македонянами и фессалийцами. Сам царь храбро сражался, но и персидские генералы не жалели себя, и многие из них остались на поле битвы, в том числе сатрапы Спифридат и Мифробузан. Бегство конницы увлекло и персидскую пехоту; только греческие наемники храбро сопротивлялись, но вскоре они были со всех сторон окружены превосходными боевыми силами врага и принуждены сдаться. Пленных, числом 2000, Александр в цепях отослал в Македонию, в наказание за то, что они служили варварам против Эллады. По преданию, победитель потерял лишь около ста двадцати человек. Из добычи 300 доспехов были повешены в афинском Парфеноне как жертвенный дар, чтобы наглядно показать эллинам размеры одержанной победы.

Последствия сражения доказали, как шатко было персидское владычество в Малой Азии. Даскилий, главный город Геллеспонтской сатрапии, тотчас сдался Пармениону; сам Александр двинулся к Сардам, где был приветствован гражданами как освободитель; персидский комендант до того растерялся, что без боя сдал неприступную крепость. Из Эфеса персидский гарнизон удалился, и Александр вступил и в этот город среди ликования жителей. Тотчас же была

восстановлена демократия; некоторые из вождей олигархической партии, предавшие город Мемнону, были умерщвлены народом. Дальнейшее кровопролитие было предупреждено Александром, который этим поступком обеспечил себе симпатии зажиточных классов в Азии.

Теперь и остальные города Ионии и Эолии примкнули к Александру или без труда были приведены в покорность; повсюду было введено демократическое устройство и сложена дань. Только Милет, защищаемый сильным отрядом греческих наемников, отказался сдаться в надежде на поддержку персидского флота, который, наконец, вышел в море из Финикии и Кипра. Но флоту Александра удалось опередить врага и занять позицию у острова Лады в виду города, благодаря чему Милет был отрезан от моря. Персы бросили якорь напротив города, у Микале, и тщетно пытались вызвать греков на морское сражение; они принуждены были оставаться беспомощными зрителями того, как Александр осаждал Милет и, наконец, взял его приступом.

После этого персидский флот не мог долее держаться у открытого берега Микале и потому ушел назад к Галикарнасу; здесь собрались все персидские сухопутные войска, какие еще оставались в западной части Малой Азии. Галикарнас был превращен Мавсолом в первоклассную крепость, и Мемнон имел в виду сделать его своим операционным базисом для морской войны, которую он хотел в следующем году открыть против Греции. Руководство войною было теперь всецело сосредоточено в его руках, так как персидский царь назначил его главнокомандующим всех боевых сил, как сухопутных, так и морских. Флот Александра был недостаточно силен, чтобы с надеждой на успех принять сражение в открытом море, а так как, кроме того, приближалась зима, то большая часть кораблей была отпущена на родину. На службе оставалась только небольшая эскадра, в том числе выставленные Афинами 20 триер, которые должны были служить залогом верности города. Сам царь повел свое сухопутное войско на юг и скоро стал лагерем под стенами Галикарнаса.

Взять сильную береговую крепость, которой превосход-

ный флот обеспечивает свободное сообщение с морем, было во все времена одной из труднейших задач военного искусства. Македонское войско еще не забыло тех уроков, которые получил в этом отношении Филипп перед Перинфом и Византией. Между тем Александр ни в каком случае не мог оставить в тылу эту важную крепость, — иначе он рисковал потерять все, что добыл ранее; у него был только выбор — либо оставить значительную часть войска для наблюдения за городом, либо начать осаду.

В сущности это предприятие было не так безнадежно, как могло показаться с первого взгляда. Действительно, персидский флот мог подвозить городу лишь свежие припасы, но отнюдь не подкрепления, ибо в приморских провинциях более не оставалось персидских войск, а вербовка наемников в Греции со времени объединения греческих государств под главенством Македонии была сильно затруднена. Ввиду этих соображений Александр решил идти на приступ; широкий ров, окружавший город, был заполнен, и вскоре орудия образовали проломы в стенах. Правда, первая атака была отбита, после чего осажденные позади разрушенных окопов возвели новые. Но было ясно, что эта преграда лишь на короткое время замедлит успехи осаждающих, если гражданам не удастся разрушить неприятельские машины. С этой целью осажденные со всеми своими силами предприняли вылазку, но были отброшены назад и понесли большие потери.

После этого Мемнон потерял надежду отстоять город. Под прикрытием ночи он посадил свое войско на корабли и отослал его в Кос; персидские гарнизоны остались только в крепости Салмакиде и на соседнем острове Арконнес. Арсеналы и ближайшие к стенам кварталы города были сожжены. Александр немедленно вступил в покинутый город, потушил пожар и принял меры к тому, чтобы граждане не подверглись насилиям. Осада цитадели, ввиду неприступного местоположения последней, не обещала успеха; поэтому решено было не осаждать крепость, и для наблюдения за нею был оставлен отряд в 3000 человек под начальством Птолемея.

Теперь вся Кария, за исключением некоторых берего-

вых пунктов, как Минд и Кавн, покорилась Александру. Звание сатрапа Карии было предоставлено последней из сестер Мавсола, какая еще оставалась в живых, — Аде, которая после смерти своего брата Идриея четыре года правила Карией, но затем была свергнута другим своим братом, Пиксодаром (выше, с.420). После этого Александр разделил свое войско; Парменион с фессалийской конницей и остальными союзниками расположился на зимовку в Лидии, а сам царь со своими македонянами направился далее в Ликию и Памфилию, которые покорились почти без боя. Затем Александр пробился через гористую Писидию, которая никогда не признавала персидского владычества, и в Гордионе, древней столице Фригии, соединился с Парменионом (весною 333 г.). Отсюда он двинулся через Каппадокию к Киликийским воротам, т.е. к тому проходу, где дорога из малоазиатского плоскогорья в Тарс переваливает через Тавр. Персидский отряд, охранявший ущелье, при приближении царя обратился в бегство; Тарс тоже был очищен персами, и Киликия подчинилась победителю так же беспрекословно, как и остальные области Малой Азии.

Между тем Мемнон с наступлением хорошего времени года открыл наступательные действия на Эгейском море, где он безусловно господствовал благодаря своему сильному флоту. Хиос был предан ему олигархической партией; мелкие города Лесбоса также перешли на его сторону, только Митилена дала осадить себя, но падение ее было лишь вопросом времени, так как о подвозе подкреплений нельзя было и думать. Уже Киклады изъявили готовность покориться, и повсюду в Греции антимакедонская партия подняла голову и готовилась подать руку Мемнону, как только он покажется у берегов Европы. Афины отправили посольство к царю Дарию, хотя до поры до времени еще не осмеливались открыто стать на сторону персов.

И вдруг Мемнон в лагере под Митиленой был сражен какою-то болезнью. Он умер вовремя, не пережив своей военной славы, ибо теперь, когда вся Малая Азия находилась в руках Александра, даже всеобщее восстание в Греции, которого при данных условиях сверх того и трудно было ожи-

дать, уже не могло бы доставить персам победы. Тем не менее смерть Мемнона была для Персии тяжелой потерей, потому что его племянник по сестре Фарнабаз, которого он перед смертью назначил своим преемником, и Автофрадат, который уже и ранее командовал наряду с Мемноном, были совершенно не в состоянии исполнить возложенную на них задачу. Правда, Митилена была принуждена к сдаче; она должна была впустить к себе персидский гарнизон и призвать обратно своих изгнанников, из которых один, Диоген, и стал во главе правления. Но затем Автофрадат с большею частью своего флота застрял, сложа руки, у Лесбоса, тогда как Фарнабаз со своими наемниками выступил в поход с целью отнять у греков Карию и Ликию. Действительно, ему удалось вернуть Милет и нижнюю часть Галикарнаса; но затем Фарнабаз получил приказание послать своих наемников к войску Дария в Сирию, потому что царь справедливо полагал, что исход войны зависит не от успехов в Малой Азии, а от главной армии, которой предстоит вести борьбу с Александром. Вследствие этого сатрап Карии, Оронтобат, снова оказался изолированным; тем не менее он решился дать Птолемею сражение в открытом поле, но был разбит наголову и потерял 2000 человек, после чего принужден был ограничиться защитой прибрежных укреплений.

Между тем Фарнабаз вернулся к Автофрадату в Митилену, и только теперь главный флот двинулся к Геллеспонту. Слабый Тенедос был без труда покорен, и Харес, владыка соседнего Сигейона, также перешел на сторону персов. В проливе была оставлена эскадра под командою Аристомена, чтобы отрезать Александру сообщение с Македонией; другая эскадра из десяти судов под начальством Датама была послана к Кикладам, а главные силы ушли назад к Хиосу, чтобы затем также двинуться в Европу.

Но и греческий флот снова начал собираться. Эскадра Датама подверглась нападению при Сифне и большею частью была захвачена; та же участь постигла вскоре затем и эскадру Аристомена в Геллеспонте. После этого персидские адмиралы со ста лучшими своими кораблями отправились к Андросу и Сифну; но восстание в Греции, на которое они

рассчитывали, не состоялось. Победы Александра произвели здесь должное впечатление, и только спартанский царь Агис III, сын павшего в Италии Архидама, изъявил готовность обнажить меч против Македонии, если получит помощь деньгами и кораблями.

Между тем в Азии спор был решен. Получив известие о победе Александра при Гранике, Дарий III собрал всю свою армию; и действительно, чтобы не потерять все свои приморские провинции, он должен был во что бы то ни стало преградить врагу дальнейший путь. Ввиду этого Дарий летом выступил из Вавилона, и осенью он достиг северной Сирии. Александр все еще стоял в Киликии; опасная болезнь довольно долго задержала его в Тарсе, а по выздоровлении он занялся прежде всего покорением портовых городов Сол и Малла. При известии о приближении Дария он двинулся через береговые ущелья, соединяющие Киликию с Сирией, т.н. Ассирийские ворота, и стал лагерем у Мириандра, первого финикийского города. Он рассчитывал, что персидский царь будет ждать его на обширных равнинах северной Сирии, где лучшая часть персидского войска — конница — могла вполне развернуть свои силы.

Но Дарий принял такое смелое решение, какого от него нельзя было ожидать. В то время как Александр береговой дорогой шел на юг, Дарий двинулся к северу, по неприступным горным тропинкам перешел Аман и спустился в тылу неприятельской армии на прибрежную равнину Исса. Здесь он занял крепкую оборонительную позицию, которая справа опиралась на море, слева — на горы, а с фронта была защищена глубоким руслом реки Пинара. Быстро возведенные окопы еще более укрепили эту позицию.

Со стратегической точки зрения, маневр, выполненный персидским войском, был превосходен; Александр был совершенно отрезан от своего операционного базиса и неминуемо должен был погибнуть, если бы не сумел путем победоносной битвы вырваться из сжавших его тисков. Но это была нелегкая задача. Надо было прежде всего пройти через длинное ущелье Ассирийских ворот, где горы так близко подходят к морю, что едва остается место для дороги, и за-

тем на глазах врага развернуть войско из походной колонны в боевую линию. К счастью, Дарий не сумел воспользоваться выгодами своего положения, тогда как Александр мог в самых трудных случаях спокойно полагаться на свои войска. И вот, вечером он выступил из Мириандра, ночью беспрепятственно прошел теснины и к утру стоял на равнине Пинара. Конница и легковооруженные отряды, высланные теперь Дарием навстречу врагу, оказались не в силах помешать македонским полкам выстроиться в боевом порядке; таким образом, битва была проиграна персами еще прежде, чем она собственно началась. Дело в том, что на окруженной горами равнине, которая в этом месте имеет в ширину лишь около 3—4 км, персидский царь не мог воспользоваться выгодами своего численного перевеса; Александр мог растянуть свою боевую линию на такую же длину, как его противник, и был вполне обеспечен против обхода в тыл. А при равенстве сил победа неизбежно должна была достаться более опытным и более дисциплинированным македонянам.

Александр командовал правым крылом, состоявшим из македонской кавалерии, гипаспистов и части линейной пехоты. Стоявшая против него азиатская пехота оказалась не в силах устоять против атаки этих отборных войск; после короткой битвы она обратилась в бегство, в которое была вовлечена и середина персидского войска; сам Дарий едва успел спастись от преследовавших его македонян; его колесница, его царская мантия и его лук достались победителю. Между тем Парменион, командовавший левым крылом греческого войска, переживал тяжелые минуты. Его фессалийские и пелопоннесские всадники лишь с трудом сдерживали натиск более многочисленной варварской конницы, а атака, предпринятая македонской фалангой на высоты, где стояли греческие наемники персидского царя, была отбита с большим уроном. Лишь когда Александр после победы над Дарием двинул на фланг наемников пехоту своего правого крыла, они в полном порядке удалились с поля битвы. После этого и персидская конница обратилась в бегство, преследуемая фессалийцами, которые произвели страшную резню среди отступавших врагов. Стоявшие позади персидской

боевой линии резервы даже не сделали попытки оказать сопротивление; все войско рассеялось, и только рано наступившая ноябрьская ночь спасла его от полной гибели. Дарию удалось собрать позади гор и увести за Евфрат не более четырех тыс. человек, преимущественно греческих наемников. Большей части наемников, около восьми тыс. человек, удалось добраться до Триполиса в Финикии и оттуда переправиться на Кипр. Победители в тот же вечер без сопротивления заняли персидский лагерь; здесь были взяты в плен сопровождавшие царя по персидскому обычаю мать Дария Сисигамбис, его супруга Статеира и ее дети. Это были неоценимые заложники, и Александр приказал оказывать им все то почтение, какое подобало их высокому рангу.

Греция в лихорадочном возбуждении ждала решительной битвы между обоими царями. Демосфен доказывал всякому, кто хотел его слушать, что войско Александра неизбежно будет затоптано персидской конницей; но он был достаточно опытным политиком, чтобы не склонять Афины к открытому переходу на сторону персов раньше, чем сделается известным исход сражения. Весть о блестящей победе Александра, разумеется, сразу отрезвила всех, кто мечтал об отложении. На Истмийских празднествах ближайшей весною представители государств, входивших в состав эллинского союза, решили почтить Александра золотым венком в благодарность за то, что́ он сделал для свободы Греции.

Теперь персидские адмиралы более не могли думать и о продолжении наступательных действий против Греции; получив известие о поражении, они тотчас ушли со своим флотом обратно в Азию. Царь Агис едва сумел получить 10 триер и 30 талантов; впрочем, и он не осмеливался в эту минуту начать войну против Македонии. Фарнабаз с 12 кораблями и 1500 наемников отправился к Хиосу и прибыл как раз вовремя, так что еще успел предупредить отложение острова к Александру; Автофрадат с остальным флотом ушел в Галикарнас, где и остался на всю зиму. Но с открытием навигации его флот распался; финикийцы ушли в свою страну, которая между тем была занята Александром; кипрская эскадра тотчас последовала их примеру. Вследствие этого персид-

ские адмиралы были лишены возможности преградить путь македонскому флоту, который в течение зимы снова был доведен до 160 триер и с наступлением весны вышел в море под начальством Гегелоха и Амфотера. Он освободил Тенедос и затем пошел к Хиосу, где народ при его появлении восстал против Фарнабаза и открыл македонянам городские ворота; гарнизон, состоявший из трех тыс. греческих наемников, был взят в плен, 42 триеры сделались добычей победителей. Затем Гегелох со ста кораблями подступил к Митилене, которую занимал от имени Дария Харес с двумя тыс. человек; старый вождь наемников сдался под условием свободного отступления и удалился на афинский остров Имброс; власти над Сигейоном, которую Александр оставил ему два года назад, он, конечно, лишился, став на сторону персов. Теперь и мелкие города Лесбоса примкнули к македонянам и выдали Гегелоху своих тиранов, навязанных им персами. Тем временем Амфотер с 60 кораблями двинулся к Косу и освободил и этот остров от персов; точно так же сдались и города карийского побережья, которые были заняты еще Оронтобатом. Родос уже ранее перешел на сторону Александра. Таким образом, все западное побережье Малой Азии и предлежащие ему острова были отняты у персов, и персидский флот на Эгейском море истреблен, за исключением небольшой части, бежавшей к Криту. Знатных пленников Гегелох еще осенью отвез к Александру, который в это время находился в Египте. Хиосских олигархов царь сослал в Элефантину на эфиопской границе; лесбосские тираны были выданы для наказания тем городам, над которыми они властвовали. Здесь они были судимы народным судом и по его приговору казнены, что́ по представлениям греков было законно и справедливо. Митилена в награду за геройское сопротивление, оказанное ею Мемнону, получила участок земли на противолежащем Лесбосу материке.

Сам Дарий также был сильно потрясен поражением; но первою его мыслью было, разумеется, освободить из плена свою мать, жену и детей. Уже спустя немного дней после сражения, когда Александр стоял в Марафосе в северной Финикии, Дарий сделал попытку завязать переговоры, и

Александр не отверг его предложений. Ввиду этого Дарий отправил к Александру посольство с формальным предложением мира; он предлагал уступить все азиатские области, лежавшие к западу от Евфрата, и уплатить за освобождение своей матери и жены выкуп в 10 000 талантов; в залог мира он предлагал Александру жениться на одной из его дочерей. Еще никогда ни один персидский царь не унижался до такой степени; и действительно, предложенные им условия были очень выгодны. Но тем временем положение дел сильно изменилось к выгоде Александра. Он стоял теперь перед Тиром, материковая часть Финикии и Кипр покорились, персидский флот в Эгейском море распался, опасность восстания в Греции была устранена, успешное сопротивление со стороны Персии сделалось невозможным и завоевание всей монархии являлось еще только вопросом времени. А между тем было ясно, что урезанная Персия всегда будет стремиться вернуть себе приморские провинции; даровать теперь мир Дарию значило отсрочить решение, пока Персия лучше приготовится к борьбе. Ввиду этого Александр отверг предложения Дария и потребовал безусловного подчинения.

Теперь Дарию III не оставалось другого исхода, как продолжать борьбу, обратив на нее все силы, какие еще оставались в его распоряжении. Поэтому он собрал остатки своей разбитой армии и вытребовал новые войска из всех частей своего обширного государства, вплоть до Индии и Бактрии. И вот собрались огромные полчища; но это были почти исключительно азиатские войска, потому что из числа греческих наемников за царем во время его бегства последовало лишь 2—3 тыс. человек, а новый набор невозможно было произвести, так как побережье находилось во власти Александра. Зато предполагалось избегнуть теперь тех ошибок, которые повлекли за собою поражение при Иссе; царь решил дожидаться Александра на обширной ассирийской равнине, где он мог вполне воспользоваться своим количественным перевесом и особенно своей конницей.

Александр дал персам достаточный срок для приготовлений, потому что, прежде чем выступить в глубь Азии, он должен был вполне утвердить свое господство в приморских

провинциях, отчасти чтобы обеспечить себе беспрепятственное сообщение с родиной, отчасти — чтобы отнять у враждебной себе партии в Греции всякую надежду на поддержку из Азии. Поэтому вместо того, чтобы последовать за Дарием, он спустился на юг, в Сирию. Парменион с одной частью войска двинулся к Дамаску, где ему достался в добычу весь обоз персидской армии, который Дарий послал туда перед своим выступлением в Киликию; сам Александр с другой половиной армии пошел в Финикию. Второстепенные города страны — Арад, Библос, Сидон — без сопротивления перешли на его сторону; то же сделали кипрские города. Только расположенный на острове крепкий Тир, величайший город Финикии, рассчитывая на неприступность своего местоположения, которое до сих пор спасало его от всех нашествий, запер перед ним свои ворота и объявил, что намерен оставаться нейтральным. Александр решил во что бы то ни стало сломить это сопротивление. Он приказал насыпать через мелкий пролив, отделявший город от материка, дамбу, чтобы иметь возможность подвести свои орудия к стенам; тщетно осажденные пытались путем вылазок помешать исполнению этих работ. Между тем финикийские и кипрские эскадры покинули персидский флот, крейсировавший в Эгейском море, и отдались в распоряжение Александра, который благодаря этому получил возможность запереть Тир и со стороны моря. После этого осажденные должны были отказаться от всякой надежды на спасение; но вместо того, чтобы покориться царю, пока еще было время, они продолжали обороняться с тем упорством, которое семиты не раз обнаруживали в подобных случаях. Попытка защитников Тира — посредством внезапного нападения истребить кипрскую эскадру, стоявшую с северной стороны города, — была отбита и окончилась уничтожением тех тирских кораблей, которые должны были осуществить этот смелый план. Между тем дамба достигла острова; но машины оказались не в силах справиться со стеною, которая в этом месте была особенно высока и крепка. Вследствие этого Александр предпринял атаку с морской стороны, где укрепления были слабее; скоро в стене была пробита брешь, и македоняне

проникли в город. В то же время кипрские корабли прорвались в северную гавань, финикийские — в южную. Город был взят. Жители Тира своим жестоким обращением с греческими пленными лишили себя всякого права на пощаду, и ожесточенные победители отомстили им кровавою местью. По преданию, 8000 тирийцев пало, а 30 000 пленных было продано в рабство. Македонскому войску осада обошлась в 400 человек, в каковое число, без сомнения, не вошли еще потери финикийской и кипрской эскадр.

Так пал Тир, приблизительно в июле 332 г., на седьмом месяце осады. Потеря во времени далеко не возмещалась материальными последствиями победы; но Александр считался не с одними только материальными факторами. Восточному человеку импонирует только сила, а страшная кара, постигшая славную издревле царицу морей, доказала всем, что всякое сопротивление против Александра безнадежно. Действительно, южная Сирия покорилась теперь без боя; только крепкая Газа, занятая персидским гарнизоном, дала осадить себя и через 2 месяца была взята штурмом.

Теперь Александр мог идти далее, в Египет. Эта страна была лишь несколько лет назад, после полувекового периода независимости, снова покорена персами; она еще не позабыла той страшной расправы, которую произвел над нею Ох при завоевании. Поэтому население повсюду приветствовало Александра как освободителя; персидский наместник Мазак, будучи не в силах удержать страну от отложения, без сопротивления выдал укрепленные пункты Александру. Александр провел в Египте всю зиму и основал здесь у единственной хорошей гавани северного побережья, вблизи устья самого западного из рукавов Нила, тот город, который еще теперь носит его имя, — Александрию, которой суждено было в течение немногих десятилетий сделаться средоточием как мировой торговли, так и греческой науки, и которая затем в продолжение трех веков оставалась величайшим и богатейшим городом мира.

Александр, конечно, пожелал посетить оракула Амона, который, как мы знаем, и греки этого времени считали одним из важнейших святилищ. В сопровождении небольшого

отряда он прошел через пустыню к тому оазису, где находился храм Амона. Жрецы приветствовали царя как сына Амона, — титул, подобавший ему как владыке Египта; сам Александр и его спутники придали словам оракула более обширный смысл; те божеские почести, которых позднее стал требовать себе Александр, стоят в прямой связи с этим изречением оракула.

Дарий не имел возможности помешать операциям Александра в Сирии и Египте, так как его армия еще далеко не была подготовлена для военных действий. Зато он сделал попытку отрезать македонскому войску сообщение с внутренними частями Азии — предприятие, которое теперь, когда Александр господствовал на море, даже в случае удачи лишь в очень малой степени могло бы изменить положение дел. Часть персидской армии с поля битвы при Иссе была оттеснена к северу за Тавр. Теперь это войско было реорганизовано, усилено каппадокийскими и пафлагонскими контингентами и двинуто против Фригии, наместник которой, назначенный Александром, — Антигон — располагал лишь очень недостаточными силами. Но Антигон здесь впервые обнаружил то выдающееся военное дарование, которое позднее, после смерти Александра, доставило ему власть над Азией; он разбил персов в сражении и не только упрочил за собою Фригию, но и завоевал еще Ликаонию, которая так же упорно отказывалась признать над собою власть Македонии, как ранее — господство персидского царя. Затем Калас, сатрап геллеспонтской провинции, покорил Пафлагонию, так что теперь вся Малая Азия, за исключением Каппадокии, была подвластна Македонии (332 г.).

Весною 331 г. Александр выступил из Египта. В середине лета он близ Фапсака переправился через Евфрат и затем, пройдя северную Месопотамию, 20 сентября перешел Тигр. Персы не приняли никаких серьезных мер, чтобы помешать наступлению врага; Дарий, очевидно, хотел заманить Александра возможно дальше в глубь страны, чтобы в случае победы совершенно уничтожить его, а в случае поражения иметь возможность беспрепятственно отступить на Иранское плоскогорье.

На четвертый день после перехода через Тигр Александр встретил авангард персидской армии. Он распорядился прежде всего воздвигнуть укрепленный лагерь и дал своему войску четыре дня на отдых. Затем он двинулся против Дария, который расположился у ассирийской деревни Гавгамелы, вблизи развалин Ниневии; но атаку Александр отложил на следующий день, желая предварительно исследовать местность. Несмотря на потери и на значительные урезки, которым подверглась македонская армия, так как многие отряды были оставлены в качестве гарнизонов в завоеванных провинциях, — благодаря подкреплениям с родины она была доведена до 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. всадников, — число, правда, все еще ничтожное сравнительно с огромными полчищами врага. Среди беспредельной равнины нечем было прикрыть флангов, и, следовательно, с уверенностью можно было ожидать, что неприятель обойдет с тыла. Поэтому Александр принужден был позади своей боевой линии выставить второй корпус войска, который должен был, смотря по надобности, отразить нападение справа или слева. Итак, утром 30 сентября 331 г. началось сражение, которое должно было решить вопрос о том, кому владеть Азией.

Александр во главе тяжелой македонской конницы и большей части фаланги напал на левое крыло врага, но тотчас же был атакован с фланга скифскими и бактрийскими всадниками. Он послал против них конницу своего второго корпуса, а сам напал на неприятельскую пехоту, отрезанную от своей конницы. Боевые колесницы, пущенные теперь Дарием против врага, причинили грекам мало вреда и легко были взяты или уничтожены ими. Фаланга маневрировала на равнине, как на плац-параде; легковооруженные азиаты не были в силах устоять против ее натиска; в конце концов во всеобщее бегство был вовлечен и центр персидского войска с самим Дарием. Конница левого крыла, оставшаяся теперь совершенно изолированной, тотчас последовала этому примеру.

Между тем левое крыло греческого войска, предводимое Парменионом, подверглось нападению конницы неприятельского правого крыла и ввиду численного перевеса пер-

сов очутилось в очень затруднительном положении. Фессалийские и фракийские всадники с трудом отстаивали свою позицию, и Парменион был совершенно лишен возможности последовать за Александром в его наступательном движении. Вследствие этого в середине македонской боевой линии образовался широкий свободный промежуток, куда немедленно ворвались персидские и индийские отряды неприятельского центра. Это был критический момент сражения; имей Александр против себя греческого полководца и греческие войска, он неминуемо проиграл бы битву. Но варвары бросились грабить македонский лагерь, не заботясь о том, что происходило в остальных пунктах поля битвы. Тем временем Александр справился с персидским центром, но не мог отправиться в погоню за бежавшим врагом, потому что должен был прежде всего выручить изнемогавшего Пармениона. На пути к тому месту, где стоял Парменион, он встретил персидские отряды, возвращавшиеся после разграбления его лагеря. Он попытался отрезать им отступление, но варвары дрались с мужеством отчаяния; Александр потерпел большой урон, его друг Гефестион был ранен рядом с ним, и в конце концов персам все-таки удалось пробиться. Когда Александр, наконец, добрался до своего левого крыла, там опасность уже миновала, так как Мазей, командовавший этой частью персидских сил, при известии о бегстве Дария прервал сражение. Теперь Парменион занял неприятельский лагерь, тогда как Александр пустился в погоню за царем. К утру он достиг Арбелы, где завладел магазинами и военной кассой неприятельской армии; но Дарий успел уже бежать в Мидию, и продолжать преследование было бесполезно. Таким образом, самый ценный трофей ускользнул из рук Александра, ибо только взятие в плен персидского царя могло положить конец войне. Но и без того плоды победы были громадны; персидское войско было совершенно рассеяно; десятки тысяч пленных достались в добычу победителю, путь в Вавилон и Сузу был открыт. И все эти успехи были куплены ценою сравнительно ничтожных жертв: из македонских полков Александра выбыло лишь сто

человек; союзники и наемники понесли, правда, больший урон, но в общем потери македонской армии не превышали пятисот человек.

После этого Александр двинулся прежде всего на Вавилон, который и был сдан ему сатрапом Мазеем без боя; и здесь жители приветствовали царя как освободителя от персидского ига. Затем он пошел к Сузе, куда еще из Арбелы был послан отряд войска. О сопротивлении не было и речи: город со своей крепостью немедленно сдался, и хранившиеся здесь сокровища персидского царя, около 50 тыс. талантов (свыше 120 млн руб.), попали в руки победителя. Покорить Армению был послан перс Мифреин, сдавший Александру Сардскую крепость; но сатрап Оронт сумел удержаться в этой гористой стране.

В то самое время, когда при Арбеле решалась участь Азии, было закончено и подчинение Греции македонскому владычеству. Спарта была, как мы видели, единственным государством, которое до сих пор не признало этого владычества и не вошло в состав основанного Филиппом союза; она не могла забыть своего славного прошлого и ждала лишь благоприятной минуты, чтобы вернуть себе утраченную гегемонию хотя бы ценою измены общеэллинскому делу. Поэтому она тотчас после перехода Александра в Азию завязала сношения с Персией; летом 333 г. к царю Дарию в Сирию отправились спартанские послы, которые позднее были захвачены Александром. Но Спарта тщетно ждала помощи от персов, а вскоре битва при Иссе отняла у нее всякую надежду на помощь с этой стороны. Тогда царь Агис III обратился в Крит, который находился вне сферы македонского господства и где он еще по отцу имел большие связи. Действительно, ему удалось покорить большую часть городов острова; здесь явилась к нему и вступила в его службу часть греческих наемников, сражавшихся на стороне персов при Иссе; кроме того, к нему примкнул остаток персидского флота, крейсировавший в Эгейском море. Македонские военачальники, разумеется, не могли оставаться безучастными зрителями этих событий; они послали подкрепления критским общинам, не желавшим переходить на сторону Агиса, а вес-

ною 331 г. главный македонский флот вышел в море под начальством Амфотера, чтобы освободить остров от спартанского владычества.

Таким образом, дело все-таки дошло до войны между Македонией и Спартой. Агис зашел уже слишком далеко, чтобы возвращаться назад; да он и не хотел отступать. Раз война была неизбежна, — лучше было вести ее теперь, пока Дарий еще не был побежден. Итак, Агис открыл в Пелопоннесе наступательные действия; выступивший против него под начальством Коррага македонский отряд был уничтожен, после чего Элида, большая часть Аркадии и почти вся Ахея перешли на спартанскую сторону. Исконные враги Спарты — Мессена, Мегалополь и Аргос — остались, конечно, верны Александру; коринфян удерживал от отложения стоявший у них македонский гарнизон. Теперь стремление к освобождению от македонского ига обнаружилось и вне Пелопоннеса, даже в Фессалии и Перребии. Но Афины, чей голос имел решающее значение, держались нейтрально. Здесь хорошо понимали, что с тех пор, как все морские силы персидской монархии перешли в распоряжение Александра, аттический флот далеко уступает македонскому; а начать борьбу при таких условиях было бы явным самоубийством. Радикалы по обыкновению, не справляясь с реальным соотношением сил, — требовали, разумеется, перехода на сторону Спарты. Положение Демосфена ввиду этой оппозиции было очень затруднительно; как угорь, извивался он на трибуне и, совершенно против своего обыкновения, сыпал напыщенными фразами; однако ему все-таки удалось удержать народ от необдуманных решений. В Тир к Александру было отправлено посольство с поручением уверить царя в преданности Афин, и Александр ответил на эту предупредительность отпущением на волю взятых в плен при Гранике афинских граждан. Но в то же время он распорядился отправить в Эгейское море 100 финикийских и кипрских кораблей для подкрепления эскадры Амфотера, которая таким образом была доведена до двухсот шестидесяти триер; эта мера была, очевидно, рассчитана главным образом на то, чтобы нагляд-

но показать Афинам безусловное превосходство морских сил царя.

На первых порах Антипатр не был в состоянии подать помощь тем из пелопоннесских государств, которые остались верны Македонии. Дело в том, что как раз около этого времени Мемнон, македонский наместник Фракии, опираясь на воинственных обитателей страны, восстал против правителя монархии, которому он был подчинен, и Антипатр был вынужден для подавления мятежа выступить в поход со всеми своими силами. Вследствие этого Агис мог свободно действовать в Пелопоннесе: он немедленно приступил к осаде Мегалополя, который храбро защищался, но, ниоткуда не получая помощи, скоро оказался в критическом положении. Ввиду этой опасности Мемнон и Антипатр помирились; Мемнон остался наместником Фракии, и Антипатр получил возможность обратиться против Греции. Движение в Фессалии было быстро подавлено; Антипатр стянул к себе контингенты своих греческих союзников и во главе 40-тысячной армии осенью явился в Пелопоннесе, как раз в ту минуту, когда Мегалополь уже был готов сдаться Агису. Спартанский царь, имевший в своем распоряжении лишь около 20 тыс. человек, принужден был снять осаду и удалиться на высоты, лежавшие к югу от города. Здесь напал на него Антипатр. Спартанцы не посрамили своей древней воинской славы; притом, на их стороне было преимущество крепкой позиции; но в конце концов численный перевес доставил победу македонянам. Царь Агис III пал и с ним 5300 человек его войска; однако и Антипатр понес очень тяжелый урон (осенью 331 г.).

Эта победа положила конец войне. Спартанцы запросили мира, и Антипатр избавил их от унижения увидеть свой город занятым македонскими войсками; 50 заложников должны были служить порукою за мирное поведение Спарты. В общем же решение участи побежденных было предоставлено Эллинскому союзному собранию, которое постановило передать все дело на усмотрение Александра. Царь явил милосердие; все были прощены, только элейцы и ахейцы должны были уплатить Мегалополю 120 талантов за во-

енные издержки. Греция была теперь вполне покорена, и до смерти Александра более никто не решился там поднять знамя мятежа против македонского владычества.

Между тем Александр безостановочно шел вперед. Ему предстояло теперь завоевать ядро монархии — область Персиду. Путь туда вел через страну диких уксиев, которые среди своих гор никогда не признавали персидского верховенства и привыкли взимать с царя дань, когда он проезжал из Сузы в Персеполь. Александр в быстрой атаке разбил их и принудил к покорности и уплате дани. Проходы, ведущие через горную цепь в Персиду, были преграждены окопами и заняты сильным персидским войском; но Александру удалось по непроходимым горным тропинкам зайти в тыл врагу и таким образом открыть себе путь к столице Персеполю, которая и была взята без дальнейшего сопротивления. Несметные сокровища, накопленные здесь в течение веков, — по преданию, 120 000 талантов — сделались добычей победителя.

До сих пор Александр проходил по Азии, как по дружественной стране. Население почти всюду приветствовало его как своего освободителя от невыносимого рабства, и лишь в очень редких случаях оказывало ему сопротивление. Вследствие этого македонское войско соблюдало полную дисциплину и щадило жизнь и собственность туземцев. Но Персида была неприятельской страной, и надо было дать почувствовать ей всю серьезность настоящей войны. Поэтому Александр отдал богатый Персеполь на разграбление своему войску и велел сжечь дворец Ахеменидов, чтобы наглядно показать всем, что владычество персов кончилось. Пусть это был варварский поступок, каким называли его уже современники, — но Александр и воевал с варварами, и должен был говорить с ними на понятном для них языке.

Между тем наступила поздняя осень. Войско, которому после страшных трудностей похода необходимо нужен был отдых, осталось на зиму в Персиде, что́ было крайне важно и с военной точки зрения — в видах полного умиротворения страны. Спустя четыре месяца, с наступлением весны, армия двинулась далее, в Мидию. Там Дарий силился между тем

организовать новое войско, но успел собрать лишь 3000 всадников и 6000 пехотинцев, включая и тех 1500 наемников, которые последовали за ним после битвы при Арбеле. Располагая такими незначительными силами, он, разумеется, не мог думать о войне против Александра; поэтому при приближении врага он удалился на восток, чтобы искать последнего убежища в далекой Бактрии, на самой отдаленной границе своего государства. Александр без боя занял Экбатану.

Таким образом и последний из главных городов Азии перешел в руки победителя. Война была окончена, Персии как державы более не существовало. Оставалось еще только овладеть бежавшим царем и принудить восточные сатрапии к признанию нового порядка. Ввиду огромного протяжения этих стран и воинственности их населения это предприятие должно было отнять много времени, но в военном отношении оно не представляло серьезных трудностей. Поэтому Александр отослал теперь фессалийцев и остальных греческих союзников на родину, исключая тех, кто добровольно пожелал продолжать службу под его знаменами; при этом он раздал 2000 талантов храбрецам, которые так много содействовали победе при Иссе и Арбеле. В Экбатане остался Парменион с частью войска, тогда как сам Александр во главе своих лучших полков двинулся в погоню за персидским царем.

Таким образом в течение немногих лет совершился величайший переворот, какой до тех пор был отмечен историей. Блистательно осуществилось все то, о чем так долго мечтали эллинские патриоты: Персия была сокрушена, варвары Азии порабощены эллинами. Но вместе с тем была кончена и роль тех греческих держав, которые до сих пор господствовали над Элладой, и на развалинах старой политической системы возникло всемирное владычество объединенной под македонским верховенством Эллады.

Современники вполне сознали величие этой минуты. „Мы прожили не обычную человеческую жизнь; история наших дней покажется сказкою грядущим поколениям. Персидский царь, который прорыл Афон и проложил мост через

Геллеспонт, который требовал от эллинов земли и воды и осмеливался называть себя в своих письмах владыкою всех людей от восхода до заката, — он борется теперь уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь. Фивы, соседние нам Фивы, в один день были исторгнуты из середины Эллады; пусть они заслужили эту кару своей неразумной политикой, но ведь слепыми и безумными они стали не по собственной вине, а по воле богов. Несчастные лакедемоняне, которые некогда заявляли притязание на верховенство над эллинами, теперь, в знак своего поражения, будут посланы к Александру как заложники, на полную волю победителя, перед которым они так тяжко провинились, — и их участь будет зависеть от его милосердия. А наш город, убежище всех эллинов, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у нас помощи каждое для своего города, — он борется теперь уже не за гегемонию над Элладой, а за собственный клочок земли". Так говорил афинский оратор Эсхин летом 330 г., когда в Афины только что прибыло известие о взятии Экбатаны и бегстве Дария. А немного позднее другой афинянин, философ Деметрий из Фалер, писал следующее: „Если бы пятьдесят лет назад какой-нибудь бог предсказал будущее персам, или персидскому царю, или македонянам, или царю македонян, — разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен почти весь мир, останется едва одно имя, и что македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, будут теперь владычествовать над миром? Поистине, непостоянна наша судьба; ибо все устрояет она вопреки ожиданию человека и являет свое могущество в чудесном. И теперь, как мне кажется, она лишь затем передала македонянам счастие персов, чтобы показать, что и последним она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока пожелает распорядиться ими иначе".

Этому предсказанию суждено было оправдаться менее чем через столетие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I
Реакция 3

Религиозное движение. — Элевсинские мистерии. — Самофракийские мистерии. — Усвоение иноземных культов. — Фригийско-фракийские таинства. — Иноземные культы и общественное мнение. — Влияние их на орфические мистерии. — Вера в бессмертие среди образованных классов. — Палинодия Еврипида. — Философский скепсис. — Сократ. — Его образование. — Его теология. — Его этика. — Сократовский метод. — Кружок учеников Сократа. — Процесс. — Последствия процесса. — Распространение сократовского учения. — Платон. — Религиозная вера. — Этика. — Учение об идеях. — Космогония. — Успех платоновского учения. — Политическая реакция. — Превращение демократии в охлократию. — Недостатки в области судопроизводства. — Сикофанты. — Попытки преобразовать имущественные отношения. — Реакция в общественном мнении. — Лаконománия. — Зачатки науки государственного права: Гипподам Милетский. — Политическое учение Платона. — Государственный строй доброго старого времени. — Начало изучения истории политических форм. — Гетерии. — Выводы

ГЛАВА II
Падение демократии 29

Революция в Леонтинах. — Война между Селинунтом и Сегестою. — Афины решают предпринять поход в Сицилию. — Изуродование герм. — Отплытие флота. — Холодный прием в Сицилии. — Продолжение процесса об оскорблении герм. — Отозвание Алкивиада. — Алкивиад удаляется в изгнание. — Сражение при Олимпиейоне. — Поведение средних и мелких государств Сицилии. — Начало осады Сиракуз. — Гилипп в Сицилии. — Первые морские

битвы под Сиракузами. — Возобновление войны в Греции. — Занятие Декелеи. — Вторая афинская экспедиция в Сицилию. — Штурм Эпипол. — Морские битвы в гавани. — Отступление афинского войска. — Катастрофа на Ассинаре. — Судьба побежденного войска. — Впечатление, произведенное этой катастрофою в Греции. — Приготовления афинян к новой войне. — Ограничение демократии. — Преобразование податной системы. — Настроение союзников. — Отпадение Ионии. — Союз между персами и пелопоннесцами. — Война в Ионии. — Сражение при Милете. — Осада Хиоса. — Отложение Книда и Родоса. — Положение дел в начале 411 года. — Олигархическое движение в Афинах. — Алкивиад в изгнании. — Переговоры между Афинами и Тиссаферном. — Олигархия Четырехсот в Афинах. — Победа демократов на Самосе. — Алкивиад во главе флота. — Переговоры олигархического правительства с Алкивиадом и Спартою. — Восстание в Афинах. — Потеря Оропа, отложение геллеспонтских городов. — Начало отложения Фракии. — Отложение Эвбеи. — Падение Четырехсот. — Новая конституция. — Ферамен во главе государства. — Битвы в Геллеспонте. — Сражение при Кизике. — Переговоры о мире. — Восстановление демократии в Афинах. — Прекращение переговоров. — Фрасилл в Ионии. — Осада Калхедона, взятие Византии. — Демократические реформы в Сиракузах. — Изгнание Гермократа. — Продолжение войны на Сицилии. — Вмешательство Карфагена. — Разрушение Селинунта. — Падение Гимеры. — Впечатление, произведенное этими событиями в Сиракузах. — Возвращение и гибель Гермократа. — Падение Акраганта. — Военная диктатура в Сиракузах. — Государственный переворот. — Потеря Гелы и Камарины. — Восстание в Сиракузах. — Мир с Карфагеном. — Возвращение Алкивиада в Афины. — Возрождение пелопоннесского флота. — Лисандр. — Кир в Малой Азии. — Битва при Нотии. — Падение Алкивиада. — Успехи пелопоннесцев. — Сражение при Аргинусских островах. — Процесс стратегов в Афинах. — Переговоры о мире. — Лисандр снова во

главе пелопоннесского флота. — Сражение при Эгоспотамах. — Крушение Афинской державы. — Впечатление, произведенное этой катастрофою в Афинах. — Осада Афин. — Переговоры. — Мир. — Сдача Афин. — Подчинение Самоса. — Олигархия в Афинах. — В остальной Греции

ГЛАВА III

Олигархия на греческом Востоке 81

Задачи политики Спарты. — Лисандр. — Организация державы. — Характер новых правительств. — Тридцать в Афинах. — Террор. — Казнь Ферамена. — Изгнанники. — Фрасибул в Филе. — Свержение Тридцати. — Вмешательство Спарты. — Павсаний в Аттике. — Примирение партий в Афинах. — Новая конституция. — Падение Лисандра. — Война против Элиды. — Спарта и Северная Греция. — Социальная революция в Фессалии. — Архелай Македонский. — Его вторжение в Фессалию. — Спартанцы в Фессалии. — Агесилай II, царь спартанский. — Преобразовательные планы Лисандра. — Заговор Кинадона. — Отношение Спарты к Персии. — Смерть Дария II и воцарение Артаксеркса II. — Приготовления Кира. — Его поход против Артаксеркса. — Отступление Десяти тысяч. — Фиброн в Азии. — Деркилид в Азии. — Переговоры с Персией. — Эвагор Саламинский. — Конон во главе персидского флота. — Возобновление войны. — Агесилай II в Азии. — Гибель Тиссаферна. — Поход Агесилая II во Фригию. — Взятие Родоса Кононом. — Ошибки спартанской политики

ГЛАВА IV

Военная монархия в Сицилии и на Понте 107

Социальные реформы в Сиракузах. — Замок тирана. — Мятеж против Дионисия. — Новый государственный строй. — Завоевание халкидских городов. — Приготовления к войне против Карфагена. — Объявление войны. — Положение дел в Карфагене. — Начало военных действий. — Взятие Мотии. — Карфагеняне в Сицилии. — Взятие Мессены. — Морское сражение под Катаной. — Осада Сиракуз.

— Реорганизация Сицилии. — Война с Регием. — Продолжение войны с Карфагеном. — Мир. — Греко-италийский союз. — Война против италийских греков. — Сражение при Элепоре. — Падение Регия. — Отношения Дионисия к Греции. — Колонии на Адриатическом море. — Борьба с этрусками. — Распря в сиракузском царствующем доме. — Вторая война с Карфагеном. — Подчинение италийских греков. — Вмешательство в восточно-греческие дела. — Последняя война с Карфагеном. — Смерть Дионисия. — Его характер. — Престолонаследие. — Дионисий Младший. — Дион. — Тирания на Понте. — Боспорское царство. — Левкон и его сыновья. — Внутренний строй государства. — Синоп. — Клеарх Гераклейский. — Его преемники

ГЛАВА V

Коринфская война и Анталкидов мир 133

Настроение в Греции. — Беотия. — Коринф. — Экономическое положение Афин. — Вражда партий. — Отношения к Спарте. — Начало войны. — Сражение при Галиарте. — Коалиция против Спарты. — Смещение Павсания. — Сражение при Немее. — Сражение при Коронее. — Сражение при Книде. — Результаты этой битвы. — Конон в Греции. — Восстановление морского господства Афин. — Борьба из-за Коринфа. — Мирные переговоры в Сардах. — Возобновление войны в Азии. — Взятие Лехея Агесилаем. — Мирные переговоры в Греции. — Победа Ификрата при Коринфе. — Агесилай II в Акарнании. — Снаряжение нового афинского флота. — Восстание Эвагора. — Союз между Афинами и Эвагором. — Экспедиция Фрасибула. — Смещение и смерть Фрасибула. — Сражения под Этной и на Геллеспонте. — Мир между Спартой и Персией. — Анталкид на Геллеспонте. — Анталкидов мир. — Азиатские греки. — Война против Египта. — Война против Эвагора. — Отложение Глосса. — Разрушение Мантинеи. — Халкидский союз. — Начало Олинфийской войны. — Занятие Кадмеи. — Подчинение Олинфа. — Осада Флиунта. — Царь Агесилай II.

ГЛАВА VI

Возрождение демократии

159

Спарта и общественное мнение. — Афины после Анталкидова мира. — Освобождение Фив. — Клеомброт в Беотии. — Переворот в Афинах. — Поход Сфодрия. — Война между Афинами и Спартою. — Спартанские походы в Беотию. — Второй Афинский морской союз. — Реорганизация афинского флота. — Битва при Наксосе. — Тимофей в Ионическом море. — Борьба в Беотии. — Заключение мира. — Возобновление войны. — Осада Керкиры. — Процесс Тимофея. — Освобождение Керкиры. — Ификрат в Ионическом море. — Успехи фиванцев. — Мир. — Фивы исключены из мира. — Ясон Ферский. — Клеомброт в Беотии. — Эпаминонд. — Сражение при Левктрах. — Ясон в Беотии. — Убийство Ясона. — Распространение владений Фив в Средней Греции. — Демократическое движение в Пелопоннесе. — Восстание черни в Аргосе. — Объединение Аркадии. — Междоусобие в Аркадии. — Беотийцы в Пелопоннесе. — Эпаминонд перед Спартою. — Восстановление Мессении. — Заступничество Афин за Спарту. — Второй поход Эпаминонда в Пелопоннес. — Пелопид в Фессалии. — Раздоры из-за престолонаследия в Македонии. — Война против Александра Ферского. — Расцвет Аркадии. — „Бесслезная“ битва. — Переговоры о мире. — Третий поход Эпаминонда в Пелопоннес. — Революция в Ахее и Сикионе. — Афины и Спарта против Персии. — Взятие Самоса Тимофеем. — Война из-за Амфиполя. — Отложение Оропа от Афин. — Оропский процесс. — Союз между Афинами и Аркадией. — Коринф заключает мир с Фивами. — Сикион вступает в союз с Фивами. — Попытка Тимофана провозгласить себя тираном Коринфа. — Разложение Аттического морского союза. — Создание флота Эпаминондом. — Эпаминонд в Геллеспонте. — Смерть Пелопида. — Разрушение Орхомена. — Война между Элидой и Аркадией. — Раскол в Аркадском союзе. — Последний поход Эпаминонда. — Битва при Мантинее. — Мир. — Политика Эпаминонда

ГЛАВА VII
Распадение великих держав Эллады 198

Персия и Египет. — Неудача персидского нашествия. — Восстания сатрапов в Передней Азии. — Агесилай II в Египте. — Усмирение мятежных сатрапов. — Афины и Александр Ферский. — Царство одрисов. — Котий против Афин. — Война из-за Амфиполя. — Процессы стратегов. — Возвращение Эвбеи под власть Афин. — Распадение царства одрисов. — Анархия в Македонии. — Первые шаги Филиппа. — Победы над варварами. — Взятие Амфиполя. — Война с Афинами. — Война из-за Крениды. — Карийское княжество. — Мавсол. — Галикарнас. — Союзническая война. — Нападение на Хиос. — Сражение при Эмбате. — Процесс стратегов. — Харес и Артабаз. — Мир с союзниками. — Фивы и Фокида. — Причины Священной войны. — Занятие Дельф. — Победы Филомела, его смерть. — Паммен в Азии. — Тирания в Фокиде. — Первые успехи Ономарха. — Победы над Филиппом. — Ономарх на вершине своего могущества. — Республиканская оппозиция в Сиракузах. — Дион в изгнании. — Возвращение Диона в Сицилию. — Борьба в Сиракузах. — Внутренняя смута. — Взятие кремля. — Дион, тиран сиракузский. — Убийство Диона. — Каллипп, Гиппарин, Нисей. — Возвращение Дионисия. — Анархия в Сицилии. — Положение Эллады к середине IV века

ГЛАВА VIII
Экономическое развитие со времени Пелопоннесской войны 226

Век войн. — Потери. — Истребление имущества. — Афины. — Сиракузы. — Греко-италийские города. — Греческие города Малой Азии. — Греческий полуостров. — Македония. — Сельское хозяйство. — Крупная промышленность. — Торговые товарищества. — Откупщики. — Банковское дело. — Пасион. — Увеличение количества драгоценных металлов, находящихся в обращении. — Монетное дело. — Революция в области цен. — Повышение заработной

платы. — Внешний быт. — Празднества и „зрелищные деньги“. — Распределение народного богатства: Афины. — Спарта. — Перенаселение. — Наемничество. — Изгнанники. — Средства к устранению опасности

ГЛАВА IX
Литература и искусство 247

Духовная жизнь в IV веке. — Риторика. — Горгий и Фрасимах. — Лисий. — Поликрат и его школа. — Алкидам. — Исократ. — Демосфен. — Эсхин. — Гиперид. — Другие ораторы. — Диалог. — Поэзия. — Внешние условия. — Трагедия. — Комедия. — Эпос. — Элегия. — Музыка. — Артисты-исполнители. — Образовательное искусство. — Центры художественной деятельности. — Постройка храмов. — Театры. — Дворцы. — Мавсолейон. — Пластика: статуи богов. — Скопас. — Аттическая школа. — Почетные статуи. — Рельефы на гробницах. — Лисипп. — Живопись. — Фиванско-афинская школа. — Сикионская школа. — Апеллес. — Живопись на вазах. — Прочие отрасли художественной промышленности. — Реализм в искусстве

ГЛАВА X
Расцвет греческой науки 278

Этика: школа Демокрита. — Аристипп. — Антисфен и его школа. — Аристотель. — Политика Аристотеля. — Политическая история и государственное право. — Аттидографическая литература. — Историография: Ксенофонт. — Ктесий. — Филист. — Анаксимен. — Эфор. — Теопомп. — Каллисфен. — Описательное землеведение. — Научное землеведение. — Астрономия. — Математика. — Медицина. — Анатомия. — Зоология. — Ботаника. — Философия природы: Академия. — Аристотель, его жизнь. — Педагогическая деятельность. — Организация научной работы. — Логика. — Риторика. — Эстетика. — Физика. — Метафизика. — Теология. — Эсхатология. — Аристотелевская система

ГЛАВА XI
Общество и его организация 304

Распространение научного образования. — Государство и наука. — Этический прогресс. — Упадок воинственности. — Ослабление чувства общественного долга. — Патриотизм. — Гуманность. — Женщины. — Взгляд на брак. — Гетеры. — „Смешанная конституция“. — Реформы в области судопроизводства. — Законодательство. — Финансовое ведомство. — Монополии. — Повышение или преобразование косвенных налогов. — Прямые налоги. — Литургии. — Секуляризация храмовых сокровищ. — Государственные займы. — Конфискации. — Последствия финансовых затруднений. — Возрастающее значение финансовых должностей. — Выдающиеся финансисты. — Финансовая наука. — Военное дело. — Конница. — Легковооруженные войска. — Пелтасты. — Македонская фаланга. — Тактика. — Реформы Ксенофонта. — Косой боевой строй. — Соединение в атаке различных родов оружия. — Осадное искусство. — Орудия. — Фортификационное искусство. — Морская война. — Стратегия. — Кондотьеры. — Ксенофонт. — Военно-научная литература. — Политические последствия. — Монархическая идея

ГЛАВА XII
Новая северная держава 334

Северогреческие области. — Политическое устройство. — Распространение эллинской культуры. — Административные реформы. — Объединение Эпира. — Объединение Македонии. — Результаты этого процесса. — Цели македонской политики. — Филипп II. — Битва на Крокусовом поле. — Низвержение тирании в Ферах. — Филипп у Фермопил. — Война в Беотии. — Война в Пелопоннесе. — Продолжение Священной войны. — Правление Эвбула в Афинах. — Внешняя политика. — Родос, Кос и Хиос под властью Карии. — Афины и Персия. — Афины и Филипп. — Филипп во Фракии. — Олинфийская война. — Отложение Эвбеи от Афин. — Падение Олинфа. — Начало реакции в Афинах. — Демосфен.

— Истощение Афин. — Волнения в Фокиде. — Афины и Филипп желают мира. — Открытие переговоров. — Афинское посольство в Пелле. — Заключение мира. — Поход Филиппа во Фракию. — Дальнейшие переговоры в Пелле. — Ратификация мира Филиппом. — Окончание Священной войны. — Поведение Афин. — Реорганизация Фокиды. — Паника в Афинах. — Столкновение с Филиппом. — Афины уступают

ГЛАВА XIII

Объединение Греции 363

Партикуляризм. — Синойкизм. — Союзные государства. — Их конституции. — Другие формы соединения общин. — Результаты этого процесса. — Объединительное движение в духовной области. — Единый алфавит. — Идея политического единства. — Горгий. — Исократ. — Исократ и Филипп. — Македония после заключения мира. — Реорганизация Фессалии. — Влияние Филиппа в Пелопоннесе. — Отношения к Афинам. — Привлечение Эсхина к суду Демосфеном. — Процесс Тимарха. — Делосский вопрос. — Обострение отношений между Афинами и Филиппом. — Осуждение Филократа. — Процесс Эсхина. — Эвбея под македонским влиянием. — Филипп в Эпире. — Эллинский союз против Филиппа. — Покорение Фракии Филиппом. — Демосфен увлекает Афины к войне. — Насилия Диопейфа в Херсонесе. — Афины отвергают протест Филиппа. — Военные приготовления Афин. — Освобождение Эвбеи. — Демосфен терроризирует партию мира. — Осада Перинфа. — Объявление войны Афинами. — Осада Византии. — Филипп на Дунае. — Финансовые реформы Демосфена. — Продолжение войны. — Настроение в Фивах. — Амфисса против Афин. — Амфиктионова война против Амфиссы. — Афины и Фивы остаются нейтральными. — Филипп занимает Элатею. — Впечатление, произведенное этим событием в Афинах. — Фивы вступают в союз с Афинами. — Отклонение мирных предложений Филиппа. — Война в Фокиде. — Победа Филиппа при Амфиссе. — Сражение при Херонее. — Подчинение Фив. — Афины готовятся к обороне. —

Настроение в Афинах. — Демад. — Переговоры с Филиппом. — Мир. — Подчинение мелких государств. — Спарта. — Эллинский союз. — Объединение Греции. — Противодействие старых держав. — Всемирно-исторические результаты

ГЛАВА XIV

Борьба западных эллинов за свободу 401

Анархия в Сицилии. — Вмешательство Коринфа. — Поведение Карфагена. — Взятие Сиракуз Гикетасом. — Тимолеон в Сицилии. — Карфагеняне в Сиракузах. — Успехи Тимолеона. — Сражение на Кримисе. — Коалиция тиранов против Тимолеона. — Мир с Карфагеном. — Низвержение тиранов. — Реорганизация Сицилии. — Сикелионский союз. — Последние годы Тимолеона. — Бруттийцы. — Архидам III в Италии. — Александр Эпирский. — Столкновение с Тарентом. — Смерть Александра. — Могущество Тарента

ГЛАВА XV

Завоевание Азии 413

Персидская монархия в IV веке. — Персидские армии. — Внутренние смуты. — Неудачи в борьбе с Египтом. — Восстание в Сирии. — Восстание на Кипре. — Взятие Сидона. — Покорение Египта. — Филипп II и Артаксеркс III Ох. — Начало Персидской войны. — Смута из-за престолонаследия в Персии. — Начало отложения малоазиатских областей. — Разногласия в македонском царском доме. — Убийство Филиппа. — Виновники. — Престолонаследие. — Грозящее восстание. — Афины после заключения мира. — Ликург. — Финансовое ведомство. — Реорганизация военного дела. — Отношения к Филиппу. — Александр в Греции. — Заботы об упрочении престола. — Александр на Дунае. — Война в Иллирии. — Вмешательство персов в греческие дела . — Восстание Фив. — Александр под Фивами. — Взятие Фив. — Впечатление, произведенное этим событием в Греции. — Мир с Афинами. — Война в Малой Азии. — Выступление Александра в Азию.

— Переход через Геллеспонт. — Военные приготовления персов. — Сражение при Гранике. — Последствия этой битвы. — Взятие Милета. — Осада Галикарнаса. — Покорение Малой Азии. — Наступательные действия персидского флота. — Наступательные действия Дария II. — Битва при Иссе. — Впечатление, произведенное этой победою в Греции. — Окончание морской войны. — Переговоры о мире. — Новые приготовления персидского царя. — Покорение Сирии. — Осада Тира. — Александр в Египте. — Борьба в Малой Азии. — Наступление против Дария. — Сражение при Арбеле. — Взятие Вавилона и Сузы. — Война против Спарты. — Сражение при Мегалополе. — Подчинение Спарты. — Завоевание Персиды. — Завоевание Мидии. — Уничтожение персидской монархии. — Впечатление, произведенное этими событиями на современников

Научное издание

Юлиус Белох

ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В двух томах

Том 2

КОНЧАЯ АРИСТОТЕЛЕМ И ЗАВОЕВАНИЕМ АЗИИ

Подписано в печать 23.12.2008. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.- изд. л. 24,94. Тираж 500 экз. Заказ № 234. Цена договорная.

Издательство: Государственная публичная историческая библиотека России, 2008.
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.
Типография ГПИБ.
Отпечатано в ППП „Типография „Наука“
121099, Москва, Шубинский пер., 6

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РОССИИ“

Бернье Ф.История последних политических потрясений в государстве Великого Могола / Франсуа Бернье; пер. с фр. Б.Жуховецкого, М.Томара и Ю.Му-равьева; Гос. публ. ист. б-ка России. — Новое рус. изд. / со вступ. ст. и под ред. Ю.И.Семенова. — М, 2008. — 487 с. — (В помощь студенту-историку). ISBN 978-5-85209-222-9.

Франсуа Бернье (1620—1688) — французский философ, врач и путешественник, проживший в Индии почти 9 лет. В своей книге впервые показал коренное, качественное отличие общественного строя не только Индии, но и других стран Востока, где он тоже побывал (Сирия, Палестина, Египет, Аравия, Персия) от тех социальных порядков, которые существовали в Европе и в античную эпоху, и в Средние века, и в Новое время. С появлением книги Ф. Бернье было положено начало обсуждению в исторической и философской науке проблемы „азиатского“ способа производства и „восточного“ общества, которое не закончилось и до сих пор.

Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: в 2 т. / предисл. В.М.Боковой; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2008. ISBN 5-85209-210-6.

Мемуары были изданы в начале 1930-х годов Ленинградской комиссией по изучению декабристов и их времени, существовавшей при знаменитом Всесоюзном обществе бывших политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Очерки дают яркую картину декабристского движения и представляют интерес как чисто литературные памятники делая это издание библиографической редкостью. Каждый очерк снабжен комментариями и вступительной статьей видных историков-декабристоведов начала XX века.

Книга в России: в 2 ч. / под ред. В.Я.Адарюкова и А.А.Сидорова; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2008. ISBN 5-85209-207-6.

Переиздание одного из лучших обобщающих трудов, посвященного истории книги в России с древнейших времен до начала XX в. Авторам удалось соединить опыт изучения книги в предшествующие эпохи с новой методологией, ставшей основой развития книговедения в XX в. Первое издание 1924—1925 гг. стало библиографической редкостью, предметом библиофильского поиска.

Любецкий С.М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских; Московские окрестности / С.М.Любецкий; предисл. Е.Н.Савиновой; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2008. — 590 с. — (Москва и москвичи: из века в век). ISBN 5-85209-204-5.

В данное издание включены две давно уже ставшие редкими книги — исследование по истории Москвы и путеводитель по ее окрестностям. Автор этих трудов — выдающийся краевед Москвы, Сергей Михайлович Любецкий (1808/10—1881).

Немирович-Данченко В.И. По Волге: (очерки и впечатления летней поездки) / В.И.Немирович-Данченко; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2008. — 320 с. ISBN 978-5-86209-225-0.

Автор книги — старший брат знаменитого театрального режиссера, он известен в нашей стране как поэт, писатель и журналист. Многие из его книг — это записи наблюдений, которые автор вел во время своих многочисленных путешествий по России и другим странам на разных континентах. Переиздаваемые очерки содержат увлекательные рассказы о быте российской глубинки во время путешествия по Волге.

Савинков Б. Во Франции во время войны. Сентябрь 1914 — июнь 1915: в 2 ч. / Б. Савинков; вступ. ст. и коммент. Я.В.Мельничука; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2008. — 400 с. — (Вглядываясь в прошлое). ISBN 978-5-86209-200-7.

Книга известного политического деятеля, публициста, писателя представляет собой отредактированный самим автором сборник военных корреспонденций русского фронтовика-журналиста на Западном фронте в первые полтора года Первой мировой войны.

Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878—1918 /Вильгельм II; пер. с нем. Д.В.Триуса; предисл. А.В.Луначарского. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1984—1914 гг. /предисл. М.Н.Покровского. Вильгельм II: Воспоминания и мысли /Отто Бисмарк; пер. с нем. А.Н.Карасика; предисл. М.Павловича; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2007. — 640 с.

Книга представляет собой сборник из трех ранее опубликованных изданий. Освещает историю Германии и русско-германских отношений конца XIX — первого десятилетия XX вв. Издание снабжено примечаниями и именными указателями.

Военский К. Отечественная война в русской журналистике: библиогр. сб. ст., относящихся к 1812 г. / К.Военский; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2007. —161 с.

В помощь изучающим эпоху Отечественной войны 1812 г. переиздан настоящий справочный сборник. В нем нашли отражение статьи, относящиеся к 1812 г., напечатанные в журналах „Русская старина", „Древняя и новая Россия", „Исторический вестник". Переизд. книги 1906 г.

Градовский А.Д. Трудные годы. (1876—1880): очерки и опыты / А.Д.Градовский; вступ. ст. А.С.Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2007. — 440 с.

А.Д.Градовский (1841—1889) — историк, публицист, один из идеологов российского либерализма. Автор трудов по истории права и государственных уч ий России, государственного права западноевропейских стран. Предлагаемый вниманию читателей сборник включает публицистические статьи, опубликованные в журналах „Вестник Европы", „Русская речь", „Сборник государственных знаний", газете „Голос". Автор характеризует „трудные годы" в истории России, когда разразился глубокий экономический кризис эпохи Великих реформ Александра II.

Грулев М. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Ген. штаба и командира полка о Русско-японской войне / М.Грулев; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2007. — 272 с. — (Вглядываясь в прошлое).

Автор книги — генерал-майор Ген. штаба, активный участник Русско-японской войны, военный востоковед, путешественник,

публицист и переводчик. Книга написана „по горячим следам", вскоре после окончания военных действий русской армии в Маньчжурии. В своих воспоминаниях автор рисует беспристрастную картину одной из трагических страниц военной истории России.

Мартьянов П.К. Умные речи, красные слова великих и невеликих людей: в 2 ч. / собраны, записаны и изданы П.К.Мартьяновым; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2007. — 532 с.

П.К.Мартьянов (1827—1899) — поэт, прозаик и публицист, состоял на военной службе. Печатался как поэт-юморист, очеркист, сочинитель афоризмов в журналах „Искра", „Нива" и др. Предлагаемое переиздание включает до 5000 оригинальных и метких изречений различных людей, как оставивших свой след в истории, так и совсем неизвестных. В издании полностью сохранен авторский текст, изменения и уточнения и внесены лишь в „Указатель авторов".

Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. /В.И.Сергеевич; вступ. ст. Ю.И.Семенова; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2007. ISBN 5-85209-191-X.

Трехтомное издание создано крупным представителем историко-юридического направления в русской исторической науке. В нем дана целостная история Руси-России, начиная с возникновения классового общества и государства и кончая XVII в. Это история не событий, а социального строя России — стержня, сердцевины российского исторического процесса.

Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.) /Н.Дубровин; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2006. — 671 с.

Предлагаемый сборник — одна из наиболее значительных работ Н.Дубровина, включает 451 письмо. Среди авторов и адресатов император Александр I, П.И.Багратион, М.Б.Барклай-де-Толли, М.И.Кутузов и многие другие. Эта книга, дополненная библиографическим указателем книг и статей и алфавитным указателем, является ценным источником для специалистов, занимающихся военной историей, представляет интерес для всех читателей, интересующихся историей России. Переизд. книги 1882 г.

Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807—1829 гг.) /Н.Дубровин; предисл. Т.К.Мищенко; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2006. — 538 с.

Книга известного военного историка представляет большой интерес для всех занимающихся историей России. Среди авторов и адресатов писем императоры Александр I и Николай I, А.А.Аракчеев, П.И.Багратион, А.Х.Бенкендорф, герцог Веллингтон, А.Н.Голицын, Е.Ф.Канкрин, П.А.Румянцев, М.М.Сперанский и др. В издание включено 468 писем, являющихся ценнейшими источниками по истории дореволюционной России.

Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах / Р.А.Фадеев; предисл. В.А.Писаревой; Гос. публ. ист. б-ка России. — М., 2006. — 686 с.

Р.А.Фадеев (1824—1883) — военный историк, публицист, генерал-майор, герой Кавказской войны. Яркий представитель либеральной и консервативной мысли. В настоящий сборник вошли произведения, которые признаны одними из лучших исследований восточной политики России.

Уточнить цены и заказать необходимые книги в издательстве можно по тел./факсу (495) 628-43-32 или по электронной почте e-mail: mrkt@shpl.ru

Информация об изданиях на сайте www.shpl.ru

ISBN 978-5-85209-215-1

